
ИСТОРИЯ
КАЗАХСТАНА
В ЗАПАДНЫХ ИСТОЧНИКАХ
XII-XV в.в.

Серия книг по Государственной
программе «Культурное наследие»
выпускается по инициативе первого
Президента Республики Казахстан
Нурсултана НАЗАРБАЕВА

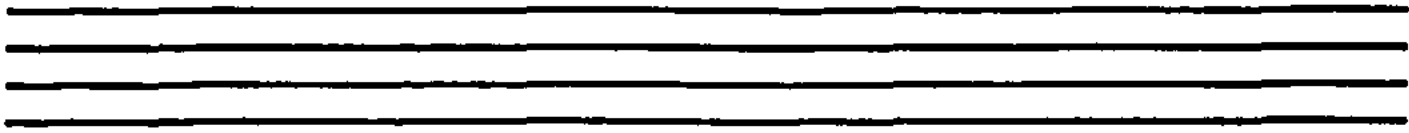
Редакционная коллегия Главной редакции
серии книг по Государственной программе
«Культурное наследие»:

Кул-Мухаммед М., председатель
Досжан А., заместитель председателя
Аскарлов А., ответственный секретарь

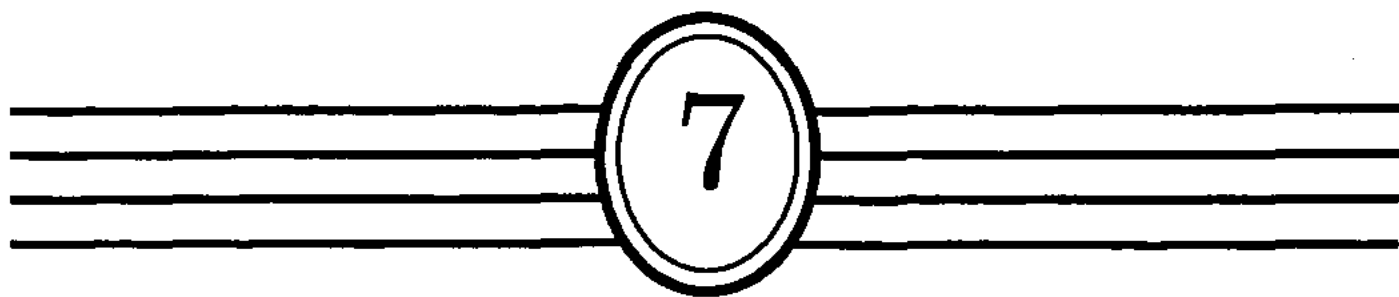
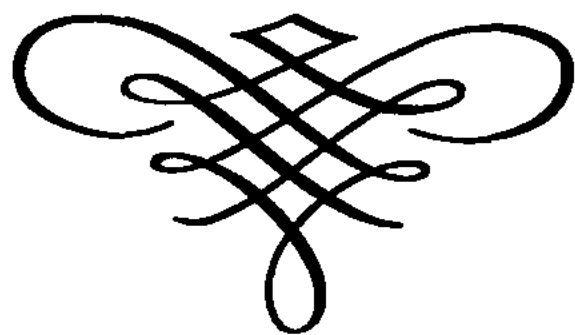
Члены общественного совета:

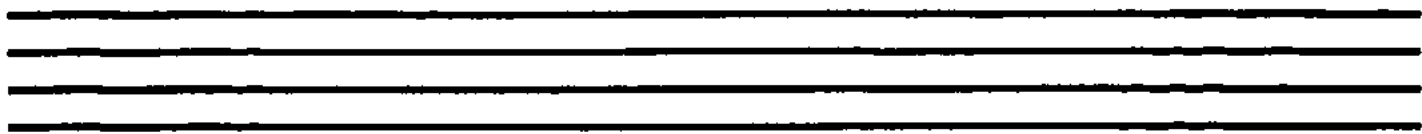
Абдрахманов С.
Аяган Б.
Абусейтова М.
Ажигали С.
Айтимова Б.
Алимбай Н.
Ауезов М.
Базылхан Н.
Байпаков К.
Биекенов К.
Доскен Г.
Ертисбаев Е.
Кенжегозин М.
Каскабасов С.
Койгелдиев М.
Нысанбаев А.
Омирбеков Б.
Салгара К.
Сариева Р.
Сейдимбек А.
Султанов К.
Таймагамбетов Ж.
Туякбаева Б.
Хусайынов К.

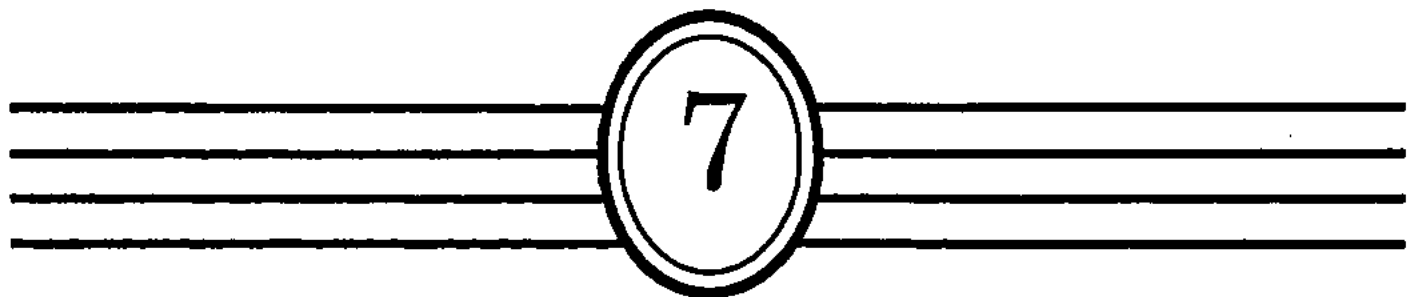
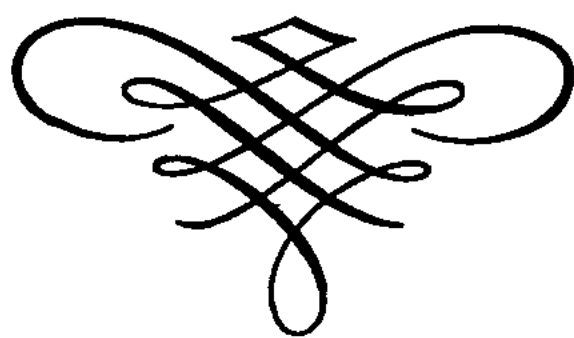

LES INVESTIGATEURS
FRANÇAIS AU
KAZAKHSTAN

ФРАНЦУЗСКИЕ
ИССЛЕДОВАТЕЛИ
В КАЗАХСТАНЕ

ББК 63.3

Ф 84

Выпущено по заказу Комитета
информации и архивов
Министерства культуры и информации
Республики Казахстан

* * *

*Председатель Общественного совета государственной
программы «Культурное наследие» Кул-Мухаммед М.А.*

*Куратор серии «История Казахстана в западных
источниках XII-XX вв.» Сужиков Б.М.*

* * *

Том VII.

Ф 84 **Французские исследователи в Казахстане.** /Пер. с фр.
О. В Рублевой /Сост. И.В.Ерофеева – Алматы: «Са-
нат», 2006. – 272 стр.

ISBN 9965-664-43-9

В новое время большую лепту в изучение истории и культуры наро-
дов Центральной Азии внесли французские путешественники и иссле-
дователи. В данной книге собраны малоизвестные даже современным
ученым-историкам переводы из работ крупных ученых-ориенталистов
Ж. де Гиня и Г-Ю. Клапрота, опубликованных во второй половине 18
– начале 19 века, а также супругов Ужфальви де Мезё Ковёзд, участво-
вавших в научной экспедиции по территории нынешнего Казахстана и
Средней Азии в конце 19 века. Названные авторы достаточно подроб-
но описывают историю, культуры, быт и природные условия обитания
народов, населявших эти регионы.

Книга адресуется широкому кругу читателей.

Ф 0503000000-09 03-06
416(05)-06

ББК 63.3

ISBN 9965-664-43-9
ISBN 9965-664-30-7

© Переводчик О. В Рублева
© Составитель И.В.Ерофеева
© Худ. оформление ТОО
Издательство “Санат”, 2006
© ТОО Издательство “Санат”, 2006.

В новое время определенную лепту в изучение истории и культуры народов Центральной Азии внесли французские путешественники и исследователи. В отличие от характера развития других западных востоковедческих школ, тесно связанных с прагматическими потребностями и интересами, путешествия французских исследователей на Средний Восток осуществлялись в этот период большей частью с научными целями, независимо от каких бы то ни было политических, коммерческих и миссионерских побуждений. Это было во многом обусловлено проведением во Франции в XVII—XVIII вв. многих модернистских преобразований в различных сферах экономики, политической жизни и культуры, а также расширением ее многосторонних связей с разными странами Востока.

Еще до появления первых переводов и исторических трудов французских ориенталистов центральноазиатская тема широко использовалась в европейских культурах в форме философского мифа, идиллических пасторалей в прозе и стихах, а также оперных либретто. Интерес к ней был значительно актуализирован широкомасштабными завоеваниями Тимура, или Тамерлана (1336—1405), которые в той или иной степени затронули Иран, Китай, Индию и оттоманскую Турцию, обратив особое внимание французских политиков и интеллектуалов на центральную часть Евразии. Уже в XVII в. в связи с проводимой Ж.Б.Кольбером (1619—1683) во Франции активной политикой в сфере внешней торговли с восточными странами в Париже в систему университетского образования (в Сорбонне и др. ун-тах) было введено преподавание восточных языков, что в немалой степени способствовало оживлению путешествий французских исследователей и миссионеров на Средний Восток. В XVII—XVIII вв. французские путешественники наиболее часто посещали Китай, Иран, Сирию, Кавказ и некоторые другие азиатские страны. Благодаря их поездкам и продолжительному пребыванию в отдельных регионах Передней и Центральной Азии, во Франции к середине XVIII в. появились солидные собрания восточных рукописей, содержащих оригинальные сведения по истории и культуре разных тюркоязычных народов этих регионов. Одним из важных результатов накопления во Франции разнообразных востоковедческих знаний явилось издание в 1697 г. в Париже так называемой «Восточной библиотеки» («Bibliothèque orientale») — первого в мире фундаментального энциклопедического словаря по истории народов Востока, подготовленного видным французским ориенталистом Барте-

леми д'Эрбело де Моленвилем (1625-1695). Впоследствии этот обширный труд трижды переиздавался в Европе (в 1776 и 1777 гг. — в Голландии и в 1781-1783 гг. — во Франции) и получил широкую известность и признание в европейском научном мире. Среди множества его статей, посвященных различным вопросам истории и исторической географии многих афроазиатских стран, несколько десятков текстов имеют непосредственное отношение к средневековой истории центральноазиатского региона, в том числе к юго-восточному и южному Казахстану. В 2003 г. сотрудниками Французского института исследований Центральной Азии во главе с его директором д-ром Винсентом Фурньо в Ташкенте был осуществлен перевод блока этих статей на русский язык и опубликован отдельным изданием¹.

В период XVII—XVIII вв. видную роль в изучении различных стран и народов Центральной Азии, а также в сборе ценнейших восточных рукописей по истории, этнографии и географии этого региона сыграла деятельность французских иезуитов в Китае, где они, как правило, проживали почти всю свою жизнь. По верному определению выдающегося российского востоковеда В.В.Бартольда, именно французским иезуитам «принадлежат главные труды по изучению литературы, географии и истории Китая, связанные с деятельностью миссии»². Важное значение имела исследовательская деятельность французских иезуитов и для познания истории, географии и культуры соседних с Китаем центральноазиатских стран, которые с давних времен находились в поле зрения китайских географов и хронистов.

Французские члены ордена иезуитов, или «Общества Иисуса Христа» («Societas Jesu»), впервые появились в Китае в конце правления династии Мин (1368-1644) и с того времени почти два столетия постоянно жили и работали в этой стране вплоть до момента полного вытеснения из нее католической миссии в начале XIX в. Первым европейским миссионером, который был допущен минским правительством в Пекин к императору Ваньли, стал глава миссии Маттео Риччи (1552-1610), позднее заслуживший исключительное уважение при императорском дворе. После него в Пекин и другие китайские города из Франции приезжали в разные годы в составе миссий следующие иезуиты: в 1659 г. — д'Орвиль, в 1681 г. — Шарль Мегрэ (1652-1730), в 1685 г. — Иоахим Бовэ (1660-1732), в 1686 г. — Жан-Франсуа Жербийон (1654-1707), Жан-Франсуа Фукэ (1665-1730), Жозеф де Пре-

¹ Центральная Азия глазами одного французского эрудита XVII-го века (отрывки). /Пер. с французского А.Акимовой. — Ташкент, 2003.

² Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. — Т.9. — М., 1977. — С.293.

мар (1666-1736), в 1698 г. — Шарль Бельвиль (1656-1730), в 1703 г. — Жозеф Анна-Мария Мориак де Малья (1669-1748), в 1709 г. — Клод Висделу (1656-1736); позднее — Кристоф Фьёри (1672-?), Антуан Гобиль (1689-1759), Жан Батист Дю Гальд (), Джузеппе Кастильоне (1688-1762), Жан-Дени д'Аттире (1702-1768), Луи-Жозеф Лефевр (1706-1783), Мишель Бенуа (1715-1774), Жак-Франсуа Дьёдонн д'Ольрэ (1723-1780), Пьер Марсиаль Сибо (1727-1781), Жан-Матье Вентавон (1733-1787), Жан-Поль Луи Колл (1735-1781), Луи-Антуан де Пуаро (1735-1813), Жан-Батист Жозеф де Граммон (1736-1812) и некоторые другие¹.

Французские миссионеры, как правило, прибывали на Восток под видом математиков, химиков, астрономов, врачей, художников и представителей прочих профессий, пользовавшихся определенным спросом в Китае. Благодаря прекрасному знанию многих восточных языков, нравов и обычаев китайцев, обширной эрудиции в самых разных науках, большой любознательности и подвижническому образу жизни, иезуиты в ряде случаев достигали высокого положения при цинском дворе и время от времени получали возможность жить и работать во многих отдаленных уголках Поднебесной империи, куда до тех пор еще ни разу не ступала нога ни одного европейца. Для достижения относительной свободы действий в инокультурной и иноконфессиональной стране они были вынуждены оказывать разные услуги цинскому правительству, неоднократно выступая в качестве создателей новых географических карт и европейского календаря, инструкторов в области военного дела, а также в роли переводчиков и дипломатов. В связи с такой широкой сферой применения своих интеллектуальных сил многие члены миссии имели более или менее свободный доступ к имперским хранилищам ценнейших восточных рукописей и плодотворно использовали эту благоприятную ситуацию для разностороннего исследования Китая и сопредельных с ним на севере центральноазиатских стран. По общему признанию современных востоковедов, работам иезуитов принадлежит одно из наиболее приоритетных мест в истории изучения Китая и прилегающих к его территории северных степных регионов. По этому поводу уже В.В. Бартольд в свое время писал, что «благодаря иезуитам появились в Европе первые сочинения о

¹ О деятельности французских иезуитов в Китае, см.: Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552-1775 гг.). — М., 2000; Pfister Louis. Notices biographiques et bibliographiques sur les jesuites de l'ancienne mission de Chine, 1552-1773. 2 vols. Shanghai, 1932; Beurdeley M. Peintres jesuites en Chine au XVIII-e siecle. Paris, 1997; Landry-Deron J. La prevue par la Chine. La "Description" de J.-B. Du Halde, jesuites, 1735. Paris, 2002.

китайском языке, первые переводы китайских литературных произведений, первые труды по истории и географии Китая, написанные на основании китайских источников»¹. Наряду с Китаем, он отметил также особый вклад иезуитов в изучение исторических материалов о среднеазиатских народах, извлеченных из китайских рукописей, которые по сей день остаются одними из наиболее ценных источников для изучения древней и средневековой истории Казахстана и Средней Азии².

Из трудов французских миссионеров, посвященных истории центральноазиатских стран, больше всего известны описание путешествия в Россию, Сирию и Грузию Филиппа Авриля (1654-1698), опубликованное в 1692 г.³, к тексту которого приложена интересная карта Сибири и Китая; сочинения по истории империи Чингисхана Антуана Гобиля (1739 г.)⁴, сборник исторических картографических материалов Цинской империи, составленный и изданный секретарем миссии Жаном-Батистом Дюгальдом в 1735 г.⁵; полный атлас географических карт империи Цинов (1737 г.), создателем которого стал видный географ и путешественник Жан-Батист Боргильтон д'Анвиль (1697-1782)⁶. Во всех этих изданиях присутствуют оригинальные материалы, имеющие прямое или косвенное отношение к истории и исторической географии северо-восточного Жетысу (Семиречья) и Присырдарьинского региона, которые до сих пор остаются почти или совсем неизвестными современной казахстанской научной общественности. Отдельные работы французских иезуитов в первой четверти XIX в. изучил и частично использовал в своем обобщающем труде о казахском народе видный российский историк А.И.Левшин (1797-1879)⁷, но со времени выхода в свет «Описания киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей» (1832 г.) материалы французских иезуитов больше ни разу практически не привлекались специалистами для исследования средневековой истории Казахстана.

Кроме трудов вышеназванных лиц, неизвестные по име-

¹ Бартольд В.В. Сочинения. Т.9. С.298.

² Там же. С.299.

³ Avril Ph. Voyages en divers Etats d'Europe et d'Asie, entrepris pour decouvrir un nouveau chemin a la Chine- Paris, 1692.

⁴ Gaubbil A. Histoire de Gentchiscan et de toute la dinastie des mongous ses successeurs, conquerans de la Chine, tiree de histoire chinoise et traduite. -Paris, 1739.

⁵ Du Halde J.-B. Description geographique, historique, chronologique, politique et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise. 4 vols. - Paris, 1735.

⁶ D'Anville J.B.V. Nouvel atlas de la Chine, de la Tartarie Chinoise et de Tibet: contenant les cartes generales et paticuliieres de ces pays...- La Haye, 1737.

⁷ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. 2-е изд. - А., 1996. - С.111-131.

нам иезуиты составили в конце XVII – начале XVIII в. в Китае оригинальную географическую карту джунгарских владений в Центральной Азии, получившую с 1734 г. широкую известность в европейской науке как «Калмыцкая карта» Рената – по имени знаменитого шведского военнопленного Иоганна Густава Рената (1682-1744), который в период с 1716 по 1733 гг. находился в джунгарском плену. В 1879 г., благодаря находке шведским ученым Г.Стринбергом копии этой карты в королевской библиотеке в Линчепинге (Linköping), удалось установить, что ее первоначальным создателем был вовсе не Ренат, а иезуиты, от которых карта попала неизвестным путем к джунгарскому хану Галдан-Цэрену (1727-1745), а последний, в свою очередь, передал ее для практического использования своему высокообразованному пленнику-шведу. И.Г.Ренат со временем несколько обработал иезуитский вариант и перевел сделанные его предшественниками надписи с монгольского письма на латинскую графику¹. В результате всех этих трудов достоянием европейской науки стал один из первостепенных источников по исторической географии казахских жузов и Джунгарского ханства, содержащий ценнейшие историко-топонимические сведения о многих важных природных и антропогенных объектах на территории северо-западного Семиречья, которые отсутствуют во всех других картографических материалах того времени.

Исследовательская деятельность французских иезуитов в Китае оказалась исключительно плодотворной для науки. За многие годы своего пребывания в этой труднодоступной стране они буквально завалили Европу разнообразной историко-этнографической информацией на центральноазиатскую тему: восточными рукописями, своими письмами, записками, докладами, переводами и научными трудами, охватившими широчайший круг истории народов Центральной Азии и их современного состояния. Собранные ими обширные сведения о Китае и его ближайших тюрко- и монголоязычных соседях частично были опубликованы иезуитскими архивистами в XVIII в. в виде огромных компилятивных сборников трудов и материалов², либо же отложились в архивах миссии в Риме, Париже, Лондо-

¹ Макшеев А.И. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 г. // Записки РГО по общей географии. Т.11. – Спб, 1888; Моисеев В.А. В джунгарском плену // Вопросы истории. 1977, №6; Волобуев В.И. Некоторые итоги реконструкции карты Джунгарии И.Рената // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 1993, №6. С.11-16; Poppe N. Penat's Kalmuck maps // *Imago mundi*. Vol. XII. Stockholm, 1955, и др.

² *Letteres edificantes et curieuses ecrite des Missions Etrangeres*. Paris, 1798; *Memoires concernants l'histoire. Les sciences, les arts, les moeurs, les usages etc. des Chinois, par les missionnaires de Peking*. 15 vols. 1776-1791; Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. С.212.

не, Мюнхене, Лиссабоне и Мадриде, где они сохранились до нашего времени¹. Эти объемные публикации и архивные собрания составили в XVIII – середине XIX вв. основную источниковую базу востоковедческих исследований французских ученых в области истории, исторической географии и этнографии стран и народов центральноазиатского региона.

На основе собранных иезуитами в Китае китайских и других восточных материалов, хранившихся в Париже, французский ученый-ориенталист Жозеф де Гинь (1721–1800) подготовил и издал в 1756–1758 гг. первый в науке фундаментальный труд в пяти томах, непосредственно посвященный истории и культуре тюркоязычных народов Центральной Азии. Для данного произведения характерен широкий охват исторических источников, освещающих разнообразные события и явления социально-политической и культурной жизни региона с начала новой эры до конца XVII – начала XVIII вв., и достаточно подробное изложение истории правления ханских «татарских» династий в различных частях его геополитического пространства. Основными объектами внимания автора здесь стали, наряду с древней гуннской державой, государства Средней Азии и Восточного Туркестана, которым уделено видное место во всех пяти томах их «Общей истории». В отличие от этих стран, описание собственно истории и этнографии Казахстана, помещенное в небольшом разделе «Ханы Ташкента, или татары Казачьей орды и каракалпаки», является весьма лаконичным по содержанию, что наглядно отражает крайне ограниченный уровень исторических знаний китайцев и европейцев того времени о кочевниках-казахах.

В сравнении с исторической жизнью Восточного Дешт-и Кипчака политическая история смежного с ним на юго-востоке средневекового Могулистана, более основательно представленная в китайских и других восточных источниках, освещена в труде Ж. де Гиня значительно глубже и полнее, что в определенной степени дополняет и уточняет данные известных персо- и тюркоязычных источников по истории юго-восточного Казахстана в XIV–XVI столетиях.

В духе типичных европоцентристских представлений своего времени Ж. де Гинь делил народы по критерию седентаризации на «культурные» – оседлые и «некультурные» – кочевые. С этой точки зрения, кочевники являлись для него в основном носителями разрушительных тенденций и культурного упадка. Исходя из данной мировоззренческой парадигмы, автор «Истории» однозначно негативно интерпретировал все резуль-

¹ Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. С.15.

таты завоевательских походов Чингисхана и его ближайших преемников, рассматривая монголов исключительно как алчных и жестоких захватчиков, причинивших огромные разрушения в завоеванных ими странах и вернувших народы этих стран к варварскому состоянию. В последующее время этот взгляд на культурно-исторические последствия монгольского нашествия в странах евразийского мира был принят не только европейской, но и российской наукой, хотя до середины XVIII столетия такого рода одномерные интерпретации татаро-монгольской темы в истории Евразии не являлись определяющими для русской историографии.

Подобно абсолютному большинству историков того времени, Ж. де Гинь проявлял наибольший интерес к истории войн и политической деятельности различных восточных государей, а также к генеалогии правивших в Центральной Азии в XIII–XVII вв. «татарских» династий и гораздо меньше уделял внимания вопросам социально-культурного развития народов этих стран. Тем не менее этнографические аспекты жизни тюркоязычного населения центральноазиатского региона нашли определенное отражение в его пятитомном исследовании, в том числе и при описании кочевников-казахов. В этом отношении особый интерес для современных ученых представляет небольшой раздел третьего тома «Истории», посвященный яицким (уральским) казакам, где Ж. де Гинь впервые в науке обратил особое внимание на роль тюркского компонента в этническом происхождении, образе жизни и социокультурном облике современных ему обитателей низовьев Яика и Яицкого городка, выделив их в особую маргинальную субкультурную группу, занимающую «пограничное» положение в языковом и культурном отношении между славянскими и тюркскими народами внутренней части Евразии. В целом же, исследование Ж. де Гиня содержит большой фактический материал о тюркоязычных народах континента и различных формах политических и культурных взаимоотношений между ними в историческом прошлом, который представляет немалую научно-познавательную ценность для изучения истории Казахстана и Средней Азии, и с этой точки зрения, данный труд заслуживает внимания современных историков.

Во второй половине XVIII – середине XIX в. французские востоковеды достигли значительных успехов в изучении многих азиатских стран, и Париж превратился в главный центр европейского востоковедения. В 1795 г. в Париже была основана Национальная школа живых восточных языков, в которой обучались дипломаты, переводчики и профессиональные исследователи. В 1821 г. там же возникло первое в истории Евразии

Географическое общество, а в следующем году — Азиатское общество, одной из основных целей которых стала координация исследовательских поисков ученых разных европейских стран в изучении восточных государств и народов. Все эти мероприятия способствовали расширению источниковой базы исследований французских ориенталистов за счет привлечения разнообразных письменных источников на арабском, персидском, турецком, китайском и монгольском языках и полевых записей новых путешествий в отдаленные азиатские страны. Наиболее наглядно данная тенденция отразилась в первой половине XIX в. в научном наследии французских историков-востоковедов Абрахама Константина д'Оссона (1740-1807), Жана-Пьера Абеля Ремюзы (1788-1832), Генриха-Юлия Клапрота (1783-1835), Пьера Амедее Эмильена Проба Жобера (1779-1847) и некоторых других исследователей центральноазиатского региона. Среди них наибольшее научно-практическое значение для развития историографии Казахстана имели работы известного востоковеда и путешественника немецкого происхождения Г.-Ю. Клапрота, опубликованные в изданиях парижских Географического и Азиатского обществ в 1825-1826 гг.

Генрих-Юлий (Юлиус) Клапрот родился в Берлине в 1783 г. в семье известного химика Мартина Клапрота. Уже с юношеских лет он начал интересоваться востоковедением и прилежно занимался изучением китайского языка. Высшее образование получил в университете в Халле по специальности «классическая филология», а после получения диплома в 1804 г. принял приглашение Петербургской Академии наук занять в ней должность адъюнкта восточного языка и словесности.

В этой должности он почти семь лет работал в России, затем в 1811 г. переехал в Берлин, а через несколько лет — в Париж, где и умер в 1835 г. В 1805-1806 г. Г.-Ю. Клапрот совершил продолжительное путешествие по южным районам Западной и Восточной Сибири в составе посольства Ю.А. Головкина, направлявшегося в Китай. В ходе этой поездки он собрал лингвистические, этнографические и географические материалы, которые позднее широко использовал в своих трудах. Перу Г.-Ю. Клапрота принадлежит ряд научных статей, посвященных разным вопросам истории, этнографии, лексикологии и источниковедения Центральной Азии, в которых определенное внимание уделено и казахскому народу.

В 1825 г. в журнале «*Journal Asiatique*» он опубликовал специальную статью о казахском языке с приложением казахско-французского словаря, состоящего из 400 слов. Научное значение этой работы состоит, главным образом, в том, что она

является одним из первых исследований в области сравнительного языкознания. Кроме того, здесь приведены отдельные лаконичные замечания этнографического характера о казахах, наглядно характеризующие уровень европейских представлений того времени о тюркоязычных кочевниках региона и типичные для них заблуждения и ошибки по поводу этнического происхождения казахского народа (гипотеза о енисейских кыргызах как предках казахов).

Во второй половине XIX в. новые достижения французского востоковедения в изучении Центральной Азии были тесно связаны с проведением самостоятельных полевых исследований европейских ученых на территории Казахстана и среднеазиатских стран. Одной из наиболее важных поездок этого периода в далекие казахстанские степи явилась научная экспедиция профессора угрофинских языков и географии азиатских стран Парижской школы восточных языков Ш.-Е. Ужфальви де Мезё-Ковёзда и его супруги Мари Ужфальви по Семиречью и русскому Туркестану, осуществленная по заданию Министерства народного просвещения Франции в 1876-1877 гг. Результаты экспедиционных работ, проведенных супругами Ужфальви, были представлены ими в шеститомном издании под названием «Научная французская экспедиция в Россию, Сибирь и Туркестан», в одном из томов которого дано подробное историко-этнографическое описание обследованных французами районов Жетысу, Южного Казахстана и смежных с ними областей Средней Азии.

Автор этого труда — Шарль-Евгений Ужфальви де Мезё-Ковёзд (1842-1904) — венгр по происхождению, родился в Вене в 1842 г. Он с юности проявлял интерес к изучению финно-угорских языков и, обучаясь в университете, специализировался в области языкознания. В 1871 г. Ш.-Е. Ужфальви получил в Париже вакансию профессора германских языков в лицее Генриха IV. Здесь он занимался изучением филологии, проявляя при этом большой интерес к новой для европейской науки того времени антропологии¹. В 1876 г. по заданию Министерства народного просвещения ученый вместе со своей супругой отправился через Оренбург в научную экспедицию по казахским землям и Средней Азии, в течение которой ему удалось за почти два года путешествий посетить Семиречье и оседло-земледельческие районы в бассейне Сырдарьи, в том числе северо-восточное Приаралье и города Туркестан, Чимкент, Ташкент и Самарканд. Во время

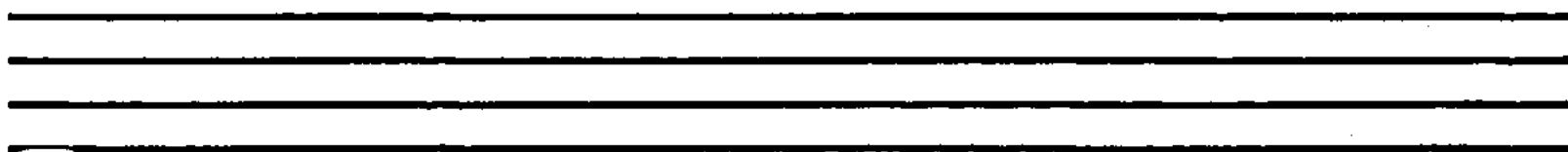
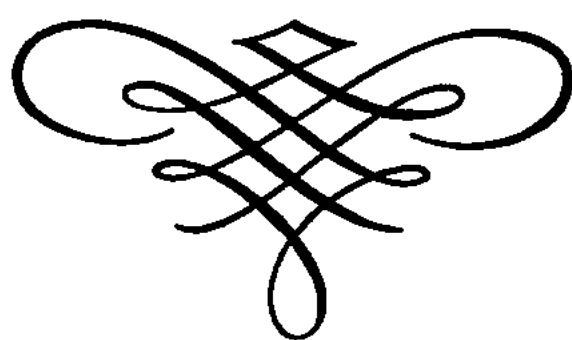
¹ Краткую биографию Ш. Ужфальви и библиографию его трудов см.: Gogshenina S. *Explorateurs en Asie Centrale. Voyageurs et aventuriers de Marco Polo a Ella Maillart.* — Geneve, 2003. P.271-278!

экспедиции Ш.-Е.Ужфальви и его жена М.Ужфальви записывали свои наблюдения за жизнью и бытом местного населения, производили фотографическую съемку посещенных мест и изучали в библиотеках Оренбурга и Ташкента российские издания, посвященные истории и культуре казахов.

На основе собранных полевых и документальных материалов Ш.-Е.Ужфальви подготовил и опубликовал в 1879 г. специальный труд по этнографии и антропологии южных регионов Казахстана и Средней Азии. В нем содержатся емкие характеристики современных автору жизни и быта кочевого и оседлого населения Южного Казахстана и Жетысу, высказаны интересные суждения о типичных признаках внешнего облика кочевников-степняков, сартов и узбеков; даны колоритные и яркие описания увиденных присырдарьинских городов и их основных культурных достопримечательностей. В этом отношении заслуживает особого внимания замечательное по форме и детальному характеру изложения описание европейским путешественником развалин Жанкента в устье Сырдарьи и знаменитой мечети Ходжа-Ахмета Яссауи в Туркестане, которые во многом дополняют и уточняют свидетельства русских авторов об этих выдающихся памятниках средневековой восточной архитектуры. Информация аналогичного содержания приведена и в отдельной самостоятельной работе Мари Ужфальви, посвященной ее совместному с мужем путешествию по Семиречью и Туркестану, в которой автор попыталась выразить свои непосредственные путевые впечатления о впервые увиденном малоизвестном крае. Оба историко-этнографических труда, несмотря на присущие им отдельные недостатки и компилятивный характер некоторых сведений об экономике и культуре полиэтнического населения центральноазиатского региона, внесли определенный вклад в разностороннее изучение казахских земель и казахов, и, благодаря наличию в них большого количества оригинальных характеристик культурной жизни народов далеких азиатских окраин дореволюционной России и важных этнографических деталей, представляют собой ценные источники по истории и этнографии южного и юго-восточного Казахстана.

Думается, что издание русских переводов крупных фрагментов всех вышерассмотренных трудов французских ориенталистов XVIII—XIX вв. позволит казахстанской гуманитарной общественности ближе познакомиться с наиболее интересными произведениями французской классической востоковедческой школы и приобрести новые полезные знания по истории и историографии дореволюционного Казахстана.

ОБЩАЯ ИСТОРИЯ
ГУННОВ, ТЮРКОВ,
МОНГОЛОВ И ДРУГИХ
ЗАПАДНЫХ ТАРТАР

Общая история гуннов, тюрков, монголов и других западных тартар во времена до нашей эры и нашей эры до наших дней, снабженная введением с хронологическими таблицами и историографией принцев, царствовавших в Азии. Произведение Господина Ж. де-ГИНЯ из Королевской Академии научных трудов и изящной словесности, Королевского цензора и Королевского переводчика с восточных языков, Члена Лондонского Королевского общества, сделанное на основе китайских книг и восточных манускриптов из Королевской библиотеки.

Deguignes J. Histoire generale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux. 5 vol. v. 1. p. 1 – Paris. 1756. p. V-XXIV; v.3. – Paris. 1757. p. 1-137, 309-337, 431-518, 539-542.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой работе я поставил своей задачей представить историю почти неизвестной нации, которая устанавливала в различные времена мощные монархии в Азии, в Европе и в Африке. Гунны, которые впоследствии носили имя тюрков, уроженцы местности, расположенной на севере Китая между реками Иртыш и Амур, шаг за шагом завладели всей огромной Тартарией. С 200 года до н.э. многие королевские фамилии последовательно царствовали на этих обширных землях; существовали империи, занимавшие более значительные пространства, чем Римская империя, знаменитые императоры, законодатели и завоеватели, положившие начало значительным революционным преобразованиям. Мы имеем лишь смутное представление обо всех этих событиях. Народы Туркестана рассматривались как варвары, которые ярко проявили себя лишь в эпоху Чингисхана.

Это часть всеобщей истории, которая заслуживает нашего особого внимания в связи с тем, что тюрки способствовали развалу Римской империи, опустошили Францию, Италию, Германию и другие страны Северной Европы, обратили в руины Империю халифов, владели Святой Землей; наконец, часто вступали в конфликты с франками. Я полагаю, что работа, посвященная происхождению народа, столь известного на протяжении более 2 000 лет, будет настолько же интересна публике, насколько для нее интересна и притягательна история других иностранных народов. Поле исследований обширно и не возделано. До настоящего времени у нас не было ни одного по-

следовательного и объемного труда о гуннах. Я нашел об этом лишь разбросанные фразы в невероятном количестве томов, которые нужно было объединить и подвергнуть сравнению. Я далек от распространенного в наше время мнения, что происхождение и история тюрков заслуживают внимания не более, чем изучение волков и тигров в их краях. Люди повсюду одинаковы, и часто такое предвзятое мнение грубо принижает их, в то время как в действительности они менее порочны, более искренни, более склонны к прямоте и доброй воле и, возможно, в целом обладают более солидными добродетелями. Эти размышления, на которые постоянно наводит чтение истории, способны ранить наше самолюбие и опрокинуть наши тщеславные и лестные представления о самих себе. Мы совсем не похожи на греков или римлян; мы восхищаемся их прекрасными деяниями; мы осуждаем их недостатки. Именно с этих же позиций мы должны подходить ко всем другим нациям.

Восточные языки, столь необходимые в осуществлении такой работы, какую я предпринял, совершенно недостаточно изучены. Среди тех, кто трудится в этой сфере, одни сосредоточились лишь на грамматике или ограничились несколькими переводами писателей, часто не пользующихся признанием на Востоке, другие, в стремлении запомнить как можно больше значений и терминов, кажется, пренебрегли определенными понятиями и забыли, что главная цель при изучении языков — это чтение основных произведений, созданных нациями, как для собственного образования, так и для просвещения публики.

Если те, кому доступны книги восточных авторов, не ставили перед собой задачу представить нам историю Востока, то как же много тех, кто, будучи лишен такой возможности, не оставляли попыток создать такой труд. Но их усилия тщетны; они всегда представляют лишь один единственный персонаж под разными масками, да еще при этом с новыми искажениями.

Королевская библиотека, постоянно пополняющаяся новыми изданиями благодаря усилиям г-на Биньона, заботам аббата Салье и г-на Мело, которые неустанно следят за этим ценным пополнением, располагает всеми самыми интересными трудами восточных авторов : турок, арабов, персов и китайцев. В ее фондах имеются, в частности, китайские подлинники самых почитаемых произведений. Мы обязаны своими первыми представлениями о языке этих народов покровительству Людовика Великого словесности и ее развитию. Во время его царствования китаец по имени Хоам-ге прибыл во Францию. Г-н Аббе Биньон закрепил его за библиотекой Его Королевского Величества. Под покровительством этого защитника наук мо-

Общая история гуннов, тюрков, монголов и других западных тартар во времена до нашей эры и нашей эры до наших дней, снабженная введением с хронологическими таблицами и историографией принцев, царствовавших в Азии. Произведение Господина Ж. де-ГИНЯ из Королевской Академии научных трудов и изящной словесности, Королевского цензора и Королевского переводчика с восточных языков, Члена Лондонского Королевского общества, сделанное на основе китайских книг и восточных манускриптов из Королевской библиотеки.

Deguignes J. Histoire generale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux. 5 vol. v. 1. p. 1 – Paris. 1756. p. V-XXIV; v.3. – Paris. 1757. p. 1-137, 309-337, 431-518, 539-542.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой работе я поставил своей задачей представить историю почти неизвестной нации, которая устанавливала в различные времена мощные монархии в Азии, в Европе и в Африке. Гунны, которые впоследствии носили имя тюрков, уроженцы местности, расположенной на севере Китая между реками Иртыш и Амур, шаг за шагом завладели всей огромной Тартарией. С 200 года до н.э. многие королевские фамилии последовательно царствовали на этих обширных землях; существовали империи, занимавшие более значительные пространства, чем Римская империя, знаменитые императоры, законодатели и завоеватели, положившие начало значительным революционным преобразованиям. Мы имеем лишь смутное представление обо всех этих событиях. Народы Туркестана рассматривались как варвары, которые ярко проявили себя лишь в эпоху Чингисхана.

Это часть всеобщей истории, которая заслуживает нашего особого внимания в связи с тем, что тюрки способствовали развалу Римской империи, опустошили Францию, Италию, Германию и другие страны Северной Европы, обратили в руины Империю халифов, владели Святой Землей; наконец, часто вступали в конфликты с франками. Я полагаю, что работа, посвященная происхождению народа, столь известного на протяжении более 2 000 лет, будет настолько же интересна публике, насколько для нее интересна и притягательна история других иностранных народов. Поле исследований обширно и не возделано. До настоящего времени у нас не было ни одного по-

следовательного и объемного труда о гуннах. Я нашел об этом лишь разбросанные фразы в невероятном количестве томов, которые нужно было объединить и подвергнуть сравнению. Я далек от распространенного в наше время мнения, что происхождение и история тюрков заслуживают внимания не более, чем изучение волков и тигров в их краях. Люди повсюду одинаковы, и часто такое предвзятое мнение грубо принижает их, в то время как в действительности они менее порочны, более искренни, более склонны к прямоте и доброй воле и, возможно, в целом обладают более солидными добродетелями. Эти размышления, на которые постоянно наводит чтение истории, способны ранить наше самолюбие и опрокинуть наши тщеславные и лестные представления о самих себе. Мы совсем не похожи на греков или римлян; мы восхищаемся их прекрасными деяниями; мы осуждаем их недостатки. Именно с этих же позиций мы должны подходить ко всем другим нациям.

Восточные языки, столь необходимые в осуществлении такой работы, какую я предпринял, совершенно недостаточно изучены. Среди тех, кто трудится в этой сфере, одни сосредоточились лишь на грамматике или ограничились несколькими переводами писателей, часто не пользующихся признанием на Востоке, другие, в стремлении запомнить как можно больше значений и терминов, кажется, пренебрегли определенными понятиями и забыли, что главная цель при изучении языков — это чтение основных произведений, созданных нациями, как для собственного образования, так и для просвещения публики.

Если те, кому доступны книги восточных авторов, не ставили перед собой задачу представить нам историю Востока, то как же много тех, кто, будучи лишен такой возможности, не оставляли попыток создать такой труд. Но их усилия тщетны; они всегда представляют лишь один единственный персонаж под разными масками, да еще при этом с новыми искажениями.

Королевская библиотека, постоянно пополняющаяся новыми изданиями благодаря усилиям г-на Биньона, заботам аббата Салье и г-на Мело, которые неустанно следят за этим ценным пополнением, располагает всеми самыми интересными трудами восточных авторов : турок, арабов, персов и китайцев. В ее фондах имеются, в частности, китайские подлинники самых почитаемых произведений. Мы обязаны своими первыми представлениями о языке этих народов покровительству Людовика Великого словесности и ее развитию. Во время его царствования китаец по имени Хоам-ге прибыл во Францию. Г-н Аббе Биньон закрепил его за библиотекой Его Королевского Величества. Под покровительством этого защитника наук мо-

лодой иностранец занялся составлением мемуаров, которые смерть помешала завершить. Г-ну Фермону-старшему, чья обширная эрудиция и редкий дар классификации языков по их основным свойствам столь хорошо известны, было поручено изучить бумаги Хоам-ге. В результате исключительно скрупулезной работы ему удалось составить грамматику и словарь. С целью содействия этому новому виду исследований и в стремлении сделать более плодотворным этот источник знаний в библиотеку была доставлена крупная партия китайских книг. Людовик XV, известный не меньшим рвением, чем его знаменитый предшественник, продолжал покровительствовать китайской литературе. По его указанию были отгравированы более ста двадцати тысяч китайских иероглифов, предназначенных для печатания грамматики и словаря. Под руководством г-на Фермона я занялся изучением восточных языков, в частности, китайского. После смерти великого ученого я имел честь попасть в Королевскую библиотеку для выполнения той же задачи. Как следствие, я счел своим долгом сделать доступным для своих соотечественников все это множество китайских книг, привезенных во Францию, и проинформировать публику об их содержании. Сегодня я представляю результат своих исследований: если он и не соответствует тем надеждам, которые возлагал на меня Его Величество, он, по крайней мере, покажет мое усердие и тот факт, что китайская литература, какой бы далекой она нам не казалась, может стать очень полезной, и что она достойна того покровительства Людовика XIV и Людовика XV, которое они ей всегда оказывали.

Чтение книг, написанных на этом языке, позволило увидеть свет историческому исследованию, посвященному происхождению гуннов, которое я опубликовал много лет назад. В то время моей задачей было представить некоторые научные рассуждения на эту тему. Погрузившись в тему, я внимательно исследовал труды китайских историков. Вместе с ними я следовал за тюрками во всех их походах, я проследил их миграционные пути к западным странам. Далее, когда они начали ускользать от внимания китайцев вследствие слишком большой удаленности, я прибег к помощи арабских историков. Тот обширный материал, который я почерпнул, соединив эти два мощных источника, натолкнул меня на мысль создать общую историю тюрков. Посвятив исследованиям ряд лет, я смог составить обширный сборник материалов на эту тему. В нем я представил великие завоевания этих народов, их присутствие в Азии, Европе и Африке, историографию их принцев, их нравы, их религию, их торговлю с соседними народами; в нем я

даю самые точные, насколько это возможно, сведения о тех странах, в которых они жили.

Тюрки настолько распространились, что их история оказалась связанной с историей почти всех народов, поэтому она интересна этим народам. Китайцы, индусы, персы и арабы в Азии, греки, римляне, французы, поляки, венгры и русские в Европе часто воевали с тюрками. Я не говорю, что речь идет о тех тюрках, которые в настоящее время входят в состав Османской империи, я говорю о тех древних тюрках, или гуннах, которые в разное время обосновались почти во всех указанных регионах. Наиболее подробное изложение позволит нам лучше понять ситуацию.

На юге Империя гуннов в Тартарии прилегала к Китайской империи. Почти непрерывные войны, которые вели между собой эти народы, заставляли китайцев много говорить о гуннах. Именно в китайской истории мы находим самые подробные сведения о происхождении первой империи варваров, точную последовательность династий ее правителей, описание Тартарии со времен начала нашей эры до наших дней. Мы прослеживаем путь гуннов к северной части Каспийского моря и в Сибирь, чтобы там обосноваться и отправиться затем к римлянам. Благодаря систематизированному изучению трудов многих писателей, таких, как Се-ма-куанг, Чу-хи, Ма-тюон-лин, и летописцев императорских династий, вошедших в сборник, озаглавленный «*Les vingt-un Historiens*» («Двадцать один историк»), удалось составить детализированную историю гуннов и их различных орд и племен.

Если, с одной стороны, мы обязаны своими открытиями китайским хроникам, то с другой стороны, наши исследования будут для них не менее полезны: мы прольем свет на многие темные пятна их истории и облегчим им восприятие иностранцев, в отношении которых они сами часто заблуждаются. Связи, которые имели гунны с восточными тартарами, обязывают меня дать историческое описание последних, составить списки их правителей и указать их происхождение в тех случаях, когда этого требует история тюрков.

Во время царствования императора Валенсия гунны под предводительством Атиллы уходят от границ Китая и перемещаются в Европу, которую они разрушают. Это создает необходимость осветить часть истории поздней Империи и особенно проследить происхождение некоторых варварских народов, насколько позволят источники, избегая произвольных предположений и догадок. Трудов греческих историков недостаточно для получения знаний в этой области, однако

их сопоставление с работами китайских коллег проливает свет на многие моменты происхождения, остававшиеся полностью или частично неизученными; даже дороги, которыми следовали варвары, становятся нам известны: мы их прослеживаем, начиная от глубин Тартарии и севера Китая, до Паннонии и Франции. Нам становятся известны причины нашествий; мы видим, как народы, проживавшие к востоку от Иртыша в горах Алтая, ведут переговоры с римлянами, которые даже направляют к ним своих послов, как они объединяются с тюркскими ханами против персидских королей из династии Сассанидов. Договор посольств, представленный императором Константином Порфирогенетом и являющийся ценным документом из этого большого сборника, при помощи китайцев перестает быть туманным.

Возможно, вызовет удивление тот факт, что я не привлек труды венгерских историков в отношении нашествия гуннов под предводительством Атиллы. Венгры, считающие себя потомками гуннов, входят в мельчайшие детали перехода, нашествия, завоеваний этих народов и преподносят нам тысячу частных деталей, которые мы больше нигде не встретим. В основном поэтому я их отбросил; сведения, мало согласующиеся с греческими и римскими историческими источниками, присутствие грубых анахронизмов и откровенных выдумок не оставляют сомнений в отношении точности всего остального. Все детали, которые они для нас сохранили, кажутся мне элементами романа и, следовательно, не могут найти отражение в работе, главной задачей которой была правдивость. В качестве примера и для того, чтобы показать, что мое суждение не случайно, приведу следующее : их стремление поднять Атиллу на вершину славы заставляет их вообразить поход правителя в Испанию, где он побеждает султана, в то время как этот титул даже арабам тогда не был известен. Таким образом, я разделяю мнение господина ле Нэн де Тиймона в отношении этих историков : мы не сочли возможным тратить такую ценную вещь, как время, на поиск каких-то фактов или некоторых непроверенных частных сведений среди заведомо ложных или выдуманных историй. То, что мы читаем у греческих и римских историков, пусть это всего лишь фрагменты, предпочтительнее детализированных описаний венгерских историков.

После первых гуннов появились другие, со стороны Персии, которые обосновались в Икониуме, откуда они совершали частые набеги на земли греческой империи. Для описания истории этих тюрков пришлось изучить труды всех арабских историков, упоминавших о них, но мой труд оказался бы не-

полным без привлечения обширных и великолепных исторических материалов из Византии. Я даю описание тех трудностей, с которыми столкнулся при работе с греческими источниками, я восстанавливаю искаженные имена, я даю сведения о магометанских семьях и государствах, о которых греки рассказывают весьма неудовлетворительно.

С той же тщательностью я отнесся к поиску происхождения османских тюрков, потомков тюрков из Икониума. Стремясь избавиться от ошибок, допущенных Шалькондилем, тюркскими историками и принцем Кантимиром, который их же переписал, я черпаю сведения у авторов, живших в более близкие к описываемым событиям времена, более объективных и более образованных, чем тюрки, у которых отсутствует история первых веков их монархии. Современные греческие писатели, такие, как Нисефор Грегорас, Жорж Акрополитес, Пашимер и другие, не могут примириться с турками, однако эти греки не отклоняются от правды и находятся в полном согласии с арабскими историками, так же, как и с историками из соседних стран. Принц Кантимир поплатился за то, что слишком скрупулезно следовал этим писателям, и сотворил немало басен в опубликованной им истории тюрков: у него встречаются серьезные анахронизмы и ремарки, которые часто оказываются маловразумительными, а иногда и ложными. Его вдохновители его обманули. Большая часть его заблуждений будет представлена в этих записках.

Представленное мною исследование осветит в не меньшей степени историю персов и арабов. После знакомства с теми турками, которые развеяли мощь халифов и ограничили их влияние ролью религиозных лидеров, история этих императоров, правивших мусульманами, станет более полной, чем это было до сих пор. Нам придется часто говорить о халифах. Все страны, от Мавераннахара до Египта и Константинополя, были полны тюрок магометан. Нет лучшего источника для изучения истории такого большого числа отдельных монархий, как труды арабских писателей. Так, я перевел большую часть Всеобщей истории знаменитого Абулфедха, исторические труды Бен-Шунаха, Диарбекри, Сойутхи, Маракеша и многих других. Одним словом, все, что могло представлять интерес в арабских манускриптах, находящихся в Королевской библиотеке, послужило основой для этой работы.

В этой части моей работы весьма полезной была для меня и Восточная библиотека исследователя господина д'Эрбело. Это самый значительный труд по восточной литературе. К большому сожалению, преждевременная смерть автора не позволила

ему довести его до конца и опубликовать самому. Он несомненно сам исправил бы те ошибки, которые мы обнаружили. Он смог бы расширить свой труд и сделал бы важное дополнение, я хочу сказать, отметил бы определенную узость арабских историков. Господин Эрбело консультировал меня по этому вопросу и отмечал, что, за исключением очень немногих, персы были мало информированы о событиях в Египте и Сирии и даже сочиняли небылицы. Именно поэтому мы не находим никаких точных и детальных сведений о султанах Икониума, Египта, Дамаска и Алепа.

Кроме набегов гуннов на Францию, та часть истории, в которой говорится о крестовых походах, должна вызывать у французов особый интерес. Писатели, которые сохранили ее для нас, жили в те времена, когда знания отсутствовали, и они наполнили вымыслом свои труды. Именно поэтому многие ученые испытывают презрение к историкам. Не составит труда их реабилитировать и показать, что они, за исключением отдельных легко допустимых обстоятельств, не противоречат арабам. История тюрков предоставит доказательства тому, о чем я говорю заранее. Заметим, что именно с этими народами европейские правители вступали в конфликты. Следовательно, нам будет необходимо изложить значительную часть истории крестовых походов. Я отнесся с большим вниманием к трудам наших древних историков, таких, как Гийом де Тир, Жак де Витри, Альбер д'Экс и других, писавших на эту тему. Я сравниваю их с трудами арабов, так как некоторые из них были их современниками. Результатом этого сравнения становится обнаружение у последних более точных деталей, чем те, что мы находим у наших историков. Я исправлю все эти иностранные имена, которые мы узнаем с большим трудом. Я расскажу о победах Годфруа де Буйона, графа Тулузского, Боэмона, Танкреда, о крестовых походах немцев и ламбардцев, о войнах, которые они вели против сельджукидов из Икониума и тюрков из Сирии. Я изложу сведения о нашествии знаменитого Баркаб-хана и харифменцев, об их опустошительных набегах на Сирию и Палестину, которые заставили Святого Людовика отправиться на Святую землю. Я расскажу о поражении этого правителя в Манфуре, пленении в Египте и о полном разгроме мамелюками сирийских французов. Труды Сира Жуэнвиля, нескольких французских историков и множества арабских писателей послужили мне основой для этого рассказа. Помимо этого, я сообщу о послах, отправленных Святым Людовиком в Тартарию, и о связях монгольских ханов с французами.

В этом месте читатель заметит слабость аргументов, выдвиг-

гаемых ученым автором против труда Сира Жуэнвиля, который пытаются отнести к романам XV века. Вопреки действительности считается, что в те времена в Египте тюрков не было вообще. Во времена Святого Людовика тюркские мамелюки уже встали во главе правительства, хотя потомок Селах-хана еще находился на троне. Жуэнвиль в этом месте очень точен и полностью соответствует сведениям, которые мы находим у Абулведха, Бен-Шунаха и других арабских писателей.

Наконец, русские, поляки и венгры обратят особое внимание на те народы, которые часто одерживали над ними победы. История кипчакских ханов будет изложена здесь во всех подробностях. Я проследил ее, с одной стороны, по произведениям магометанских писателей и писателей Севера, которые нам хорошо известны, с другой стороны, по русским летописям, озаглавленным «Степенная Книга». Эти летописи, написанные по-русски, пользующиеся большим уважением в стране, до сих пор находятся в рукописях. Господин Лиль во время своего пребывания в Петербурге заказал обширную выписку из них и передал ее мне с правом использования. Я взял из этого источника все, о чем я говорю, в частности, о России, великие князья которой так долго находились на службе у тартаров (варваров). Я даю новый список этих великих князей и показываю, что те, которые были опубликованы ранее, весьма неточны. Подробности походов тартаров к Балтийскому морю, в Литву, в Польшу и Венгрию сделают эту часть истории кипчакских ханов особенно интересной для северных народов. Подстегнуть любознательность венгров сможет тот факт, что я привожу результаты своих исследований относительно их происхождения, их обоснования в Панонии, а также рассказываю о первых веках их истории. За кипчакскими ханами следуют крымские, в этой части я суммирую все, что смог собрать о Казанском и Астраханском царствах, которые возникли в результате раскола Кипчакской империи.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о масштабе этого труда, который касается истории большей части народов Азии и Европы, особенно римлян, греков и франков. Что касается системы, которой я придерживался, то каждая книга содержит историю одной династии: я представил их в хронологическом порядке, и если мне случалось отойти от этого правила, то только потому, что я считал невозможным разделить две семьи, которые наследовали друг другу в одной стране и были слишком тесно связаны между собой для того, чтобы их можно было разъединить.

Поскольку часто бывает необходимо исследовать критиче-

ски некоторые важные события истории, по которым у историков нет единого мнения, я делал специальные ремарки в сносках в конце страницы : я отмечал там все расхождения, с которыми сталкивался у разных авторов; таким способом я избежал включения в текст этой работы отрывков на восточных языках. Это могло лишь отпугнуть большую часть читателей. К этим замечаниям я добавляю обязательные ссылки на все источники, упоминаемые в работе. Я отметил всех писателей, у которых нашел отражение событий, излагаемых мною, для того чтобы все, кто знаком с восточными языками, могли воспользоваться источниками.

Всегда выступая против субъективизма и стилистической аффектации авторов, я льщу себя сознанием того, что взял у них для изложения на этих страницах только точные сведения; чтобы установить правду и сделать мое повествование интересным, я использовал все возможности. Сухость у одних, напыщенность у других и фрагментарность у всех — это то, чего я стремился избежать.

Надеюсь, что не вызову раздражение, если охарактеризую в нескольких словах этих историков. Как правило, китаец пишет для формирования сознания, для того, чтобы показать взаимные обязанности суверена и его подданных, для внушения любви к родине. У араба нет иной цели, кроме изложения фактов. В весьма живой манере он затягивает повествование и не вызывает интереса. Оба отличаются сухостью изложения. Метод, присущий китайцам, заставляет их освобождать историю от всего ее основного декора. У императора своя история, у военачальника — своя, у писателя — своя. Все эти части, представленные отдельно, становятся сухими и скучными, а ведь если их объединить, они легко воспринимаются. Но китаец стремится быть полезным, а не нравиться. Он избегает тех красивых описаний и интересных эпизодов, которые мы находим у греческих и римских авторов. Он дает фактическое описание, использует минимум слов и тщательно отмечает время. Араб, напротив, то выступает лишь в роли хронографа, — он достаточно тщательно соотносит каждое событие с годом, месяцем и даже часто с днем, в который оно произошло, — такова «Общая история», то становится оратором, и тогда ему для рассказа с трудом хватает двух страниц там, где можно было обойтись несколькими строками: он пользуется лишь высокопарными выражениями, высоким стилем, длинными размеренными фразами, однообразные ритмические окончания которых могут служить точками и разделять смысловые синтагмы. Он предаётся своей страсти, он уже пишет сатиру или оду. Этим особенно

грешат описания частных историй. Этот же панегирический и декламаторский стиль присущ и большинству греческих историков из Византии, а также летописцам крестовых походов, которые оказывались к тому же несведущими, легковерными и суеверными. Китаец полностью правдив лишь при описании своего народа, и частично — при описании иностранцев, которых он слишком презирает и недостаточно знает.

История большинства восточных народов столь тесно связана с историей гуннов и тартаров, что я был бы вынужден постоянно давать в сносках многие хронологические таблицы правителей, находившихся во главе государств, захваченных или пересеченных гуннами. Таблицы всех этих династий, разбросанные по всей достаточно объемной книге, оказываются полезными лишь в том месте, куда они помещены. Мне кажется, я сделал мой труд более практичным, объединив их все в одном томе, где они составили сводную таблицу общей истории Азии. Следуя своему плану, я внес туда многие таблицы, которые в определенной степени чужеродны данному исследованию, но которые были необходимы для показа непрерывности наследования престола правителями одной династии в одной и той же империи. Я разделил этот том на части таким образом, чтобы они могли восприниматься как отдельные работы по народам, и я прослеживаю каждый из этих народов через все страны, где он обосновывался. Таким образом, когда один из народов Тартарии захватывал Китай, я указываю вслед за китайскими династиями, то место, которое эта тартарская династия должна занимать, и отсылаю за подробностями и хронологией правителей к статье о Тартарии. Таким путем удастся окинуть одним взглядом как территориальную протяженность, так и разбросанность в расселении народов. Я начал с Китайской империи, как с самой древней. От нее я перешел к корейским, японским, тибетским, индийским, тартарским, арабским и персидским династиям. Я счел возможным опустить мелкие греческие и иные царства Малой Азии, в отношении временной продолжительности которых наши хронографы различны во мнениях. Сведения о них можно найти во множестве книг, которые всем доступны. Однако я не пропустил ничего, что связано с пребыванием франков в Сирии, и с тем, что они отвоевали у тюрков и арабов, и это дает нам точные сведения обо всех правителях Востока, которые царствовали во времена крестовых походов.

Чтобы избежать сухости, обычно присущей таблицам, я добавил краткий исторический комментарий о восшествии на престол и крушении каждой династии. В периоды царствований я выделял некоторые события, которые могли показать, насколько

ко самые отдаленные друг от друга народы были связаны между собой до такой степени, что нам трудно это себе представить. Это явления я наблюдал у китайцев по отношению к римлянам, персам, арабам и другим восточным народам. Излагая историю арабских династий, я упомянул несколько экспедиций, предпринятых этими правителями в Африку, Испанию и Греческую империю. Таким образом, мы увидим, насколько важно прибегать к изучению трудов восточных историков, чтобы получить глубокие знания по истории Нижней империи. При этом я собрал не все походы: эта работа потребовала бы еще долгих лет, выйдя за рамки моего плана. Мне хотелось, чтобы все изложенное мной пробудило в других стремление изучить все эти бесценные манускрипты, хранящиеся в Королевской библиотеке.

В остальном я не тешу себя надеждой, что смог создать совершенный труд, но я надеюсь, что трудности, с которыми я столкнулся в процессе работы, и конечная ее польза, перевесят те недостатки, которых я не сумел или не смог избежать. Я собрал наибольшее количество материалов из тех, что мог собрать, после их тщательного изучения я их использовал. Для меня было удачей найти исторические сведения по всем этим династиям, и я ограничился их переводом; но мне часто приходилось читать целый манускрипт, чтобы встретить там единственное искомое событие, хотя в некоторых я находил несколько эпизодов, при этом они были разрознены, и, соединяя их в цельное повествование, я сумел придать определенную форму моему исследованию. Я не сомневаюсь, что впоследствии оно может быть дополнено. Новые китайские книги или арабские манускрипты, которые не были мне известны, сообщат еще больше подробностей.

Заканчиваю это предисловие предупреждением, что в тех местах, где арабские писатели не указали месяц, в котором скончался правитель, год хиджры может соответствовать двум годам нашей эры. Например, год 294-й, который соответствует 906-му нашей эры, начинаясь в октябре, захватывает часть 907 года. Когда я знал месяц года хиджры, я более точно определялся с годом нашей эры. Это несоответствие побудило меня дать в начале книги таблицу лет хиджры, составленную ученым Гравиусом. Я к тому же отметил, что часто приходилось останавливаться, чтобы понять, какому году нашей эры соответствует год хиджры, а многие люди не знают, что Гравиус напечатал эту таблицу в «Персидской книге», составленной Улукбеком о восточных эпохах. Лучшее место для таблицы такого рода в начале всех материалов о восточных династиях. И тогда никому не придется искать ее в «Персидской книге».

После того как Чингисхан покорил большую часть Азии, он отдал Мавераннахар вплоть до границы с игурами (уйгурами) своему второму сыну по имени Джагатай (1). Эти государства, которые простирались от Индии (Indus) и Самарканда до реки Или (2), на юге были окружены горами, уходящими на север Индии. С этого времени их стали называть Джагатай — название, которое, в частности, давалось Мавераннахару. Сын Чингисхана обосновался основным лагерем в городе Бишбалиг, хотя почти все время оставался рядом с братом Октаем, великим ханом Тартарии, к которому относился, как к своему государю. История этого правителя, как и его преемников, нам мало известна. Известно только, что Джагатай доверил управление своими государствами Карашар-невиану, которого Чингисхан перед смертью передал ему и который вел себя мудро и достойно. Именно от этого Карашар-невиана, сына Сугуджина, родственника Чингисхана, ведет свой род знаменитый Тамерлан.

Во время правления Джагатая (3) Махмуд, прозванный Тараби, так как он был родом из Тараба, местечка в шести льё от Бухары, спровоцировал крупный мятеж в этих странах. Он был мошенником, утверждавшим, что может творить чудеса; люди, соблазненные его посулами, стекались к нему толпой и образовали мощное войско, которое позволило ему завладеть Бухарой. Генералы Джагатая были вынуждены выступить в поход, чтобы остановить этот мятеж. Когда они уже видели мошенника перед собой, они оказались окутанными облаком такой густой пыли, что не рискнули вступить в сражение. Случайно выпущенная из рядов жагатайцев стрела сразила Махмуда посреди его лагеря, а воины, тоже ослепшие от пыли, не заметили случившегося. Джагатайцы, приписывавшие эту пыльную бурю колдовству мошенника, продолжили путь и потеряли более десяти тысяч воинов в этой кромешной тьме. По возвращении в лагерь мятежники были удивлены тем, что нигде не могли найти своего начальника, высшие чины пустили слух, что он сделался невидимым на некоторое время и поставили на его место его братьев Мохаммеда и Али. Чернь, которая всегда попадает на обман, замешанный на злоупотреблении верой, в это поверила и еще больше возбудилась. Карашар-невиан был вынужден использовать все силы империи, чтобы остановить пожар, охвативший все основные города, и принял решение полностью уничтожить тарабийцев, как называли этих фанатиков. Он захватил Бухару, которая всегда их защищала, опустошил всю ее территорию и вынудил жителей просить

прощения и молить правителя о милосердии. Джагатай умер некоторое время спустя (4) от неизлечимой болезни. Среди его многочисленных жен и наложниц было две, которых он, одну за другой, любил больше всех остальных : Буссулун и Тарханхатун, две сестры, дочери Каба-новиана, вождя орды кумкуратов. Он женился на последней после смерти старшей (5).

Некоторые источники утверждают, что Буссуменкай-хан наследовал своему отцу, по другим данным, он умер раньше отца, и Карахулагу, сын Мутугана, взошел на трон Загатая. После него империя перешла к его сыну Мобарекшаху, в годы несовершеннолетия которого регентшей была его мать Аргхатун. Затем Алгу, сын Байдара, поднялся на трон. Во время его правления или после его смерти Кайду, которому отводится немало места в истории Кублая, пришел к власти. Поскольку он был сыном Каши, сына Октай-хана, Кублай опасался, что этот правитель закрепится в этих странах и отнимет у него навсегда часть его империи, и он отправил против Кайду Беррака, сына Жасунту (6), который изгнал Кайду и поднялся на трон Загатая. На третьем году своего правления он увлекся магометанством и принял имя султан Желалиддин. Он первым из моголов этой ветви стал мусульманином.

После его смерти империя перешла к Беги (7), преемником которого стал Буга-Тимур (8), затем — Дойзи-хан, сын Барака. После них последовательно правили : Кенджик, или Кевенджик, сын Дойзи, Балига, или Балигу (9), Исанбога, второй сын Дойзи, и Дауатмур-хан, брат Исанбога (10). Преемником последнего стал его брат Турмефширин, который стал мусульманином и который первым приказал своим подданным обратиться к этой религии, следов которой среди моголов не обнаруживается со времен Беррак-хана, страстного ее приверженца. Этот правитель был свергнут с престола своим братом Бутун-ханом, занявшим его место, и свергнутым, в свою очередь, своим братом Зенкеши (11). Последний, получив от матери сведения о замыслах Есунтимура, своего брата, отправился в поход, но потерпел поражение и погиб. Есунтимур, сожалевший о свержении брата с престола, велел отрезать грудь своей матери, но был наказан за свои зверства. Аллу- султан из рода Октай-хана, получивший большую власть в тех краях, отнял у него империю, которой правил затем до самой своей смерти, после чего власть над нею возвратилась в семью Джагатай в лице Касан-султана (12).

Взойдя на престол империи (13), этот правитель поверг в возмущение своих подданных насилием, жестокостями и несправедливостью. Высшие чиновники, получив приказ при-

быть в Национальное собрание, были настолько убеждены в том, что идут на смерть, что перед отъездом приводили в порядок свои дела. Число недовольных ежедневно росло: Мир Казаган из орды Табит возглавил их и сформировал значительную армию, которую собрал в городе Салисерае, расположенном на Гихоне. Как только хан получил информацию о бунте, он выступил против мятежников, прошел пролив Колуга, называемый еще Железными воротами, и встретился с ними на равнине вблизи деревни Доррейзенги, где разгромил их (14) и опасно ранил в глаз Мир Казагана. Одержав эту победу, он вернулся в Накшаб, или Карши, где зимой стояли такие холода, что большая часть войсковых лошадей и скота пала. Этот несчастье вселило смелость в сердца мятежников. Через короткий промежуток времени Мир Казаган собрал свои лучшие отряды и выступил в поход, чтобы напасть на хана в Накшабе. Сражение произошло недалеко от этого города, войска хана были разбиты (15), а сам хан погиб в бою. Он правил в Мавераннахаре и в Туркестане в течение 14 лет.

Мир Казаган (16), будучи во главе огромной армии и понимая, что может располагать империей по своему усмотрению, передал ее Данишмендже-аглену, потомку Октай-хана, который вскоре умер, передав трон Бейанкули-аглену (17), которого подданные любили за справедливость и либерализм, и Мир Казаган управлял при нем империей в равной степени осторожно и справедливо. Его внимательность к нуждам народа обессмертила его имя в этой стране. В этот период времени и после смерти Абу-Саида могольские правители, царствовавшие в Персии, не пользовались никаким авторитетом. Малек Хусаин (18), правитель из династии Куртов, завладевший ранее городом Хератом и одержавший крупную победу при Хорасане над Шейхом Хасаном Юрии и над Масудом, главой сарбедарианцев: из простого чиновника, которым он был, как и его предки, при могольских ханах в Херате, он сделался единовластным правителем и заручился всеми знаками абсолютной власти, то есть удары кимвала звучали пять раз в день перед его дворцом, а на его шатре красовался императорский штандарт. Затем он во главе своего войска начал совершать набеги на окрестные страны, в частности, на границу с Андекудом и Шебурганом. Все народы, в том числе и его родственники, были недовольны его поведением и пожаловались Мир Казагану, который тотчас же принял решение выступить в поход и атаковать этого эмира, который возомнил себя государем. Он отправил указания во все провинции Загатайской империи, чтобы провести войска к Херату, и встал во главе этих войск вместе с ханом

Бейаном-кули и знатными вельможами. Хусаин не растерялся при приближении врага и отправил одного из своих эмиров во главе отряда из трехсот всадников узнать, переправились ли уже жагатайцы через Гихон, и когда он узнал, что они вошли в Хорасан, он собрал на совет высших чиновников государства и держал перед ними речь : «Моголы вошли в Персию такой многочисленной армией, что пыль, которую они подняли, затмевает солнце. Она состоит из воинов, которые при штурме тверды, как горы, и когда ведут бой, они подобны ревущим горным потокам, низвергающимся со скал. Эти храбрецы надели на головы шлемы лишь после того, как решили отдать жизнь за государя». Были выслушаны все мнения по поводу того, что нужно делать. Джагатайская армия превосходила по численности войска Херата, которые состояли лишь из четырех тысяч всадников и приблизительно из 15 тысяч пехоты, и была очень выносливой. Хусаин, стремясь получить преимущество, решил не запирается в Херате, а идти навстречу врагу, при этом он не забыл укрепить город и подступы к нему и приказал возвести стену от Пайморка до Кедестана. Именно там он решил ждать врага в полной боевой готовности, внушив своим солдатам непоколебимую веру в их храбрость и бесстрашие.

Мир Казаган пересек пролив Пашнан и прибыл с войском в Кедестан. Поднявшись вместе с несколькими эмирами на возвышенность для осмотра вражеского лагеря, он заметил, что Хусаин в стремлении получить преимущество допустил две серьезные ошибки, которые неминуемо должны были привести к поражению, и остался невысокого мнения о полководческих способностях эмира. Войска Хусаина располагались в низине и должны были совершить подъем, чтобы встретиться с врагом, который находился на возвышенности; кроме того, при восходе солнца лучи будут бить воинам в глаза и мешать им. Мир Казаган, уверенный в победе, выстроил свои войска в форме полумесяца и пошел против Хусаина, который стойко выдержал первый удар. Казалось, что воины обеих армий не знают пощады, вскоре поле боя покрылось кровью, щиты и латы валялись вперемешку с телами. Все же армия Хусаина начала отступать и была почти полностью уничтожена из-за предосторожности, которую он предпринял перед битвой — воинам некуда было отступать, позади была топь. Большинство солдат погибли в трясине, остальные пали под сабельными ударами жагатайцев. Хусаин и его охранники, единственные из всех солдат, смогли спастись в Херате, который вскоре был осажден Казаганом. С первой же ночи жагатайцы предпринимали разнообразные попытки прорваться в город, но отчаянное сопро-

тивление осажденных привело к тому, что осада продлилась сорок дней. Тогда Хусаин, удрученный тем, что оказался заперти, собрал высших чинов своего двора и спросил, каково их мнение относительно его намерения пойти и броситься в ноги хану. Получив всеобщее одобрение, он отправил коней в великолепных сбруях, богатые ткани, красивые ковры и большое количество серебряных монет могольскому хану с клятвенным обещанием явиться лично, как только осада будет снята. Мир Казаган, человек по характеру добрый, который не мог смотреть на страдания народа, согласился на мир и вернулся в Мавераннахар с ханом и всей своей армией (19).

Многие эмиры из государства Гур, находившиеся в войске Хусаина, проклинали эту акцию, презирали правителя и хотели его сместить, поставив на его место его брата Малека Бакера. Они задумали его арестовать, как только он покажется на коне, но в то время, когда они хотели осуществить свое намерение, уведомленный об этом Хусаин, заметив на дороге табун лошадей, которых торговец гнал в Бадгиз на продажу, крикнул гурийцам, что они могут забрать их себе. Пока солдаты, бросившись к коням, занимались грабежом, Хусаин в поисках укрытия во весь опор поскакал в крепость Ескилдже, которую его предки возвели в степи неподалеку от Херата и в которой у него хранились всевозможные припасы и значительная сумма денег. Заговорщики рассеялись, и у него появилась возможность (20) отправиться в Мавераннахар и выполнить свои клятвы, данные хану и Мир Казагану. Он был принят с большими почестями, но, несмотря на благожелательный прием со стороны хана, у Малека Хусаина при этом дворе нашлось немало влиятельных врагов. Ни один раз могольские вельможи безуспешно просили Казагана предать его смерти и клялись между собой привести свой план в исполнение. Но Казаган спешно отправил Хусаина в Херат, куда он благополучно прибыл, и где он немедленно арестовал Малека Бакера и посадил его в тюрьму.

В это самое время Мирза Абдолла, сын Казагана, вышел из Самарканда с огромным войском на завоевание Хорезма. Мир Казаган провел ту зиму в Салисерае, весну — в Саранвере, очень милой стране, а осенью был в городе Мунеке, расположенном среди охотничьих угодий. Однажды этот правитель выехал за пределы Салесерая в сопровождении пятнадцати человек, чтобы пересечь Гихон и поохотиться в долине Архенк, но неожиданно подвергся нападению со стороны своего зятя Кутлук-Тимура (21), таившего на него зло. Несколько его головорезов выпустили град стрел, в результате чего Казаган был убит (22), несмотря на сопротивление своих приближенных,

которые преследовали напавших и убили Кутлук-Тимура возле Кондуза. Тело эмира отвезли в Салисерай. Его гибель вызвала всеобщую печаль, так как он был известен своими добродетелями, особенно своим стремлением к справедливости по отношению ко всем. Он был абсолютным монархом в империи, и хан полностью от него зависел.

После смерти Казагана его сын Мирза Абдолла прибыл в Салисерай, где объявил себя верховным правителем и принял присягу на верность от всех вельмож. Являясь полновластным правителем империи и не желая больше иметь столицу в Салисерае, он выбрал для этой цели Самарканд и переехал туда, захватив с собой хана. Вскоре он влюбился в жену Бейанкули и убил хана, чтобы свободно предаваться своей страсти. Затем он возвел на трон Тимура-шаха-аглена (23) и перевез тело Бейанкули в Бухару. Такое поведение возмутило большинство вельмож при дворе, особенно Бейана Фелдуза, который, чтобы отомстить за смерть правителя, поднял войско и повел его на Самарканд, на границе с Кешем к нему присоединился Хаджи Берлас. Оба напали на Абдаллу, нанесли ему поражение и убили его братьев и хана Тимура-шаха-аглена. Абдалла спасся, укрывшись в Андерабе, провинциальном городе Бедахшана, где он оставался до самой своей смерти. Все друзья его отца были разогнаны, и власть в империи полностью перешла в руки Бейан Фелдуза и Хаджи Берласа. Однако первый, несмотря на твердый характер, настолько пристрастился к вину, что все вельможи при дворе, будучи невысокого мнения о нем, думали в это время о том, как бы захватить власть и стать независимыми государями в своих владениях. Хаджи Берлас и его племянник Тимур, впоследствии знаменитый Тамерлан, приберегали для себя город Кеш с окрестностями, Бажазет Джелаир имел Хоженд, Мир Хусаин (24), внук Казагана, завладел Кабулом, Оладжа Богай Фелдуз взял себе Балх, Мохаммед-ходжа-аперди, вождь орды Найманов, захватил Шебурган, правители Бедахшана размещались в своих горах, Кайхосру и Оладжайту-аперди стали правителями Калана и Архенка, а Кедар-жесури, вождь орд серполов и танкунов, взял себе королевский титул. В таком состоянии находилась Загатайская империя после смерти последнего хана и свержения Мирзы Абдолла. Все эти правители, мечтавшие о суверенитете, изматывали народы в непрерывных войнах и привлекали в империю иностранцев, которые вносили еще больший беспорядок.

В это время Сетилмиш, правитель Кухестана, и Мохаммед Коджха замыслили полностью разрушить владения Малека Хусаина, властителя Херата, их врага, но потерпели поражение и

были убиты в схватке. Множество других правителей сложили голову в войнах, которые сами устраивали. Империя оставалась без верховного правителя, и Тоглук-Тимур-хан, правивший в Кашгаре и являвшийся потомком Джагатая, решил завладеть ею. В прежние времена жители Кашгара, Еркена, Алаташа и Игура, не имея в своей среде правителей — потомков Джагатая для возведения на трон, так как эти страны образовывали империю иного рода, чем та, о которой здесь ведется речь, подчинялись Исанбога-хану, называемому еще Амелходжа, который правил в Мавераннахаре. Этот правитель, у которого в супружестве с Сатилтамиш не было детей, взял себе наложницу Манлаги, которая вскоре забеременела. Но в то время, пока он находился на охоте, Сатилтамиш устроила так, что Манлаги была украдена одним моголом, и Исанбога-хан умер бездетным. Эмир Жалаузи, который был осведомлен о том, что произошло, нашел эту наложницу с ребенком, носившим имя Тоглук-Тимура и провозгласил его ханом Кашгара. Разогнав все группировки, которые выступали против его восшествия на престол, Тоглук-Тимур принял решение идти покорять Мавераннахар, который через косвенных потомков Загатая должен был ему принадлежать.

Он пустился в путь к этим провинциям (25), и когда он прибыл к фонтану Шанак-булак, рядом с Сихоном, среди поселений Ташкунта, он выслал вперед Улуг-Тимура, вождя кераитов, Хаджи-бега из орды Аркенут и Бикиджека из орды Канглис. Эти эмиры прошли от Сихона до Хоженда, где Бажазет-Джедаир счел за благо присоединиться к ним, и все вместе они отправились к городу Себз.

Хаджи Берлас, уведомленный об их прибытии, прежде всего собрал максимальное число воинов с намерением идти им навстречу, но внезапно изменил план и принял решение уйти со стороны Хоразана. В этих условиях его племянник Тамерлан, только что потерявший своего отца Таргая, увидел, что страна будет отдана на растерзание врагу и что большинство тех, кто мог оказать сопротивление, ударились в бегство; тогда он пришел к своему дяде Хадже Берласу на берег Гихона и сказал, что во имя спасения своей страны он принял решение броситься к хану в ноги. Он тотчас отправился в Кузар, где встретил Хаджи Махмуда шаха Ясури с частью авангарда кашгарской армии. Заключив с этим военачальником короткое перемирие и намереваясь достичь договоренности с другими высшими армейскими чинами, он отправился на их поиски в Кеш, где сообщил им, что только что покорился хану. Эта новость была встречена с радостью, и с этого времени к нему стали относиться как

к подданному хана, дали ему под начало 10-тысячное войско, которым в эпоху правления Чингисхана командовал один из его предков Карашар-невиан, утвердили его на княжество в Кеше и сопредельных землях. Таким путем Тамерлану удалось сохранить страну, которую у него собирались отобрать. Он сосредоточил войска между Себзом и Гихоном и отправился на соединение с Кесером-есури. Но осуществленный некоторое время спустя раздел кашгарского войска вынудил их уйти обратно. Именно в этот момент Бажазет-джелаир присоединился к Тамерлану. Большинство других военачальников заключали между собой союзы, которые грозили в любой момент распасться. Хан был вынужден следовать за самым сильным, не имея возможности никого привлечь на свою сторону. Эмир Хусаин, внук Мир Казагана, вышел из Кабула с намерением атаковать Бейан-Селдуза и обратился за помощью к Тамерлану, Бажазету и Кесеру-есури. Эти три князя договорились между собой оказать поддержку в этом деле, но они хотели, чтобы Бажазет отправился к хану в Кашгар и получил его одобрение этого плана. Когда этот эмир узнал в Хоженде, что Тоглук-Тимур-хан ушел вместе со всеми своими войсками, он посчитал, что идти дальше не имеет смысла. В это время два других эмира вместе с эмиром Хусаином шли к крепости Шадуман, где находился Бейан-Селдуз, который тотчас ударился в бегство и отступил в Бедахшан, который вскоре вынужден был тоже покинуть, как и шах Бохаеддин, правитель этой страны, принявший его сторону. Вся эта провинция оказалась в руках эмира Хусаина, который затем велел убить Кайкобада, брата Кайхосру, правителя Катлана. После этой победы Тамерлан и другие эмиры возвратились в свои страны. Первый вернулся в Кеш, где принял с великими почестями эмира Кесера, проходившего через эти места.

Некоторое время спустя эмир Хусаин, регент Джагатайской империи, намереваясь нанести поражение взбунтовавшемуся Тоглуку Селдузу, позвал на помощь Тамерлана и эмиров Бажазета и Кесера. Тогда Туглук скрылся, спасаясь бегством. Затем Тамерлан узнал, что его дядя Хаджи Берлас, которому удалось спастись в Хорасане, вошел в Кеш и вместе с Бажазетом принял решение напасть на Кесера-есури. Эта новость заставила Тамерлана как можно скорее отправиться на границу Кеша, чтобы присоединиться к Кесеру, своему старинному союзнику. Они шли вместе к Кешу и разбили войска Хаджи Берласа, который вместе с Бажазетом сбежал в сторону Самарканда. Тамерлан собирался их преследовать, но его планам помешало массовое дезертирство в войсках. Это событие вызвало недо-

вольствие обоих эмиров и пробудило их взаимное недоверие. Они расстались, недовольные друг другом. Тамерлан вернулся в Кеш к своему дяде Хаджи Берласу, возле которого он вновь обрел силы и, думая лишь о мести, объединился в Бажазетом и пошел против Кесера, которому нанес серьезное поражение и показал всем эмирам, кому принадлежит власть в стране. Но с этого времени Бажазет и Берлас, которые хорошо помнили о давних отношениях Тамерлана с Кесером, решили между собой поставить заслон его амбициям. Тамерлану посчастливилось найти средство, чтобы выскользнуть из их рук. Но вскоре появление нового врага заставило обоих эмиров обратиться к Тамерлану за помощью. Тамерлан собрал войска и пошел против общего врага. После того, как он разбил Али Гургури, правоведа, взявшегося за оружие, он отправился на отдых в старый город Термед.

В это время Тоглук-Тимур, правивший Кашгаром и имевший право на Загатайскую империю, поднял большую армию, с которой вошел в страну Хоженд (26). Мир Бажазет, глава этого города, Бейан Селдуз и Хаджи Берлас были вынуждены ему покориться. Но когда Хаджи Берлас увидел, что хан принял решение умертвить первого из них, он испугался, собрал в Кеше несколько отрядов и переправился через Гихон. У реки его настигло войско из Кашмира и нанесло ему жестокое поражение, после чего ему пришлось уйти к Хорасану, в направлении Зебзуара, где он был захвачен бандой разбойников и убит, а хан вошел в Хорасан и полностью покорил его. Тамерлан отправился мстить за смерть своего дяди, прибыл к хану, от которого получил несколько новых уделов, при самостоятельности Кеша, и командование корпусом из 10-ти тысяч воинов, которым командовал его дядя.

После этого хан отправился в поход против эмира Хусаина, который был самым сильным из всех эмиров империи Загатая. Когда обе армии сошлись, часть армии Хусаина перешла на сторону хана, и эмир обратился в бегство, пересек Гихон и укрылся в Кондузе; армия кашгарского хана дошла до Хендукехских гор, опустошила всю страну и провела в тех местах всю весну и все лето. Осенью хан отправился в Самарканд, там он расправился с теми, кого подозревал в злонамеренности и наградил остальных. После покорения Джагатайской империи он оставил там на троне своего сына Елиаса-ходжу-аглена под присмотром Бикиджека. У Тамерлана были важные функции и тесные связи при дворе Елиаса-ходжи-аглена, и хан вернулся в свои края — в Джете или Кашгар. После его отъезда Бикиджек, злоупотребляя властью, которая была ему доверена, совершил

много неблагоприятных поступков и даже восстал против хана. Тамерлан, предвидя, что такое правление ввергнет империю в новые бедствия, принял решение отдалиться от этого двора и перейти к эмиру Хусаину, который скрывался в пустыне. Вместе с ним он выступил против правителя Текилы Кивакского, который пытался их задержать, и оба эмира с небольшим отрядом в 60 человек укрылись в Лайабе, где были атакованы отрядом из 2 тысяч всадников, которым командовал Текил. Произошло столкновение, в котором Тамерлан и оба эмира проявили чудеса военного искусства, и гибель Текила положила конец схватке, не принеся преимуществ ни Хусаину, ни Тамерлану, которые покинули поле боя с семью солдатами, из которых трое дезертировали. Тамерлан однако не был подавлен сложившимися обстоятельствами, он утешал своих собратьев по несчастью и договорился с ними расстаться, чтобы не быть слишком заметными в пустыне. Затем он в сопровождении своей жены Тархан-ага и нескольких самых преданных слуг отправился в Жуифей. Орда тюркоманов наспех собрала войска, чтобы перекрыть ему дорогу, тогда он спрятал Тархан-ага в колодце, а сам вместе со своими слугами вышел с саблей наголо против тюркоманов, но один из них его узнал, и преследование прекратилось. Тюркоманы, огорченные тем приемом, которые они ему сначала оказали, всячески выказывали ему знаки внимания и угощали всю ночь; Тамерлан оставил им несколько подарков, а от них получил три лошади и проводника, который сопровождал его к эмиру Хусаину. Али-бек, узнав о том, что они собрались вместе, отправил 60 всадников, которые их похитили и переправили в Макан, где оба эмира были брошены в тесную тюремную камеру.

Мохаммед, брат Али-бека, предвидел, что такое поведение брата может однажды очень дорого ему обойтись, и отправил дары обоим эмирам, одновременно написав письмо брату, в котором упрекал его за неосторожность и просил, по крайней мере, перевести пленников в более просторное помещение и постараться исправить свою ошибку, обращаясь с ними более достойно. Али-бек оставил себе дары, предназначавшиеся Тамерлану и Хусаину, освободил пленников лишь два месяца спустя и позволил им вернуться к себе, даровав им в дорогу ни что иное, как плохую лошадь и старого верблюда. Они смогли поправить свое плачевное положение лишь после того, как эмир отправил Тамерлану великолепных коней, которых тот подарил Хусаину. Имея при себе еще несколько подарков эмира, они решили, что Хусаин поедет на зиму в Хирмен, а Тамерлан вернется в Кеш, откуда приедет к Хусаину. Они сразу исполнили свой план. В

Кеше к Тамерлану присоединились 15 человек, с которыми он отправился в горы Кузара и оттуда приблизился к Гихону, чтобы выйти в пустыню. Он задержался на месяц на берегу реки, пережидая сильную жару и ожидая прибытия своей жены Тархан-ага. Едва она появилась в роще, где расположился лагерем Тамерлан, как все заметили облако густой пыли, которую мог поднять только большой отряд всадников. Тамерлан поспешил переправиться через реку верхом на коне, невзирая на быстрое течение, Тархан-ага последовала за ним, сидя на попоне, покрывавшей спину лошади. Несколько дней они провели в пустыне. Затем Тамерлан отправился в Самарканд и спрятался у своей старшей сестры Кутлук-тархан. Опасаясь, что его все-таки обнаружат, он ушел в степи Кеша и какое-то время провел в деревне, после чего вернулся к Гихону и вместе с несколькими эмирами поехал в Кандахар, а затем отправился в Хирмен.

Когда он там встретился с эмиром Хусаином, они вместе отправились на выручку правителю Султану, или Седгестану. Они разгромили его врагов, а на обратном пути вступили в схватку с отрядом сегзианцев, которые решили их атаковать. В этом бою Тамерлан был серьезно ранен. Хусаин со своим отрядом из 90 человек отправился в Баклан, где столкнулся с Ажунини, братом Бикиджека, который преградил ему путь, и он был вынужден искать укрытия в Шеберто в сопровождении отряда всего из 12 человек. Когда Тамерлан оправился от полученной раны, к нему присоединились несколько отрядов, с которыми оба эмира выступили против армии Джете. Но получив сведения о том, что, переправившись через реку в Термеде, она повернула обратно, Тамерлан и Хусаин отправились воевать с разными эмирами и одерживали небольшие победы, которые не могли значительно укрепить их позиции и толкнули их на противоборство с новой армией Джете, или Кашгара, которая только что вернулась в страну. Несмотря на ее численное превосходство, Тамерлан и его союзники отважно вступили в схватку, которая длилась с раннего утра до ночи. Тамерлан, отчаявшись одержать победу, прибег к хитрости: он выставил у моста пятьсот своих самых храбрых солдат, а сам с войском в пятнадцать сотен человек перешел Гихон и направился к горам. Вражеские разведчики заметили, что войска перешли Гихон, и в армии Джете разнесся слух о подоспевшем к эмирам подкреплении. Тогда джетцы отказались возобновить сражение. Следующей ночью Тамерлан приказал зажечь костры на холмах, и враги, полагая, что окружены со всех сторон, начали отступление. В стане врага наблюдался беспорядок, солдаты не решались идти к мосту, полагая, что там сосредоточены еще бо-

лее значительные силы противника. Тогда Тамерлан спустился с гор и обрушил на них сабельный удар, а Хусаин атаковал их со своей стороны. Эта победа принесла Тамерлану известность в этих странах. Вокруг него собирались толпы. Он отправил две сотни воинов в сторону Кеша, приказав привязать к хвостам лошадей ветки деревьев, чтобы поднять как можно больше пыли. Попавшись на этот обман и полагая, что его атакует несметная армия, правитель Кеша покинул город, и Тамерлан вошел в свою бывшую страну.

В это время стало известно, что Тоглук-Тимурхан умер и что Элиас ходжа, его сын, который находился в окрестностях Кеша с огромной армией, принял решение вернуться в Кашгар. Его уход вызвал много радости во всей стране; многие эмиры со своими войсками пожелали присоединиться Тамерлану, который вместе с Хусаином принял решение напасть на армию Элиаса-ходжи, которая размещалась в Таш-ариги. Отвага Тамерлана и Хусаина торжествовала над более многочисленным противником; после отчаянного сопротивления армия Кашгара была разгромлена (27), удалось спастись лишь хану со своим военачальником Бикиджеком. Тамерлан, преследуя отступающих, убил большое число вражеских солдат, а затем отправил несколько своих эмиров на захват Самарканда. Вместе с Хусаином и Шир-Бахрамом он продвинулся до Хоженда, где перешел Сихон. Однако его эмиры из-за болезней были вынуждены вернуться. После грандиозной битвы в духе тартаров они вошли в Самарканд, где собрали большой совет, на котором решалась судьба так удачно освобожденного Загатая. Поскольку многие эмиры, которые внесли большой вклад в победу, ратовали за суверенность своих провинций, было решено избрать великого хана, так как это было единственным средством защитить империю от внешних врагов и сохранить в ней мир. Выбор пал на Кабул-шаха (28), который, стремясь избежать участия в бунтах, распространенных в Загатайской империи, вел жизнь дервиша. С него сняли одежду крестьянина и облачили в царский наряд. По этому случаю в Самарканде были организованы великие торжества и празднества, ему был вручен королевский кубок, а все вожди орд должны были пасть перед ним ниц девять раз. В стране, где состоялся совет, Тамерлан внес значительный вклад в организацию торжеств как деньгами, так и подарками, и удостоился там титула сахэб-керан — владыка мира. Он предложил вернуть свободу эмирам Хамиду и Искендеру-аглену, которые были его друзьями и военачальниками в армии хана Кашгара. Те, кто отправился их освобождать, считали, что несут приказ об их смерти, и немедленно убили Хамида. Этот поступок на-

шел одобрение со стороны Хусаина, который был убежден, что никогда нельзя упускать возможность помешать врагу причинить зло. Он попросил выдать ему Искендера-аглена, своего персонального врага, и убил его.

Следующей весной стало известно, что джетесцы (29) выступили с армией в направлении Трансоксиании. Тамерлан собрал свои отряды и войска эмиров, пересек Сихон в Хоженде и остановился лагерем на берегу этой реки между Ташкунтом и Чиназом. Он уже видел перед собой вражеских гонцов, когда прибыл эмир Хусаин со своими отрядами. Они направились к джетесцам, которые стояли в Езаме. Эмир Хусаин встал во главе правого крыла армии, а Тамерлан — во главе левого. Элиас-ходжа-хан лично командовал своей армией. Воины обоих эмиров его презирали, так как раньше одержали над ним победу при его численном преимуществе. Так как на этот раз они имели численный перевес, то не сомневались в победе и не предпринимали никаких предосторожностей. Перед битвой налетела буря, сопровождавшаяся таким ливнем, что все поле боя оказалось под водой. Лошади и быки плыли по воде или тонули в трясине. Высокая влажность спровоцировала появление болезни, которую на Востоке называют естерха, она расслабляет нервные волокна, парализует конечности, корежит и обезвоживает тело так, что остаются только кости и нервы. Эту бурю связывали с камнем джеди, который, оказавшись смоченным водой в определенный час дня, обладал свойством изменять погоду, вызывать ветры, дожди и жестокие грозы. Считалось, что джетесцы им пользовались, и существует мнение, что они, предвидя предстоящие события, накрыли войлоком свой лагерь, людей и лошадей, а также прорыли арыки для стока воды. После первого же удара стихии войска Тамерлана не смогли устоять, и эмир, который собирался вести их в бой, оказался окруженным со всех сторон и вынужденным противостоят большим опасностям. Чемкунневиан, военачальник джетесцев нанес ему сабельный удар в тот момент, когда он получил удар копьем от Яку Берласа. Этот случай заставил Элиаса-ходжа-хана отступить, за ним последовали его солдаты. Воины Тамерлана хотели пуститься за ними в погоню, но их лошади падали от усталости. Левое крыло смяло войска под командованием Хусаина. Хаджи-бек еще держался, но натиск эмира Шамседдина склонил чашу весов в пользу джетесцев. Тамерлан с несколькими отрядами пришел на подмогу Хаджи-беку, чтобы дать эмиру Хусаину время стянуть войска, но когда последний отказался идти в наступление, Тамерлан приказал прекратить сражение, и каждый остался на прежних позициях.

На следующий день перед рассветом прозвучал труба керрена, при звуке которой солдаты схватились за оружие и во второй раз пошли в бой. Сначала джетесцы отступили, но затем, когда они укрепили ряды, а отряды Мавераннахара пошли в атаку на корпус под командованием Шамседдина, стало ясно, что безоговорочная победа за джетесцами (30). Тамерлан и его сподвижники укрылись в Кеше, но, не чувствуя себя там в безопасности, в том числе и эмир Хусаин, решили перейти Гихон. Тамерлан сказал им, что они могут делать то, что считают нужным, но он сам был твердо намерен собрать новые войска и выступить против врага. Хусаин укрылся в Шеберто с намерением уйти в Индию. Тамерлан посылал разные отряды против джетесцев, но некоторые из его офицеров напились в пути и внушили воинам недоверие к успеху кампании, распуслав слух, что Тамерлан намерен послать их к Хусаину на верную смерть, и они переметнулись к джетесцам, часть из них погибла; в такой ситуации Тамерлан понял, что необходимо пойти на уступки, он пересек Гихон и собрал остатки своей армии.

Джетесцы прибыли к Самарканду. Несмотря на то, что этот город не был цитаделью, большинство его жителей, даже законники, решили держать оборону против этих варваров, под тираническую власть которых они боялись попасть. Они натянули цепи на улицах и все, начиная от 12-летних детей и кончая старцами, взялись за оружие. Джетесцов удавалось удерживать на подступах, они несли потери и даже были вынуждены терять позиции в ответ на вылазки жителей. Тем не менее продукты в городе заканчивались, а жители не привыкли к лишениям, и все шло к тому, что город придется сдать. Падеж лошадей в кавалерии джетесцев, потерявших до трех четвертей лошадей, спас ситуацию : джетесцы не могли больше продолжать осаду и почти все покинули позиции. Однако их уход стал для города еще более фатальным, чем осада. Знать приписала себе все заслуги по защите Самарканда, завладела всей властью в городе и разделилась на враждующие группировки, что привнесло беспорядок и кровопролитие. Тамерлан, проинформированный об уходе джетесцев, вновь отправился в Кеш и сообщил эту новость Хусаину, который прибыл в Салисерай. Они встретились в степях Баклана, договорились о более тесном и честном союзнничестве и решили идти весной в Самарканд. Тамерлан провел зиму в Карши (31), или в Нехшабе, или Незефе.

Весной Тамерлан, Хусаин и эмиры отправились в Самарканд, где начали свою деятельность с наведения порядка, наказывая за наглость потомков сербедалов, которые заняли все высшие посты в городе и нещадно притесняли народ. Им всем отсекали головы.

Но когда порядок в городе был наведен, а империя пребывала в спокойствии, эмир Хусаин стал предаваться своим страстям, особенно бесчестившей его ненасытной жадности. Он больше не занимался ничем другим, как собирал отовсюду богатства, причем самыми несправедливыми и вопиющими путями. Он ввел непомерные налоги, которые должны были платить те, кто этого был не в состоянии это сделать. Эмиры, которые потеряли все, что имели, в последнем сражении и не могли удовлетворить его жадность, обратились за помощью к Тамерлану, который отдал все, вплоть до сережек своей жены, сестры Хусаина, и тот имел низость их принять. Не хватало еще трех тысяч динаров, и Тамерлан отправил ему собственных лошадей. Хусаину стало стыдно, он не принял лошадей и сказал, что собирается ехать в Салисерай, где ему понадобится значительная сумма денег. Тамерлан ему эти деньги дал. Так как оба эти правителя были близкими союзниками, большинство эмиров, осуждавших поведение Хусаина, не решились заявлять об этом во всеуслышание; тем не менее некоторые из них решили передать абсолютную власть Тамерлану. Предстояло размежевать этих двух эмиров, и они отправили Хусаину письмо, в котором говорилось, что Тамерлан ищет способ отомстить ему и хану и делает все необходимые приготовления к нападению на них. Тамерлан был тут же вызван в Самарканд для дачи объяснений. Он не чувствовал за собой никакой вины и спокойно туда поехал. Авторы этого тактического хода, не решаясь показаться ему на глаза и подтвердить написанное в письме, сбежали в Хоженд, а Хусаин был убежден, что у Тамерлана не было никакого злого умысла.

Придуманый авторами письма тактический ход не произвел должного эффекта. Тамерлан, который хорошо знал подозрительный и недоверчивый характер Хусаина, с легкостью верившего обвинениям такого рода, предвидел, что в будущем у него могут возникнуть распри с ним, и счел необходимым принять меры предосторожности, чтобы не опасаться никаких его поступков. Он поговорил о его поведении с несколькими эмирами, которые поделились с ним своими замыслами относительно лишения Хусаина всей власти в пользу Тамерлана и просили последнего согласиться принять эту власть. После того, как они скрепили договор клятвами, Тамерлан собрал свои войска, а эмиры, со своей стороны, подтянули свои отряды. Приступая к реализации замысла, Тамерлан столкнулся с большими трудностями. Некоторые его сторонники покинули его, но это не уменьшило его решимость. Он только что потерял свою супругу, сестру Хусаина, которая всегда стремилась поддерживать между ними союзнические отношения. С ее смертью

он полностью отделился от Хусаина и встал во главе собственной армии (32). Хусаин, ухищрения которого так удачно сработали на нескольких эмирах, подумал, что может их с равным успехом повторить и по отношению к Тамерлану. Он отправил к нему двух офицеров с договором, который не претендовал ни на что, кроме поддержания между ними исключительно хороших отношений. Тамерлан его отринул. В его окружении так сильно опасались, что он примет предложение о мире, что несколько воинских отрядов ушли от него. Хусаин, начавший кампанию во главе армии, послал ему своего казначея с Кораном и письмом, в котором он говорил, что поклялся на этой книге говорить только правду. «Плохие отношения между нами неминуемо станут причиной гибели империи и бедствий для ее народов. Вы — человек мягкий, вы тепло относитесь к мусульманам, вы любите ваших подданных. С таким характером вы не можете одобрять того, что происходит сегодня. Я полагаю, что будет лучше, если моя армия останется в Джегане, а ваша — в Казане, а мы с вами, каждый в сопровождении отряда из ста человек, встретимся у пролива Шекитшек, чтобы возобновить нашу многолетнюю дружбу и скрепить ее новыми клятвами, отдалить от нас всех, кто стремится нас разъединить, и предотвратить грозящие империи бедствия». Несмотря на то, что Тамерлан не поверил этим словам, он, предпочитая мир, оставил свою армию в Кузе, отобрал 300 самых храбрых солдат, 200 оставил в укромном месте на случай какой-либо неожиданности, а в сопровождении остальных отправился на встречу. Хусаин, который вовсе не собирался следовать собственным клятвам, отправился в путь с отрядом из трех тысяч человек. Место встречи, где должны были договариваться о мире, стало полем битвы. Тамерлан, уведомленный о намерениях Хусаина, занял возвышенности, откуда осыпал противника стрелами, и смог ускользнуть со своей сотней воинов. В сложившихся обстоятельствах самая большая неприятность заключалась в том, что за время его отсутствия, пока он сражался со своим врагом, его армия сочла его пропавшим и рассыпалась. В этой крайне неблагоприятной ситуации он вернулся в Нахшаб и держал совет с главными эмирами. Было решено, что он переправит свой двор в надежное место, а эмиры соберут все свои войска. Но Хусаин не оставил им времени на это и прибыл в Нахшаб, откуда Тамерлан отбыл, переправился через Гихон и укрылся в пустыне. Он распустил слух, что направляется в Херат, в Хорасане, и вражеская армия, угодив в эту ловушку, направилась в Узкенд и другие места. Тем временем Тамерлан вернулся к Нахшабу с отрядом из 243 человек. В окрестностях города еще

оставалось двенадцать тысяч всадников во главе с эмирами. Этот маневр следовало бы назвать безрассудным, но тот успех, которым он завершился, позволяет расценить его как дерзость. Тамерлан со своим маленьким отрядом вышел на берег Гихона, первым, верхом на коне, вошел в его воды, за ним последовали вплавь сорок человек, захватили несколько лодок, на которых переправились остальные. Приняв все возможные меры предосторожности, Тамерлан оставил своих домочадцев в Ширкунте и в сопровождении Мобашера и Абдаллы под покровом ночи подошел к Нахшабу, спустился к краю рва, наполненного водой, оставил там Мобашера стеречь лошадей, а сам, являя образец дерзкой отваги, вместе с Абдаллой прошел по колению в воде по акведуку к воротам города. Легонько постучав, он заметил, что они замурованы. Он пошел вдоль крепостной стены и обнаружил место, в котором стена была ниже, и там можно было приставить лестницу. Затем он молниеносно вернулся к своему отряду и немедленно привел его к городу. 43 человека должны были стеречь лошадей. Сто человек во главе с Абдаллой прошли вместе с лестницами через акведук к тому месту крепостной стены, которое наметил Тамерлан, который в это время с другой сотней подошел к городским воротам. Абдалла и его отряд при помощи лестниц преодолели стену и с саблями наголо устремились к городским воротам. Сонные стражники были зарезаны, ворота выдавлены, и Тамерлан вошел в город. Издавая дикие крики, трубя в трубы, все бросились к замку, захватили там все посты и оказались полновластными хозяевами в городе до того, как солдаты и жители смогли понять, кто на них напал. Тамерлан дал возможность нескольким из них выйти за пределы города, чтобы поднять тревогу в войсках, находившихся в окрестностях. Тамерлан рассчитывал, что они обратятся в бегство, но просчитался: они в полном составе, то есть в количестве двенадцати тысяч всадников, прибыли в полдень к городской стене и осадили город. Одни из офицеров сделал вылазку и увел 60 лошадей. В то же время несколько офицеров вражеской армии дезертировали и перешли под знамена Тамерлана. Правитель готовился осуществить боевую операцию в тот же день, но астролог посоветовал отложить ее на 9 часов завтрашнего дня, считая, что в этом случае она будет более успешной. Ночь прошла в карауле, а на рассвете Елчибуга и Акитмур опустили мост и выступили с отрядом из пятидесяти человек против осаждавших. В этой боевой операции все эмиры и с той, и с другой стороны отличились отвагой. Осаждавшие были вынуждены отступить, понеся потери в арьергарде. Тогда Тукел, один из их офицеров, с отрядом из ста

человек пошел на штурм крепостной стены и вступил в схватку с солдатами Тамерлана. Правитель с пятнадцатью всадниками бросился им на подмогу. После многочисленных и безуспешных попыток осуществить штурм Мусса, один из главных военачальников вражеской армии, покинул позиции вместе с семью тысячами всадников, находившихся под его командованием. Малек-Бахадур, у которого еще оставалось пять тысяч солдат, был намерен продолжать атаковать одни из городских ворот, но его войска были деморализованы отходом армии Муссы и отчаянным сопротивлением войск Тамерлана, и тоже отступили. Тамерлан их преследовал до горы Шекиджек и взял немало трофеев. Враги еще пытались предпринимать какие-то усилия, но были побиты. Жены большинства военачальников уже видели себя в плену, их спасла лишь резвость коней да умение ездить верхом. После этой большой победы Тамерлан провел зиму в Нахшабе, где посвящал свое время устранению бед, нанесенных войной, развивал земледелие, восстанавливал искусства, проявлял щедрость. Он поставил Махмудшаха править Бухарой, которую уже давно следовало поставить на место. Никепейшах стал правителем Амуйе. Все эти страны подчинялись власти Тамерлана.

Мусса вместе со своим войском ушел к эмиру Хусаину, который тотчас же покинул Салисерай, чтобы идти против Тамерлана. Он дал Муссе десять тысяч человек из рода коронас, которые кочевали в горах Шегиджека. Тамерлан шел всю ночь, пробиваясь сквозь снега с отрядом из двух сотен человек и сумел занять возвышенные места, но не считая нужным атаковать Муссу, вернулся в Нахшаб, а оттуда — в Бухару. Там, увидев, что большинство его эмиров боялись выступить против столь многочисленного войска неприятеля, он принял решение покинуть город, в котором не находил достаточной поддержки, и ушел в Макан в Хорасане, где находились его домочадцы. Хусаин пошел на Бухару, которую Махмудшах был вынужден оставить. Он прибыл к Тамерлану, потеряв при отходе из Бухары почти все свое войско. Появились сведения о том, что Никепейшах взбунтовался в Амуйе. Тамерлан в сопровождении шестисот воинов направился туда. Несмотря на разлив Гихона, он с двадцатью воинами вошел в его воды в девять часов утра и смог достичь противоположного берега не раньше полудня. Как только он появился у Амуйе, правитель решил обстрелять его, но с первой же стрелы у него сломался лук, стрела ударила о щит Хатая-Бахадура, который разгневался на правителя, арестовал его и передал в руки Тамерлана. Поскольку в окрестностях города стояла армия коронасцев,

Тамерлан решил воспользоваться случаем и атаковать ее. Разбив ее, он вернулся в Мекан, где вознамерился заключить союз с Малеком Хусаином, который правил в Херате. Правитель Херата ответил послу Тамерлана, что для заключения более прочного союза Тамерлан должен явиться на переговоры с ним в Серах. Тамерлан, зная коварство правителя Херата, не считал нужным выполнить это условие, однако, чтобы не выглядеть уклоняющимся от переговоров, он отправил к нему в качестве залога дружбы и искренних намерений своего старшего сына Джихангира, а затем направился в свою бывшую страну.

Весь Мавераннахар был во власти враждующих с ним эмиров, повсюду стояли войска, и появление Тамерлана в этих краях было связано с трудностями и опасностью. Он не рискнул ввязываться в конфликты, имея всего шестьсот воинов, и благополучно достиг окрестностей Нахшаба. Город был немедленно взят им в осаду, но узнав, что поблизости находилась армия коронасцев, Тамерлан решил их атаковать. Когда он подошел к ним вплотную, некоторые его воины повернули с поля боя, он не позволил им переметнуться к врагу и одержал большую победу. Он преследовал беглецов до крепости Шадуман, где задержался для восстановления своего войска, чтобы идти затем против эмира Хусаина, но большая часть его офицеров хорошо понимала невероятную сложность задачи, они бросились перед ним на колени, умоляя оставить это намерение и предпочесть направление на Самарканд. Тамерлан со своим войском сразу же отправился в этот город, разгромил его армию и поверг его в хаос. Затем он отправился в Согдскую долину, где остановился. Узнав, что Хусаин прибыл к Нахшабу, он принял решение уступить этой стихии и отойти за Гихон с шестью сотнями воинов, а остальных отправить в Кеш. С небольшим отрядом он подошел к низовьям реки Самарканд, где, обнаружив, что неприятель готовится перерезать ему дорогу, атаковал его и вынудил отступить в город Самарканд. Затем он направился в Ташкунт, где рассчитывал получить поддержку от Бахрама Джелайра, своего давнего союзника, который командовал отдельной частью в армии джетесцев. Несмотря на все ранее оказанные услуги, Тамерлан столкнулся с черной неблагодарностью. Неприятельские отряды преследовали его со всех сторон, рассчитывая застичь врасплох, но при поддержке двухтысячного войска джетесцев, которых Кайхосру, зять покойного хана Кашгара, отправил ему на подмогу, он расправился со всеми этими разрозненными отрядами. Тогда Хусаин, раздраженный слабым сопротивлением своих сторонников, выступил вместе с ханом во главе десяти тысяч воинов против Тамерлана, во-

енная сноровка и смелость которого позволили ему в скором времени рассеять и эту армию.

Все эти победы лишь помогали ему защититься от врагов, но не поправить свои дела, всякий раз с ним происходила какая-нибудь новая неприятность. Бахрам Джелаир, в армии которого находились подразделения Тамерлана, внезапно ушел со своими джетесцами в Сейрам, не предупредив его об этом. Таким образом, у Тамерлана вновь осталось лишь 600 воинов, с которыми он вынужден был отправиться на зимовку в Ташкунт. За это время он отправил двух эмиров к джетесцам с просьбой о помощи. Он ее добился, а весной узнал, что джетесцы выступили в направлении Мавераннахара. В тот момент Хусаин, которому никак не удавалось победить Тамерлана, был встревожен сведениями о том, что на его стороне многочисленная армия, и попросил у него мира через имамов Хоженда и Ташкунта. Тамерлан охотно согласился, так как устал от войны и опасался, что когда джетесцы войдут в страну, они ее не удержат. После подписания договора о мире он вернулся в Кеш.

Хан Джагатая и эмир Хусаин воспользовались мирной передышкой, чтобы отправиться усмирять взбунтовавшихся правителей Бедахшана, а Малек-Хусаин, правитель Херата, отправил войска в Балх, чтобы разорить всю эту провинцию, принадлежавшую эмиру Хусаину. Тамерлан в соответствии с подписанным им договором отправился на защиту этого города. При его приближении войска Херата, уже разорившие Шибурган, Балх и всю страну до Кулма, отступили. Хан и эмир Хусаин заключили мир с правителями Бедахшана и встретились с Тамерланом в Кундузе, где устроили большие торжества. Тамерлан вернул из Макана всю свою семью и перевез ее в Кеш. Затем вместе с Хусаином он отправился в Кабул, где проявили недовольство несколько эмиров. Тамерлан и Хусаин осадили это место, применили орудия, осада была изнурительной, но, в конце концов, город был взят, а эмиры попали в плен. После этого Хусаин, несмотря на возражения Тамерлана, решил отправиться на построй в Балх (33) и покорить хорошо укрепленную цитадель Хендуан.

В это время стало известно, что джетесцы направляются в Мавераннахар во главе огромной армии. Следовательно, Хусаин как никогда нуждался в помощи, чтобы отбить неприятеля. Все эмиры собрались в долине Кеша со своими войсками. Но раскол в армии джетесцев, вынудивший их повернуть вспять, дал возможность Тамерлану и Хусаину повернуть свои войска в сторону Бедахшана, где в стане правителей вновь вспыхнули волнения. Все войска этой страны был разбиты благодаря

смелости Тамерлана, вошедшего в Бедахшан. Но там он не задержался и вскоре отправился в поход против Мохаммеда Бейан-Селдуза и Кайхосру, которые намеревались напасть на Хусаина. Поскольку эти эмиры были друзьями Тамерлана и не хотели вступать с ним в конфликт, они обратились к нему за помощью. Хусаин перехватил письмо и у него зародились сомнения в верности Тамерлана, он даже задумал его убить. Тамерлан был об этом уведомлен и решил объясниться начистоту с Хусаином, но в то время, когда он готовился к встрече, стало известно о приближении врага. У Тамерлана хватило благородства забыть обо всем, кроме необходимости защищать Хусаина, он пошел в наступление на врага и обратил его в бегство. Затем он ушел в Кеш, где была его обычная резиденция. Там он вскоре узнал о недобрых намерениях регента империи, который был человеком амбициозным, скупым, высокомерным, непостоянным и снискал ненависть народа. Тамерлану не составило труда собрать единомышленников. Жестокость и насилие, творимые ежедневно Хусаином, придали Тамерлану решимости собрать всех основных эмиров и общими усилиями искать способы сопротивления. Все поклялись в верности Тамерлану и привели войска в боевую готовность. Тамерлан отправился к святому (дервишу) по имени Сеид-Береке, который подарил ему барабан и флаг — символы суверенности, и сообщил, что наступит день, когда он станет владыкой мира. Столь очевидные знаки божественного покровительства привлекли на сторону Тамерлана большое количество подданных и придали справедливости его намерению узурпировать власть. Его поход стал сплошным триумфом, во время которого все окрестные эмиры спешили к нему присоединиться со своими войсками. Встав во главе огромной армии, он дал сражение своему врагу и одержал над ним большую победу. Он присвоил титул хана Сойур-Гатмиш-аглену, так как сам не мог на него рассчитывать, поскольку существовавшие законы запрещали это. Затем он отправился в Балх и осадил его. Хусаин был не в состоянии оказывать длительное сопротивление и отправил к нему своего сына и хана Аделя Султана (34) с сообщением, что готов ему подчиниться. Хусаин вышел из города и хотел спрятаться в минарете, но был схвачен и доставлен к Тамерлану, в присутствии которого отказался от империи. После этого несколько эмиров, испытывавших к нему неприязнь, лишили его жизни, к удовлетворению Тамерлана (35).

Это великое событие сделало Тамерлана хозяином империи Джагатая. Однако он придерживался правила всегда сохранять хана из рода Чингиз-хана, который не имел реальной власти,

в то время как сам Тамерлан, хотя и имел неограниченную власть, оставался на деле лишь регентом империи. После его смерти его дети пренебрегли этим правилом, и империя Джагатай была полностью разрушена.

Примечания:

1. Этон его называет «Гохагадай», а Мишу называет этих тартаров заволханцами. По сведениям того же автора, их называют еще «Такси» или «*Главная орда*», а хана — «*Иртликси*», то есть свободный человек, или «*Улуг-хан*», или «*Великий хан*».

2. Маракеши говорит, что ее еще называли «Кара-ходжа».

3. 630 год хиджры.

4. 640-й год хиджры, следуя генеалогической истории тартаров, или год 638 по Эбело.

5. Дети Джагатай : Мутуган, или Менука, Музи, Балда-шах, Сажин-лалга, Сарманс, Буссумунга, или Бусуменкай, и Байдар.

6. Другие называют его Бисун, или Байсур туа, сын Мутугана, сына Загатай.

7. У Никепей — сын Сарманса, или Сариана.

8. Правнук Мутугана.

9. Потомок Мутугана.

10. Г-н Пети называет после Балигу Абисука, сына Дойзи, или Давахана, Кепек-хана, Елчигедай-хана, сына Давахана, и Даватмур.

11. Сын Улугана.

12. Сын Жасура, или Иссур-аглена, сына Урек-Тимур-хана, сына Кутугая, сына Босая, сына Мутугана, сына Загатай.

13. 733 год хиджры.

14. 746 год хиджры.

15. 747 год хиджры.

16. Он происходил из семьи Актай-хана.

17. Сын Соргаду, сына бывшего загатайского хана Дава, или Дойзи.

18. Прозванный Аззеддином, а по другим источникам — Моеззиддином.

19. 752 год хиджры.

20. 753 год хиджры.

21. Сын Бурулдай из орды Урнат

22. 759 год хиджры.

23. Сын Бисунтимур-хана.

24. Сын Муселлы, сына Казагана.

25. 761 год хиджры

26. 762 год хиджры
27. 765 год хиджры
28. Сын Дорджи, сына Илчикадая, сына Дойзи, или Дайа-хана.
29. Так называли подданных хана Кашгара.
30. 1-го числа Рамадана 766 года.
31. *Карши* по-могольски означает «дворец». Это название было дано Нехшабу из-за того, что в двух с половиной льё от него Кепек-хан возвел дворец.
32. Осенью 767 года хиджры
33. 769 год хиджры
34. Этот хан правил в империи Джагатая, но нам неизвестен год, когда он начал свое правление.
35. 771 год хиджры

Книга пятая

ЗАПАДНЫЕ ТАРТАРЫ.

ЗАПАДНЫЕ ТАРТАРЫ

Западные тартары являются предметом данного исследования, и я поставил себе задачу написать их историю. Они расселились по всей Азии и заняли часть Европы и Африки. Римские историки их знали под названием гунны и насочиняли множество небылиц о происхождении этих народов, так и не сообщив нам точно, выходцами из какой страны они были. В Тартарии они носили название хионг-ну. Они основали там обширную империю, которая была разрушена китайцами. Тогда они разбрелись по свету. Одни отправились на запад и впоследствии вошли в Римскую империю. Всем известно о нашествиях знаменитого Атиллы. Другие остались на границе Китая и потерпели поражение от тартаров жеу-жен. Некоторые обосновались в Китае, где создали многочисленные империи. Они были почти полностью разрушены или, по крайней мере, не имели никакой мощи в Тартарии, когда один из вождей нации по имени Ту-мюэн встал во главе многочисленных орд и основал новую империю. Эти народы назывались тогда *тюрками*. Они стали хозяевами во всей Тартарии. Эти тюрки подразделялись на две ветви — восточные тюрки и западные тюрки, и каждая из них имела своего хана. Последние распространились до гра-

ниц Персии и Римской империи, на территорию которой они проникли. Они дали рождение венграм, узесам и патзинасам. В это время другие тюрки, называемые *хоеи-ке*, захватили Тартарию и сокрушили первых. Многочисленные орды тюрков, соседствовавшие с Персией, проникли на ее территорию под названием сельжукидов и завоевали земли вплоть до Константинопольского пролива. Они разделились на многочисленные ветви. Одна воцарилась в Персии; другая — в Икониуме; третья — в Дамаске, четвертая — в Алепе, пятая — в Кермане. Еще раньше тюркские рабы основали мощные империи, это — тхулуниды и ихшидиты в Египте и Сирии, газневиды — на севере Индии. Многие чиновники при дворе правителей сельжукидов воспользовались слабостью своих повелителей для того, чтобы создать новые империи; отсюда ведут свое происхождение султаны Харизма и царствовавшие в Сирии атабеки.

Во то время как эти правители царствовали в западной части Азии, Чингисхан, представитель нации моголов, относившихся к тюркам, укрепил свои позиции в сердце Тартарии и стал повелителем этой обширной страны. Правители, пришедшие ему на смену, вошли в Персию и покорили ее. Потомки Чингисхана образовали большое количество царств, среди которых Китайская империя была самой значительной. Персия, Крым и другие части Азии управлялись собственными ханами, потомками Чингисхана. В разрухе, вызванной нашествием моголов, те немногие представители сельжукидов Икониума, которые сохранились в горах Малой Азии, заложили фундамент Империи османов, сегодняшних хозяев Константинополя. Тюркские невольники, купленные у кипчаков, завладели властью в Египте и стали известны под названием мамелюки.

Тамерлан, тоже могол по происхождению и выходец из Тартарии, воспользовался слабостью чингизидов (чингисханидов), чтобы завоевать значительную часть Азии. Его потомки в настоящее время стоят у власти в некоторых царствах, особенно на территории Индии или, как мы говорим в наши дни, в Государстве моголов.

Вот так гунны появились в мире под разными именами. Но помимо указанных народов, есть еще другие, проживающие в западной части Тартарии, их история известна меньше, поскольку китайцы не позаботились сохранить ее для нас. К этим народам относятся у-фиун, многочисленный народ живший вблизи реки Или, народы Кашгара, Хотена и других соседних стран, во главе которых стояли собственные правители. Отсутствие письменных памятников не позволило мне обнаружить какие-либо подробности о них. Ясно лишь, что эти царства

были очень древними и существовали до рождества Христова, но у нас нет возможности ни составить последовательный список правивших там суверенов, ни представить различные семьи.

XXXIX

Моголы; по-китайски — «мум-ку»

В девятом и десятом веках во времена правления в Китае династии Тан обособленная орда моголов под названием сначала *мум-у*, а затем — *мум-кос* обитала на севере страны народов *ни-уче*. К 1135 году нашей эры они начали набирать силу и стали способны противостоять тем тартарам, которые стояли у власти в Тартарии и отчасти в Китае и известны под именем *кин*. Среди них появился некто Темуджин, чьи предки основали в свое время орду, проживавшую на севере страны, которая в наши дни носит название *Карчин*. Это был самый презираемый из всех народов Тартарии. Во времена *Е-фу-кэ*, его отца, их численность стала возрастать, и они покорили многие соседние орды, среди которых были и собственно тартары. *Е-фу-кэ* взял в плен хана по имени Темуджин; по возвращении из похода у *Е-ву-кэ* родился сын, которому он дал это самое имя в память о своей победе. Темуджин потерял отца *Е-фу-кэ* в первые годы своей жизни, а большая часть его орды ушла к племени *тесу*, которое было из той же семьи. Тесу напали на молодого Темуджина, но потерпели поражение. Когда тартары восстали против *кинов*, Темуджин встал во главе своих подданных и, двинувшись от реки *Онон*, присоединился к *кинам*, которые дали ему важный пост.

В то время *найманы* обладали в Тартарии большой мощью, а Темуджин входил в число их вассалов. Тайанхан, правитель *найманов*, в сопровождении *меркитов* совершил опустошительный набег на земли Темуджина, но потерпел поражение и был убит, а его воины разбежались. Эта победа резко увеличила мощь Темуджина, который после набегов на границы *си-хия* и *тангутов* собрал все орды у истока реки *Онон*, где и был провозглашен императором, взяв себе имя Чингисхана; это произошло в 1206 году нашей эры, третьем году 66-го цикла. Протяженность его империи известна, мы знаем, что он покорил Тартарию и что его армия дошла до Персии. Его дети, унаследовавшие власть, покорили весь Китай, разрушили империю халифов и совершали набеги вплоть до Венгрии. Двор этих правителей находился в Каракуруме, в Тартарии.

После смерти этого правителя императорская династия моголов была разделена на несколько. Одни стали правителями в Персии, другие — в Капчакии. Кублайхан унаследовал престол от Мангухана в Китае и считался полновластным императором. Остальные, правившие в других местах, были не более, чем его наместниками, но такая субординация долго не просуществовала; правители на местах при восшествии на престол больше не спрашивали одобрения тартарского императора, правившего в Китае.

XI

Династия Юань, или моголы из Китая

Эта династия взяла имя Юань. Чингисхан, покоривший значительную часть Азии, стоял у ее истоков. Покорив многие орды тартаров, он выступил против тартаров, называемых *си-хия*, владения которых простирались от Шен-си до Хами, напал на тартаров *ниу-че (кин)* и вторгся с войском в Китай; известны его походы в Персию. В период правления Мангу-хана войска моголов, с одной стороны, одержали победу над *халифами*, с другой стороны, завладели многими землями в Китае. Кублайхан, который был провозглашен императором после него, продолжал войну с *китайцами*. Он напал на императора *сунгов*, глубоко вторгся в их владения и стал хозяином столицы сунгов Хонг-чеу. Император был захвачен и отправлен в Пекин. Его преемник почти сразу умер, и в Куан-тонге появился третий правитель. У него был огромный флот и многочисленная армия, но все было разгромлено, и после этого Кублайхан стал полновластным хозяином Китая. Тогда он решил направить свои победоносные силы в Японию, но море стало препятствием его амбициям: корабли затонули. Кублай был одним из самых выдающихся правителей Востока; он владел Китаем, Пегу, Тибетом, всей Тартарией; Кошиншин, Тонкин и Корея платили ему дань, а другие правители, обосновавшиеся в Персии и в Кипчакии, признавали его великим ханом и ему подчинялись, но после него они начали сбрасывать гнет его преемников, и владения династии Юань ограничились Китаем и частью Тартарии.

Император Шун-ти, известный не столько своим правлением, сколько своею нравностью и пристрастием к удовольствиям и развлечениям, часто становился причиной всяких неприятностей. Придворные заметили это, многие этим воспользовались, некоторые постарались ему помочь советами. Он слишком полагался на своих министров; в империи насту-

пил опустошительный голод. В провинциях появились недовольные. В провинции Хо-нан один мятежник по имени Хан-лин-ёл назвал себя императором и дал семье имя Сонг. Другой, по имени Чу, появился в провинции Киянг-нан, очень скоро оказался во главе десятитысячной армии и завоевал многие земли. Все мятежники из разных провинций все больше укрепляли свои позиции, несмотря на усилия войск, направленных Шун-ти для их подавления. Двор погряз в интригах. наследный принц думал о троне и искал способ заставить Шун-ти отказаться от власти. Но план не удался, многие министры подверглись преследованиям со стороны принца. Многие были отравлены, некоторые — приговорены к смерти. Эти события лишь углубили и без того глубокий раскол. Мудрые и опытные министры покинули двор, спеша найти прибежище и укрыться от надвигавшейся бури. Два негодяя заправляли всеми делами, а император не был ни о чем информирован. В конце концов, Шун-ти был вынужден прибегнуть к помощи правителей из Тартарии, но ему предлагали помощь лишь с целью сохранения Китая за моголами и свержения его с трона. Он был вынужден пойти на вооруженный конфликт с собственной семьей.

Некоторое время спустя мятежник Чу назвался правителем У и стал очень мощным. Чу повсюду добивался успеха, Шун-ти всюду терпел поражение. Китайцы приближались к столице империи. Шун-ти собрал всех вельмож государства и заверил их в своем намерении вернуться в Тартарию. Многие бросились ему в ноги со слезами на глазах и просили выступить против врага, предпочитая смерть в бою позорному бегству. Шун-ти их не послушал и следующей ночью вместе с принцами и принцессами — членами своей семьи — тронулся в путь по направлению к Тартарии, а столица была захвачена. Династия Юань полностью угасла, но наследный принц основал в Каракуруме новую династию, которая получила название Северных Юаней. В Китае династия Мин пришла к власти.

XLI

Династия Северных Юаней, или ханы из рода халкас-моголов

После того, как Чу, или Хум-ву, основатель династии Мин, был изгнан с территории Китая тартарских моголов после того, как разгромил их последнего императора по имени Шун-ти и вынудил его отбыть в Тартарию, Бифурдархан, сын Шун-ти, основал за пределами пустыни Шамо новую династию Юань, получившую название Северных Юаней. Правители этой ди-

настии располагались вдоль рек Селинга, Орхон, Тула и Керлон. Таково происхождение Империи халкасов, чье имя носят в наши дни потомки Чингисхана. Они живут там по старинным обычаям, то есть они перегоняют свои стада с равнины на равнину, размещаясь в палатках, которые перевозят быки.

Я не нашел ни у одного историка точный список ханов из рода халкас, восходящего к Чингисхану, но я все-таки счел нужным привести здесь имена тех правителей, которые дошли до нас благодаря китайским писателям и нескольким нашим путешественникам: Ефурдархан, сын Шун-ти, Догуз-тимур, Е-фо-т-улх.

Эти правители последовательно наследовали власть, а затем все орды рассеялись и подчинились Китаю.

Пюен-я-ши-ли правил около 1400 года; Мохаммед, известный также под именем Шун-ним-ван; О-лу-тай, или Ордай, известный также под именем Хо-ним-ван. Эти два правителя являлись небольшими ханами в одно время. К 1425 году Ордай был убит Мохаммедом. Мохаммед шун-ним-ван, низложенный после 1425 года. То-то-по-хоа, унаследовавший от него власть.

До 1688 года халкасы находились под властью трех правителей братьев.

Шесакту-хан, которого *елёты* (Eleuthes) лишили его владений. Тусикту-хан, которому удалось спастись. Шешин-хан, в 1691 году признанный ханом халкасов.

С того времени, как тартары *ман-чеусы* стали хозяевами Китая, моголы халкасы в значительной степени утратили свое могущество. Китайцы дали им титулы и земли; в результате этого раздела их империя в какой-то степени прекратила существование, несмотря на то, что один остался и продолжает носить имя великого хана халкасов.

XLII

Ханы камулов

Город Камул, Камиль, или Хами, расположенный на востоке страны уйгуров и на северо-западе провинции Шеен-си, стал в Тартарии отдельным государством, которое не подчинялось ханам Малой Бухарии. К 713 году н.э. там пришла к власти семья Шин и владела эим городом и окрестностями. Имена 10-ти правителей нам неизвестны. Когда моголы завоевали Тартарию, Камул попал в их подчинение и оставался под властью ханов - потомков Чингисхана, стоявших у власти в Китае. К концу

правления моголов и к началу установления власти династии Мин в Китае Хона-шели-че был провозглашен правителем Камула. Мне неизвестно, был ли он из семьи Чингисхана.

Хона-шели-че. Ганке-Тимур, его брат, наследовавший от него власть. Он правил в 1397 году. Он носил имя Чунг-чун-вам. Тото фу, сын Хона-шели-че, наследовавший ему. Он умер в 1404 году. Кели-Тимур, его родственник, наследовавший ему.

Имена правителей, унаследовавших от него власть, неизвестны. Камул перешел под начало елёттов, а затем — китайцев, которым принадлежит до сих пор.

XLIII

Моголы из Персии и Ирана

Хулагу-хан, внук Чингисхана, был отправлен в Персию императором Мангу-ханом, чтобы покорить *халифов*. После того как Хулагу-хан покорил Багдад, он отправился в Сирию и покорил ее. Он не вернулся со своим войском в Тартарию, а остался в Персии и обосновался со своим двором в Торызе. Насколько известно, он покровительствовал христианам и находился в состоянии перманентной войны с магометанами. При этом он не был неограниченным монархом, на монетах чеканилось не его имя, а имя Мангу-хана, который смотрел на него как на наместника, и это продолжалось до правления Аргун-хана, сына Абака-хана. Аргун начал ставить свое имя рядом с именем великого хана, правившего в Китае, а Махмуд-Газан-хан, сын Аргуна, пошел еще дальше. Он отбросил имя великого хана и стал абсолютным монархом, утверждая что императорской властью обязан лишь своей сабле.

Эти персидские моголы, после того, как покорили значительную часть Сирии, продвинулись в глубь Малой Азии и свергли мощную династию сельджукидов из Икониума. Персидские моголы ведут свое начало с 657 года хиджры или с 258 года от Рождества Христова, когда умер Мангу-хан.

Господство этих моголов завершилось с правлением Абусаид-бахадур-хана. Правители династии Джубанидов (*Dgioubaniens*) самовольно возводили на трон и свергали с него его преемников. Анусшируан пришел к власти, лишился ее по воле Малек-эль-Ашрафа Джубанида. Ашраф не поставил больше у власти хана из семьи Чингисхана, а объявил себя сувереном империи, но Джанибек-хан, император Кипчакии, сверг его в 756 году хиджры, то есть в 1355 н.э., и завладел его территориями. Эти моголы владели всеми провинциями Персии, Сирии и Армении.

XLIV *Джубаниды*

Вожди племени *юлдуз*, известные под именем Джубаниды, пользовались большим доверием во времена правления Абусаид-бахадур-хана, императора персидских моголов. Эмир Джубан был генералом и командовал войсками Абусаида, до этого он был его наставником и полновластно управлял империей, но его отказ выдать свою дочь замуж за этого правителя стал причиной его смерти. Тимурташ, сын эмира Джубана, отделился от египетских мамелюков. В период потрясений, последовавших за смертью Абусаида, Шейх-Хасан-Кучук, сын Тимурташа, возглавив войска, разгромил Мохаммед-хана, который был возведен на трон Хасан-Джелаиром. Хасан-Кучук, не принял титул хана, а стал суверенным правителем провинций, которыми завладел. Он и его сын составляют маленькую династию Джубанидов. Начало ее правления относится к 738 году хиджры и 1337 году н.э.

Этот правитель из-за своего скандального характера и тирании стал причиной того, что вельможи Могольской империи в Персии отправились к Джанибек-хану, который в то время правил Кипчакией, и добились его согласия свергнуть Ашрафа. Ашраф погиб в сражении под Адхербиджаном, вблизи Хои, год 756 хиджры и 1355 н.э., и Джанибек-хан, правитель всех этих государств, оставил там своего сына Бирдибека, но он после смерти Джанибек-хана был вынужден вернуться на трон в Кипчакию.

XLV *Ильханиды*

Шейх-Хасан-Бузрук-Джелаир, потомок Абусаид-хан-бахадур через его сына Аргун-ильхана, от которого и пошло имя Ильханиды, является основателем этой маленькой династии. Эти правители, так же, как и Джубаниды, воспользовались смутой, царившей в Могольской империи, чтобы встать у власти во многих провинциях, особенно в Ераке, и разместили свой двор в Багдаде. Они владели Арабским Ераком и Адхербиджаном. Господин д'Эрбело относит начало их правления к 737 году хиджры и 1336 году н.э.

Ахмед, 795 год хиджры или 1392 н.э., был изгнан из Багдада Темирланом, он туда вернулся несколько лет спустя и вновь был признан султаном. Спокойствие длилось недолго. Каражозеф, правитель тюркоманов Черного барана, нанес поражение Ахмеду в 813 году хиджры или в 1410 году н.э. и взял его в плен.

Впрочем, он вернул ему его территории, но высшие чиновники Ерака донесли Каражозефу о беспокойном нраве Ахмеда и о его замыслах возобновить войну. Следствием этого стал приказ Каражозефа казнить Ахмеда и его детей.

XLIV *Ханы Джагатай*

Джагатай-хан, второй сын Чингисхана, получил в удел провинции Туркестан и Трансоксианию от границ Агура до Самарканда. Бишбалиг, расположенный у реки Или, был столицей этих государств. Несмотря на то, что он стоял у власти в этих провинциях, он оставался весьма зависимым от своего брата Октай-хана, преемника Чингисхана в Тартарии. Его потомки сохранились в этой стране и взяли имя Джагатай. В наше время это значительная часть Бухарии. Я нашел лишь неточные списки этих правителей.

Тамерлан, пришедший к верховной власти, а затем его преемники пренебрегли именами ханов из семьи Чингисхана и были владыками Трансоксиании.

XLVII *Кипчакские могольские ханы*

После того как Чингисхан покорил большую часть народов Большой Тартарии, он поставил своего сына Тусши-хана во главе большого войска и отправил его завоевывать северные страны, то есть Кипчакию, Россию, Венгрию, Польшу и Болгарию. Тусши-хан победил сначала кипчаков, которые спасались бегством вплоть до границ Венгрии; оттуда он отправился на покорение половцев (Poloutziens). Русские за попытку оказать помощь полякам, в свою очередь, подверглись нападению и преследованию вплоть до Борицына. В этих походах правитель умер, оставив после себя сына Бату-хана, который продолжил завоевания. Он захватил Москву и опустошил всю Россию. Моголы дошли до границ Польши и Венгрии, затем они вернулись в Россию и разместились по берегам Волги. Там Бату-хан разрушил Сарай (Sagai), имевший большую известность и бывший столицей империи.

Со времен правления Токатмиш-хана Кипчакская империя подвергалась суровым испытаниям, и я не нашел ни у одного историка точный список преемников Токатмиша. Шеахмед является последним кипчакским ханом. Он укрылся в Польше, где был заточен в Кун в 1506 году войсками Александра, короля Польши, и по просьбе Менгели-Керая, крымского хана. С

этим ханом завершилась эпоха Кипчакской империи; Крымское, Казанское и Астраханское царства являются следствием ее распада.

XLVIII *Династия Нагайи*

Нагайя является основателем этой маленькой династии, существовавшей одновременно с кипчакскими ханами. Он был сыном Могола, сына Тхатхара, сына Тусши-хана, сына Чингисхана. Нагайя, или Нога, был отправлен правителями своего народа в северные края, тесно примыкавшие к Греческой империи, для завоеваний. Он разгромил там всех правителей, которые были разобщены; затем, видя поддержку многочисленного войска, он не захотел больше признавать власть своих бывших правителей и провозгласил себя независимым. Он правил западными тартарами и вступил в альянс с Мишелем Палеологом, с незаконнорожденной сестрой которого Ефросинией он вступил в брак, что упрочило его позиции и сделало его более могущественным. Он часто имел дело с соседними с ним болгарами.

Джияка, сын Ногайи, женился на дочери Тертера, короля Болгарии. Вступив в несколько конфликтных ситуаций с одним из офицеров по имени Тонгуз, который обратился за помощью к Тогтагу, кипчакскому хану, Джияка нашел прибежище у Осфендиса-лав, своего шурина, бывшего королем Болгарии; они вместе отправились в Терново, где он был впоследствии арестован и убит по приказу шурина. Тогда великий хан Тогтагу завладел всеми землями Джияка.

XLIX *Могольские ханы Малой Бухарии*

История показывает, что империя Джагатая не просуществовала долго и распалась, что его потомки обосновались в различных местах. Нам неизвестно, когда это произошло. Есть основания полагать, что поражение моголов в Китае, их изгнание в 1376 году и войны, имевшие место до их полного сокрушения, вынудили жителей Малой Бухарии, которые не смогли найти в своей стране правителя из семьи Чингисхана, способного управлять ими, избрать ханом Амил-ходжу, который носил титул Исан-Бога-хана и правил в Большой Бухарии. Земли этого правителя в Малой Бухарии включали в себя Кашгар, Ер-

кен, страну уйгуров до Камула. Столицей являлся Бишбалик, называвшийся также Илибалик. Но необходимо отметить, что несмотря на тот факт, что оба эти названия обозначают место расположения этих ханов, Бишбалик находился восточнее и был затем перенесен ближе к западу.

В 1683 году контайжи из елетов, названный Босшту-ханом, завоевал города, принадлежавшие Еркену из Кашгара, и в основном всю Малую Бухарию и обязал ее народы платить ему дань. Но после его смерти Ердени-Зурукту-бахадур, который стал контайжи, вновь вошел в эту страну и начал воевать с теми ее народами, которые отказывались платить небольшую дань, предписанную им предыдущим правителем. Он их полностью покорил, приблизил к себе их правителя по имени Ерке-хан, и королевство Малой Бухарии стало провинцией империи калмыков; бухарцы отправились в страну контайжи, где занялись земледелием.

L

Туранские, или сибирские ханы

После того как Бату-хан, внук Чингисхана, взял Москву, он передал земли одному из своих родственников по имени Шейбани, который расположился в горах Арала, у Жайыка. Это правитель покорил Сибирь и стал ее сувереном. Об этой империи известно мало.

Есть сведения о том, что в 1627 г. сибирский хан отправил послов к царю Михаилу. Русские незаметно завладели Сибирью.

LI

Узбекские ханы из Бухары

В эпоху правления Султан-Хусаин-мирзы потомок Тамерлана, правивший в Мавераннахаре, по имени Шайбек-султан, внук Абулхаир-хана, потомка Чингисхана, имевшего владения вблизи Жайыка, вторгся во владения Султан-Хусаина и завладел Мавераннахаром, который подчинялся в то время этому правителю. Затем он вторгся в Хорасан, разрушил власть тимуридов и вынудил их искать пристанища в других местах. Затем он покорил Хорезм. Эта победа послужила причиной того, что узбеки обосновались в этих провинциях и вернулись в страны, которые в свое время у них отобрали тимуриды. 1498 год считается первым годом правления Шайбек-хана. Его потомки правили Бухарой, в то время как другие, принадлежавшие к той же нации, обосновались в Ургенче, в Хорезме.

Не нашлось историков, которые дали бы нам сведения о тех, кто наследовал этим правителям, и неизвестно, существуют ли они еще в Большой Бухарии.

ЛII

Узбекские ханы из Хорезма

После того как Шайбек-хан покорил Хорезм и поставил править городами этой страны своих приближенных, он отправился воевать против шаха Исмаила, короля Персии, но имел несчастье потерпеть поражение и был убит под городом Меру. Шах Исмаил отправил своих губернаторов по городам Хорезма. Омар, кадни города Васир, представил народу, что персы исповедуют иную религию и призвал к сопротивлению. Жители Вазира обратили свой взор на человека, известного своей порядочностью, и решили сделать его ханом, но он отказался и предложил Ильбарс-султана, сына Бурга-султана, потомка Шейбани. Жители избрали его ханом. Они зарезали всех персов, находившихся в Вазире. Ильбарс был провозглашен ханом в 911 году хиджры или в 1506 году н.э., в год овцы по тартарскому циклу. Ставкой этих правителей был Ургенч.

ЛIII

Крымские ханы

Крымские ханы являются потомками кипчакских ханов из семьи Чингисхана. В междоусобных войнах, последовавших за смертью Токатмиш-хана, Хаджи-Керай-хан, его потомок, ушел в Крым. Он там находился с 1441 года и воевал с генуэзцами из-за Кафы, принадлежавшей последним. Хаджи-Керай-хан не только не хотел больше признавать кипчакских ханов, но вступил с ними в войну и установил связи с поляками. В 1465 году Папа отправил к нему послов. Хаджи-Керай умел так хорошо защищать страну, которую покорил, что смог ее оставить своим потомкам. Именно этих правителей называют крымскими ханами, или малыми тартарами. Они продолжают еще править и в наши дни и в какой-то степени подчиняются туркам из Константинополя.

Эти тартарские правители располагались со своим двором в Бахчисарае и стали как бы первыми подданными Османской империи, от которой они полностью зависели.

LIV

Казанские ханы

Казанское ханство, как и Крымское, являлось отпавшей частью (осколком) Кипчакии. Они сформировались примерно в одно и то же время, то есть после смерти Токатмиш-хана и во время бедствий, сотрясавших в тот период эту империю. Это ханство располагалось на берегах Волги к северу от Астраханского ханства. Столица — Казань, расположенная на холме на левом берегу Волги. Это ханство постоянно находилось в состоянии внутренних междоусобиц, а также в состоянии войны с русскими. Народы Казанского ханства часто объединялись с народами Крымского ханства для набегов на Россию. Правители которых мы находим среди ханов, являются отпрысками крымских ханов, ставших казанскими ханами.

С давних времен казанские тартары совершали набеги на Русскую империю, царь Иван Васильевич часто высылал против них свои войска. Впрочем, эти тартары были недовольны своим ханом и отправили своих послов в Москву к царю просить помощи в свержении хана Шигалея. Царь отправил одного офицера с поручением привезти хана в Москву. Таким образом, казанцы подчинились царю и принесли ему присягу; однако некоторое время спустя они восстали и восстановили власть Еди-Керая, хана астраханского. Царь тут же собрался в поход. Когда он прибыл в Свиягу, он призвал Еди-Керая сдаться, но тот ответил, что готов сражаться, тогда царь осадил Казань и взял ее приступом в 1552 году. Еди-Керай был помилован и прибыл в Москву, где был крещен и наречен Симеоном.

LV

Астраханские ханы

Город Астрахань, или Хаджи-Терхан, расположенный на острове Делгой на Волге, в прежние времена был отдельным ханством с собственными ханами. Эти правители, пользуясь царившим в Кипчакии беспорядком и следуя примеру крымских и казанских ханов, провозгласили себя суверенами в этом городе. Есть данные о том, что они начали сопротивление позже других и потому смогли достичь независимости лишь после полного разгрома кипчакских ханов, располагавшихся в Сарае, на берегу Волги, вблизи Астрахани. Я не нашел никаких последовательных данных об этих ханах. При этом я не считал возможным пропустить здесь имена нескольких правителей из

этой ветви для того, чтобы те, кто будет обладать более обширными знаниями, смогли составить точный список. Я полагаю, что Астрахань принадлежала изначально ногайцам, которыми управляли различные мирзы, и что ногайцы относятся к тем тартарам, которые дольше остальных находились в подчинении кипчакских ханов.

Ибак был правителем ногайцев в 1480 году. Касим, правитель Астрахани, жил в 7040 году по русскому летосчислению или в 1532 году н.э. Абдеррахман, правитель Астрахани в 7041 году по русскому летосчислению или в 1533 н.э. Он жил еще в 7050 году по русскому летосчислению или в 1542 н.э. Емгурзей, правитель Астрахани, в 7059 году по русскому летосчислению или в 1551 н.э.

В 1554 году царь Иван Васильевич отправил генерал Прусского на осаду Астрахани; этот город был взят штурмом. Вяземский, находившийся под командованием генерала Прусского, нанес поражение Емгурзею, бежавшему в Азак. Царь поставил у власти в Астрахани Дербиса. После этого страна пережила несколько бедствий, а в 7065 году по русскому летосчислению или в 1557 н.э. Дербис сбежал, и Астрахань полностью покорилась царю и с того времени стала провинцией русской империи.

LVI *Тимуриды*

Тамерлан, основатель этой новой Могольской империи, был из племени берласов (берла) и являлся, как и Чингисхан, потомком принцессы Алаганва. Многие писатели дают сведения о его происхождении, о его воспитании и о его великих победах. От Мавераннахара и Туркестана он дошел до Малой Азии и покорил на своем пути все эти обширные страны. Но после его смерти преемники не смогли сохранить владения и урезали их до Мавераннахара, Хорасана и других персидских провинций. Начало величия Тамерлана датируется 771 годом хиджры или 1369 годом н.э. Все эти правители столько раз отвоевывали страны один у другого, что очень сложно сделать их последовательный список.

Шайбек, сын Абулхаира, хан Турана, или Сибири, вторгся во владения тимуридов и опустошил эти страны. Бади-Еззаман спасся, сбежав в Персию к Исмаэлю-Софи.

LVII.

Бабуриды, или Великие моголы

После смерти Абусаида его сын Омар-шейх завладел Андежаном, которым правил до 899 года хиджры или до 1493 года н.э. Он оставил страну сыну Бабуру. В 904 году хиджры или в 1498 году н.э. этот правитель не сумел оказать сопротивление Шайбек-хану и бежал в Газну, откуда перешел в Индию и основал там мощную империю, которую сегодня мы называем Великой могольской (Великий могол).

Эти правители все еще стоят у власти в Индии. В 1739 году в этой стране правил Мохаммед-шах; он потерпел поражение от Тамас-Кули-хана, который был коронован императором моголов, но затем этот победоносный хан удовлетворился данью и восстановил Мохаммед-шаха на могольском троне.

LVIII

Джунгары, или калмыкские, или елетские ханы

Елетские, или калмыкские ханы являются моголами. Среди них есть те, кто уверяет, что они ведут свой род от Тамерлана, и те, кто считает себя потомками Чингисхана. Они проживают к западу от халкасов вдоль рек Иртыш и Или в Тартарии. Они делятся на три основные ветви : джунгары, кошоты и торгуты. Первая ветвь, самая мощная, подвластна правителю по имени Контайжи. Он мог поставить под ружье огромные войска, жил в юрте (шатре), как и все остальные тартары, и разбивал лагерь то вблизи озера Зайсан, то у реки Или. Мы не находим ни у одного историка сведений о том, как сформировалась Калмыкская империя, и у нас также нет возможности составить полный лист ее правителей, несмотря на все предпринятые в этом направлении усилия. Владения Контайжи должны были состоять отчасти из того, что принадлежало чингисханидам во времена их царствования в Китае. Затем они покорили Малую Бухарию, которая принадлежала другой ветви чингисханидов. Титул «чонгкар» или «джионгкар», который носили эти правители, означает «восточная рука» или «восточное крыло», то есть это тот, кто правит восточными странами. К началу этого века торгуты покинули контайшские страны и под предводительством Аюки обосновались в степях Астрахани под защитой России. Вот что мы смогли собрать о калмыкских ханах, которые жили вблизи реки Или.

Эти правители все еще находятся у власти в Тартарии. Что касается кошотских калмыков, то они занимали Тангутское

ханство и находились в подчинении Далай-ламы, который ставил обычно двух ханов для управления ими.

ДРУГИЕ МАЛЫЕ ХАНСТВА ТАРТАРИИ

LIX.

Ханство Усюн

У китайских историков мы находим крайне недостаточные сведения об этих народах, проживавших вдоль реки Или и в близлежащих странах. Их столица, или главное стойбище (бивуак), находилась на берегу этой реки, примерно в том месте, где в наши дни находится Харкас. Они ведут свое происхождение от народов, живших вдоль западных границ Китая. У них те же нравы, что и у остальных народов Тартарии, они очень смелы, но коварны, скупы и сильно склонны к воровству. Их соседями с восточной стороны были гунны, с юга — Малая Бухария, с запада — Кипчакия и Мавераннахар. Правитель этой страны мог поставить под ружье 188 800 воинов. Он носил титул «та-куен-ми», или «великий куен-ми». Есть основания полагать, что эта империя возникла около 174 года до н.э., но нам неизвестны имена правителей, находившихся там у власти до 105 года до н.э.

После правителя У-че-ми, правил во 2-м году до н.э., об усюнах не было ничего слышно до того времени, как жеу-жен обосновались в Тартарии. Они постоянно совершали набеги в страну Усюн и вынудили последних покинуть эти места. Усюны отправились на запад, к горам, отделявшим малую Бухарию от Мавераннахара.

LX

Игурское государство (королевство)

Игуры, называемые еще уйгурами, издавна, то есть с конца времен до рождения Христова, разделялись на две основные орды, образовывавшие два достаточно больших государства, находившихся то в подчинении гуннов, то китайцев. Первые назывались «ун-уйгуры», то есть «уйгуры десяти рек», поскольку в этой стране было десять рек. Вторые, по той же причине, назывались «токос-уйгуры», то есть «уйгуры девяти рек». Китайцы называли последних «ху-че-су», то есть «вторые че-су», а других — «циен-че-су», то есть «первые че-су». Поначалу обеими этими ордами управлял один правитель, затем произошло разделение, и каждая орда избрала собственного правителя.

Правитель ун-уйгуров носил имя Ил-иттар, а правитель токос-уйгуров назывался Ил-ирджин.

Нам неизвестен последовательный список их преемников. Позже страна перешла под господство Пе-Леамов, которые пришли к власти в Шен-си в 301 году н.э. Затем Пе-леамы, или северные Леамы, обосновались в тех местах и были изгнаны жеу-женами. В те времена многие орды уйгуров снялись с прежних мест и отправились в дальние страны, несколько групп дошли до границ Европы.

В 460 году Чу-ло-хан, император тартаров жеу-женов, разгромивший Ган-чеу из семьи Пе-леам, обосновался в Тюрфане, или в стране игуров, и передал это государство Кан-пе-чеу.

LXI

Государство Ша-чеу

К концу правления императорской династии Там Чанг-ы-чао обосновался в Ша-чеу вблизи озера Лоп, в пустыне. Его семья просуществовала до прихода к власти династии Леам, после чего была разрушена, и народ передал власть и титул правителя Ы-кину.

LXII

Города Кашгар, Еркен, Хотен, Акшу и другие, как я уже отмечал, образовывали в старину и со времен гуннов отдельные государства, но нам удалось найти лишь несколько правителей, которые находились там у власти. Не представляется возможным дать их полный и последовательный список.

Книга восемнадцатая ТУРАНСКИЕ МОГОЛЫ.

ТУРАНСКИЕ МОГОЛЫ

Эта ветвь моголов правила в отдаленных странах, заселенных народами, которые приложили усилия, чтобы передать потомкам свою историю, а эти тартары были слишком несведущи, чтобы самостоятельно изложить свою историю, и потому она нам практически неизвестна. Абулгази все-таки сохранил для нас некоторые подробности, и мы их не упустим, чтобы хотя бы частично восстановить последовательность правите-

лей и составные части этой империи, которая простиралась вплоть о Сибири.

После того как Бату вернулся из похода, сделавшего его хозяином северных стран, он передал своему брату Шейбани большую часть земель, которые были отвоеваны у союзников России и на которых размещались моголы из орд Кюриф, Найман, Карлик и Игур. Орда-Итзен, другой брат Бату, добавил к ним еще пятнадцать тысяч могольских семей при условии, что Шейбани разместится между странами, покоренными Бату, и теми, что были в подчинении у Орда-Итзена. В результате Шейбани выбрал местом своего летнего проживания окрестности Аральских и Жайыкских гор, а для зимовья — район Каракумов и Аракумов, вдоль рек Сыр и Саресу, а одного из своих сыновей он отправил с многочисленным войском в города, отданные ему Бату. Мы не знаем, что это была за страна, но существует мнение, что ханы Немет ведут свой род от этой ветви потомков Шейбани. Можно заподозрить, что эти Неметы, которых мы совсем не знаем, могли быть крымскими ханами. После Шейбани (1), умершего в одной из стран, граничивших с Жайыком, к власти пришел его сын Бахадур-хан, которому кипчакский хан Мангу-Тимур отдал Ак-Орду, то есть Белую Орду. Ему (2) наследовал его сын Суси-Буга (3), затем — его сын Бадакул, за ним — Магу-Тимур, сын Бадакула. Последний за смелость и ум был прозван Кутлуком (4).

Фулат-хан унаследовал власть от своего отца — Мангу-Тимура и оставил двух сыновей : Дулет-Шейх-аглена и Арабшаха, которые поделили между собой владения отца. Арабшах стал правителем Голубой Орды. Он совершил набег на Русь, пошел войной на Нижний Новгород. Сначала русские заставили его отступить и бросились за ним в погоню, но когда они подошли к реке Пьяна и потеряли бдительность, тартары вернулись и окружили их, русские обратились в бегство, тартары стали их преследовать, дошли до Нижнего Новгорода и сожгли его. Дулет-Шейх-аглену наследовал сын Абулхаир-хан, которого боялись и уважали все соседи. Арабшаху наследовал его сын Наджи-Тули, а после него к власти пришел Тимур-Шейх (5). Во время его правления две тысячи калмыков вторглись на его земли и опустошили их. Тимур-Шейх решил оказать им сопротивление и пал в бою. Он не оставил наследников. Большинство его подданных перешли к другим правителям. Игуры стали единственными, кто остался. Когда стало известно, что одна из его жен беременна, они не захотели ее покинуть, а найманы, которые уже находились в пути, узнали эту новость, когда остановились на привал, и решили там оставаться, пока жена Ти-

мур-Шейха не разрешится от бремени, и если это будет мальчик, то они вернутся. Когда женщина родила сына Жадигара, найманы признали его своим ханом. Чтобы отметить радость объединения, игуры уступили найманам на общем собрании левую сторону, и отныне на всех собраниях, каким бы ни был повод, игуры размещались справа, что было менее почетно.

Жадигар-хан имел четверых сыновей (6), старший по имени Бурга-султан был очень смелым, он жил во времена Абулхаир-хана, сына Дулет-Шейх-аглена, который был старше него.

Абусаид-мирза, потомок Тамерлана, правил в это время в Мавераннахаре и только что завладел всеми государствами, принадлежавшими Абдаллатифу-мирзе, другому принцу из той же семьи, а его сын по имени Мирза-Мохаммед-Джуки состоял при Абулхаир-хане, его союзнике. Пока он находился при нем, стало известно, что Абусаид-мирза вошел с войском в Хорасан, а затем — в Мазандеран, передав управление Мавераннахаром эмиру Масиету, вождю орды Арлат. Мирза-Мохаммед-Джуки обязал Абулхаира предоставить ему войска, чтобы войти в эти государства, а Бурга Султан должен был его сопровождать во главе тридцатитысячной армии. Оба правителя встретились в районе Ташкента, который сразу же распахнул перед ними двери. Затем они завладели Шарохиа и, перейдя Сыр, или Сихон, взяли путь на Самарканд. Там они без промедления вступили в бой с войсками правителя этого города. Бурга-султан командовал левым крылом войска, Жишхан-аглен — правым, а Мирза-Мохаммед-Джуки находился в центре. Правитель Самарканда потерпел поражение и без промедления укрылся в таком месте, откуда он смог уведомить о случившемся Абусаид-Мирзу, который сразу отправился в указанном направлении. Войска Абулхаира были полными хозяевами во всех городах Кузина, Карминиа и Мавераннахара, за исключением Самарканда и Бухары, которые они не решались брать в осаду. Когда Бурга-султан узнал, что этот правитель движется по направлению к Балху, он придерживался мнения, что нужно избежать боя и отойти к реке Аму, или Гихон, и отбить переправу. Но сторонники Мирза-Мохаммед-Джуки сочли более приемлемым вновь перейти Сыр и уйти по направлению к Шарохиа, что и было сделано, несмотря на сопротивление Бурга-султана. Большое количество дезертиров прибыло из войск Абусаид-Мирзы. Бурга-султан, жестоко расправившись со всеми, до кого смог добраться, вернулся в свою страну, оставив Мирза-Мохаммед-Джуки с его сторонниками запертыми в Шарохиа, где он после четырехмесячной осады был вынужден сдаться врагу (7).

Некоторое время спустя Ходжаш-Мирза и Мусаби, два

эмира, соседствовавших с государствами Жадигар-хана, после совместного участия в нескольких вооруженных конфликтах, вступили в крупное сражение, и Мусаби был вынужден отступить и искать укрытия у своего друга Бурги-султана. Поскольку отец последнего, хоть и был признан ханом, не пользовался еще всеми атрибутами суверенности, то и сын, Бурга-султан, ничем не мог помочь Мусаби. Он собрал на совет элиту нации и смог их убедить единогласно поддержать суверенность отца. После этого он поднял войска и пошел вместе с Мусаби против Ходжаш-мирзы. Еще стояла зима, дороги были занесены снегом, что не давало возможности подвезти провиант, большинство офицеров предпочитали отступление. Бурга-султан настоял на продвижении вперед, несмотря на неподходящие погодные условия. Сам Мусаби, убежденный, что все будет потеряно, если продвижение вперед не прекратится, неоднократно просил Бурга-султана перенести экспедицию на следующее лето. Все, чего ему удалось добиться, это обещания об отступлении, если в ближайшие два дня не поступит никаких новых сведений о враге. Вскоре на пути встала большая гора, с вершины которой Бурга-султан смог увидеть неприятеля, разбросанного по ущельям. Он собрал войска и напал столь внезапно, что войско Ходжаш-Мирзы потерпело полное поражение. Малай-хан-Заде, дочь этого эмира, попала в плен и стала женой Бурги-султана.

С другой стороны, Абулхаир стал настолько силен, что все соседние правители объединялись в союзы против него и объявляли ему войну. Не выдержав численности нападавших, он проиграл сражение и был приговорен к смерти вместе с несколькими своими детьми (8), попавшими в руки врага. Остальные были разбросаны. Среди всех этих бедствий Бурга-султан захватил несколько провинций, принадлежавших Абулхаиру, но впоследствии Шайбек-султан, его внук, вошел в государства своего деда, и все народы покорились ему. В течение долгого времени Шайбек таил зло на Бургу-султана и ждал благоприятного момента для мести. Однажды они оба расположились лагерями у берегов реки Сыр, и Шайбек созвал некоторое количество своих людей под предлогом сборов на охоту и отправился с ними к лагерю Бурги-султана, попросив их сосредоточиться не на дичи, а на том, чтобы захватить в плен самого правителя. Они неожиданно напали на лагерь. При первом же шуме Бурга-султан переоделся и скрылся в зарослях камыша на берегу озера, где он серьезно себя поранил. Его нигде не могли найти и привели к Шайбеку одного из игурских эмиров по имени Манга, который выдавал себя за Бургу-султана, но обман был раскрыт. Этот

эмир взял себе имя Бурги с единственной целью спасти правителя, которому он был очень многим обязан. Шайбек восхитился благородством этого игура и вновь снарядил людей на поиски Бурги. В это время снег был глубоким, и удалось заметить следы босого человека на снегу и несколько капель крови. По этим признакам удалось выйти к тому месту, где прятался Бурга. Его привели к Шайбеку, который вынес ему смертный приговор (9). Ходжа-Мохаммед-султан (10), называемый узбеками Ходжа-Амтинтак, по собственной глупости увязался за племянником в эту вылазку и женился на его беременной жене Малай-хан-Заде, которая разрешилась от бремени мальчиком, названным Джанибеком. Ходжа-Мохаммед хотел, чтобы этого ребенка считали его сыном.

Ханы Большой Бухарии

Впоследствии Шайбек стал одним из самых могущественных правителей Азии. Во главе огромного войска он вошел в Мавераннахар (11), а затем — в Хорасан (12), откуда он изгнал Бади-Еззамана, правителя из рода Тамерлана, которого преследовал вплоть до древнеперсидского Ерака. Он умертвил всех попавших в его руки правителей этого рода. Бади-Еззаман оставался некоторое время в Персии, где ему удалось уговорить Шаха Исмаил-Софи придти ему на помощь. Это правитель бросил все свои войска против Шайбек-хана, с которым встретился в Меру. Шайбек погиб в бою вместе с большей частью своего войска (13).

Кушанджи, самый могущественный из могольских правителей, наследовал Шайбек-хану. Мирза-Бабор, принц из рода Тамерлана, который правил на границе с Индостаном, вошел в его государства вместе с Ахмедом Исфакхани (14) и опустошил всю страну Нахшаб, но впоследствии (15) Кушанджи-хан заставил их уйти оттуда. Тогда же этот правитель умер, оставив после себя сына Абусаида, который правил в течение четырех лет, ему на смену пришел его двоюродный брат Обеид-хан (16). Он разорил Хорасан, откуда был изгнан Шах-Тамаспом, королем персидским. Он постоянно продолжал делать набеги на эту провинцию, пока не умер в Бухаре, ее столице (17). Трон перешел к Абдалла-хану (18), который продержался у власти лишь шесть месяцев, а после него на трон взошел его сын Абдолмумин (19), который стал последним принцем из потомков Шейбани, правившем в Бухарии. Он был убит потомками Тогай-Тимура, второго сына Тусши-хана, к которым и отошла империя. Преемники Абдолмумина : Имамкули-хан, умерший

около 1642 года, Надир-Мохаммед, низложенный в 1646 году, Абдолазиз-хан, его сын. Эти правители еще стоят у власти в Большой Бухарии, но их империя разделена: есть хан в Бухаре, есть — в Самарканде, есть — в Балхе, и так далее.

Большая Бухария включает в себя в настоящее время древние Согдиану и Бактриану с зависимыми от них территориями. Она расположена между 34 и 44 градусами широты и 92 и 107 градусами долготы и граничит на севере со страной калмыков, на востоке — с Малой Бухарией, или королевством Кашгар, на юге — с государствами Большого Могола и Персией, и, наконец, на западе — с государством Хорезм. Она вытянута в длину примерно на 150 немецких льё в самом протяженном месте, и примерно на столько же в ширину в самом широком месте. В настоящее время это самая культурная и населенная страна во всей большой Тартарии. Тартары, которые населяют ее и исповедуют магометанскую религию, являются, по общему мнению, самым цивилизованным из всех этих народов, хотя и не перестают быть большими ворами, как и все остальные тартары. За исключением тяжелых сапог, в которых они ходят, они одеваются — и мужчины, и женщины — в персидской манере, но менее чисто. Самые знатные среди них прикалывают к тюрбану султан из перьев. Их оружие примерно такое же, как и у остальных народов Тартарии, то есть: сабля, стрела, копье и лук, более тяжелый, чем обычно, которым они пользуются с большой силой и ловкостью; с недавнего времени они начали применять аркебузу — на персидский манер. Когда они идут на войну, большая часть всадников надевает кольчуги и имеет при себе небольшой щит для отражения сабельных ударов. Эти тартары уверены, что они самые сильные и самые храбрые из всех народов Тартарии. Действительно, персы, известные своей храбростью, их боятся. Даже женщины отличаются большой смелостью, часто отправляются на войну вместе с мужьями и не боятся участвовать в сражениях. Чаше всего они прекрасно сложены и не особенно красивы, но иногда встречаются настоящие красавицы.

Лошади у этих тартаров не отличаются экстерьером, ни грудь, ни круп не представляют собой ничего особенного, шеи длинные и прямые, ноги высоко поставлены, живота нет совсем. Практически все они отличаются поджаростью, но при этом горячи и неутомимы: им достаточно немного травы, какой бы чахлой она ни была, а если ее нет совсем, они обойдутся мхом. В природе этой страны есть все, чтобы сделать жизнь приятной. Горы богаты полезными ископаемыми, долины плодоносны, земля покрыта травой в рост человека, реки

полны превосходной рыбы, а леса, которых повсюду осталось немного, встречаются здесь часто. Но тартары по своей природе настолько ленивы, что предпочитают воровать или совершать набеги на соседей, чем заниматься возделыванием земли. Плов, то есть вареный рис, как принято обычно у восточных народов, и конина — таков их обычный рацион, а пьют они обычно космос, или кумыс, и арак, оба напитка делаются из кобыльего молока. Говорят они на смеси турецкого, персидского и могольского языков. Народы страны Большого могола и персы называют их узбеками, так же называют еще и тартаров Хивы или Хорезма.

Большая Бухария подразделяется на три отдельные провинции : Мавераннахар со столицей в Самарканде, собственно Большая Бухария с городом Бухарой и Балх со столицей в городе Балх. Каждая из этих провинцией имеет собственного хана. Но с недавнего времени тот, кто владеет Бухарой, владеет и Мавераннахаром, всеми землями, которые находятся к северу от реки Аму и даже восточной частью земель, лежащих к югу от этой реки, и это делает его крупным правителем. Узбеки находятся в состоянии постоянной войны с персами и совершают набеги на великолепные равнины провинции Хорасан, но им не удается проникнуть в государства Большого могола из-за высоких гор, которые их разделяют и делают недоступными для их кавалерии.

Те из тартаров, которые населяют Большую Бухарию и кормятся за счет своего скота, живут в хижинах, как и их соседи калмыки, и кочуют в разные стороны в зависимости от времени года и потребностей их стада. Те, кто возделывает землю, живут в деревнях или хуторах. Тех, кто живет в городах и городках, насчитывается немного, и все это потомки древних жителей этой провинции. У них нет никакого сходства с теми тартарами, которые теперь являются хозяевами Большой Бухарии.

Город *Бухара*, расположенный на 39 градусе 30 широты, является в настоящее время резиденцией хана Большой Бухарии. Город имеет большую протяженность и обнесен земляным валом, засеянным травой. Он разделен на три части : в первой располагаются хан в своем дворце и его близкое окружение; мирза, придворные чиновники и все, кто входит в свиту хана, живут во второй части; буржуа, торговцы и другие жители размещаются в третьей, самой большой части. Там каждый определенный квартал занимают те или иные ремесленники, мечети, бани и другие общественные здания выстроены из кирпича и отличаются достаточно красивой архитектурой, но все осталь-

ные дома построены из земли. Вода в реке, протекающей через город, сильно загрязнена, и ходят разговоры о том, что у тех, кто ее пьет, заводятся в ногах черви. У Бухары очень выгодное расположение для развития торговли, она находится между Большой Тартарией, Персией и Индией. Пошлины невысоки, но оскорбления, которым постоянно подвергаются иностранные торговцы, становятся причиной сокращения торговли. Кроме денежных единиц Персии и Индии, имеют хождение серебряные и медные деньги, которые чеканит хан Большой Бухарии. Лицо, ответственное за соблюдение законов, имеет в городе большую власть, и во время гражданских войн, которые вспыхивают время от времени между эмирами ханского двора, обычно чаша правосудия склоняется в сторону того, на чьей стороне оказывается этот чиновник. Бухара поставляет в страны Большого могола и в часть Персии разнообразные сухофрукты отменного качества.

Самарканд, столица провинции Мавераннахар, расположен на 41 градусе 20 широты и на 95 градусе долготы на расстоянии семи дней пути к северу от Бухары. И хотя теперь он не так блестящ, как в былые времена, он достаточно большой и густонаселенный. Он обнесен земляным валом, засаженным травой, и имеет почти такие же здания, как в Бухаре, за исключением того, что в нем есть немало каменных домов, так как вблизи города расположены каменные карьеры. Говорят, что этот город поставляет самую лучшую в Азии шелковую бумагу, на которую в странах Востока существует большой спрос. Имеется Академия, пользующаяся большой известностью среди магометан: в нее приезжают из всех соседних стран для обучения писательскому ремеслу и наукам. Дворец, предназначенный для резиденции хана, один из самых больших, но так как в настоящее время провинция Мавераннахар не имеет собственного хана, то он постепенно приходит в упадок, а хан Большой Бухарии, который приезжает в Самарканд летом и проводит в нем несколько месяцев, обычно проживает вместе со своим двором в шатрах, раскинутых в долинах вблизи города. В окрестностях Самарканда выращивают груши, яблоки, виноград и дыни превосходного вкуса и в таком большом количестве, что ими полностью обеспечивают империю Большого могола и часть Персии. Небольшая речка, протекающая через город и впадающая в реку Аму, или Гихон, около 92 градуса долготы, была бы очень удобна для сообщения с соседними государствами, если бы жители смогли сделать ее судоходной. В Самарканде есть все для успешной коммерции, не хватает лишь других хозяев и других соседей вместо тартаров-магометан.

Балх, расположенный на краю Большой Бухарии в направлении персидской границы на 37 градусе 10 широты и 92 градусе 20 долготы, является резиденцией хана узбекских тартаров, который владеет в настоящее время южной частью Большой Бухарии. Эта часть мала по сравнению с той территорией, которой владеет хан Бухары, но так как она чрезвычайно плодородна и хорошо возделана, хану удастся извлекать неплохой годовой доход. Здесь собирают много шелка, а жители умеют делать хорошие ткани. Узбеки, подданные хана Балха, являются самыми цивилизованными из всех тартаров-магометан благодаря широкой торговле, которую они ведут с персами и подданными стран Большого могола. В остальном они отличаются от тартаров Большой Бухарии лишь меньшей склонностью к воровству и большей индустриальностью.

Город Балх в настоящее время самый значительный город из всех находящихся во владении тартаров-магометан. Он большой и густонаселенный, большая часть зданий построена из камня или кирпича, его фортификационные сооружения состоят из земляного вала, окруженного крепостной стеной, достаточно высокой для того, чтобы укрыть защитников вала. Поскольку в мирное время иностранным торговцам и путешественникам дозволено заниматься своими делами в городе, то торговля широко развита, и сегодня Балх является местом проведения всякого рода переговоров между Большой Бухарией и Индией. Красивая река, текущая с юго-востока через городские предместья и впадающая в Аму на 38 градусе 30 широты на границе Хорезма с Большой Бухарией, является важной артерией. Дворец хана — большое здание в восточном стиле, почти полностью построенное из мрамора, великолепные разработки которого находятся в соседних горах. Это единственный предмет зависти, который удалось сохранить хану Балха в своих владениях и который помогает ему обрести поддержку одной из соседних держав, когда вторая начинает угрожать ей нападением.

Все города Большой и Малой Бухарии, начиная от границ с Хорезмом и до границ с Китаем, населены бухарцами, которые являются по отношению к тартарам коренными жителями. Тартары обычно называют их таджиками, этим словом обозначают народ, живущий в городе. Бухарцы бывают обычно среднего роста, правильного телосложения. У них замечательный цвет лица, что связано с климатом. Почти у всех красиво очерченные черные живые глаза, нос с горбинкой, четкий овал лица, тонкие черные волосы, густая борода, они не имеют ничего общего с непривлекательностью тартаров, среди кото-

рых живут. Их женщины обычно высокого роста и хорошего телосложения. И мужчины, и женщины носят рубашки и панталоны из хлопка, но мужчины надевают еще сверху стеганный шелковый или ситцевый кафтан, спускающийся до середины голени, и круглую суконную шапочку, напоминающую польскую. Некоторые из них носят тюрбаны в турецком стиле. Они подвязывают свои кафтаны на талии шелковым поясом, которым обматываются вокруг тела несколько раз. Когда они выходят из дома, они надевают поверх кафтана длинный суконный халат, отороченный или даже подбитый мехом зимой. Их сапоги напоминают персидские сапожки, но не такие чистые. Для их изготовления они используют конскую кожу специальной выделки. Женщины носят длинные платья из хлопка или шелка, довольно широкие и небрежно ниспадающие вдоль тела. Их туфли без задников напоминают обувь, которую носят женщины на севере Индии. На голову они надевают маленькую плоскую цветную шапочку, из-под которой свешиваются многочисленные косы с вплетенным жемчугом и другими украшениями. Бухарцы исповедуют магометанскую религию и относятся, за исключением нескольких мелких церемоний, к той же секте, что и турки. Все они живут в городах и деревнях, кормятся за счет своих ремесел или за счет торговли, в которой у них нет конкурентов, так как калмыки и узбекские тартары ею практически не занимаются. Бухарцы толпами отправляются торговать в Китай, Индию, Персию или Сибирь и извлекают очень хорошую прибыль. Они платят определенную дань калмыкам и узбекам, которые владеют страной, и никогда не берут в руки оружие, что вызывает к ним презрение со стороны тартаров, считающих их трусами (20).

Ханы Ташкунта, или тартары Касачьей Орды, и каракалпаки

Ханы Ташкунта, которые являются сегодня хозяевами стран, населенных тартарами Касачьей Орды и каракалпаками, это потомки тех моголов, которые жили ближе к Жайыку и которые там остались, когда Шайбек-хан отправился в поход в более южные страны, то есть в Мавераннахар, но мы не располагаем никаким историческими подробностями относительно последовательности смены на престоле этих правителей, которые и сегодня еще существуют в этих странах. Все эти тартары, которых называют сегодня Касачьей Ордой и каракалпаками являются остатками канглисов, катагунов (21), манкатов и других народов, которые жили на этих территориях со времен Чингисхана или ранее.

Тартары Касачьей Орды живут в восточной части страны Каптшак между реками Джемба и Сырт, или Сыр. Они очень похожи на калмыков, своих соседей. Они среднего роста, но очень широкоплечие и приземистые, лицо широкое и плоское, цвет лица очень смуглый, маленькие черные глаза очень блестящие, разрез глаз напоминает калмыцкий. Они коротко, в четыре пальца длиной, стригут свои иссиня черные жесткие волосы и носят круглые шапки из грубого сукна или войлока черного цвета с меховой опушкой. Их одежда состоит из хлопковой (полотняной) рубашки, коротких штанов из шкуры барана и стеганой куртки на подкладке из хлопка, которую русские называют китайка. Зимой они надевают поверх своих курток длинный халат из овечьих шкур, который летом им служит матрасом. Они носят тяжелые сапоги из конской кожи, сшитые кустарно, так как каждый их шьет сам для себя. Их оружие — это сабля, лук и копье. Огнестрельное оружие до последнего времени ими почти не использовалось. Большинство женщин Касачьей орды высокие и стройные; несмотря на то, что у них круглые и плоские лица, они не выглядят некрасивыми. Их манера одеваться примерно такая же, как у калмычек, за исключением шапок, — они у них высокие и заостренные, загнутые с правой стороны, обуты они в грубые туфли без задников.

Они занимают очень хорошие земли вдоль реки Джембы и у подножья гор, которые отделяют их территорию от калмыцкой, но они не умеют их использовать, так как все они воры. Они выращивают на земле лишь то, что им необходимо для существования, а это совсем немного, особенно учитывая тот факт, что скотоводство и охота являются их основными источниками пищи, а хлеб они практически не употребляют. Они почти постоянно верхом на лошадях; если они не совершают набегов, то охотятся, оставляя женщинам и немногочисленным рабам заботу о стадах и домашнем хозяйстве. Их лошади не отличаются экстерьером, но они очень сильные и самые быстрые из всех, что имеются у тартаров к востоку от Каспийского моря. Эти народы кочуют с места на место, укрываясь в палатках или хижинах, не слишком отдаляясь от границы с калмыками и реки Джембы, чтобы всегда иметь возможность украсть. Они находятся в состоянии постоянной войны со всеми своими соседями. Узбекские тартары, которые, как и они, являются магометанами, единственные, с кем они обычно находятся в добрососедских отношениях, потому что их вынуждают к этому обстоятельства. Зимой они воруют со стороны калмыков, подданных контайжи, которые заходят туда в поисках границ Большой Бухарии и других южных территорий, а

с другой стороны, они доставляют немало неудобств казакам Жайыка, ногайским тартарам и калмыцким ордам, возглавляемым Аюка-ханом. Летом они часто переходят через Орлиные горы, направляясь к водам Жайыка, и совершают набеги в глубь Сибири, к западу от реки Иртыш. Поскольку эти земли возделаны лучше всех остальных в Сибири, жители вынуждены все лето выставлять охрану в деревнях и поселках вдоль рек Тобол, Ишим и Тебенда для того, чтобы суметь защититься от них в случае набега. И хотя они подвергаются часто жестокому обращению во время набегов и вполне могли бы лучше использовать свои очень плодородные земли, их неудержимо тянет разбойничать, а такой стиль жизни всегда сопровождается усталостью и опасностями. Они приводят рабов, которых продают потом в Хорезме или Большой Бухарии, где они всегда находят покупателей среди персидских, армянских, а иногда и индийских торговцев. В основном, исходя из заинтересованности в выгодной продаже, эти тартары заботятся о благосостоянии узбеков; они оставляют себе лишь необходимое их количество для ухода за скотом, а также оставляют всех русских молодых женщин и девушек, которых им удастся поймать в Сибири, если только нужда не заставит их продать.

Эти тартары исповедуют магометанство, хотя у них нет ни Корана, ни мулл, ни мечетей. У них есть хан, который обычно проводит зиму в городе Ташкунте, а лето — на берегах реки Сырт и у границ с калмыками, но при этом у них есть собственные мирзы, которые пользуются реальной властью и оставляют хану весьма небольшие полномочия. Эти тартары могут собрать войско с максимальной численностью в 30 000 человек, а с каракалпаками — в 50 000 человек.

Каракалпаки, или манкаты, которые живут в западной части страны Туркестан ближе к берегам Каспийского моря, являются верными союзниками тартаров Касачьей орды и обычно вместе с ними участвуют в крупных набегах.

Сибирские ханы

По сведениям арабского историка, тюрки распространены по всей Сибири, вплоть до Северного моря, где они живут дикарями. Потомки Чингисхана через ветвь Шейбани создали там обширную империю, о которой ничего неизвестно. Однако существует мнение, что вся Сибирь находилась в подчинении туранских ханов, о которых я говорил выше, поскольку Абулгази сообщает нам о том, что Кучум-хан (22), последний сибирский хан, был потомком Бекконди, сына Мангу-Тимура,

одного из туранских ханов. Этот Кучум-хан правил 40 лет и был изгнан русскими.

Современный путешественник, который собрал все сведения по истории этой страны, которые мог, сообщает, что в давние времена хан по имени *Он* обосновался на берегах реки Ишим, впадающей в Иртыш. Один из его подданных по имени *Зингиди* поднял народ против него, сместил его с престола и завладел империей. Этот новый хан мирно правил своими подданными, был лишен жажды личной мести или стремления к узурпации. Он пригласил к себе Тайбугу, сына последнего хана, которому и передал правление. Тайбуга так хорошо умел войти в доверие к Зингиди, что тот отправил его во главе своего войска к реке Оби, где враг был разбит. За эти услуги ему была дарована возможность выбрать страну, в которой он хотел бы обосноваться. Он вместе со всей своей семьей отправился на берега реки Туры, где построил город и назвал его Он-Зингин, это в том месте, где сейчас находится Тюмень. Зингиди умер, не оставив потомства, Тайбуга унаследовал его империю. На смену Тайбуге пришел его сын Шод, сын которого по имени Мар женился на сестре Упака, казанского хана. Этот правитель, придя к власти, потерпел поражение от своего тестя, который захватил власть во всех его государствах. Он оставил двух сыновей — Обдера и Жербелака, которые умерли во время правления Упака в Сибири. Но Мохаммед, сын Обдера, собрав войско, разбил Упака, предал его смерти и опустошил город Он-Зингин. Затем он зашел глубже в Сибирь и построил на Иртыше город Сибирь, который русские со временем расширили и назвали Тобольском. Ему наследовал Агиш, сын Жербелака, которому наследовал Кусим, сын Мохаммеда. У Кусима было два сына Готижер и Бекбула, которые были убиты Кучум-ханом, тем самым, о котором мы уже говорили, и которого называют здесь вождем орды казаков.

Готижера, о котором здесь идет речь, русские называют Едигером, князем Сибирским. Это он в 1555 году предложил подчиниться царю, а в 1557 году отправил в Москву семьсот шкурок соболя в счет дани, которую обязался выплачивать. Он должен был поставить немного больше, но отказался позволить царевичу Шибанскому грабить его страну, чем вызвал сильное недовольство царя, приказавшего арестовать его посла. На следующий год Едигер отправил свою дань полностью, и его посол был освобожден. В 1583 году в Сибири правил Кучум-хан, В это самое время казаки, жившие вдоль Танаиса и Волги, где они регулярно нападали на караваны, шедшие из Персии и Бухарии, были изгнаны из своих привычных мест царем Иваном

Васильевичем, 600 из них во главе с атаманом Ермаком Тимофеевичем прошли по Каме к землям Строгановых, которые их звали. Там, услышав про Сибирь, они вместе с Ермаком поднялись по реке Серебряной, откуда по земле перетащили свои суда на Туру. Они вошли в воды Иртыша и поднялись по этой реке до города, в котором правил Кучум-хан, они вынудили хана обратиться в бегство, взяли в плен его жену и детей, среди которых был Алтанай-султан. Подчинив себе столицу Сибири, они отправились на дальнейшие завоевания. Тогда, в 1584 году, Ермак отправил пятьдесят казаков в Москву сообщить эту новость и получить для себя прощение. Царь Федор был так доволен, что пожаловал ему титул князя Сибирского, и отправил вместе с казаками двух своих генералов Семена Большовского и Ивана Глухова. Ермак, который направлялся к реке Вогай вместе с 150 казаками, чтобы напасть на караван из Бухарии, был атакован Кучум-ханом, которому удалось убить всех его казаков. Лишь один остался в живых и отправился сообщить эту весть остальным, которые вместе с генералом Иваном Глуховым спустились по Оби и прибыли в Москву: одни по воде, другие по суше. Тогда царь Федор отправил туда Бориса Васильевича Сукина с армией. Он построил Тюмень и отрядил Данилу Чулкова на строительство в устье Тобола при впадении в Иртыш Тобольского дворца. В 1591 году русские генералы одержали крупные победы в Сибири, в 1598 году они разгромили Кучум-хана, а его жен и троих сыновей отправили в Москву. Сам Кучум-хан скрывался у манкатов, или каракалпаков, где и умер. В следующем году русские возвели в Сибири город Мангас, возможно, Мангазея на Енисее. Позже они покорили всю эту обширную страну.

Я не берусь описывать все народы, проживающие в Сибири, не все они были покорены ханами, о которых я только что рассказывал. Впрочем, они перешли под иное господство, и все источники, которые рассказывают о России, дают об этом самое подробное описание. В основном, все эти народы, за исключением тех, которые обратились в магометанство, живут в лесах и по берегам рек, кормятся летом рыбой, а зимой тем, что добудут на охоте. Они относятся к скотоводству как безумному времяпрепровождению, так как считают, что сама природа со всех сторон предлагает уже готовых зверей и в пищу, и для одежды. Они, по меньшей мере, столь же дики, что и коренные жители Америки, но они считают себя счастливыми и таковыми являются, так как верят в это.

Примечания:

(1) Он оставил двенадцать сыновей : 1. Байнал, 2. Бахадур, 3. Карак, 4. Балка, 5. Зирик, 6. Мерган, 7. Кунтга, 8. Ажази, 9. Сажилган, 10. Бажандсар, 11. Мадсар, 12. Конзи.

(2) У него был второй сын по имени Кутлук-Буга.

(3) У него было четыре сына : Бадакул, Биктимур, Жанказар и Жессубуга.

(4) У него было шесть сыновей : 1. Илсак, 2. Дсата, 3. Фулат, 4. Сиунтз, 5. Темур Бунга, 6. Бекхонди.

(5) Сын Хаджи-Тули.

(6) Бурга Султан, Абулак, Амунак, Абак.

(7) 860 год хиджры.

(8) У него их было одиннадцать, старшего звали Шабаш, одного из последующих Будак, или Борак. Это он был отцом Шайбек-хана.

(9) 886 год хиджры.

(10) Он был сыном Абулхаира.

(11) 900 год хиджры.

(12) 913 год хиджры или 1507 год н.э.

(13) 916 год хиджры.

(14) 918 год хиджры или 1512 год н.э.

(15) 936 год хиджры.

(16) Сын Махмуда, брат Шайбека.

(17) 946 год хиджры.

(18) Сын Искендера, сына Джанибека, считавшегося сыном Ходжи-Мохаммеда, сына Абулхаир-хана.

(19) По другим источникам, его преемником стал Абдаллатиф, который может быть одним и тем же лицом.

(20) Нам неизвестно происхождение бухарцев, они и сами его не знают. Им по традиции известно, что они пришли издалека. Они не делятся на племена, как тартары и как многие другие восточные народы. Некоторые ученые считают, что они представляют собой остатки десяти племен, которые Салманассар, король Ассирии, повелел перевезти в страну Медес.

(21) Катагуны ведут свое происхождение от Бокума-катагуна, старшего из троих братьев близнецов, которыми, по представлению тартаров, разрешилась от бремени Аланкава.

(22) Он был сыном Муртаза-хана, сына Мамудак-хана, сына Хаджи-Мохаммед-хана, сына Али оглана, сына Бекконди.

Хорезмская империя — это победа над персами, одержанная Ильбарсом, принцем узбекским, потомком Шейбани, брата Бату, первого кыпчакского хана. Это совсем не знаменитая империя, как большинство тех, о которых уже рассказывалось ранее. Узбеки из Хорезма не совершали внешних завоеваний, их войны почти всегда были междоусобными, или это были обычные набеги на Хорасан, находившийся под господством персов и ставший для узбеков непреодолимым препятствием. У них уже не было этих непомерных амбиций, присущих потомкам Чингисхана, и они вполне удовлетворялись нападениями на тюркоманов, которые живут на берегах Каспийского моря, чтобы угнать у них скот или потребовать его в качестве дани. Ургенч был их столицей, то есть резиденцией хана, который часто оказывался менее могущественным, чем другие принцы из его семьи, разбросанные по стране и владевшие основными городами.

После того как Исмаэл (1), король Персии, победил Шайбек-хана и захватил все города Хорасана, он поставил троих своих придворных управлять Хорезмом. Первому, по имени Рахман-кули, достались города Кайук (2) и Хасарасар (3), второму, по имени Сюбхан-кули, — Ургенч, третьему, по имени Кахман кули, — Вазир (4). Сюбхан кули и Рахман-кули были братьями. Правитель Вазира устроил по случаю своего вступления на пост роскошный праздник для всех важных городских персон и осыпал их подарками. И только кади Вазира по имени Омар, человек в городе весьма уважаемый за праведность поведения и нрав, воздержался от присутствия на торжестве и даже от нанесения визита правителю под предлогом недомогания. На следующий день его посетили пять — шесть первых лиц города из числа тех, что присутствовали на празднике, и просили его нанести визит новому правителю. Омар поздравил их с получением великолепных даров и добавил, что они, без сомнения, примут от правителя и его религию. Такая речь удивила чиновников, и Омар пояснил, что персы исповедуют иную доктрину, чем та, что принята у тартаров, и что малое количество персидских войск в городе еще не позволяет правителю высказываться на эту тему, но он убежден, что со временем персы предпримут усилия, чтобы внедрить свою доктрину в среду тартаров, и начнут с руководителей, чтобы те подали пример народу. Омар счел своим долгом предупредить их об этом и обратить их внимание, в какой опасности находилась вера тартаров.

Два года спустя, уважаемые граждане города Вазира пошли к представителю своей религии в стране Бакирган (5), который, благодаря своей честности и праведности, пользовался большим авторитетом, и сообщили ему о том, что приняли решение дать ему титул хана и под его началом уничтожить всех персов в городском гарнизоне. Это святой человек по имени Хусамеддин-Каталь отказался принять такое предложение и адресовал их к Ильбарсу, сыну Бурга-султана (6), потомку Чингисхана, жившему среди узбеков и способному их защитить благодаря своей легендарной храбрости. Два уважаемых гражданина Вазира были отправлены с письмом к Ильбарсу, и тот, как только он его получил, тут же ответил, что выступает в поход вместе со своим братом Бильбарсом. Когда посланцы возвратились, было решено из предосторожности не пускать его сразу в город, а просить остановиться по соседству, где его не знали, и ждать, когда за ним придут. Его сразу же уведомили о принятом решении и одновременно вооружили граждан города. После того, как городские ворота были наглухо закрыты, они зарезали персидского правителя и его соратников, за исключением одного, которого не смогли найти. На следующий день они пригласили Ильбарса и его узбеков и сартов, и приняли их с большой радостью. Ильбарс был единодушно провозглашен ханом (7). Город Вазир представлял ранее большой конгломерат, включавший в себя множество небольших городов, расположенных окрест и утерянных в результате последних войн. Оставались лишь Егнишар (8) и Тарсак. Ильбарс-хан передал первый город в правление брату, а второй — своему доверенному лицу.

Персу, спасшемуся от резни в гарнизоне в Вазире, повезло дважды: ему не только удалось избежать гибели, но и выскользнуть за пределы города, чтобы дойти до Ургенча и уведомить правителя о происходящем. Узнав новость, Сюбханкули собрал уважаемых граждан города и сообщил им о случившемся. Затем он спросил, есть ли у них причины жаловаться на него за время его правления, поскольку он не хотел бы занимать свой пост против их воли, добавив, что, если они были довольны его правлением, то должны были представить тому доказательства. Все просили его остаться и выступить против вражеских происков, а также заверили в своей верности. Исмаэл-Софи они высказали соболезнования по поводу гибели его брата и других персов и выразили уверенность, что этот новый хан не просуществует долго, а узбеки, непостоянные по своей природе, вскоре его покинут. Правитель потребовал от граждан нового клятвенного обещания прийти ему на помощь в случае нападения узбеков. Все поспешили исполнить его волю. Он выбрал одного из граж-

дан, который был ему известен своей преданностью, и пообещал ему солидное вознаграждение, если тот отправится в Вазир и выяснит истинное положение вещей, но, чтобы быть совершенно уверенным в верности этого человека, правитель попросил его принять персидскую религию. Он извлек из рассказа выжившего перса только одно, и теперь не занимался ничем другим, кроме обеспечения своей безопасности.

Три месяца спустя Ильбарс-хан подошел с войском к Ургенчу и разгромил вышедшего ему навстречу Сюбхан-кули. Его воины преследовали армию противника столь резво, что вошли в город вместе с беглецами и стали там хозяевами, убив Сюбхан-кули, весь гарнизон и всех знатных жителей. Именно тогда Ильбарс установил свое владычество над Ургенчем. Персидский правитель, находившийся в Хасарасаре, принял все те же меры предосторожности, что и Сюбхан-кули, чтобы сохранить свое место, и жители города клятвенно пообещали хранить ему верность и защищать его.

Ильбарс-хан не имел достаточно людских резервов, чтобы сохранить результаты своих завоеваний, потому что большинство его подданных находилось в подчинении у потомков его родственников по отцовской линии, и он принялся обсуждать со своими соратниками, не могут ли они отправить ему в поддержку других правителей с их подданными для увеличения численности сторонников. Все поддержали его, за исключением одного человека из уйгурской (игурской) орды, который активно воспротивился этому решению, убеждая собрание, что если правитель хочет сохранить мир и спокойствие в своих государствах, он должен стараться держать своих родственников подалеке от границ своих владений, опасаясь, чтобы какой-либо беспокойный ум не спровоцировал там волнения. Хан и его свита, убежденные, что этот человек дает подобный совет лишь из ненависти к детям Абулака и Амунака, заклеили его позором и обвинили в желании посеять вражду между правителями, они были даже готовы избавиться от уйгура, который был способен спровоцировать междоусобицу в государстве. Так как четыре сына Джадигар-хана были уже мертвы и в живых оставались только их дети, Ильбарс-хан обратился к ним в качестве суверена городов Вазир и Ургенч за помощью для свержения власти персов в городах Хазарасар и Кайук, он им предложил пойти вместе с ним на завоевание этой прекрасной страны, где для них нашлись бы города, в которых они смогли бы обосноваться. Как только дети Абулака и Амунака (9) получили это известие, они отправились к Ильбарс-хану, который уступил им Ургенч и окрестности, а сам со своим двором отправился в Вазир.

Вновь прибывшие не столько обустроивались в Ургенче, сколько постоянно затевали набеги на окрестности Кайука и Хазарасара. Персам это доставляло массу неудобств, они не решались ни сами выйти за пределы городов, ни пасти свой скот на близлежащих лугах, и были вынуждены покинуть оба эти города и вернуться в свои родные края. Узбекские принцы, став хозяевами этих мест, пошли войной на Хорасан. После смерти Исмаэл-Софи они возобновили набеги и вынудили персов покинуть все города, расположенные между Дурухном и горами к западу от столицы Хорасана. И тут у узбеков объявились новые враги. Тюркоманы, которые занимали города в приграничной полосе между Истерабадом и Хорасаном в направлении к границам Абулхана и Мангышлака (10), воспротивились их набегам и стали оказывать им сопротивление, несмотря на то, что часть из них оказалась у них в подчинении. Бильбарс-султан, страдавший параличом ног, перемещался в небольшой легкой коляске, которую везла одна лошадь, чтобы всегда находиться на поле боя во время всех сражений. Сидя в коляске под охраной шести храбрых воинов, он сам вел в бой свои войска и всегда бросался в самую горячую точку сражения, и бился с неустрашимостью, вызывавшей удивление всех солдат. Ильбарсхан (11) и Бильбарс-султан, его брат (12), умерли почти одновременно. Сыновья первого получили к имени частицу «гази», в память о том, что их отец победил персов в Ургенче и Вазире. Это слово применяется к правителю, который одерживал победы над врагами иной веры (13).

Султан-Хаджи, не только старший из братьев, но и старший в семье, который во время правления своего дяди Ильбарса пользовался доходом города Егнишара, был провозглашен ханом Вазира. Так как у него было лишь небольшое количество подданных, его власть была весьма ограничена. Большинство народов подчинялись лишь ордам Султан-гази, старшего сына Ильбарс-хана, который благодаря своей гениальности, сумел овладеть сердцами всех, кто его знал, и который за счет своих непомерных амбиций оставил слишком мало власти Хаджи-хану. Последний был вынужден удовольствоваться титулом хана, и лишь тогда, когда Султан-гази давал согласие на это во время церемоний.

После смерти Хаджи-хана Хасан-Кули, сын Абулака, владыки Ургенча, был провозглашен ханом. Он был старшим из правителей дома Джадигар-хана, то есть всех потомков троих братьев — Бурга-султана, Абулака и Амунака (14), которые, будучи из одной семьи, подчинялись одному хану, хотя каждый имел свои собственные владения. Хасан-Кули-хан, единствен-

ный сын Абулака, имел много сыновей, среди которых старший, Билял, был очень на него похож как внешне, так и благородством характера. Впоследствии все правители этой семьи, то есть сыновья Ильбарс-хана, Бильбарс-султана и Амунака, завидовавшие тому, что Хасан-Кули-хан был правителем Ургенча и получал больший доход, чем они, объединились против него и осадили Ургенч. Хасан-Кули-хан вышел пешком вместе со своими приближенными на контрэскарп площади перед воротами, выходящими на дорогу на Хорасан. Он храбро сражался против врага в бою, который длился с утра до вечера. Аганай-султан, младший из детей Амунака, которому было всего 20 лет, слишком углубившись во вражеский стан из-за своей горячности, попал под удар воинов Хасан-Кули-хана и ему отрубили голову. Его братья, удрученные этой смертью, и вражеские военачальники, вдохновленные ею, дрались так отчаянно, что осажденные были вынуждены запереться в городе. В результате четырехмесячной осады голод стал таким жестоким, что за голову лошади или коровы давали сорок танга (15). Большинство жителей вышли из города и молили правителей — союзников о пощаде. Ослабленный голодом и дезертирством Ургенч был больше не в состоянии защищаться против совместных усилий союзников, которые нанесли решающий удар и захватили город. Несмотря на отчаянное сопротивление Хасан-Кули-хана, осаждавшие ворвались туда с саблями наголо, завладели территорией и предали смерти Хасан-Кули-хана и его старшего сына Биляла. Других его детей, которые были еще малолетними, они отправили в Большую Бухарию.

Все союзники единогласно провозгласили ханом Софиан-султана, старшего сына Амунака, и договорились между собой о новом разделе городов. Потомки Бурга-султана получили Вазир, Егнишар, Тарсак и Дурухн (16) с тюркоманами Мангышлака; другим сыновьям Амунака достались все города, расположенные вблизи реки Аму, то есть Ургенч, Кайук, Хазарасар, Кяхт, Булдумсас, Никитзаката, Божунда, Багабат, Ниса, Ибурду, Захарда и Махана с тюркоманами, проживавшими в стране Абулхана и Дехистана. После этого раздела Софиан-хан обложил данью тюркоманов Абулхана из орды Ирсари, угрожая в случае отказа разрушить все их дома. Эти народы собрали между собой деньги и отправили ему в качестве презента, но хан не был этим удовлетворен и на следующий год отправил в их страну сорок сборщиков дани, уполномоченных собрать ее в полном объеме с тюркоманов Абулхана и Дехистана. Эти сборщики разделились и отправились по округам страны, где были одновременно зарезаны тюркоманами. Узнав об этом, Со-

фиан-хан вместе со своими четырьмя братьями тут же пошел на них войной.

Тюркоманы жили на берегах реки Аму, или Сихона, который после Ургенча делает поворот на запад к горам Абулхана, огибает их и далее течет на юг, вновь поворачивает на запад, там проходит через страну Угурза (17) и впадает в Мазандеранское море. Поскольку все земли от Ургенча до страны Угурза необычайно плодородны, плотность расселения тюркоманов там весьма высока. Летом они кочуют по соседним долинам, где находят достаточно воды для своего скота, а зимой возвращаются на берег реки. Тюркоманы из орды Адаклишисер-али обитали на обоих берегах реки, от Пишги (18) до Карикизита (19), а от него до горы Абулхана идут земли тюркоманов из орды Али-или. Оставшиеся земли по берегам Аму, от горы Абулхана до Мазандеранского моря, занимали тюркоманы орды Тивази.

Софиан-хан напал сначала на проживавшие на общих землях орды Ирсари и Хорасан-салури и получил ожесточенный отпор, но после того, как значительная часть тюркоманов была убита или попала в плен, оставшиеся были вынуждены бежать к горе под названием *Дзю*, расположенной в трех днях пути на север от Абулхана. Он их преследовал до подножья горы, где взял их в окружение. Тюркоманы, страдавшие от отсутствия воды, были вынуждены капитулировать к концу второго дня. Они отправили делегацию старейшин, которые обратились к Акатай-султану, младшему брату Софиан-хана, со словами о том, что во все времена узбеки среди братьев отдавали предпочтение младшему, а затем умоляли его заступиться за них перед своим братом Софиан-ханом и обещали хранить ему верность, если он добьется для них мира. Акатай-султан потребовал отправить к нему самых знатных из них, взял с них клятву верности на Коране и после этого добился у Софиан-хана мира для их народа. Затем он обложил их данью, выплатить которую можно было на следующий год в связи с перенесенными страданиями. Он договорился с ними, что они поставят сорок тысяч баранов за убитых ими сорок сборщиков дани, оставив при этом за Софиан-ханом право обложить их дополнительной данью в том размере, который он сочтет нужным. С этого времени эти народы были обязаны ежегодно поставлять указанное количество баранов (20). Другие орды тюркоманов также заключили договор с этим правителем и тоже договорились с ним о том, что будут ему поставлять ежегодно определенное количество баранов (21). На берегах Аму жили и другие орды, например, орда Адаклишисер-али, которая ежегодно поставляла хану определенное количество воинов, а также орды

Алыили и Тивази, которые выплачивали свою дань товарами. Эти три последние орды тюркоманов, кормившиеся тем, что вырастят на своих землях, получили название «утзил», то есть «народ, разделенный на три ветви».

После смерти Софиан-хана (22) к власти пришел его брат Буззуга-султан. Обеид-хан, правивший в Большой Бухарии, к этому времени отобрал у персов многие города Хорасана, а его подданные узбеки, постоянно совершавшие набеги в окрестности других городов, вводили оттуда в рабство множество местных жителей. С другой стороны, узбеки из Хорезма, которые занимали города Абиурд, Ниса и Дурухн, притесняли персов из Шодсана и Эсфараина, расположенных ближе к границе с провинцией Гилкупрук (23). Эти узбеки группами растекались по деревням и не только мешали возделыванию земли, но еще и прерывали всякое сообщение между соседними городами, находившимися под господством персов. Шах Тахмасп, король Персии, не имея возможности эффективно противостоять беспорядкам, творимым узбеками, из-за собственных стычек с императором Константинополя, принял решение вступить в союз с докучливым неприятелем. С этой целью он отправил одного из своих приближенных в Хорезм, чтобы посватать одну из дочерей или родственниц Буззуга-хана. Его посланец сообщил хану, что его хозяин, являясь полновластным правителем, был бы счастлив взять в жены принцессу крови из рода великого Чингисхана по примеру великого Тамерлана, который имел честь и счастье взять в супруги принцессу из этой семьи и получил при этом имя Эмир-Тимур-Кураган, которое носил всю жизнь. Посланец добавил, что его хозяин надеялся с помощью этого брака достичь еще одной цели — получить помощь в борьбе против турецкого императора в Константинополе, от которого можно было всего ожидать, и после того, как он покорит Персию, он может напасть на узбеков. Так как у Буззуга-хана не было дочерей, он пообещал выдать за шаха свою племянницу по имени Айшабег, дочь Софиан-хана. Сначала он отправил к шаху Агиш-султана, брата принцессы, и девять своих придворных для заключения договора. Король Персии принял принца с великими почестями, подарил ему город Шодсан, в котором Агиш-султан провел 25 лет. Одновременно он отправил Буззуга-хану десять слитков золота, десять слитков серебра, десять великолепных лошадей под дорогими седлами и в нарядных сбруях, тысячу отрезков шелка и множество других ценных вещей, включая красивую одежду. После этого Буззуга-хан снарядил в Персию принцессу со всей возможной роскошью и с тех пор всегда жил в мире с персами. Этот хан

умер вскоре после смерти Агиш-султана, о котором уже шла речь, после 27 лет правления в славе почете (24).

Аванаш-хан (25), брат Буззуга-хана, был провозглашен ханом в Ургенче. У него был сын по имени Дин-Мохаммед-султан от женщины, утверждавшей, что она — дочь мирзы манкатов, или каракалпаков, попавшая в плен и проданная затем хану, который сделал ее своей женой. Еще одна его жена, мать двух его младших сыновей, действительно была дочерью одного мирзы манкатов, ведь у узбеков существует обычай : когда жена хана является дочерью какого-либо мирзы манкатов, она одна носит титул *биим*. Именно ей Аванаш доверил воспитание своего сына Дин-Мохаммеда. Поскольку этот принц был одним из самых прославленных ханов в Хорезме, сведения о его юности тщательно собирались как свидетельства его будущего величия, и во время правления его отца стали причиной кровопролитной войны. В десятилетнем возрасте он вместе с ровесниками построил крепость из глины и камней, внутри которой остались несколько его товарищей, а остальным он приказал взять крепость штурмом, обещая награды тем, кто проявит особую храбрость при взятии, и угрожая смертью тем, кто не проявит смелость. Биим, его мачеха, не любившая его, резко выругала его, назвав Тугма, что на узбекском языке означает «ребенок, родившийся от рабыни». В возрасте 19 лет, узнав, что узбеки, жившие в той части Хорасана, которая подчинялась хану Ургенча, время от времени совершали набеги на территорию Истерабада и ту часть Хорасана, которая принадлежала персам, он отправился в поход с отрядом из сорока человек, не уведомив отца. Некоторое время он двигался вдоль притока реки Аму, протекавшего перед Ургенчем, затем направился к другому притоку этой реки, через который переправился в местечке под названием Сидалик-така и вошел в ущелье Динар, где встретил стада, перегоняемые к Мохаммед-Гази-султану в счет уплаты дани. Дин-Мохаммед-султан попросил дать ему желтую козу, чтобы его люди могли иметь молоко в пути; получив от проводника отказ, грубо обошелся с ним и отобрал весь скот. Это событие послужило причиной разрушения Ургенча, в связи с чем у узбеков возникла поговорка о том, что желтая коза разрушила город. Затем Дин-Мохаммед-султан совершил набег на земли Истерабада, где угнал много скота, принадлежавшего персам. В это время Мохаммед-Гази-султан, узнавший о нанесенном ему оскорблении, выслал свои отряды на дорогу, которой должен был проходить Дин-Мохаммед-султан, и приказал им захватить его лично. И в то время, когда Дин-Мохаммед-султан возвращался со своей добычей,

его окружили воины, отобрали у него скот, а его самого препроводили к Мохаммед-Гази-султану. Его собственный отряд был разбит, часть людей повернула на Ургенч, другая часть, не осмеливаясь появляться в этом городе после всего случившегося с Дин-Мохаммед-султаном, осталась в деревне дожидаться, как сложится дальнейшая судьба их начальника. Те, кто вернулся в Ургенч, рассказали Аванаш-хану о захвате его сына, но поскольку хан совсем не любил его и к тому же в возрасте пятидесяти лет женился на сестре Мохаммеда-Гази-султана, он не считал нужным ссориться со своим шурином. Дин-Мохаммед-султан содержался под арестом в отдельном доме, затем был наказан и отправлен к своему отцу Аванашу в сопровождении десяти человек под командой Риша Шудайберди из Уйгурской орды, которому было поручено передать хану, что Мохаммед-Гази-султан возвращает ему сына, наказав его за набеги на земли персов без его разрешения и за ограбления его людей.

По дороге Дин-Мохаммед-султан выпускал время от времени громкие крики в надежде, что-либо из его людей будет находиться на дороге и бросится его освободить. Действительно, в провинции Гордиш (26) нашлось несколько таких, кто его узнал, и последовал за ним в отдалении. Дин-Мохаммед-султан попросил своего сопровождающего не останавливаться в этом месте, как тот намеревался, чтобы избежать неприятного глазения толпы местных зевак. Риша-Шудайбирди продолжал путь до рассвета и организовал привал вдалеке от обычной дороги, чтобы отдохнуть и дать возможность лошадям попасть. В то время как он глубоко спал вместе с остальными проводниками, появились люди Дин-Мохаммеда-султана и освободили его. Принц тотчас же зарезал свой эскорт и, приняв всевозможные меры предосторожности, вернулся в Ургенч. Дин-Мохаммед-султан, горевший желанием отомстить своим обидчикам, велел изготовить две печати, одну с вензелем своего отца, другую — с монограммой своей мачехи, сестры Мохаммед-Гази-султана, и воспользовался ими, чтобы отправить последнему письма от имени обоих. Затем он отблагодарил свой отряд из сорока человек, вместе с ним совершавший набеги. Получив письма, Мохаммед-Гази-султан отправился в Ургенч и был весьма удивлен, узнав, что его сестра не была больна. Аванаш-хан в это время отсутствовал. Терзаемый страшными подозрениями, он покидает сестру и собирается уезжать, но большой шум за пределами дворца вынуждает его отправиться через конюшни Аванаш-хана, чтобы ускользнуть незамеченным. Это ему не удается, он замечает большую толпу и прячется в ворохе сена. Дин-Мохаммед-султан его ищет, находит

и обезглавливает. Слух об этом разносится по всему Ургенчу, один из приближенных Мохаммед-Гази-султана спешит в Вазир, чтобы сообщить Султану Гази (27) о смерти брата. Весь его гнев обрушивается на Али султана, племянника Аванаш-хана, который в это время пребывает в этом городе и находит там свою смерть.

Тем временем Дин-Мохаммед-султан пускается в бега, а его отец, Аванаш-хан, собирает совет, чтобы обсудить это неожиданное событие. Совет, на котором с трудом удалось принять нужное решение, подходил к концу, когда курьер привез новость о гибели Али-султана. Правитель был расстроен и озадачен. Племянники Аванаш-хана, все являвшиеся потомками Амунака, узнав об убийстве и предвидя начало кровавой междоусобной войны, отправились в Ургенч, а в это время родственники Мохаммед-Гази-султана уехали в Вазир. Аванаш-хан не хотел развязывать войну, он принял решение о войне лишь после настойчивых уговоров со стороны всех принцев семьи. Как только Султан-гази узнал о том, что Аванаш движется с армией к Вазир, он отправил за помощью к потомкам Бильбарс-султана в их вотчину Егнишар, но его горячность и нетерпение не позволяли ему ждать их прибытия, и он начал кампанию с имевшимися под рукой войсками. Он двинулся навстречу Аванаш-хану и дошел до Кумканта, который находится к западу от Вазира. Вскоре обе армии встретились. У Султан-Гази не хватало войск, чтобы выставить такой же фронт, как у неприятеля, его воинам платили мало и содержали в жалких условиях, поэтому они проявляли недовольство своим военачальником. Он находился в большом затруднении и тут услышал незнакомый голос из глубины воинских рядов, который говорил, что именно теперь настал момент подумать сначала о солдатах, а потом о лошадях и скоте, которым до сих пор доставалось внимания и заботы больше, чем воинам. Обе армии сошлись в схватке, Султан-гази проиграл сражение и был убит в числе других пятнадцати принцев.; все его дети попали в плен (28) к Акатай-султану, который отправил их в Большую Бухарию. Принцы — потомки Бильбарс-султана, возвращавшиеся в Вазир и стремившиеся сделать это поскорее, узнав о разгроме и гибели Султан-гази, спаслись в Большой Бухарии и не решились вновь появиться в Егнишаре. Принцы — победители уничтожили всю мужскую часть королевской семьи, которая попала к ним в руки, и оставили в качестве пленниц всех девушек и женщин. Следствием этой победы стало почти полное истребление потомков Ильбарс-хана, которые были прежде весьма многочисленными и которых отныне почти не осталось в Хорезме.

После столь радикальных перемен вся страна была поделена между потомками Амунака: Аванаш-хан удовлетворился своей прежней вотчиной и Ургенчем, и распределил другие города между родственниками. Дин-Мохаммед получил город Дурун. Все эти принцы жили с тех пор в тесном союзе между собой. Омар-Гази-султан, сын Султан-гази, спасшийся в Большой Бухарии, пошел на службу к Обейд-хану и, несмотря на свою молодость, ярко проявил себя во многих ситуациях и на него стали возлагать большие надежды. Он не переставал обращаться к Обейд-хану с просьбой дать ему армию для похода на Ургенч, и большинство принцев, потомков Абулхаир-хана, находившихся поблизости, выражали готовность идти с ним. Обейд, хан Большой Бухарии, Джунмарт, хан Самарканда, Хаинса-султан и потомки Махади-султана решились под его влиянием двинуться на Хорезм. Узнав об этом, принцы, потомки Амунака, в чьем владении находились Кайук, Хазарасар и другие соседние города, объединились с Аванаш-ханом, но этот правитель, не решаясь ждать врагов в Ургенче, ушел в пустыню. Обейд-хан и его союзники вошли в город, а затем выделили несколько отрядов воинов для его преследования. Аванаш-хан попал в их руки в провинции Байжалкири (29) и был препровожден к Обейд-хану вместе с другими принцами этого дома, все стали пленниками и были распределены между правителями — союзниками. Омар-Гази-султан получил себе Аванаш-хана и тут же предал его смерти, принеся таким образом жертву в память своего отца. Обейд-хан оставил себе Акатай-султана, брата Аванаш-хана, и отдал Кал-султана, другого брата Аванаш-хана, Хаинсе, а город Ургенч — своему сыну Абдолазиз-султану. Тюркоманы и сарты остались в прежних владениях, а четыре племени узбеков, проживавших в различных провинциях, которые находились под господством Хорезма, разделили между Обейд-ханом, самаркандским ханом, ташкунтским ханом и принцами Хисара. Каждый из принцев поставил своего вождя в доставшемся ему племени, после чего все они возвратились в свои государства.

Когда Аванаш-хан попал в плен, два его сына вместе с другими принцами этой семьи(30) укрылись в Дуруне у старшего брата Дин-Мохаммед-султана. 18-летний Хаджим-султан был единственным из детей Акатай-султана, кто ушел к Джанзаиту, старому слуге его отца из орды Дурманов, у которого стал рабом и сторожил лошадей. Но позднее, когда его узнали несколько дурманов, которые, побывав в плену у Обейд-хана, были отправлены на жительство в провинцию Хесилрабат, Джанзаит убедил его уйти в другое место, дал ему лошадей и провизию,

чтобы он смог дойти до Дуруна. Таким образом, все принцы - потомки Амунака собрались у Дин-Мохаммед-султана и двинулись в поход на Ургенч. Дин-Мохаммед, принявший на себя командование, прибыл в стан Гордишей, где получил у вождя орды Адаклишиссера-али подкрепление в 1 000 тюркоманов. С учетом этого он возглавил войско в три тысячи человек, с которым вошел в Пишгу, где держал совет в отношении кампании. У него было совершенно недостаточно сил, чтобы атаковать Абдолазиз-султана, сына Обейд-хана, который жил в Ургенче. К тому же не было лодок для переправы через Аму. В этих условиях было решено идти на Кайук, что позволяло обойтись без лодок и идти без всякой опаски быть обнаруженными в пути, поскольку этот край был малообитаемым. По прибытии они овладели Кайуком и убили коменданта. Это быстро распространившееся известие вынудило правителя Хазарасапа отправиться в Ургенч к Абдолазиз-султану и убедить его, что враг действительно уже в городе. Последний, опасаясь попасть в его руки, тут же покинул Ургенч и укрылся у своего отца в Большой Бухарии. Обейд-хан не замедлил собрать многочисленную армию и, встав во главе ее, выйти к Ургенчу. Он остановился у тюркоманов из орды Карамитов, откуда отправил двух своих генералов (31) с частью армии к Ургенчу.

При первом же сообщении об их приближении Дин-Мохаммед-султан вышел из Кайука, чтобы двинуться им навстречу со своим войском, в котором насчитывалось лишь десять тысяч человек, но принцы, его родственники, и другие сопровождавшие его высшие чины считали, что не стоит рисковать и вступать в бой с 40-тысячной армией противника. По их мнению, следовало вернуться в Дурун в расчете, что Обейд-хан, который вошел в Хорезм лишь для того, чтобы их потеснить, узнает, что они уходят, и отведет свои войска, и тогда они смогут вернуться обратно для захвата Ургенча. Дин-Мохаммед-султан продолжал настаивать на своем первом решении — сразиться с врагом, две сотни его приближенных бросились ему в ноги, умоляя отказаться от этого шага, но не смогли переубедить. Они вновь и вновь повторяли свои попытки. Наконец, принцу надоело видеть их у своих ног, он в гневе соскочил с лошади и, посыпав горстью пыли голову, воскликнул: «Я вручаю свою душу Богу, а свое тело — земле. Если вы так настаиваете на своем, можете уходить, но если вы хотите разделить со мной славу, которая нас ожидает, следует идти в бой». При этих словах вся его армия последовала за ним, сознавая, что потери будут велики. Узнав, что ночью вражеская армия прошла Хазарасап и, следовательно, сражение должно произойти на другой день, Дин Мохаммед-султан

с войском вышел вечером к высохшему озеру (32) в провинции Горданшах (33), где решил сделать привал и ждать в этом месте противника. Он построил свои войска на западной стороне озера, разделил их на две части и, передав командование одной из них Юсуф-султану, старшему сыну Софиан-хана, сам встал во главе второй вместе с Хаджим-султаном, сыном Аккатай-султана, и отправил своего брата Али-султана, которому было лишь восемь лет, с эскортом в десять человек в удаленное от поля боя место с условием, что если они увидят, что враг одерживает победу, они укроют отпрыска правящего дома в каком-либо безопасном месте. Затем он принялся ждать неприятеля, который не замедлил появиться с большинством военачальников во главе, перед которыми несли сорок факелов. Дин-Мохаммед-султан дал им пройти вперед и напал на войска, которые следовали за ними. Он это сделал столь внезапно, что после незначительного сопротивления войско было разбито и обратилось в бегство, несмотря на значительное численное преимущество. Это была абсолютная победа : помимо большого числа убитых, основная часть военачальников и высших офицеров, а также множество солдат попали в плен к Дин-Мохаммед-султану. Один из его вассалов по имени Тогар-Бахадур, вождь орды Кумкуратов, один уложил на поле боя шестьдесят вражеских воинов. Дин Мохаммед-султан и Хаджим-султан значительно превзошли врага в военном искусстве. Первому было лишь 28 лет, второму — 18. После этого великого сражения все пленники предстали перед Дин-Мохаммед-султаном, и он стал упрекать Хафиза, который был родом из орды Кумкуратов и занимал один из высших постов при дворе Обеид-хана, в том, что жители Ургенча слыли людьми, исповедующими иную религиозную доктрину, нежели остальные мусульмане. Хафиз, простершись ниц перед правителем, ответил: «Ваше поведение покажет, являетесь ли вы истинными мусульманами и следуете ли иной доктрине, чем наша». Этим он хотел сказать, что если Дин-Мохаммед был истинным мусульманином, он должен был помиловать пленников. Правитель ничего не ответил на эту речь, тем более, что разговоры о различиях в религии, которой придерживались жители Ургенча, имели под собой некоторое основание, так как эти народы проявляли явную склонность к доктрине персов. Внимательно осмотрев пленников, Дин-Мохаммед-султан, при общем одобрении других принцев, решил обменять их на членов своей семьи, которые были отправлены в Большую Бухарию. Высказав такое предложение, правитель взял с них клятву, что, если Обеид-хан не будет согласен на обмен, они вместе со своими семьями и добром вернутся под покровительство победителей. Затем

их отправили в родные края в сопровождении Хаджим-султана, на которого была возложена задача о подписании этого договора с Обеид-ханом и его союзниками. Этот принц тотчас отправился в Большую Бухарию, где Обеид-хан вернул ему его отца Аккатай-султана и других находившихся у него пленников. Оттуда Хаджим-султан направился в Самарканд и Хисар. После благополучного выполнения данного ему поручения он вернулся в Хорезм и отправился (34) в Ургенч, перешедший под господство Дин-Мохаммед-султана.

После того, как потомкам Амунака, благодаря отваге Дин-Мохаммед-султана, удалось вернуть все города Хорезма, Кал-султан удостоился титула хана и отправился в свою новую резиденцию в Ургенч, Акатай-султан получил Вазир, его сын Хаджим-султан — город Багабат, потомки Софиан-хана — Кайук, сыновья Буззуга-хана — Хазарасап. Дин Мохаммед-султан и его братья стали господствовать в городах Дурун, Жаурсурди и Ниса. После долгих лет правления Кал-хан умер, и власть перешла к его брату Акатай-султану. Этот правитель передал город Кахт двум сыновьям Кахл-хана — Шейк-Мохаммеду и Шах-Назеру. Город Ургенч со всеми, кто находился под его властью, перешел к Али-султану, сыну Аванаш-хана. Он сохранил резиденцию в Вазире и недолго пользовался суверенной властью, которую у него отобрал Юнус-султан, один из сыновей Софиан-хана. Этот амбициозный от рождения и исполненный храбрости принц женился на дочери бижанула (35) из орды Манкатов по имени Исмаэл, который обосновался в окрестностях Ургенча. Однажды он вышел из Кайука в сопровождении сорока человек, пожелав навестить своего тестя. Когда он прибыл в Тук (36), город, полностью покинутый жителями, переселившимися в Ургенч и Вазир, он поднялся на башню и увидел оттуда город Ургенч. С этого момента ему в голову запала мысль завладеть им, он сообщил о своем намерении людям из свиты, которые пообещали следовать за ним повсюду, куда он ни пожелает, и тотчас пустился в путь, прибыв среди ночи к Ургенчу. Владыкой Ургенча был Али-султан, который временно покинул город, чтобы посетить Нису, а управление Ургенчем доверил своему брату Махмуд-султану. Юнус-султан вместе с небольшой группой спрятался во рве, чтобы пропустить караул, обходивший крепостную стену при свете факелов. Затем, преодолев с помощью шестов эту стену, он вместе со всем своими людьми пустился бежать к дому Махмуд-султана, схватил этого принца и отправил в Уасир к Аккатай-хану, на чьей дочери он был женат. Своими речами Махмуд-султан побудил Аккатай-хана выступить с оружием

в руках против своего зятя. По словам Махмуд-султана, при Юнус-султানে находилось всего сорок человек, и не было никаких причин опасаться, что узбеки из Ургенча поддержат его и выступят против хана, своего законного правителя, следовательно, это была благоприятная ситуация для захвата Ургенча. Сначала Аккатай-хан отказывался слушать подобные советы, но затем, поддавшись неоднократным уговорам придворных, выступил в поход на Ургенч с тем войском, которое находилось при нем. У могилы святого по имени Шейк-Ходжемеддин, расположенной неподалеку от города, его ждал Юнус-султан со своей армией. Произошло сражение, в котором судьба оказалась на стороне Юнус-султана, и Аккатай-хан был вынужден спасаться бегством. Он был захвачен своим внуком Касимом (37) и препровожден в Ургенч, где был поселен в отдельный дом и лишен возможности разговаривать с кем бы то ни было. Когда весть о случившемся дошла до узбеков из окрестностей Ургенча, они все устроили шумный сбор и дали Юнус-султану титул хана, не спросив мнения остальных принцев — потомков Амунака. Несколько дней спустя, этот правитель отправил гонца к сыновьям Аккатай-хана, находившимся в Вазире, с известием о том, что с их отцом, страдавшим от полуденного зноя, случились такие резкие колики, что пришлось отвезти его в Ургенч, где он находился при смерти. После отбытия гонца он приказал четверым стражникам посадить несчастного хана на кол, приняв все меры предосторожности, чтобы на его теле не осталось никаких следов насильственной смерти, чтобы его сыновья были убеждены, что его смерть явилась следствием колик. Затем он отправил тело Аккатай-хана (38) в Вазир, воздав все положенные посмертные почести. Этот правитель был настолько внимателен к жизни простых подданных и так стремился сделать их жизнь более счастливой, что жестоко избил своего 15-летнего сына Тимура, который зашел по пути к крестьянину и попросил поесть. Крестьянин зарезал барана и угостил принца, а остатки завернул ему с собой на дорогу. Хан, узнав об этом, сказал сыну: «Я дожил до пятидесяти лет, и никто не может меня упрекнуть в том, что я доставлял неудобства моим подданным, вам только пятнадцать лет, и вы смеете просить еды у крестьянина, который из-за этого вынужден зарезать жирного барана, чтобы вас угостить. Что же будет, когда вы станете старше? Тогда придется резать для вас лошадей и коров? Ваши вассалы, следуя вашему примеру, потребуют того же от народа, который окажется в крайней нищете». После этого молодой принц строго следовал наказу своего отца.

Как только дети Аккатай-хана получили известие о смерти

отца, они стянули все свои войска. Юнус-хан не осмелился ждать их в Ургенче и сбежал (39) в Большую Бухарию вместе со своим братом и сыновьями Кал-хана. В пути большая часть сопровождающих покинула его, а сын Касим отбился от отряда и спрятался в камышах у пруда, не имея запаса провизии, и был обнаружен лишь из-за предательства одного из сопровождавших его людей. Он был препровожден в Ургенч, где тотчас же был казнен (40).

Таким образом, потомки Софиан-хана и Кал-хана были лишены всех своих владений в Хорезме, дети Аванаш-хана продолжали сохранять за собой города, относившиеся к Хорасану, сыновья Акатай-хана правили в Ургенче и Вазире, три сына Буззуга-хана — Иш, Дост и Бурум (41) — завладели Кайуком, Хазарасапом и Кахтом (42), а затем Дин-Мохаммед-султан был удостоен титула хана.

Этот правитель вместе со своими братьями долгое время стоял у власти в городах Дурун и Жаурсурди, но его отважная и предприимчивая натура требовала деятельности. Он часто вступал в войну с персами, которым принадлежали города Хорасана, и шах Тахмасп был вынужден выставить против него армию, в сражении с которой он потерял город Жаурсурди. После ухода персидских войск Дин-Мохаммед-хан отправился в Казувин к пребывавшему там шаху Тахмаспу и обратился к нему с просьбой вернуть Жаурсурди. Получив отказ короля Персии, Дин Мохаммед-хан тайно подделал королевскую печать и написал письмо коменданту Жаурсурди, в котором тому предписывалось вернуть город под власть Дин-Мохаммед-хана, а самому безотлагательно прибыть ко двору короля. Затем, сопровождая короля во время охоты, он сумел незаметно исчезнуть и вместе со своими людьми отправиться в Жаурсурди, где вручил указанное письмо персидскому коменданту, который передал ему город в тот же день. Дин-Мохаммед-хан немедленно распорядился запереть городские ворота и расправиться со всеми персами. Узнав об этом, шах Тахмасп выступил против него с большим войском, чтобы отомстить за коварный подлог. Когда он прибыл на территорию Месдшеда к маленькой речке Карасу, дозорные сообщили, что Дин-Мохаммед-хан приближается со свитой из пятидесяти всадников. Шах Тахмасп счел это столь необычным, что не захотел этому поверить. Он еще больше удивился, когда ему доложили, что этот принц уже находится у входа в его шатер. Он увидел, как тот вошел и бросился ему в ноги. Шах Тамасп был настолько поражен такой дерзостью, что положил свою руку не на левое плечо Дин-Мохаммед-хана, как полагалось по обычаю, а на левую

сторону его груди, чтобы почувствовать, как бьется его сердце. Сердце билось в обычном ритме, и шах не смог сдержать своего восхищения таким бесстрашием. Он простил ему все и оставил за ним город Жаурсурди. Затем он устроил в его честь большой праздник, одарил богатыми подарками и, отправляя его в обратный путь, сам проводил почти до его лагеря.

Некоторое время спустя Обейд, хан Большой Бухарии, владевший городом Мерв, передал управление им вождю орды Найманов по имени Жулумби и увез с собой в Большую Бухарию в качестве военнопленного персидского правителя. Нашлись недоброжелатели, которые позавидовали удаче Жулумби, и нашли пути вызвать недоверие у Обейд-хана к Жулумби. Хан приказал немедленно явиться к нему, но правитель, получивший информацию о кознях недругов, не спешил исполнить приказ в надежде, что со временем найдет какую-нибудь благоприятную возможность доказать хану свою невиновность. Обейд-хан, видя такое неповиновение, лишь укрепился в своем мнении, что Жулумби замышляет мятеж, отправил против него армию в тридцать тысяч человек, чтобы призвать его к порядку. Жулумби тут же призвал на помощь Дин-Мохаммед-хана, который вышел в поход на Мерв. Поскольку у него было немногочисленное войско, он приказ каждому воину срезать по три ветви с дерева и прикрепить их с двух сторон к крупам лошадей, затем он выстроил воинов на значительном расстоянии друг от друга с тем, чтобы по следам, остающимся на этой влажной и болотистой местности, создавалось впечатление, что прошла огромная армия. Таким образом удалось обмануть генералов Обейд-хана. Узнав, что Дин-Мохаммед-хан движется к городу во главе многочисленного войска, они приняли решение о спешном отступлении из опасения потерпеть поражение от превосходящих сил противника. Дин-Мохаммед-хан захватил Мерв, который сделал своей резиденцией, и где он умер в сорокалетнем возрасте (43). Этот правитель был исключительно благороден, изящен, красноречив и обладал поразительной живостью ума. Он был отважным и хорошо владел военным искусством. Он оставил после себя двух сыновей: старший сын Саганда-Мохаммед был слаб умом и вскоре умер (44). Второй, по имени Абул-султан, стал достойным наследником своего отца во всех сферах жизни, он правил много лет и всегда проявлял мудрость, но не был удостоен титула хана, который перешел к Досту. Он вторгся в Хорасан вместе со своим единственным сыном, имя которого неизвестно. Прибыв к Месдшеду, он передал командование значительной частью своей армии сыну с тем, чтобы он углубился в страну, а сам, с незначительной частью войска, вернулся в Мерв.

Когда сын вышел к берегам речки Карасу, к западу от Месдшеда, он наткнулся на многочисленную армию персидского генерала, поджидавшего его для сражения. Хорезмцы были побеждены, молодой принц и десять тысяч воинов погибли в этой схватке. Абул-султан был так убит горем по поводу гибели сына, что тяжело заболел. И когда была потеряна всякая надежда на его выздоровление, появилась женщина, которая рассказала, что несколько лет назад этот принц пригласил ее ночью поиграть ему на арфе, после этого у нее родился сын, которого она прятала из страха перед женой султана. С того времени она отказывалась выходить замуж. Теперь, когда дни султана сочтены, а его сыну исполнилось четыре года, она сочла своим долгом рассказать эту историю. Тогда один из самых умелых врачей положил ребенка на грудь к умирающему отцу и трижды в день громко повторял ему, который уже почти ничего не слышал, что к нему пришел сын. Постепенно султан пришел в себя и стал поправляться. Он признал ребенка своим сыном и дал ему имя Нур-Мохаммед. Он стал полноправным наследником отца. Однако несколько лет спустя все принцы дома Хаджим-хана, в чьем владении находились города Хорезма, объединились против него, считая его бастардом. Нур-Мохаммед стал умолять Обеида, хана Большой Бухарии, о защите и передал ему города Мерв, Нису, Жаурсурди и Дурун в надежде, что хан их ему оставит и удовольствуется данью. Обеид-хан расставил повсюду свои гарнизоны и тем самым расстроил все планы принцев дома Хаджим-хана, но и не восстановил в правах Нур-Мохаммеда, который покинул ханский двор и отбыл в Ургенч, где оставался в течение пяти лет, то есть до того времени, когда на смену Обеид-хану пришел его наследник Абдалла-хан. Нур-Мохаммед вернул себе право на четыре города, которые у него отобрал в свое время Обеид-хан, он расправился со всеми узбеками, которых смог обнаружить в этих городах, и поставил на государственные посты сартов и тюркоманов. Но шах Аббас, король Персии, тоже хотел воспользоваться смертью Обеид-хана и осадил Мерв, расположив у стен города большую армию. В результате осады он завладел Мервом, а также городами Нисой, Дуруном и Жаурсурди, где он расставил свои гарнизоны. Нур-Мохаммед был препровожден в Шираз, где закончил свои дни в тюрьме. На нем завершился род славного Дин-Мохаммеда (45).

После смерти Дин-Мохаммед-хана Дост-султан (46) был провозглашен ханом. У него был старший брат по имени Иш-султан, более смелый и благородный, чем он, но менее умный, исповедовавший сомнительную религию и предававшийся распутству. Поэтому предпочтение было отдано Дост-султану,

который обладал спокойным характером. Иш-султан не был доволен таким решением и, заручившись помощью братьев, пошел войной на Ургенч. На территории Зилпука, входившего в состав Кумканта (47), он встретил Хаджим-хана, который шел на него с войском, превосходящим его собственное. Закрепившись на берегах маленькой реки и выставив повозки по всему фронту, он столь яростно отбивал атаки Хаджим-султана, что вынудил его после восьми дней непрерывных боев пойти на примирение. После заключения мира он жестоко казнил всех игуров и найманов, которые попали в его руки, прогнал прочь всех тех из этих орд, кто жил в окрестностях Кайука, и поселил вместо них дурманов.

Через несколько лет Иш-султан вновь пошел войной на Ургенч, но Хаджим-султан при поддержке братьев встал во главе большой армии и вышел ему навстречу между городами Тук и Ургенч. Иш-султан вновь укрылся за своими повозками, и после семи дней боев, понеся примерно равные потери, он все-таки сумел ночью вывести из-под укрытий всех своих людей, повести их на Ургенч и завладеть им. Хаджим-султан узнал о его уходе с позиций лишь после того, как он вошел в город, настолько неподготовленный к такому повороту событий, что братья Хаджим-султана, остававшиеся в Ургенче, едва успели спастись, укрывшись в Вазире. Иш-султан сразу же приказал всем игурам и найманам немедленно убраться в Уасир, не позволив им захватить с собой свой скарб, который пошел в пользу его солдат, при этом он не тронул узбеков из других орд, проживавших в Ургенче. Хаджим-султан и Иш-султан, каждый со своей стороны, прилагали усилия к тому, чтобы привлечь на свою сторону Али-султана, чьей резиденцией был город Ниса. Этот принц сделал свой выбор в пользу Хаджим-султана и привлек на свою сторону Абул-султана, сына Дин Мохаммед-хана. Все вместе они осадили Ургенч, а затем пошли на его штурм. В этой ситуации Иш-султан выставил на крепостную стену всех своих людей, а сам верхом на лошади легко перемещался туда, где его присутствие было необходимым. Одни из дурманов по имени Тин-Али, затаивший на него обиду из-за нанесенного его сестре оскорбления, выпустил в него стрелу, которая ранила его лошадь, принц упал и сломал ногу. Сарт безуспешно пытался вновь посадить его на лошадь, когда неприятель преодолел стену на этом участке, и принц вместе с сартом, пытавшимся его спасти, были убиты. Ургенч был взят, вслед за ним — Кайук, где был казнен (47) Дост-хан, брат Иш-султана, владевший городом (48).

Хаджим-султан (49) был тут же провозглашен ханом. Ему

было 35 лет. Он выбрал своей резиденцией Вазир, и так как во всем Хорезме не осталось других потомков Амунака, кроме детей Аванаш-хана и Аккатай-хана, города Ургенч, Хазарасап и Кахт отошли к Али-султану, второму сыну Аванаш-хана; двое из детей Аккатай-хана, Аллакули (50) и Солиман (51), к этому времени умерли, четверо других были живы: Махмуд-султан (52) всегда жил вместе со своим братом Хаджим-ханом, они были рождены от одной матери, Пулад-султан и Тимур-султан (53), тоже рожденные от одной матери, имели каждый по половине города Кайука, плюс к этому Пулад-султан (54) имел власть над ордой тюркоманов Улукту Баконаш, а Тимур-султан — над ордой Карабугол.

Пулад-султан не отличался большим умом, и Хаджим-хан дал ему в качестве правителя Кайука вождя игурской орды по имени Индебай. Тимур-султан в отношении ума был похож на брата, но его добропорядочность, смелость и прилежность в управлении снискали ему уважение всех народов. Это он никогда не ел у своих подданных, чтобы не доставлять им неудобства, навсегда запомнив жесткий урок, преподнесенный ему его отцом Акатай-ханом. Этот молодой принц любил религию и праведных людей. Он обладал настолько совершенной памятью, что, не умея ни читать, ни писать, всегда мог точно подсчитать свой доход по всем статьям. Когда Али-султан, второй сын Аванаш-хана, проживавший в Ургенче, умер, Хаджим-хан обосновался в Ургенче. Мохаммед-султан оставил за собой Вазир, Пулад-султан принял власть над Кайуком, а Тимур-султан — над Хазарасапом и Кахтом.

Несколько лет спустя Абдалла, хан Большой Бухарии, вошел в Хорезм и осадил Ургенч в то время, когда Хаджим-хан совершал набег на Хорасан. Бухарский хан, столкнувшись с более активным сопротивлением, чем он мог предполагать, был вынужден снять осаду и уйти в Жанжарык (55). Поскольку он понес большие потери, он стремился лишь удержать свои прежние позиции в ожидании помощи со стороны Большой Бухарии. Как только он узнал, что Хаджим-хан продвигается вперед во главе большой армии и намеревается вступить с ним в сражение, он выделил одного доверенного офицера с отрядом в пятьдесят человек и отправил его за информацией о продвижении врага. Люди из отряда взяли в плен несколько человек и от них узнали, что Хаджим-хан вернулся в Дурун, пополнил ряды своей армии значительным числом окрестных тюркоманов и двинулся вперед, чтобы вступить в сражение с бухарским ханом, и должен уже быть в Ургенче. Абдалла-хан, не располагая силами для сопротивления хану Хорезма, обра-

тился с предложением о мире к Пулад-султану и Тимур-султану, находившимся в Кайуке. Такое предложение было в интересах обеих сторон, и вскоре мир был заключен, а Абдалла-хан увел остатки своего войска в Большую Бухарию.

После ухода этого принца Хаджим-хан (56) и его братья какое-то время господствовали в городах Хорезма относительно спокойно, и после смерти Мохаммеда и Тимур-султана их дети, при поддержке Хаджим-султана, унаследовали владения своих отцов. Абдалла-хан не оставил своих намерений присоединить Хорезм к Большой Бухарии и ждал лишь подходящего случая для нового вторжения в эту страну. Принцы дома Хаджим-хана не замедлили представить ему такой случай. В это время владетельный сеньор отправил своего посланца по имени Пиалаша к Абдалла-хану для заключения с ним союза и для того, чтобы этот принц взял на себя обязательство напасть со своей стороны на короля Персии, в то время как тюрки совершили бы нападение на Персию с другой стороны. Посланцу потребовалось три года, чтобы дойти до Большой Бухарии, потому что ему пришлось идти через Индию. На обратном пути он решил идти через Хорезм, сесть на судно, принадлежавшее тюркоманам, на Каспийском море и таким образом добраться до провинции Шируан, принадлежавшей его сеньору. Но как только он прибыл в Ургенч, Мохаммед и Ибрахим-султан, сыновья Хаджим-хана, ограбили его, не оставив ему ничего, кроме того, что было совершенно необходимо для продолжения путешествия, и отправили его в Мангышлак, где в это время по счастливой случайности находились торговцы из Шируана, которые взяли его на свой корабль.

К первому основанию для жалобы вскоре прибавилось второе. Всякий магометанин, который хочет совершить хадж в Мекку, должен так спланировать свое путешествие, чтобы быть там 10-го числа месяца дзулхедже, так как это день, в который, по верованиям магометан, Ибрахим решил принести в жертву своего сына Исмаила. Паломники из Большой Бухарии, идущие в Мекку, в мирное время проходят через Хорезм и персидские провинции, а во время войны они вынуждены идти в обход через Индию. Некоторые жители и торговцы Мавераннахара, решив отправиться в Мекку, двинулись в путь через Хорезм в сопровождении некоего Хаджикута, потому что был заключен мир между Абдалла-ханом и принцами дома Хаджим-хана, но как только они прибыли к Кайуку, Баба-султан, старший сын Пулад-султана, их ограбил, лишив всего, что у них было, и отправил их пешком назад. По возвращении в Большую Бухарию они пожаловались на этот произвол Абдалла-хану, который, каза-

лось, их не слушал. Тогда глава каравана сказал, что обвинит его перед лицом Бога, давшего ему власть на земле, если он оставит безнаказанным оскорбление, нанесенное самому Богу в лице паломников, которые направлялись в святые места для вознесения ему своих молитв. Тогда Абдалла-хан решил идти войной на Хорезм, тем более, что он не забыл об утрате в этой стране владений, которые принадлежали его отцу Обеид-хану. Как только известие о подготовке Абдалла-хана к войне распространилось повсюду, узбеки Хорезма разделились на две части : одна стояла за стойкое сопротивление, а вторая настаивала на том, что нужно сдаться. Хаджим-хан, убежденный, что из-за этих разногласий он ни в коей мере не может полагаться на своих подданных, доверил управление Ургенчем своим сыновьям Мохаммеду и Ибрахиму и отправился в Дурун в сопровождении своего старшего сына Сюнц-Мохаммед-султана и многих других принцев своего дома, заявив, что собирается провести там зиму, чтобы с наступлением весны устроить осаду города Нисы. В то время трое сыновей Тимур-султана владели Хазарасапом, Пулад-султан и четверо его сыновей господствовали в Кайуке, а четверо сыновей Мохаммед-султана с двумя их племянниками, детьми Мохаммед-Амина, занимали Вазир. Узнав о планах Абдалла-хана вторгнуться по весне в их страну, эти принцы отправили по десять человек из Хазарасапа и Кайука в страну Дуруганата, чтобы получить информацию о его продвижении. Враги узнали об этом и из их рук удалось ускользнуть лишь троим, которые вернулись в Хазарасап и сообщили о приближении Абдалла-хана. По получении этого известия, Мохаммед-султан счел за лучшее уйти в Кайук и объявить этот город местом общего сбора. Во время первого нашествия Абдалла-хана Тимур-султан, отец Мохаммеда, принял такое решение, и оно спасло страну. И в этот раз надеялись, что это будет во благо. Мохаммед тронулся в путь с узбеками, которые находились в его подчинении, но так как он сомневался в их преданности, то по прибытии к могиле святого по имени Хадсрати Пехлеван он взял в руки Коран и заставил их поклясться на нем, что они его не предадут. По прибытии в Кайук он обнаружил, что принцы приняли решение покинуть этот город и уйти в Вазир. Он попытался этому воспрепятствовать, но безуспешно, и был вынужден последовать за ними. Так все прибыли в Вазир с войсками и багажом. Такое огромное количество людей и повозок образовало нескончаемую вереницу: голова колонны покинула город на рассвете с первыми лучами солнца, а ее хвост смог выйти за пределы города лишь к полудню и, придти к новому месту дислокации очень поздно, тогда как головная часть находилась там уже с полудня.

Абдалла-хан отправил одного из своих военачальников по имени Шодзам-Кули с отрядом войск к Кайуку, куда он прибыл в тот момент, когда последние отряды войска принцев покидали город. Он вошел в Кайук через другие ворота и объявил, что все узбеки должны вернуться в город, пообещав от имени Абдалла-хана, что всем им найдется применение по силам и будет назначена хорошая плата. Значительная часть узбеков вернулась. Он им заявил, что те, кто хочет верой и правдой служить Абдалла-хану, должны завтра идти с ним в погоню за Пулад-султаном и его союзниками. Он отправил их в лагерь к Алматиш-хану, стоявшему с войском численностью в тридцать тысяч человек. Узбеки наспех подготовили прикрытие из своих повозок, но Шодзам-Кули опрокинул эту баррикаду и смешал их ряды. Он захватил Койзи, одного из сыновей Пулад-султана. Он удовлетворился этим, потому что понес большие потери, и не стал преследовать принцев, которые в полной сумятице добрались до Вазира. Там они приняли решение изгнать из своих рядов Баба-султана, который навлек на них эту войну, и отправить посланцев к Абдалла-хану с предложением о мире. Пулад-султан, который не был с этим согласен, решил самостоятельно, вместе с другими двумя сыновьями, Хамзой и Пехлеванкули, идти в Дурун к Хаджим-хану. В Вазире остались четверо сыновей Махмуд-султана с их двумя племянниками и трое сыновей Тимур-султана, которые нашли друг друга во время поражения Алматиш-хана. Позже к ним присоединились Мохаммед и Ибахим-султан, оба — сыновья Хаджим-хана. Али-султан, сын Махмуд-султана, стал главнокомандующим в этом городе.

Затем Абдалла-хан подошел к Вазире со всей своей армией. После месяца осады и из опасения, что он будет вынужден ее снять, он принял решение обмануть принцев, заявив им, что поскольку они прогнали от себя Баба-султана, главного его противника, они могут придти к нему, и он им обещает принять их с тем почетом и уважением, которое должен выказывать своим союзникам и родственникам.

Польщенные такими обещаниями, узбекские принцы попросили отправить к ним несколько приближенных сеньоров из его свиты, чтобы те дали от его имени клятву относительно их личной безопасности и сохранности их имущества. Абдалла-хан, чтобы довести до конца свой коварный замысел, отправил к ним — Хасан-Шолджа, Саршинби, Мохаммед-Бакиби, Хаджимби, правителя Самарканда, и Дост-Моргана — пятерых важных персон, которых он уважал больше всех остальных. Указанные лица в сопровождении отряда из сорока всадников прибыли в город, где принесли от имени Абдалла-хана клятву,

которую требовали узбеки. Несмотря на эту видимость мира, народ не хотел, чтобы принцы положились на милость врага, и требовал не отпускать сеньоров, так как знал, что Абдалла-хан лучше откажется от завоевания Ургенча и Вазира, чем подвергнет их хоть малейшей опасности. Народ требовал отправить к Абдалла-хану их свиту из сорока всадников с письмом, в котором содержалось бы пояснение, что сеньоры задержаны лишь для того, чтобы была гарантия снятия осады, и что их отпустят на свободу сразу же по получении известий об отходе войск Абдалла-хана, сами принцы будут их сопровождать на обратном пути. Однако эта самая разумная позиция не нашла поддержки. Али-султан жестко воспротивился ей, ведь до сих пор никогда не случалось конфликтов с Абдалла-ханом, а все узбекские принцы были родственниками хана Бухары, потому не следовало опасаться подвоха со стороны хана, и даже если бы он забрал себе их владения, он отвез бы их в Большую Бухарию, где предоставил бы им новые владения, лучше прежних; при этом Али-султан был убежден, что Абдалла-хан сохранит за ними Ургенч и Вазир. Поскольку старейшины нации поддержали эту точку зрения, народ был вынужден замолчать. Принцы вышли из города и направились к Абдалла-хану, который их тотчас же арестовал и доверил их охрану своему приближенному по имени Ишимси. Шодзам-Кули было поручено надзирать за офицерами и солдатами. Были составлены точные списки всех пленников. Из жителей были сформированы группы из 10-12 человек, в задачу каждой входила охрана одного пленника. Так все они были доставлены в Большую Бухарию. Абдалла-хан завладел городами Ургенч и Вазир, управлять которыми он поставил одного из своим эмиров по имени Сариглан. Менглишби из орды Дурманов занял пост правителя Кайука, Шоджа стал правителем Хассарасапа и маленького городка Крука. Еще один мулла, человек образцовой набожности, встал во главе Кахта, и стал вождем орды тюркоманов Бажат. Затем хан вернулся в свои наследственные владения.

Месяц спустя, Хаджим-хан и принцы его рода, находившиеся в Дуруне, узнав обо всем, что произошло в Ургенче, и о приходе к власти в Хорезме Абдалла-хана, решили уйти из персидской Эраки к шаху Аббасу. Один Пулад-султан, в возрасте 70 лет, придерживался иного мнения, считая, что не пристало ему в столь почтенном возрасте искать убежище у людей иной религии; он предпочел отправиться к Абдалла-хану в надежде, что этот принц войдет в его положение и обеспечит ему существование до конца дней. Хаджим-хан в сопровождении принцев из своего рода (57) пустился в путь, чтобы встретиться

с шахом Аббасом. При выходе из Дуруна у него было три тысячи лошадей, которые в дороге настолько разбрелись в разные стороны, что к концу пути их осталось всего сто пятьдесят. Пулад-султан, в свою очередь, прибыл к Абдалла-хану, где был казнен вместе со всеми принцами из рода Амунака (58). Все узбеки, которые были взяты в плен во время этой войны, были приговорены к уплате ежегодной дани в размере 30 танга с человека, и вскоре они впали в такую нищету, что многие из них даже вынуждены были продавать собственных детей, чтобы заплатить налог, который распространялся на каждого, кто был старше десяти лет. На каждые десять человек приходился один ответственный, который был обязан уплатить 30 танга за любого из своей десятки, кто пустился бы в бега.

Хаджим-хан прибыл в Персию (59), где был принят со всеми подобающими почестями, а его сын Сюнц-Мохаммед-султан пошел своим путем и подался к великому правителю Константинополя. Некоторое время спустя (60), Абдолмумин-султан, сын Абдалла-хана, вторгся с многочисленной армией в ту часть Хорасана, которая находилась под властью Персии, чтобы завладеть городом Есфараином. Шах Аббас тотчас покинул Казвин и направился в Бастам, куда вслед за ним последовал Хаджим-хан и другие узбекские принцы. Последние имели информацию о том, что в Кайуке было лишь шестьдесят человек из вражеского стана, а в Ургенче – сорок, и они сочли эту ситуацию благоприятной, чтобы вернуться в свою страну и отобрать свои города. Поскольку нужно было предпринять демарш в тайне от короля Персии и в то же время нельзя было его оскорбить слишком скорым отъездом, Хаджим-хан и некоторые принцы не пожелали принимать участие в этой операции, но Араб Мохаммед-султан, его брат Мохаммед-Кули султан, а также Баба-султан, Хамза и Пехлеван-Кули, трое сыновей Пулад-султана, настаивали на своем плане и готовы были рискнуть всем. Они тайно прибыли в Естерабад, который находился недалеко от Бастама, и где они рассчитывали получить поддержку от тюркоманов. После их отъезда Хаджим-хан сообщил королю Персии об их намерениях. Шах, хорошо знавший энергию и расторопность Абдалла-хана, не одобрил эту операцию и посоветовал Хаджим-хану вернуть их. Он был убежден, что при жизни Абдалла-хана узбеки никогда не смогут вернуть себе свои бывшие владения, и опасался, что стыд за неудавшийся демарш, который был предпринят без его ведома, не позволит им вернуться ко двору и вынудит их искать убежище в других краях. Хаджим-хан сел на коня и поскакал в Естерабад, чтобы сделать все возможное, чтобы вернуть прин-

цев, но обещанная им крупная помощь со стороны многих орд тюркоманов укрепила их в прежних намерениях, и они даже убедили Хаджим-хана остаться с ними, чтобы увидеть, каким успехом завершится их предприятие. Они выехали из Естерабада и отправились к горам Кутана, у подножия которых жили тюркоманы орд Така и Яамут, те, что в свое время находились под господством детей Махмуд-султана, брата Хаджим-хана, и теперь дали принцам подкрепление в пятьсот человек. Затем принцы пересекли территорию Мангышлака, абсолютно пустынные земли, покинутые тюркоманами, которые переселились в Ордакутук на границе с Гордишем из-за войн с манкатами, или каракалпаками, с одной стороны, и тюркоманами из орды Ирсари, с другой. Проехав через Мангышлак, принцы направились в места проживания орды Ирсари, которая, будучи в свое время под господством Тимур-султана и его брата Пулад-султана, отца Баба-султана, тоже предоставила им от пятисот до шестисот человек. Наконец, они прибыли в Пишгу, откуда Хаджим-хан с двумя сыновьями направился в Ургенч, а Баба-султан со своими двумя братьями — в Кайук. Получив известие об их прибытии, Сари-оглан, правитель Ургенча, спрятался во дворце, но Хаджим-хан приказал вырыть ночью подземный ход и завладел дворцом. Он казнил правителя и сорок его приближенных. После этой победы все тюркоманы орд Така и Яамут вернулись в родные края с богатыми трофеями и оставили хана с сыновьями практически одних в Ургенче. В это время Баба-султан прибыл к Кайуку. Проживавшие там сарты открыли ему городские ворота, и он казнил правителя города с шестьюдесятью приближенными. Тогда правители Хазарасапа и Кахта сбежали в Большую Бухарию, а Баба-султан отправил по домам почти всех тюркоманов из орды Ирсари, оставив при себе лишь пятнадцать человек. Вместе со своим братом Пехлеван-Кули он отправился в Хазарасап. На дороге показались два офицера во главе отряда из ста пятидесяти всадников, несущие во весь опор по направлению к городу. Баба-султан решил запереть городские ворота, но не сумел сделать это достаточно быстро, один из офицеров подскочил к нему, чтобы помешать осуществить его намерение, но несколько жителей города подоспели на подмогу, и офицеры были вынуждены ретироваться. Узнав, что Кайук не охраняется, они устремились туда и на следующий день к полудню были у крепостных стен. В это время Хамза прогуливался по площади. Они дождались вечера, когда прибыло подкрепление, и прорыли подземный ход, через который и проникли в город, предав мечу войско противника. Эти всадники были подразделением армии бухарского хана,

который отправил их на осаду Есфараина под командованием Шодзама-Кули, который, получив в пути информацию о захвате Кайука отрядами Баба-султана, отправил туда это подразделение, а затем и сам выехал туда. Увидев по приезду, что город находился в руках его войск, он направился в Ургенч.

Мохаммед-Кули-султан, третий сын Хаджим-хана, скрыл гибель своего двоюродного брата Хамзы, намереваясь отправиться в одиночку к Баба-султану в Хазарасап. Он отобрал некоторое количество тюркоманов и загатайцев, в которых был уверен, а также две сотни узбеков из Ургенча. В сопровождении этого небольшого отряда он отправился в Хазарасап вдоль реки Ургенч. Он еще не добрался до Зилпрука, как оказался окружен войсками Шодзам-Кули, который приказал взять его живым. Мохаммед-Кули-султан сформировал из своего отряда эскадрон и слепо бросился на прорыв неприятельских рядов. Ему удалось уйти к Кучуку, хану манкатов, которому он предложил заключить союз, но хан отказался, опасаясь навлечь на свою страну вторжение хана Бухары, и, чтобы ликвидировать всякий повод для беспокойства, он арестовал Мохаммед-Кули-султана и отправил его к русским, у которых он и умер некоторое время спустя.

Хаджим-хан, узнав, что Шодзам-Кули нанес поражение его сыну, сразу же покинул Ургенч и вместе с сыном Араб-Мохаммед-султаном ушел в сторону Мангышлака. В пути он многократно подвергался нападениям со стороны неприятеля и потерял в этих стычках более половины своего и так немногочисленного войска. Он укрылся в Естарабаде, а оттуда ушел в Казвин ко двору короля Персии. Абдалла-хан лично пошел осаждать Хазарасап, и после взятия города казнил Баба-султана, затем вернулся в Большую Бухарию и вскоре там умер (61).

Получив известие о его смерти, шах Аббас собрал на следующий год (62) многочисленную армию, с которой направился к Бастаму. Хаджим-хан просил позволить ему пойти к границам Мавераннахара, чтобы постараться получить у Абдолмумин-хана, унаследовавшего власть от своего отца Абдаллы, какой-нибудь город, где бы он мог провести остаток своих дней в покое. Король Персии дал свое согласие, и Хаджим-хан с сыном Араб-Мохаммед-султаном и внуком Исфендияр-султаном отправился в путь. Вскоре он заблудился и попал в места проживания тюркоманов из орды Така у подножия горы Куран, в то время как он сам думал, что находится около города Мерв. Затруднившись в выборе решения, он пошел отдохнуть в тени под горой. Там он услышал от двух узбеков, которые узнали его, что Абдолмумин был убит, сражаясь за право вступить во владение

своим государством. Хаджим-хан быстро отправился в Ургенч, благополучно туда прибыл и беспрепятственно им завладел, так же, как и Вазиром. Всеобщая растерянность и сумятица в делах Большой Бухарии после скоропостижной смерти Абдолмумин-хана привели к тому, что все города Хорезма остались без правителей и без воинских гарнизонов. Он оставил себе оба эти города, а Кайук и Кахт передал своему сыну Араб-Мохаммед-султану. Исфендияр-султан (63), его внук, получил Хазарасап. Все узбеки, которых Абдалла-хан привез в качестве пленников в Большую Бухарию, вернулись в Ургенч. Некоторое время спустя Сюнц-Мохаммед-султан, старший сын Хаджим-хана, покинул великого властителя и отбыл в провинцию Шируан, где, получив подтверждение о смерти Абдолмумина, погрузился на корабль и по Каспийскому морю добрался до Мангышлака, а затем прибыл в Ургенч, что произошло три года спустя после восстановления власти Хаджим-хана. Отец уступил ему города Ургенч и Вазир, равно как и титул хана, и уехал в Кайук к своему другому сыну Араб-Мохаммед-султану.

Сюнц Мохаммед-хан недолго оставался на троне, он умер через год после своего возвращения в Ургенч. Его сын Абдалла-султан, унаследовавший от него все владения, умер через год после его смерти. Затем умер и сам Хаджим-хан в возрасте 81 года (64). Это ему (65) в 1558 году Дженкинсон представил письма от царя, а в 1595 году эти узбеки отправили к царю Федору послов с просьбой о дружбе.

После смерти Хаджим-хана его власть унаследовал его сын Араб-Мохаммед. Этот принц добавил к владениям своего сына Исфендияр-султана город Кахт и полностью сосредоточился на делах управления. Однако шесть месяцев спустя, когда он отправился в путь, чтобы провести лето вместе со своими вассалами на берегах реки Аму, казаки Жайыка, получив информацию о том, что в летний период в Ургенче совсем не остается воинских сил, вторглись туда с войском в тысячу человек. Уничтожив более тысячи жителей, они нагрузили более тысячи телег всевозможными ценностями, а все, что не могли увезти с собой, подожгли и ушли в свои края, забрав с собой около тысячи женщин и девушек. Араб-Мохаммед, вовремя проинформированный об этом набеге, затаился в узком горном проходе и так хорошо там закрепился, что врагам не удалось вытеснить его с занятых позиций, и они были вынуждены бросить там все свои трофеи. Затем, к их немалому изумлению, он их ждал в следующем ущелье, сделав его для них совершенно недоступным. Источники воды очень редки в этих местах, и вскоре они стали испытывать острую ее нехватку, вплоть до того, что начали пить кровь сво-

их убитых товарищей, чтобы хоть как-то унять мучившую их жажду. Во время их последней попытки преодолеть баррикаду они понесли такие большие потери, что в живых осталась лишь сотня человек, которые направились к реке Хесель и на ее берегу соорудили маленькую хижину в ожидании благоприятной возможности вернуться в свои края. Но Араб-Мохаммед нашел их и завершил разгром. Шесть месяцев спустя, тысяча калмыков прошли между озером Шоджакули и горой Шейкасис и совершили набег на берега реки Хесель со стороны города Кахт, где они убили большое число жителей, а затем двинулись в обратный путь, нагруженные добычей и взяв много пленных. Араб-Мохаммед-хан выступил против них и так яростно их преследовал, что им стоило больших усилий спастись, бросив добычу и всех пленных.

Некоторое время спустя найманы, недовольные господством Араб-Мохаммед-хана, ввели ночью в Кайук Шиссеран-султана, принца из рода Ильбарс-хана, с намерением возвести его на трон и казнить хана. Однако хан придерживался иного мнения по поводу своей судьбы и убил Шиссеран-султана, а глава заговорщиков Софи-мирза был убит своим собственным братом по имени Баба-мирза. Два года спустя Шах-Мирза в сопровождении двадцати игуров отправился из Ургенча в Самарканд за Салех-султаном, потомком Хасанкули-хана, сына Абулака, чтобы объявить его ханом в Ургенче. Араб-Мохаммед-хан убил и этого принца, но запретил искать тех, кто мог быть замешан в этом заговоре, и сказал, что оставляет месть Богу, потому что не хотел, чтобы из-за одного злоумышленника пострадали многие его подданные, которые могли быть втянуты в заговор непроизвольно и неосознанно. Он добавил, что именно по этой причине он не хотел смерти Софи-мирзы, зачинщика заговора по возведению на трон Шиссеран-султана, и он был бы жив, если бы его собственный брат Баба-мирза не лишил его жизни, считая, что он ее не достоин. То же относится и к Шах-Мирзе: со стороны Араб-Мохаммед-хана он никогда не будет наказан, все зависит от игуров, которые могут захотеть отомстить ему. Через десять лет тысяча калмыков совершили второй набег на его земли со стороны Бакиргана, они разрушили множество жилищ и унесли богатые трофеи.

После четырнадцати лет спокойного правления Араб-Мохаммед-хана (66) некоторые молодые узбеки собрались в Кайуке у Хабаш-султана и Ильбарс-султана, сыновей хана, уговорили их ехать в Ургенч и обратиться к отцу, чтобы он признал их своими преемниками. Старшему из этих двух принцев было в то время 16 лет, младшему — 14. С этим намерением они отпра-

вились в город Пишгу, который находится в одном дне пути от Ургенча, и собрались там у источника в ожидании, пока подойдут все остальные. Они провели в Пишге 10 дней, отказавшись подчиниться приказу Араб-Мохаммед-хана вернуться и встретиться с ним, чтобы он мог передать им город Вазир. Хан мог бы без труда задушить эти волнения в зародыше, запретив узбекам подстрекать его детей. Поскольку он внушал всеобщий страх, никто из его подданных никогда бы не осмелился ослушаться его приказаний, но он не принял никаких необходимых мер для прекращения беспорядков. Как только принцы решили, что достаточно сильны для реализации своих планов, они предприняли набег на Хорасан, откуда вернулись с богатой добычей в их первый лагерь у источника в Пишге. Хан во второй раз попросил их явиться к нему. Его посланец сообщил ему неприятное известие о том, что все узбеки, которые жили между Даруганом и Бакирганом, присоединились к принцам и единодушно ответили, что у принцев нет никакой необходимости видеться с отцом. Араб-Мохаммед-хан, последовав совету того, кто был свидетелем царивших там настроений, срочно уехал в Кайук, а принцы, совершив несколько набегов на персидские земли, добрались до амбаров отца, где нашли большие запасы зерна и распределили его между отрядами своих войск. Такие большие запасы зерновых объяснялись тем, что народы, жившие на землях от маленького городка Модекан до Бакиргана и, далее, до Куигана, сеяли только пшеницу, и тем, что Араб-Мохаммед-хан, владея обширными территориями в этих краях, прорыл канал от реки Хесель за городом Туком и с его помощью, а также целой сети других более мелких каналов, отходявших от головного, сделал эти земли орошаемыми. Наконец, хан увидел, что число сторонников обоих принцев растет с каждым днем, и принял решение уладить с ними отношения, уступив им Вазир со всеми окрестными тюркоманами, которые ему подчинялись. При таком раскладе оба принца в сопровождении четырех тысяч человек прибыли в Кайук, чтобы поприветствовать отца.

Ильбарс-султан сохранил дух сопротивления и через четыре года стал собирать новые войска под предлогом осады города Жаурсурди, но на самом деле он хотел захватить Кайук, и как только ему стало известно в пути, что хан выехал в Ургенч, он тут же повернул на Кайук и завладел им. Хан тотчас повернул к Кайуку в надежде, что сын, узнав об этом, уйдет из города, но, остановившись в маленьком местечке под названием Шасган поблизости от Кайука, он в течение ночи оказался в плену у отряда из пяти сотен лучших воинов, отправленных туда Ильбарс-султаном и доставивших хана в Кайук. Затем Ильбарс-султан

распределил между своими воинами все деньги отца и все богатства вельмож из его свиты.

Абулгази-султан и Шериф-Мохаммед-султан, которые находились в Ургенче, узнав об этой акции, приняли решение открыть военные действия против Ильбарса, а Хабаш-султан сам вызвался сопровождать их в этом походе. Несколько приближенных из их свиты отговорили их из опасения, что Ильбарс под давлением братьев может убить отца, в то время как, не подвергаясь нападению, он, возможно, удовольствуется тем, что обчистит Араб-Мохаммед-хана и отпустит его. Короткое время спустя так и случилось. Как только хан вернулся в Ургенч, он вместе с сыном Исфендияр-султаном и другими обсудил необходимые меры в отношении захвата Ильбарс-султана, но их не удалось сохранить в тайне, и Ильбарс-султан имел достаточно времени, чтобы сбежать в пустыню вместе с пятью или шестью сопровождающими. Его жилища были разрушены, часть его подданных была угнана. По завершении этой экспедиции Абулгази-султан отправился к отцу в Ургенч и предложил полностью подавить этот бунт, казнив смутьяна и его сообщников. Прежде всего он хотел пойти в Вазир и убить Хабаш-султана, который всегда поддерживал очень тесные отношения с Ильбарс-султаном, а оттуда отправиться на поимку самого Ильбарса, добавив, что хану будет лучше иметь пять преданных ему сыновей, чем еще двух, которые постоянно предпринимают против него криминальные действия. Араб-Мохаммед-хан был отцом, то есть он совсем не хотел гибели двух своих сыновей, несмотря на то, что они не выполняли свой долг ни как сыновья, ни как подданные. Абулгази-султан настаивал, подчеркивая, что хан имеет в своем совете двух предателей. Не найдя поддержки своему проекту у хана, Абулгази-султан отправился к своему брату Исфендияр-султану и повторил свои предложения, которые вновь были отвергнуты. Хабаш и Ильбарс-султан, имевшие повсюду своих шпионов, были уведомяны об этом и никогда не простили этого Абулгази-султану.

Некоторое время спустя, когда Араб-Мохаммед-хан вернулся в Кайук, а Исфендияр-султан — в Хазарасап, Хабаш-султан тайно дал знать Ильбарс-султану, что настало время вновь появиться. Тогда Араб-Мохаммед-хан раскаялся в том, что не последовал совету Абулгази-султана. Чтобы исправить ошибку, он отправил приказ Исфендияр-султану и Абулгази-султану собрать войска и идти к нему. Тем временем он потребовал у Хабаша и Ильбарс-султана выдать ему десять человек из их свиты, которых он считал зачинщиками бунта, и пригрозил, что если они не будут выданы, то он больше не станет считать Хабаша и Иль-

барса своими сыновьями. Это требование не возымело действия и пришлось применить оружие. Араб-Мохаммед-хан со своим войском подошел к городку Кандум вблизи Кайука, решив дожидаться там двух своих сыновей — Исфендияра и Абулгази-султана. Абулгази-султан появился первым и предложил, чтобы Исфендияр-султан со своим войском продвигался по правому берегу реки, в то время как он сам с отрядом в восемьсот человек отправился бы к тюркоманам, которые кочевали по пустыне и почти наполовину состояли из его подданных, и обязал бы их вступить к нему в войско, и разгромить тюркоманов — подданных Хабаша и Ильбарс-султана в случае их отказа вступить в его войско. Такая мера представлялась тем более необходимой, что оба принца-бунтовщика не смогли бы призвать в свое войско и четырехсот человек без поддержки тюркоманов. Хан отбросил и этот план, потребовав, чтобы войска Абулгази-султана, находившиеся в арьергарде, подтянулись к нему. После того как все войска были объединены, они вошли в провинцию Икзи Кумани (67), несмотря на настойчивые возражения Абулгази-султана и Шериф Мохаммед-султана, которые предпочитали провести маневры среди тюркоманов. Затем короткими переходами они добрались до канала, носившего название Ташли-Гермиш, который был вырыт Али-султаном для орошения земель. В этом месте оба принца-смутьяна, у которых было достаточно времени, чтобы стянуть все имевшиеся в их распоряжении войска, столь неожиданно напали на своего отца, что его армия была разбита, а он попал в плен. В этом сражении Абулгази-султан проявил чудеса храбрости. Он врезался в самую гущу вражеских войск и был бы схвачен, если бы шесть человек из его приближенных не пришли ему на выручку и не вызволили его из окружения сорока воинов противника. Он был ранен стрелой в рот. К счастью, ему удалось избежать плена, и, удачно преодолев многие опасные ситуации, он прибыл в Большую Бухарию к правившему там (68) Имам-Кули-хану. Исфендияр-султан ушел в Хазарасап, где заперся вместе со своими братьями Шериф-Мохаммед-султаном и Харизм-Хан-султаном. Ильбарс-султан и Хабаш-султан осадили город, но после сорокадневной осады пошли на мировую. Исфендияр-султан ушел к королю Персии под предлогом совершения паломничества в Мекку, Шериф-Мохаммед-султан остался господствовать в Хазарасапе, а через четыре месяца отправился к своему брату Абулгази-султану в Большую Бухарию. С его отъездом Хабаш-султан и Ильбарс-султан стали полновластными хозяевами в государствах своего отца, которые они разделили между собой. Хабаш-султан получил города Ургенч и Уасир с подвластными им землями, Ильбарс-султан взял себе

Кайук и Хазарасап. Они выделили Араб-Мохаммед-хану городок Кумкала (69), где он мог жить со своими тремя женами и двумя младшими сыновьями. На следующий год Ильбарс-султан довел цепь своих преступлений до трагической кульминации, казнив (70) своего отца и своего брата Харизм-Хан-султана. В тайне от Хабаш-султана он отправил к нему своего другого брата Ауган-султана в надежде, что Хабаш-султан последует его примеру, но этот принц не захотел пачкать руки в крови своей семьи и ограничился тем, что отправил Аугана в Россию, где он впоследствии умер.

Когда пришло известие о смерти Араб-Мохаммед-хана, король Персии дал триста своих лучших воинов Исфендияр-султану, чтобы тот попытался восстановить свою власть во владениях отца. К этому принцу присоединились семьдесят тюркоманов из орды Така и сотня — из орды Яамут. С этим небольшим отрядом он отправился к городу Тук, в окрестностях которого кочевал Хабаш-султан. Когда Исфендияр-султан прибыл на место, Хабаш-султан находился у одного из своих вассалов, который давал праздник в честь этого. При звуке боевой трубы, рассудив, что поблизости появились враги, поскольку в любом ином случае запрещалось использовать трубу, он вскочил на коня и умчался к своему брату Ильбарс-султану. Все, кто хранил добрую память об Араб-Мохаммед-султанине, и все те, кто раньше входили в число подданных Абулгази-султана и Шериф-Мохаммед-султана, присоединились к Исфендияр-султану, которому все сулило удачу, но злонамеренность некоего Назар-ходжи расстроила все планы. Этот человек, потомок святого по имени Сагидатта из провинции Бакирган, был безоглядно предан Ильбарс-султану, который был женат на его дочери. Увидев, в какой опасности находится Ильбарс-султан, он пожелал ему не терять присутствие духа и пообещал через два дня привести столько народу, сколько он сможет собрать в соседних местах. Действительно, с пятьюдесятью спешно поднятыми воинами, к которым добавились те, кто присоединился в пути, он захватил брод через реку Хесель, чтобы помешать всем тем, кто захочет присоединиться к Исфендияр-султану. Затем, взяв в руки Коран, он наслал проклятия на Исфендияр-султана, которого он обвинял в приверженности к религии персов. Везде, где он проходил, он приказывал убивать мужчин, а женщин и детей забирать в рабство. Его проклятия произвели такое огромное впечатление на народ, который не мог поверить, что человек такого происхождения мог злоупотребить Кораном и всем самым святым в мусульманской религии, чтобы обмануть людей, что вместо того, чтобы присоединиться к Исфендияр-султану, сообразно первоначальным

намерениям, большинство присоединилось к двум принцам, а остальные вообще не захотели принимать какое бы то ни было участие в этой войне. Таким образом, Ильбарс и Хабаш-султан оказались в состоянии выступить против Исфендияр-султана, нанесли ему серьезное поражение и заставили уйти с Мангышлака. Однако три тысячи тюркоманов и большое количество узбеков начали уставать под властью обоих принцев и повернулись к Исфендияру, который, получив такое подкрепление, вернулся и одержал большую победу над братьями. Ильбарс-султан попал в плен и по приказу Исфендияр-султана был тут же казнен. Хабаш-султан спрятался у манкатов, живших на берегах Сыра, откуда, не ощущая себя в безопасности, ушел дальше, к вождю этой же орды по имени Шарник-мирза, который жил ближе к берегам Жеммы. Он надеялся найти там поддержку, так как когда-то отпустил пленных манкатов домой. Но поскольку Шарник-мирза ненавидел его коварство, он велел его арестовать и отправил к Исфендияр-султану, который его казнил. После этого этот принц был торжественно провозглашен ханом (71). Принцы поделили между собой владения отца: Исфендияр-хан получил Кайук, Хассарасап и Кахт, Абулгази-султан — Ургенч с подвластными землями, а Шериф Мохаммед-султан — Уасир. На следующий год осенью вся знать из подданных Исфендияр-хана прибыла к нему на поклон. Абулгази-султан, которому было 19 лет, тоже собрался ехать к хану, но перед отъездом он пригласил к себе Шериф-Мохаммед-султана с тремя вождями орд, его вассалами, и в присутствии двух собственных вассалов спросил, не питает ли Шериф-Мохаммед-султан какой-либо вражды к хану. Тот дал отрицательный ответ, и Абулгази-султан заставил его дать клятву, что он сам и его вассалы сохранят в тайне то, что Абулгази-султан собирается им доверить. Затем он им сказал, что не может понять, почему Исфендияр-хан в течение года удерживает при себе тюркоманов, что, возможно, он собирается расправиться с узбеками, проживающими на землях, подвластных Кайуку, чтобы отомстить им за их приверженность Ильбарс-султану. Если дело обстоит так, то, по мнению Абулгази-султана, хан не преминет попросить у них помощи по их прибытии в Кайук, и, исходя из этого, он полагает, что лучшим решением будет не ехать ко двору хана, в надежде, что тогда он откажется от своего плана. Он добавил, что если все-таки они твердо намерены ехать, то в пути следует убивать всех тюркоманов, которые им встретятся, а затем предстать перед ханом с повинной и попросить у него прощения за содеянное, объяснив, что память об извечном вероломстве этого народа и всегда существовавшие серьезные претензии к нему спровоцировали их

на этот шаг, но теперь сделанного не исправить, и они вверяют свою судьбу хану. Шериф-Мохаммед-султан придерживался иного мнения и предложил более жестокий план — убить самого Исфендияр-хана и поставить на его место Абулгази-султана. Все, за исключением одного из вассалов Абулгази, поддержали это предложение. Тот, кто выступил против, пригрозил донести на них хану в случае серьезности их намерений. Этот инцидент вынудил их изменить свои планы, они отправились в Кайук и после того, как они провели там три дня и готовились к отъезду, Исфендияр-хан приказал арестовать Абулгази-султана и убить всех игуров и найманов, которые находились в Кайуке. Пятьсот человек из обеих орд погибли, а с ними и некоторое количество узбеков. Поскольку хан принял решение уничтожить полностью эти обе орды, он отправил войска в места их проживания в окрестностях Кайука. Те, на кого была возложена эта задача, расширили ее, включив туда и тех узбеков, которые проживали между Хазарасапом и башней (72), находящейся на берегу реки Аму, не щадя даже младенцев.

Не удовлетворившись этими жестокими проявлениями своего гнева, Исфендияр-хан отправил Шериф-Мохаммед-султана в Ургенч, приказав перерезать там и окрест всех игуров и найманов. Эти народы, зная, какова была участь их собратьев, предприняли шаги, чтобы воспротивиться воле хана, угрожая дорого продать свои жизни, если им не будет позволено уйти в Большую Бухарию или в другие места, где они могли бы спокойно обосноваться. При этом они дали знать, что если хан предоставит им возможность спокойно жить на прежних местах, они готовы принять у себя Абулгази-султана с одним из самых усердных офицеров хана по имени Мохаммед-саин-бек для наблюдения за их поведением. Шериф-Мохаммед-султан проинформировал хана об этих настроениях, и Исфендияр-хан тотчас отправил Абулгази и Мохаммед-Саин-бека к узбекам, приказав следить за каждым их шагом. Абулгази-султан обосновался на берегах реки Хесель по соседству с городом Туком, в таком месте, где совсем не было узбекских поселений, и укрепил его. Вскоре к нему присоединились Шериф-Мохаммед-султан и Мохаммед-Саин-бек. Многие узбеки, проживавшие на противоположном берегу Хесея, не замедлили явиться к Абулгази, чтобы предложить ему войско в тысячу человек. В их намерения входило напасть на Исфендияр-хана, но сначала они собирались, покинув Шериф-Мохаммед-султана, захватить Мохаммед-Саин-бека и находившихся под его началом восемьдесят тюркоманов, а затем расправиться со всеми остальными тюркоманами, которых они считали единственными виновниками истребления их со-

братьев. После этого они намеревались в течение зимы устроить осаду Кайука, где тоже собирались расправиться со всеми тюркоманами, проживающими в городе и окрестностях. Абулгази-султан посчитал, что приведение этого плана в исполнение сопряжено со слишком большими трудностями, потому что те восемьдесят туркоманов, которые осуществляли охрану, сообщили бы другим о намерениях узбеков и сбежали бы вместе с их имуществом; кроме того, пока они сами сосредоточились бы на осаде Кайука, калмыки увели бы их женщин и детей и сожгли бы их жилища. Абулгази-султан пришел к выводу, что нужно было убедить Мохаммед-Саин-бека и его восемьдесят тюркоманов в их дружбе и миролюбии для того, чтобы Исфендияр-хан пребывал в уверенности, что с этой стороны опасности нет, а тем временем, пока Шериф-Мохаммед-султан отправился бы на зиму к хану, узбеки с противоположного берега реки построили бы оборонительные сооружения против набегов калмыков. С наступлением весны можно было бы распространить слух о совершении калмыками набега и под предлогом подготовки к походу против них спешно собрать войска и идти в Кайук, где расправиться со всеми тюркоманами. Узбеки отвергли этот план, а Мохаммед-Саин-бек, узнав о нем, сбежал вместе со своими тюркоманами под покровом ночи. В этой ситуации было решено ничего больше не скрывать и идти к Кайуку, хотя Абулгази-султан считал, что не следовало показывать хану, что им были известны причины бегства Мохаммед-Саин-бека со своими людьми. Они направились к Кайуку и разбили лагерь в Таш-Купруке в провинции Шика (73), где расправились со многими тюркоманами. Но тут калмыки захватили часть лагеря узбеков, многие из которых сразу же разбежалась.

Как только поступила информация о бунте узбеков, тюркоманы, обитавшие у подножья горы Абулшан и Мангышлак, направились к Исфендияр-хану, который открыл военные действия против узбеков и разбил их. Абулгази-султан укрылся в фортификационных сооружениях, где обнаружил пятьсот своих воинов, собиравшихся бежать. Он их остановил, заставил спешиться, отобрал у них и расседлал коней, чтобы лишить их всякой надежды на бегство и приготовился встретить врага во всеоружии. Когда появился Исфендияр-хан, Абулгази-султан со своими отрядом в пятьсот пеших воинов вынудил его отступить и удерживал его в этом месте в течение нескольких дней, после чего стороны пошли на уступки, и каждый собрался вернуться в родные края. Исфендияр-хан согласился на перемирие только потому, что рассчитывал вовлечь противника в сражение на открытой местности, тюркоманы не знали об этом и соверши-

ли тем временем набег на маленький город Шанака, в котором жили сарты. Абулгази-султан воспользовался моментом, чтобы покинуть свое укрытие, Исфендияр-хан пустился за ним в погоню с пятитысячным войском, но не смог его одолеть. Как только Абулгази-султан увидел врага, он спешно выстроил круговую оборону из повозок и защищался столь отважно и удачно, что Исфендияр-хан был вынужден во второй раз заключить мир, потеряв восемьдесят человек убитыми и две тысячи ранеными. Абулгази-султан, потерявший в этом бою лишь двадцать человек убитыми и сто ранеными, отправился к своему брату Шериф-Мохаммед-султану в Ургенч, где собрались все узбеки, жившие раньше по обеим сторонам реки Аму.

Появление кометы, имевшее место некоторое время спустя, встревожило все народы, которые увидели в этом явлении предупреждение о многочисленных грядущих бедствиях, причиной которых были, как они считали, вечные распри между принцами. И они стали расходиться группами: одни — в Большую Бухарию, другие — в Туркестан. Абулгази-султан не мог помешать возникшей неразберихе и был вынужден сам следовать за этим потоком, уносящим его подданных. Шериф-Мохаммед-султан ушел в Большую Бухарию, и Абулгази-султан отправился к Ишим-хану, стоявшему во главе Казачьей орды. Он последовал за ханом в Ташкунт, где правитель собирался воздать почести Турсун-хану, повелителю всех этих провинций. Ишим-хан в счет тех услуг, которые были оказаны узбеками семье Турсун-хана, выпросил у последнего средства для соответствующего его положению существования в Ташкунте до того времени, когда появится возможность вернуться на родину. Два года спустя, когда Ишим-хан расправился с Турсун-ханом и всеми своими бывшими подданными из орды катагунов, Абулгази-султан, видя, что бесконечные распри присущи в равной степени принцам и узбекам, ушел к Имам-Кули-хану в Большую Бухарию. Вскоре он в этом раскаялся. Имам-Кули хан был недоволен тем, что Абулгази-султан предпочел сначала двор Турсун-хана, с которым он всегда враждовал, и потому принял его холодно. Абулгази-султан не думал больше ни о чем, кроме возвращения в свою бывшую страну, куда его приглашали тюркоманы, предлагая забыть прошлое. С другой стороны, узбеки уверяли его в своей преданности, обещая прийти к нему по первому зову, когда он будет находиться у тюркоманов. Вскоре стало известно, что Исфендияр-хан, получив информацию об этих связях с тюркоманами, был страшно напуган и сбежал в Хазарасап, опасаясь какого-либо неприятного сюрприза с его стороны. Абулгази-султан в сопровождении всего пяти-шести человек тотчас же отправился

в Кайук, где к нему присоединились многочисленные сторонники, прибывавшие отовсюду. Узнав, что его брат Шериф-Мохаммед-султан помирился с Исфендияр-ханом, и что оба эти принца, собрав большое войско, двигались ему навстречу, он решил дать им бой и вынудил их заключить мирный договор. Но шесть месяцев спустя, когда он считал, что ему больше ничего не угрожает с их стороны, они пришли в Кайук, где находилась его резиденция, и напали на него с войском в пятнадцать тысяч человек. Хотя у него было не более шести сотен солдат, он не утратил присутствия духа и защищался так отважно, что вынудил их отступить с большими потерями. После их изгнания он отправил в сторону Хазарасапа отряды, которые угнали большое количество скота. Шериф-Мохаммед-султан пустился за ними в погоню и во второй раз потерпел поражение от Абулгази-султана, пришедшего на помощь своим людям.

Какое-то время спустя, Исфендияр-хан приказал убить восемьсот знатных узбеков с женами и детьми, направлявшихся из Большой Бухарии в Арал (74), чтобы там обосноваться. Он хотел также избавиться от своих двоих братьев и с этим намерением отправил в Арал к узбекам Шериф-Мохаммед-султана, который должен был сделать вид, что скрылся от хана, чтобы обмануть Абулгази-султана. Тем временем Исфендияр-хан уверял тюркоманов, что ничего не знает об исчезновении своего брата. Он их настраивал против него и объяснял, что Абулгази-султан пригласил узбеков из Большой Бухарии и предложил им поселиться в Арале лишь затем, чтобы расправиться со всеми тюркоманами, и что он посвятил в свой замысел Шериф-Мохаммеда, а хан счел необходимым предупредить их об этом. Когда тюркоманы поверили ему и выразили признательность, он запер ворота дворца и отправил своих людей схватить спокойно спавшего Абулгази-султана, которого он затем лично препроводил в Жаурсурди, где передал его в руки правителя этого города, чтобы тот отправил его с хорошим эскортом в Персию. Абулгази-султан был доставлен в Хамадан, где властвовал шах Софи, преемник шаха Аббаса. Оттуда его перевели в Испахан, где король Персии выделил ему дом и десять тысяч танга в год на расходы, при этом он содержался под домашним арестом. Через некоторое время умер Исфендияр-хан (75), пробыв у власти двенадцать лет.

Тогда его брат Шериф-Мохаммед-султан стал ханом и избрал своей резиденцией Ургенч. У него было много конфликтов с калмыками, которые во время его правления захватили значительную часть Хорезма.

После его смерти (76) Абулгази-султан, который в течение десяти лет находился в Персии в качестве пленника, нашел спо-

соб ускользнуть и появиться у тюркоманов из орды Така, которые живут у берегов реки Аму, у подножья горы Куран. Он пробыл там полных два года, после чего отправился в Мангышлак, где число жителей сократилось под властью калмыков, и он нашел лишь семьсот семей. Хан калмыков тотчас же пригласил его к себе и принял его со всеми подобающими почестями. Затем Абулгази-султан (77) направился в Ургенч (78). Шесть месяцев спустя (79), в провинции Арал, в устье реки Аму, тюркоманы провозгласили его ханом. У Исфендияр-хана было два сына — Жушан-султан и Ашраф-султан, которые владели Кайуком и Хазарасапом. Абулгази-хан, укрепив свои позиции в Ургенче и Вазире, стал торопить тюркоманов, проживавших во владениях Жушан-султана и Ашраф-султана, перейти под его власть, но эти народы, отправив Ашраф-султана в Персию для воспитания при дворе шаха, перешли под покровительство Надир-Мохаммеда, хана Большой Бухарии, который в то время унаследовал власть от своего брата Имам Кули-хана. Когда Абулгази-хан подверг разорению жилища жителей Кайука, Надир-Мохаммед-хан был поставлен перед необходимостью разместить полноценные гарнизоны и своих комендантов в этом городе и в Хассарасапе, а также отправить вдову Исфендияр-хана со старшим сыном в провинцию Кански. Затем он передал управление своими двумя городами и прилежащими к ним землями своему внуку Касым-султану (80). Абулгази-хан принял решение стать хозяином Кайука. Он приказал своей пехоте погрузиться вечером на корабль в провинции Арал и подняться вверх по реке Хесель до моста у Ташкупрука и ждать там, а сам со своей кавалерией последовал за ней по суше. Затем, добавив часть пехоты к кавалерии, он на рассвете подошел к городку Кандум неподалеку от Кайука. Он перешел ручей, отделявший его от Кайука, спрятал 180 своих воинов в ложбине, а сам с шестьюдесятью лучниками и двадцатью стрелками в полной тишине приблизился к Кайуку. Неприятель заметил приближение отрядов Абулгази-хана и выставил против них тысячу человек, из которых около семисот были одеты в кольчуги. У Абулгази-хана, несколько не удивленного таким численным перевесом, таких воинов было лишь пять, но это не уменьшило его решимость, он заманил их в засаду и разбил наголову. Затем он вернулся к Ташкупруку и, разорив множество сел в окрестностях Кайука, отпустил свои войска по домам.

Некоторое время спустя Надир-Мохаммед-хан отозвал своего внука Касым-султана из Кайука, а управление городом передал одному из своих придворных по имени Якуб. Это стало причиной того, что тюркоманы, жившие в Кайуке и его окрестностях, ушли в провинцию Таршан (81). Затем, когда Надир

Мохаммед-хан был свергнут с трона своими вассалами вследствие своих неправомερных действий, а его место занял его сын Абдолази-султан, Абулгази-хан вернулся в Кайук (82) и стал его полновластным хозяином. Он заявил, что все тюркоманы, которые покинули свои жилища из-за минувших бедствий, могут вернуться, и обещал забыть о прошлых обидах и не притеснять их. Те тюркоманы, которые разбросано жили на землях, расположенных по другую сторону Хазарасапа, отправили к нему трех вождей — Жуслум-бахадур, Дин-Мохаммеда-онбеги и Урусса в сопровождении восьми других делегатов, чтобы сообщить, что они всегда хранили ему верность со времен его возвращения из Большой Бухарии и надеялись, что он примет их благосклонно. Абулгази-хан довел до их сведения, что собрался завладеть Хазарасапом, и что все тюркоманы, которые направили к нему своих представителей, могут собраться там и засвидетельствовать ему свое доверие и уважение. Все, кто поверил его обещаниям, поспешили исполнить его указания, но Абулгази-хан убил их всех в количестве двух тысяч человек и, разорив их жилища, вернулся в Кайук. Не удовлетворившись расправой над этими тюркоманами, он отправился (83) с несколькими отрядами в провинцию Таршан, чтобы напасть на тех тюркоманов, которые покинули Кайук после отъезда Касым-султана. Когда он прибыл в Таршан, большая часть тюркоманов успела укрыться в провинции Бамабуринак (84), остальные были истреблены. Затем (85) Абулгази-хан направился в Бамабуринак, чтобы изгнать оттуда беглецов. Тюркоманы, у которых не было иного прибежища, отправили своих жен и детей в Арал, а сами заняли оборону за обломками старых крепостных стен под командованием одного из своих начальников по имени Шахар-Шоджа, намереваясь дорого продать свои жизни. В этих условиях Абулгази-султан был вынужден пойти на некоторые уступки и предложил начать переговоры. Однако тюркоманы предпочли выйти из своих укрытий и пешими, с решимостью отчаявшихся, броситься на врага. Все они полегли в этом неравном бою, ни одному не удалось спастись, а на следующий день Абулгази-хан снарядил отряд в Арал, чтобы забрать в плен их жен и детей.

После этих событий (86) вождь калмыков из орды Тургутов совершил набег на окрестности Кахта, разорил их и взял в плен большое число его жителей. Через некоторое время другой калмыцкий вождь по имени Баян из орды Тургутов пришел в Хорезм вместе с калмыцкими торговцами, которые хотели заняться куплей-продажей. Абулгази-хан позволил им заняться торговлей, но через пятнадцать дней после их отъезда он со своими войсками бросился за ними в погоню, отобрал у них все то-

вары, убил их вождя и полностью разгромил их. Затем он пошел войной на тюркоманов из орды Байрат, чей вождь по имени Ади был его извечным врагом (87). Он разрушил все села, попавшие ему на пути, и ущерб, который он нанес этому краю, стал причиной такого страшного голода, что за кусок хлеба здесь давали лошадь. Большая часть его войска разбежалась. Наконец, торговец из числа тюркоманов по имени Аванаш, знавший, как пробраться в единственное сохранившееся поселение тюркоманов, где скрывался их вождь, попал в руки Абулгази-хана, который через него узнал туда дорогу и полностью его разрушил. Поскольку этот принц задался целью уничтожить всех тюркоманов или, по крайней мере, ослабить их настолько, чтобы от них уже не исходила никакая опасность, он пошел войной (88) на орды Жемер жемили, Сарик и другие, и полностью разгромил их. Абулгази-хан надеялся, что после такого разгрома тюркоманов — извечных врагов узбеков, в его государствах воцарится мир, но частые набеги калмыков вновь заставили его взяться за оружие. Мерган-тайша, Ошзутаба и Тогул, три вождя этой нации из орды Торгутов, со своими отрядами совершили набеги (89) на земли Хассарасапа, разорив селение Жесдус и угнав скот из селения Дануган. Абулгази-хан, ничего не зная об этом, прибыл в Хазарасап, намереваясь совершить путешествие в Большую Бухарию, но, опасаясь, что калмыки могут воспользоваться его отсутствием, чтобы совершить грабительские набеги на его государства, он отправил гонца к Абдолазизу, хану Большой Бухарии, с предупреждением быть начеку в отношении калмыков, которые сконцентрировали свои войска на границе. Во время переправы через реку гонец узнал, что три вождя калмыков возвращались с добычей, которую награбили у подданных его хозяина, и тут же вернулся, чтобы сообщить об этом Абулгази-хану. Хан немедленно оседлал коня и настиг арьергард калмыков у горы Ирдер. В спешке собранные отряды Абулгази-хана нанесли поражение калмыкам, большая часть которых сумела спастись. Абулгази-хан приказал убить всех пленников, чтобы налегке преследовать основные силы калмыков, ушедшие далеко вперед. Он пошел по следу Ошзутабы и Тогулла и догнал их в провинции Сежери-рабат, где они так хорошо укрепились, что невозможно было их одолеть. Калмыки не решались выйти из своих укреплений, чтобы продолжить путь, и отослали все свои трофеи, а также луки и стрелы Абулгази, умоляя его простить их и утверждая, что они не знали, что разоренные ими два поселения принадлежали ему, и что они намеревались совершить набег не на его земли, а на земли Большой Бухарии. Они клялись, что в будущем никогда не причинят его стране никакого вреда и

даже предупредят его, если кто-либо из их вождей вознамерится войти в ее пределы, и окажут ему поддержку против них. Абулгази-хан принял в расчет, что калмыки этой орды всегда жили в мире с его подданными, вернул им их оружие и позволил вернуться в свои края.

Когда Абулгази-хан вернулся к себе после этих походов, к нему обратился султан Кулихан, правивший в Балхе, с просьбой помочь ему отразить натиск Абдолазиза, хана Большой Бухарии, который вознамерился завладеть Балхом, и убить его. Абулгази-хан был близким родственником хана Балха, который был женат на его племяннице, дочери Шериф-Мохаммед-хана, и он не забыл о вероломстве Абдалла-хана по отношению к принцам — потомкам Акатай-хана, которые были им жестоко умерщвлены после того, как их выманили ложными обещаниями из Вазира. Абулгази-хан считал своим долгом прийти на помощь хану Балха и двинулся (90) с войсками в провинцию Кожертлик (91), расположенную на границе с Большой Бухарией. Там он отделил отряд в тысячу человек во главе с военачальником по имени Бик-Али-инак и направил его в сторону Каракула, находившегося во владении Большой Бухарии, а сам захватил город Сюнц-бала и полностью его разрушил, равно как и от тридцати до сорока поселений вокруг него. Затем он вернулся в Кожертлик, куда к нему через три дня пришел Бик-Али-инак со своим отрядом, разорившим Каракул. Абулгази-хан вернулся в Кайук и не замедлил вторгнуться на земли, находившиеся во владении Абдолазиз-хана. Он лично разрушил Каракул, который после ухода его войска покинули многие жители. Оттуда он направился в Гордиш, где разгромил армию в пятнадцать тысяч человек под командованием генералов Абдолазиз-хана, который находился в это время в городе Нахшабе. Все, кто смог спастись, пришли в Каракул, где Абулгази-хан учинил над ними расправу и сжег все уцелевшие с прошлого раза дома. В другой раз (92) он решил завладеть Зарджуи, входившем в Большую Бухарию, а потом (93) опустошил провинцию Жайси, которая находится между городами Каракулом и Нерсемом. В то время, когда он возвращался обратно в свои владения, Абдолазиз-хан в сопровождении Касым-султана и многочисленной армии подошел к городу Кожертлику, где замыслил устроить диверсию. Но узнав о появлении Абулгази-хана на границе Хорезма, он ретировался столь стремительно, что его люди загнали до смерти немало лошадей, хотя Абулгази-хан его не преследовал. После этого Абулгази-хан совершил еще один набег на Большую Бухарию, разграбил город Кармина и вернулся с большими трофеями, но при переправе через реку, и чувствуя себя в безопасности, он при-

казал переправить верблюдов, вьючных лошадей, другой скот и в целом весь багаж вместе с оставшимся войском в полночь, а сам спокойно лег спать, оставив при себе лишь свою обычную охрану в сто воинов, в то время как его армия насчитывала более двадцати пяти тысяч человек. На рассвете офицер предупредил его о появлении врагов на другом берегу. Это был Абдолазизхан во главе своей армии в шестьдесят тысяч человек. Абулгази поспешил к своим войскам, переправлявшимся через речку, и приказал остаться на той стороне, где они были, потому что в это время на него готова была обрушиться тысяча всадников в кольчугах. Абулгази-хан сравнялся с первыми рядами воинов своего отряда, спешил сам и приказал спешиться всей сотне сопровождавших его воинов, чтобы им легче было управляться с мушкетами, которыми они были вооружены. Одновременно он отдал приказание знаменосцу как можно быстрее добраться до основного войска, которое в своем большинстве уже переправилось через речку, и играть сбор, чтобы армия повернула обратно. Затем он отрядил Жадигар-аталыка с тридцатью воинами для нападения на тысячу всадников при входе в ущелье, а сам обещал быть в готовности оказать ему поддержку. Жадигар-аталык столь успешно справился с возложенной на него задачей и так долго защищал вход в ущелье, что Ануша-Мохаммед-Бахадур-султан, четырнадцатилетний сын Абулгази-хана, имел достаточно времени, чтобы придти на помощь отцу во главе отряда в шестьсот всадников, которые прихватили с собой еще триста пехотинцев, усадив их на лошадей позади себя. Тем временем армия противника все приближалась, и тысяча всадников окружила Абулгази-хана со всех сторон. Хан отдал распоряжение сыну Ануша Мохаммед-Бахадур-султану вместе с отрядом в четыреста воинов врезаться в правый фланг вражеского эскадрона, который мешал ему воссоединиться со своей армией, а сам возглавил другой отряд из шести сотен человек. Оба отряда бросились на врага и сумели освободить проход для воссоединения с основной армией, шедшей им на выручку. Тогда Абулгази-хан послал в бой головные силы своего войска под командованием сына Ануша Мохаммед-Бахадур-султана, а сам вместе с прибывающими отрядами поддерживал его. Вскоре с обеих сторон все основные силы были втянуты в сражение, которое шло долго и без ощутимого перевеса какой-либо из сторон. Наконец, благодаря отваге Ануша Мохаммед Бахадур-султана, войска Абулгази-хана стали одерживать победу. Армия Абдолазиз-хана была разбита, несмотря на значительное численное преимущество, и войска победителя преследовали ее до самой реки. Неразбериха в неприятельском войске была столь велика, что значительная его

часть, не сумев достигнуть моста, оказалась в воде, и сам Абдолазиз-хан, несмотря на ранение, вынужден был переправляться через реку вплавь, чтобы не попасть в руки победителя. Завершив столь доблестно эту кампанию, Абулгази-хан возвратился в Кайук, ведя за собой большое число пленных. По прибытии он устроил большой праздник для вельмож и старших офицеров, подвластных ему государств, и осыпал похвалами своего сына, которому уступил Хазарасап.

После этой большой экспедиции, которая имела место в году Ит, или Собаки, Абулгази-хан вернулся (94) в Большую Бухарию, где захватил город Варданси. В следующем военном походе (95) он дошел до ворот Бухары — столицы этого государства, разрушил все окрестные поселения и был готов взять штурмом город, но, решив, что эта победа не принесет ему славы в отсутствие хана, пребывавшего в этот момент в Самарканде, и с учетом того, что в городе в это время находились лишь женщины, таджики и простые обыватели, он отложил этот план до иных времен. Поскольку ему уже было шестьдесят лет, он решил, что пролил уже достаточно крови, мстя за убийство принцев его дома, совершенное Абдалла-ханом. Все победы, на которые он мог рассчитывать в будущем, продолжая воевать с Абдолазиз-ханом, своим единоверцем, камнем ложились ему на сердце, и он, полагая, что сможет с большей пользой использовать свое оружие против калмыков и персов, направил послов к Абдолазиз-хану с предложением о мире. Абдолазиз-хан, немало выстрадавший в этой войне, их принял. С этого времени оба хана жили в добром согласии. Абулгази-хан уступил трон своему сыну Ануша-Мохаммед-Бахадур-султану, намереваясь провести остаток своих дней в религиозных размышлениях и богослужениях, но вскоре умер (96), пробыв у власти двадцать лет.

Царь Петр Великий имел намерение способствовать процветанию торговли в своей стране и хотел установить сообщение между Сибирью и странами Южной Азии по реке Сырт, которая омывает земли Туркестана. Полагая, и вполне логично, что эта река должна впадать в Каспийское море, он неоднократно снаряжал экспедиции знатоков морского дела, которые, в сопровождении казаков из Жайыка, хорошо знавших местное побережье, искали место впадения этой реки в море. Однако они не обнаружили между реками Жемба и Аму ни одной крупной реки, которая впадала бы в Каспийское море, кроме реки Хесель (97), и решили, что именно ее они и искали. Они окончательно укрепились в этом ошибочном мнении после того, как казаки их уверили, что эта река имеет название Дарья, а им было известно, что это второе название реки Сырт. После тщательного изуче-

ния долины устья реки, получив разнообразные подтверждения правильности своих догадок, они составили соответствующий отчет. Опираясь на него, царь в 1719 году принял решение отправить астраханским путем бригадного генерала Бековича с отрядом в 2500 человек, поставив перед ним задачу завладеть устьем этой реки. Выбор главы экспедиции не случайно пал на этого генерала — он был черкесом, в совершенстве знал тартарский язык и казался способным успешно осуществить задуманное. Но тартары, относясь недоверчиво и недоброжелательно к предпринятым исследованиям реки Хесель и исходя из собственного опыта отвода воды из этой реки для орошения своих земель, пришли к выводу, что будет несложно повернуть ее русло, используя имеющиеся в этих местах низины, и заставить впадать в озеро Арал. Они решили проделать эту работу и так отвели воду реки в разных местах, что, в конце концов, сумели привести ее к впадению в Арал тремя различными рукавами. В результате природное русло реки настолько уменьшилось, что стало легко его перекрыть. Когда некоторое время спустя Бекович прибыл со своими отрядами к устью реки Хесель, он обнаружил, что оно высохло. Тем не менее в стремлении выполнить данные ему указания он приказал своим людям спешиться и начать поблизости строительство фортификационных сооружений, насколько это позволяла песчаная почва. Но едва он приступил к работе, как на него напали узбеки из Хорезма с многочисленной конницей. Бекович сражался с такой решимостью, что узбеки, отчаявшись взять его силой, решили прибегнуть к обману. Тартарский хан, возглавлявший это войско, сообщил ему по секрету, что в душе симпатизирует русским и хотел бы видеть их своими соседями, но в сложившихся обстоятельствах вынужден оказывать им сопротивление, учитывая настроения других принцев, являющихся его родственниками и соседями. Он сообщил, что решено завтра предпринять еще одно наступление на его позиции и в случае неудачи попытаться прийти к обоюдному согласию. Поскольку в недавнем прошлом этот хан делал аналогичные заявления русскому двору, Бекович поверил в его искренность. На следующий день тартары, как и намечалось, предприняли атаку против русских, но были отбиты и отошли с большими потерями. Тогда хан направил к Бековичу двух своих представителей — мирз, чтобы узнать, почему он пришел с вооруженным отрядом в его страну и чего он хочет. Бекович попросил закрыть отводы от основного русла реки, чтобы она обрела свое прежнее течение и устье. Тартары стали объяснять, что для них это непосильная задача, так как река несет свои воды к трем рукавам, по которым устремляется в озеро Арал. Они тараторили так быстро, что не-

возможно было их прервать. Беркович предложил дать ему некоторое количество заложников, которые помогли бы его отряду проделать эту работу. Это было как раз то, чего хотели тартары, и они тут же выполнили его просьбу. Он немедленно отправился в путь, оставив на позициях немногочисленную охрану. Но заложники, которых ему дали и которые служили ему проводниками, повели его по пустыне, где вода встречалась лишь в маленьких гниющих болотцах. После пяти дней пути в условиях острой нехватки воды проводники предложили Бековичу разделить отряд, включая их самих, на три части и идти дальше разными дорогами, чтобы было легче удовлетворять потребности в воде. Бекович, зайдя так далеко в глубь территории, вынужден был согласиться, хотя и понимал, какими могут оказаться последствия такого решения. Когда русские разделились на три части, тартары смогли их окружить и уничтожить одну за другой; они убили Бековича и большую часть его отряда, а оставшихся в живых захватили в рабство. Тогда те, кому была поручена охрана фортификационных сооружений, быстро снялись с позиций и вернулись в Астрахань.

В наше время Хорезм разделен между мелкими тартарскими принцами одной семьи, один из которых носит титул хана и имеет определенное превосходство над остальными — в той степени, в какой сможет себя утвердить. Его резиденция находится в Ургенче или его окрестностях, ближе к границам Персии. Обычно тартаров Хорезма называют тартарами Хивы («Шивы» — по тексту) по названию места на берегах Аму, где хан размещается в летнее время. Этот хан является сувереном в своем владении, он абсолютно не зависит от хана Большой Бухарии, хотя персы путают тартаров Хорезма с тартарами Большой Бухарии и называют всех их узбеками.

В Хорезме живут три вида народов. Сарты — самые древние жители этой страны, тюркоманы, которые поселились в ней значительно раньше тартаров, отделившись от канкисов, среди которых жили прежде в Туркестане. Узбеки, или тартары, пришли туда вместе с Шайбек-султаном и другими потомками Шейбани-хана, сына Туши-хана. Сарты и тюркоманы занимаются земледелием и скотоводством. Большинство узбеков живут за счет грабительских набегов. Поскольку они представляют собой один народ с узбеками Большой Бухарии, то внешность, верования, традиции и обычаи у них одинаковые, за исключением того, что хорезмские узбеки менее вежливы и более непоседливы. Зимой они живут в городах и поселениях, расположенных ближе к центру страны, а летом они в большинстве своем перемещаются на берега Аму, а также в другие места, где могут найти

хорошие пастбища для скота. Они находятся в состоянии постоянного ожидания какой-либо благоприятной возможности совершить набег на соседей, поскольку пленники, попавшие к ним в рабство, и захваченная во время таких набегов добыча составляют все их богатство. Поскольку у этого государства единое войско, то оно легко может поставить под ружье от сорока до пятидесяти тысяч достаточно ловких всадников. Несмотря на то, что узбеки имеют дома, типичные для оседлого образа жизни, они не оставили привычку время от времени перемещаться в различные места вместе с своим скотом, следуя примеру своих предков, в поисках хороших пастбищ. Но они до сих пор проявляют большую склонность к разбою и именно поэтому не желают обживать берега реки Хесель, ибо там они оказались бы на большем расстоянии от своих соседей, и совершать набеги им было бы сложнее, а также им пришлось бы отражать нападения каракалпаков, имеющих такое же пристрастие. Только сарты и тюркоманы используют пастбища на берегах реки Хесель, узбеки же держатся ближе к Аму, откуда им легче совершать набеги на Персию.

Ургенч и в наши дни по-прежнему является столицей Хорезма. Он, расположен в большой долине к северу от реки Аму на 39 градусе 50 широты в 35 немецких льё от восточного побережья Каспийского моря. Раньше это был очень большой город, но с тех пор, как он перешел под власть тартаров, а северный приток Аму, протекавший прямо у его крепостной стены, изменил русло, он превратился в обычную деревню, примерно в 1 льё по периметру, с крепостной стеной из кирпича, обожженного на солнце, и узким рвом, заваленным отходами во многих местах. Весь город состоит из глинобитных хижин. Правда, есть в нем и дворец, построенный из кирпича, но он так сильно разрушен, что лишь примерно четвертая его часть еще пригодна для проживания. Встречаются там и мечети из кирпича, но они находятся в таком же жалком состоянии. Тартары Хорезма, как впрочем и все остальные тартары, умеют лишь разрушать и очень мало склонны к тому, чтобы возводить или сохранять здания. Единственная вещь, о которой еще проявляют какую-то заботу, это большая широкая улица, ведущая к центру города, крытая из конца в конец, чтобы уберечь товары, которые на ней выставляют, от разрушительного действия времени, поскольку эта улица служит рынком для всего города. Окрестности Ургенча пустынные, так как не орошаются более водами Аму. Обычно город служит зимней резиденцией для ханов Хорезма. Летом же они обычно отправляются на берега Аму или в какое-либо иное живописное место, исходя из природных условий и собственно-

го положения дел. В настоящее время в Ургенче нет активной торговли, несмотря на очень выгодное расположение города, который мог бы служить пакгаузом для торговцев из всех соседних стран. Иностранцы оставляют его без внимания по причине недоверия к тартарам.

Примечания:

(1) Я не привожу в этом томе мои источники, поскольку он у меня один — это «Генеалогическая история тартаров» Абулгази, с которой я обязан считаться.

(2) Кайук — город в Хорезме на границе с Большой Бухарией, 40 градусов 45 широты, в 12 часах пути от реки Хесель. Несмотря на то, что большинство строений представляют собой жалкие грязные хижины, это лучший после Ургенча город в Хорезме. Его земли очень плодородны, но мало возделаны. Имеются небольшие виноградники, выращиваемые сартами.

(3) Хазарасар — город в Хорезме на северном берегу реки Хесель, 40 градусов 45 широты и 89 градусов долготы.

(4) Вазир — город в Хорезме на северном берегу реки Аму, 39 градусов 45 широты и 88 градусов 30 долготы. В настоящее время не является важным центром.

(5) Бакирган, провинция Хорезма на северном берегу реки Хесель в районе 42 градуса широты, на северо-востоке от города Тук.

(6) Этот принц был сыном Жадигар-хана.

(7) 911 год хиджры, или Овцы, по тартарскому циклу.

(8) Егнишар — маленький город в Хорезме на правом берегу южного притока реки Аму.

(9) Сыновья Джадигар-хана

(10) Мангышлак — город в Хорезме на берегу Каспийского моря к северу от устья южного притока реки Аму, 38 градусов 30 широты. В нем насчитывается примерно 700 домов, и все они глинобитные. Этот город имеет то важное преимущество, что располагает единственным на Каспийском море портом — большим, глубоким, хорошо защищенным, который в других руках обрел бы большую известность.

(11) У этого правителя было семь сыновей, из которых нам известны лишь Султан-Гази и Мохаммед-Гази.

(12) Он имел пять сыновей, из которых нам известен только Султан хаджи.

(13) Узбеки времен Ильбарса занимали весь Кыпчак до реки Иртыш с восточной стороны и все земли до Сирта с южной стороны, не считая Большой Бухарии, которую захватил Шайбек.

Узбеки Большой Бухарии и Хорезма принадлежат к ордам Уйгуров (Игуров), Найманов, Дурманов, Кумкуратов и так далее.

(14) Шестерых сыновей Амунака звали: Софиан, Бузуга, Аванаш, Кал, Акатай, Аганай. У всех было потомство.

(15) Танга — это монета, которая имеет хождение в Большой Бухарии и в Хорезме, она возможно, единственная, которую чеканят ханы. Она изготавливается из серебра довольно высокой пробы и равна примерно четверти эку. Она круглая, с одной стороны написано имя хана, с другой — название страны и год хиджры. Другие монеты в стране изготавливаются из меди и соответствуют нашему су или половине су. Персидские деньги тоже имеют хождение в этих провинциях, особенно ближе к границе с Хорасаном.

(16) Дурухн — город в Хорасане в полудне пути от реки Аму.

(17) Огурза — особая провинция Хорезма, расположенная на побережье Каспийского моря, в прежние времена, когда ее пересекал северный приток Аму, очень плодородная, но ставшая пустынной после того, как он изменил русло. Огурза на таргарском языке означает «огурец», потому что на ее землях огурцы росли в больших количествах, когда была возможность полива.

(18) Пишга — маленькая страна, расположенная к востоку от Ургенча, в которой почти не осталось жителей с тех пор, как Аму там больше не протекает.

(19) Карикизит — провинция в Хорезме, расположенная к западу от Ургенча между Пишгой и Огурзой, в наше время заброшенная по той же причине.

(20) Чтобы собрать 40 000 баранов, орды Така, Сарик и Ямут обязались поставить 8 000, орда Ирсари — 16 000 и орда Хорасан-салури — оставшиеся 16 000. Все перечисленные орды составляли раньше одну, а затем разделились на ветви.

(21) Орда Итзки-салури выплачивала ежегодную дань в размере 10 000 баранов и отдельно 1 000 баранов для кухни хана. Орда Хасана — 16 000 баранов в качестве дани и 1 600 для кухни хана. Орды Икдур и Дсаудур — 12 000 баранов в качестве дани и 1 200 для кухни хана. Орда Арабаз поставляла 4 000 баранов в качестве дани и 400 для кухни хана. Орда Адакли — 12 000 баранов в качестве дани и 1 200 для кухни хана. Несколько других мелких орд поставляли еще 4 000 баранов ежегодно.

(22) Этот принц оставил пятерых сыновей : Юсуфа, Юнуса, Али, Агиша, Пехлеван-Кули, которым новый хан пожаловал во владение город Кайук.

(23) Гилкупрук — маленькая провинция к западу от южного притока реки Аму на границе с Истерабадом.

(24) Этот принц оставил после себя троих сыновей: Дост-

Мохаммеда, Иш-Мохаммеда и Бурума, называемого еще Иш-Дост.

(25) У этого принца было трое сыновей: Дин-Мохаммед, Махмуд, Али.

(26) Гордиш — маленькая провинция в Хорезме, расположенная между Пишгой и Кумкантом, очень плодородная благодаря водам Аму. Именно здесь ее северный приток сменил русло, проходившее рядом с Ургенчем, и слился с рекой Хесель.

(27) Этот принц женился на дочери Софиан-хана, сестре Али-султана, племяннице Аванаша.

(28) Он имел от дочери вождя тюркоманов по имени Улигту-Басмал-бек двух сыновей — Омар-Гази-султана и Шир-Гази-султана, и двух дочерей — Сахара-хатун и Нонаш-хатун.

(29) Байжалкири — маленькая провинция в Хорезме на север от Ургенча. Земли в ней песчаные и пустынные из-за отсутствия воды.

(30) Юсуф и Юнус — сыновья Софиан-хана

(31) Бисам из орды Оклианов и Хафис из орды Кумкуратов.

(32) Со времен состоявшейся там битвы это озеро получило название Шикаскули.

(33) Гордан-шах — провинция в Хорезме, расположенная между Кайуком и Хазарасапом. В ней проживают исключительно сарты.

(34) 949 год хиджры.

(35) Бижаул — воинское звание у манкатов, или каракалпаков, у тартаров из Касачьей орды. Примерно равно званию полковника.

(36) Тук — маленький город в Хорезме, расположенный в двух льё на северо-восток от Угенча, вблизи южного берега реки Хесель.

(37) Сын Юнуса и дочери Акатая.

(38) У этого принца было шесть сыновей: Хаджим, Махмуд, Пулад, Тимур, Аллахкули, Солиман. Два старших жили в Багабаде, в Хорасане, а остальные в Вазире.

(39) 956 год хиджры.

(40) В связи с этим событием этот пруд стал называться именем хана Зунгали.

(41) Кахт — город в Хорезме, расположенный на 41 градусе 45 широты на северном берегу реки Хесель по направлению к границе с Большой Бухарией. Его выход к реке Хесель — единственное, что вызывает к нему интерес.

(42) 960 год хиджры, а по тартарскому циклу год Сигира, или Коровы.

(43) Он оставил после себя сына, который властвовал в Мер-

ве и был убит слугами в возрасте 23 лет. У него не было детей.

(44) Чтобы завершить знакомство с семьей Дин-Мохаммед-хана, отметим, что у этого принца было два брата.

Один из них Махмуд, которого называли Сары-Махмуд, то есть «Махмуд желтый», потому что он был единственным в семье, у кого кожа была желтого цвета. Он предавался всем возможным порокам, особенно пьянству. Он умер бездетным.

Вторым братом был Али-султан, который в разное время властвовал над городами Ниса, Жаурсурди, Ургенч, Хазарасап и Кахт со всеми прилегающими владениями. Весной он обычно переходил реку Аму, и все лето кочевал вдоль границ Хорасана, время от времени совершая набеги на Естерабад и Хорасан. В начале осени он возвращался в Ургенч. Каждый год он устраивал смотр находившимся у него на службе узбекам и располагал весьма точным их списком. В качестве платы за службу он ежегодно давал каждому из них по 16 баранов. Шах Тахмасп, король Персии, получая со всех сторон сообщения об опустошительных набегах, совершаемых подданными Али-султана на его земли, отправил одного из своих военачальников по имени Бадер-хан с 12-тысячной армией к границам Хорасана. Али-султан не знал об этом и вторгся с несколькими отрядами в пределы Естерабада, чтобы вынудить орду тюркоманов Окли-Коклан выплатить ему дань. Бадер-хан узнал об этом в Бастаме и быстро направился к Естерабаду. Али-султан, хоть и был удивлен его появлением, сохранил самообладание и, не желая рисковать, ушел на берега реки Курган, где решил подготовиться к сражению. Курган очень трудно переходить, эта река повсюду глубока и имеет быстрое течение и крутые берега, до ста локтей в высоту, есть лишь несколько мест, где ее можно перейти верхом на лошади. Али-султан разместил на берегах реки в самой выгодной позиции свое войско в составе трех тысяч человек, а многочисленные телеги, лошадей и другой скот расположил вдоль реки позади войска, причем телеги использовались в качестве прикрытий. Так он встретил персов, которые совершили несколько смелых атак, но, поскольку они располагали лишь кавалерией, а войска Али-султана отличались храбростью, долгое время было неясно, за кем останется победа. Наконец, вождь тюркоманов по имени Абабек, следовавший за Али-султаном и недовольный затянувшимся боем, встал среди телег, служивших прикрытием, и поднял находившийся под его командованием отряд тюркоманов, численностью около трехсот человек, из орды Окли. Хорезмцы не знали его намерений и начали опасаться, что он собирается их предать. Али-султан ограничился такими словами: «Если они решили присоединиться к врагу, я вверяю нашу судьбу Богу,

он один может спасти нас в этой опасной ситуации. Возможно, нашим врагам с их 12-тысячной армией пригодятся и эти три сотни человек». Но Абабек, не способный на такое вероломство, уже ринулся на персов. Заметив это, Али-султан тоже вступил в бой и вынудил противника ретироваться. Войскам Али-султана удалось захватить такое огромное количество лошадей, что у конюха, которому Али-султан дарил каждую девятую лошадь из причитавшихся ему, их оказалось семьсот. Пятнадцать лет спустя после этого события, Али-султан вновь совершил набег на Персию, но тяжело заболел в пути и умер в возрасте сорока лет от незаживающей заразной язвы, открывшейся между плечами. Это был 979 год хиджры, или год Сигира, год Коровы по тартарскому циклу, 1572 год н.э. Али-султан был принцем смелым, либеральным, скромным и беспощадным в наказании преступлений. У него осталось два сына, старший из которых по имени Искендер умер десять месяцев спустя после его смерти. Младший, Санджар, страдавший слабоумием, находился у власти 10 лет и умер бездетным.

(45) Сын Буззуга-хана

(46) Кумкант – маленькая провинция в Хорезме к востоку от Гордиша на северном берегу реки Аму.

(47) 965 год хиджры, называемый год Жилки, или Лошади, по тартарскому циклу.

(48) У Иш-султана было два сына : Шах-Кули и Тахир, которых Хаджим-султан и его союзники отправили в Большую Бухарию, где они умерли, не оставив детей. Таким образом, род Буззуга-хана полностью угас.

(49) Сын Аккатай-хана. Родился в 930 году хиджры, именуемом годом Лу, или Крокодила, по тартарскому циклу, это 1524 год н.э.

(50) Он умер в возрасте 23 лет.

(51) Умер в возрасте 18 лет.

(52) Этот принц умер в возрасте 40 лет и оставил шесть сыновей : Махмуд-султана, Амина, Али, Мохаммед-Амина, Араба и Акбаба. Амин и Мохаммед-Амин умерли вскоре после смерти их отца. У Мохаммед-Амина осталось два сына : Шах-Али и Шайбек, или Шабахт, которые вместе с многими другими принцами этой семьи попали в руки Абдаллы, хана Большой Бухарии, по приказу которого были казнены.

(53) Этот правитель умер в возрасте сорока лет, оставив после себя троих сыновей: Мохаммед-султана, Кадира-берди и Абулхаира.

(54) У этого принца было четверо сыновей: Баба-султан, Хамза, Койзи, Пехлеван-Кули.

(55) Жанжарык — маленькая провинция Хорезма на границе с Большой Бухарией у подножья гор, которые разделяют эти две страны к северу от реки Аму.

(56) Этот принц имел пятерых сыновей : Сюнц-Мохаммед-султана, Араб-Мохаммеда, Мохаммед-Кули, Мохаммеда и Ибрахима.

(57) Его сопровождали: трое сыновей — Сюнц-Мохаммед-султан, Араб-Мохаммед-султан и Мохаммед-Кули-султан, его внук Бурунди, сын Ибрахим-султана, Абдалла, сын Сюнц Мохаммед-султана, Мохаммед, сын Мохаммед-султана, и три сына Пулад-султана.

(58) Четверо сыновей Мохаммед-султана: Махмуд-султан, Али, Араб и Акбаба, и двое их племянников — Шах-Али и Шабашт, а также трое сыновей Тимур-султана — Мохаммед-султан, Кадир-Берди и Абулхаир, оба младших сына Хаджим-хана — Мохаммед и Ибрахим-султан, и сам Пулад-султан со своим сыном Койзи.

(59) Год, называемый Илан, или год Змеи, по тартарскому циклу.

(60) Год, называемый Кой, или год Овцы. В том году появилась большая комета.

(61) Последний день года 1006, называемого Тук, или годом Курицы, по тартарскому циклу.

(62) Год Ит, или Собаки.

(63) Старший сын Араб-Мохаммед-султана.

(64) Год 1011 хиджры, называемый годом Барса, или Тигра, по тартарскому циклу.

(65) Дженкинсон его называет Азим-хан и говорит, что его резиденцией был дворец Селлизур.

(66) Араб-Мохаммед-хан имел семь сыновей : 1. Исфендияр-султан, 2. Хабаш, 3. Ильбарс, 4. Абулгази Бахадур, 5. Шериф Мохаммед, 6. Харизмхан-султан, 7. Ауган. Мать Исфендияр-султана была близкой родственницей Араб-Мохаммед-хана. Хабаш-султан и Ильбарс-султан — сыновья одной матери из орды Найманов. Мать Абулгази-султана звали Мирбану-шанум, и она была дочерью Жангази-султана, сына Ширгази-султана, сына Султана-гази, сына Ильбарс-хана. Шериф-Мохаммед-султан и Харизмхан-султан тоже были рождены от одной матери, персиянки по происхождению из семьи Шоджа-Маудуд- Дезашт из Херата. Мать Ауган-султана была из рода Жадигар-хана.

(67) Икзи Кумани — маленькая провинция в Хорезме ближе к южному берегу реки Хесель к западу от Кайука.

(68) Имам-Кули-хан был сыном Жар-Мохаммед-султана, сына Сарак-султана, сына Мохаммед-хана, сына Тимур-сул-

тана, сына Тимур-Кутлук-оглана, сына Тимурбек-оглана, сына Кутлук-Тимур-оглана, сына Тумгана, сына Абая, сына Авас-Тимура, сына Тогай-Тимура, сына Туши-хана, сына Чингисхана.

(69) Кумкала — маленький город к северу от Вазира.

(70) Год 1031 хиджры, называемый годом Ит, или Собаки, по тартарскому циклу. Я заметил, что тартарский историк следовал двенадцатилетнему циклу, такому же, какой я поместил в первом томе, хотя были и противоположные мнения. Поводом для этого могли послужить некоторые ошибки в тексте Абулгази. Встречаются отличия и в названиях, но они обозначают одно и то же.

(71) Год 1032 хиджры, называемый Тонгус, или год Свиньи, по тартарскому циклу.

(72) На берегу реки Аму видна высокая башня, сложенная из камня, возле которой живет ветвь игуров, называемых карауйгур-токай. Именно вблизи мест проживания этой ветви игуров река Аму разделяется на два рукава, один из которых, протекающий перед башней, носит название Токай, а другой, более крупный, сменив какое-то время назад русло, впадает широким потоком в реку Хесель вблизи города Тук. Это изменение нанесло большой ущерб Ургенчу, пришедшему в запустение с тех пор, как бывшее русло притока реки Аму, протекавшего через город, высохло. Тем не менее хан сохранил там свою зимнюю резиденцию. С наступлением весны он раскидывает шатры на берегах Аму в окружении большого числа своих подданных, среди которых практически все имеют земли в этих местах. К концу осени хан возвращается в Ургенч.

(73) Шика — маленькая провинция Хорезма на южном берегу Хеселя к востоку от территории Тука и к западу от провинции Икзи-Кумани.

(74) Арал — это особая провинция Хорезма вблизи Каспийского моря, которая простирается от гор Абулшан и северной части прежнего устья северного притока реки Аму до границ с землями каракалпаков. В этой части Хорезма живут практически одни тюркоманы, которые находят там прекрасные пастбища. При этом в целом местность эта гористая, песчаная и неплодородная. Ее название происходит от названия озера Арал, расположенного к северу от реки Хесель. Это озеро, воды которого соленые, отделяет земли Арала от восточных провинций Хорезма. Оно — одно из самых больших в северной Азии и имеет 80 немецких льё по периметру, 30 льё — с юга на север и 15 — с востока на запад. В нем водятся практически те же породы рыб, что и в Каспийском море, с которым оно, очевидно, не имеет прямой сообщения. В него впадают реки Сырт, Хесель и многие

другие, что не сказывается на уровне воды, а из него не вытекает ни одна река. Каракалпаки и тюркоманы используют его воды в нужном им объеме через сеть каналов для орошения песчаных равнин. По мере испарения под лучами солнца эти воды оставляют после себя на поверхности земли соленую кристаллическую корку, которая широко используется во всей провинции.

(75) Первый день 1044 года хиджры, называемого Жилки, или годом Лошади, по тартарскому циклу.

(76) 1052 год хиджры.

(77) Абулгази-Бахадур был сыном Араб-Мохаммед-хана, сына Хаджим-хана, сына Акатай-хана, сына Амунака, сына Жадигар-хана, сына Тимур-Шейх-хана, сына Хаджи-Тулая, сына Араб-шаха, сына Фулата, сына Менгу-Тимур-хана, сына Бадакулла, сына Суси-бека, сына Бахадур-хана, сына Шейбани-хана, сына Туши-хана, сына Чингисхана. Он родился в Ургенче в 1014 году хиджры, называемом Тушкун, или годом Зайца, или в 1605 году н.э. Его брат Шериф Мохаммед умер в 1052 году хиджры или в 1642 году н.э.

(78) 1053 год хиджры, называемый Жилан, или год Змеи, по тартарскому циклу.

(79) 1054 год хиджры, называемый Кой, или год Овцы, по тартарскому циклу.

(80) Сын Шиссеран-султана, его старшего сына.

(81) Таршан – маленькая провинция в Хорезме, расположенная к северу от реки Хесель и на запад от Бакиргана. Земли могут служить прекрасными пастбищами, но не обрабатываются.

(82) 1056 год хиджры, называемый Тук, или год Курицы, по тартарскому циклу.

(83) В месяце Джумади елауал в год Ит, или Собаки.

(84) Бамабуринак (Бама Буринак) – маленькая провинция в Хорезме к северу от реки Хесель ближе к южному берегу озера Арал к западу от Тархана.

(85) Год Сискан, или год Мыши.

(86) Год Сигир, или Коровы, по тартарскому циклу.

(87) Год Тушку, или Зайца.

(88) Год Жилан, или Змеи.

(89) Год Лу, или Крокодила.

(90) Год Кой, или Овцы.

(91) Кожертлик – провинция в Хорезме, расположенная на границе с Большой Бухарией к северу от провинции Шаншарык.

(92) Год Бизин, или Обезьяны.

(93) Год Тук, или Курицы.

(94) Год Ит, или Собаки.

(95) Год Барса, или Тигра.

(96) В месяце Рамадане 1074 года хиджры, называемого годом Тушку, или Зайца. Потомки этого хана царствуют и поныне в Хорезме. Его внук Хаджи-Мохаммед-Бохадур-хан в 1714 году отправил своего министра в Петербург для заключения союза с русским царским двором. Позднее в этой стране произошел новый переворот, обстоятельства которого нам неизвестны.

(97) Хесель то же, что Аму, или Оксус. Сыр, или Сырт, — это Жаксартес. «Дарья» в целом означает «река».

КАЗАКИ ЖАЙЫКА

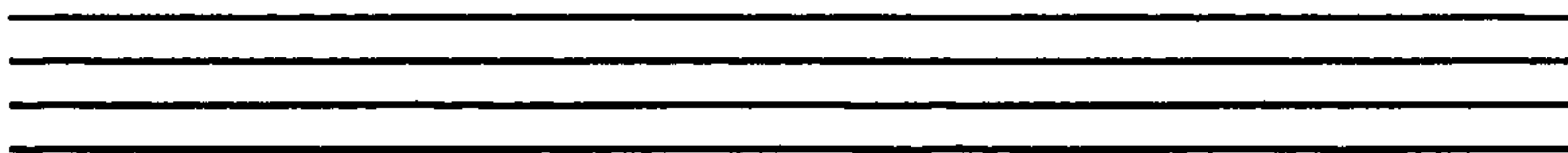
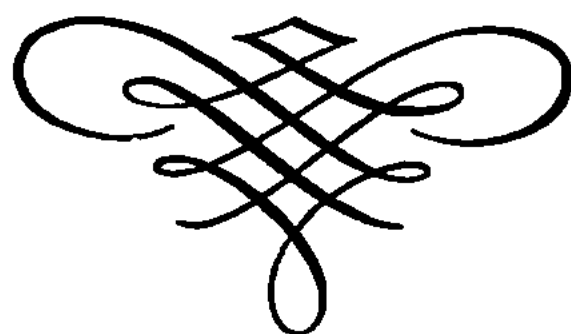
Казачья Жайыка являются потомками той части прежних жителей Кыпчака, которые отправились к побережью Каспийского моря, когда тартары напали на их родину. Тогда, разбросанные по землям между Волгой и Жайыком, они промышляли рыбной ловлей и грабежами до тех пор, пока мало-помалу не объединились и не заняли южные берега Жайыка, когда могущество тартаров в этих местах пошло на убыль. После того, как русские завоевали Астраханское государство, они охотно подчинились их господству. Эти казаки подобны остальным, но поскольку они ведут простую деревенскую жизнь и часто смешиваются с тартарами, окружающими их со всех сторон, выглядят они не так хорошо, как другие их соплеменники. При этом, по сути, их внешность, склонности и обычаи тоже в какой-то мере отличаются от тех, что свойственны их соплеменникам. Обычно они одеваются в широкие белые халаты из грубой ткани с узкими рукавами такой длины, что они доходят до середины голени. Зимой они надевают сверху длинные меховые халаты из овечьей шерсти. Их сапоги сшиты из кожи, поставляемой из России, но фасон напоминает персидский. Они носят круглые шапки с широкими меховыми полями. Одежда у женщин этой ветви казаков отличается от мужской лишь тем, что их платья более длинные и узкие. Летом они ходят с непокрытой головой.

Жайыкские казаки живут большими деревнями вдоль правого берега Жайыка — от пятидесятого градуса широты и до впадения реки в Каспийское море. Они занимаются земледелием, скотоводством и рыбной ловлей, добавляя к этому добычу от набегов на соседей. Их язык представляет собой смесь калмыцкого и тартарского языков с вкраплениями древнего языка их родины, что создает особый жаргон, понятный различным тартарам, живущим по соседству. Поскольку они находятся в состоянии постоянной вражды с каракалпаками и тартарами из Касачьей

орды, они возводят фортификационные сооружения вокруг своих поселений, роют рвы и обносят их частоколом, чтобы иметь возможность защищаться от них. Зимой, когда река покрывается льдом, они запираются в своих жилищах, в то время как тартары рыщут вокруг в поисках пленников. Но когда наступает весна, приходит черед казаков ловить тартаров, курсируя на лодках вдоль восточного побережья Каспийского моря, и тогда к ним в руки рискует попасть как враг, так и друг. С этой целью они всегда держат наготове большое количество лодок, каждая из которых способна взять на борт от тридцати до сорока человек. К зиме они вытаскивают их на берег и укрывают в деревнях под навесами. Они вооружены саблями и луками со стрелами. Лишь после того, как на престол взошел Петр I, у них появилось огнестрельное оружие, применять которое дозволяется только зимой. Летом использование такого оружия запрещается во избежание злоупотребления им в пиратских походах по Каспийскому морю, и получают они оружие только к зиме, чтобы иметь возможность лучше защититься от тартаров. Как только река начинает освобождаться ото льда, они обязаны отвезти оружие в Жайыкский город, расположенный на правом берегу Жайыка, в сорока верстах от его устья. Губернатор, находящийся там, имеет право инспектировать казаков и собирает с них ежегодную дань в пользу России в виде зерна, воска, меда и скота. Они продолжают иметь своих вождей, которые правят ими в соответствии со старинными обычаями.

В настоящее время эти казаки в большинстве своем исповедуют греческую религию, в том виде, в каком она принята на Руси, но они сохраняют немало обрядов из магометанства и язычества. Это очень хорошие и отважные пехотинцы, как и все остальные их соплеменники. Но они не так легки на подъем, как другие. Они живут в мире с калмыками — подданными контайши, которые в большом количестве появляются летом на восточном берегу Жайыка и ведут оживленную торговлю. Земля по берегам этой реки настолько плодородна, что обеспечивает их в избытке всем необходимым для удовлетворения жизненных нужд при самом примитивном возделывании. Примерно тридцать пять лет назад стало известно, что в верховьях этой реки много лесов, в которых растут даже дубы. Это открытие было весьма полезным для казаков, которым часто не хватало леса. Теперь его заготовливают летом в достаточном количестве и сплавляют плотами, по триста — четыреста бревен в каждом, до Жайыкского города и до Каспийского моря. Казаки Жайыка могут поставить под ружье примерно тридцать тысяч человек.

О КИРГИЗСКОМ
ЯЗЫКЕ

Klaproth G.-U. Sur la langue des Kirghizes // Journal asiatique. 1825. v.7. p. 321-344

Нация киргизов, или киркизов, проживает в настоящее время на огромных степных пространствах, протянувшихся от левого берега Верхнего Иртыша до Урала, или Яика; на севере степь простирается до 55° северной широты, а на юге ее окаймляют горы Тарбагатая, озеро Балхаш, западная гряда Небесных гор, река Сырдарья, озеро Арал и Каспийское море. Киргизы ведут в этих степях кочевую жизнь и устанавливают свои войлочные палатки там, где есть источники пресной воды и пастбища для скота. Во времена освоения русскими Сибири, во второй половине XVII-го века, киргизы, называемые тогда *Хассакской ордой*, разбивали кочевья: 1) на реке Ишим, там, где в настоящее время находится одноименный город, и, далее, к западу, к реке Тобол, вблизи Кургана, и на восток — к реке Тара; 2) в Южной Сибири, на берегах Енисея, Юса, Абакана и Оби, на северных склонах Саянских гор и на малом Алтае; 3) На левобережье Иртыша, в развалинах под названием Джалин-обо, или Калбасунская Башня, до реки Сарасу и города Туркестана, от Аральского озера до Эмбы.

В 1606 г. они, и их соседи турки из Барабы подчинились России; с этого времени они находились то в союзе с Россией, то в союзе с джунгарами. В 1632 г. они избрали хана, верховного правителя всей нации, объединившись, таким образом, и находясь под защитой джунгар, они стали опасными для России и в 1673 г. в Южной Сибири одержали победу над калмыками, союзниками русских. Из-за войн и постоянных перекочевков они неуклонно продвигались на запад и в итоге заняли степи, в которых ранее проживали калмыки, которые, в свою очередь, переместились к Волге. Последние киргизы покинули Сибирь в начале XVIII-го века с тем, чтобы уйти к бурятам, однокоренному с ними народу, живущему в Китайском Туркестане.

Киргизы делятся на три джуза, или орды:

Большая орда — самая восточная — живет почти на тех же землях, что и буряты, в Туркестанском крае, за рекой Сарасу, по соседству с Ташкандом, на землях, омываемых водами Таласа, Чу, Чердыка, Чирчика и Нарыма, или верхней Сырдарьи. Сами буряты находятся около Ташбелика, на берегах Яманяра и в горах и лесах Кашгара, Ярканда и Уши. Несмотря на то, что они живут в войлочных палатках, их жилища производят впечатление большей оседлости, чем у других киргизов, так как они об-

разуют зимой более основательные лагеря или разновидность поселков. Многие из них являются земледельцами. Большая орда, несмотря на свое название, самая слабая из всех: она не может выставить более 10 000 вооруженных воинов. Китайцы называют ее «киргизы правого крыла».

Средняя Орда (Урта джуз) — самая большая и самая богатая: ее кочевые поселения начинаются на востоке, на реке Сарасу, на Иртыше, на Зайсане и в верхнем течении Ишима. Они продолжают в верховьях Тобола и рек под названием Тургень, вплоть до озера Аксакал, где они смыкаются с землями Малой Орды. Зимой эти киргизы живут в районах, соседствующих с озером Балхаш. Средняя Орда насчитывает в целом 200 000 семей и среди китайцев носит название «киргизы левого крыла».

Малая Орда — самая западная. В ней насчитывается 20 000 семей. Летом она кочует, главным образом, в бассейне рек Сундук, Орь, Мурзабулак, Ибей, Берда, Илек и Хобда, которые впадают в левый приток Яика, между Кылызской и Елецким городком. Зимой она размещается в следующих местах: по берегам рек Камышлы-Иргиз и Таил-Иргиз, которые образуют Улу-Иргиз, впадающий в мутные воды Аксакала к югу от озера — в песчаной пустыне Каракум; округ Турнак на — берегах Сырдарьи; Емба, или Джем, — на Каспийском море; к западу от этой реки в округе под названием Бурсук — по соседству с озерами Тайсуган и Каракуль; между Ембой и Яиком; на берегах рек Уил и Куил, текущих с востока и впадающих в эти озера.

Во время многомесячного путешествия, совершенного мною летом и осенью 1806 г. вдоль верховий Иртыша до озера Зайсан-нур, я встречал киргизов ежедневно и в больших количествах. Мои небольшие познания в турецком языке, той его версии, на которой говорят в Константинополе, позволили мне свободно общаться с киргизами Средней Орды: нужно было лишь не прибегать к словам арабского или персидского происхождения, используемых в османлийском наречии. Я встречался позже с киргизами из двух других орд — все говорили на одном и том же языке, почти без диалектных различий. Наш ученый коллега господин Жобер пришел к тому же выводу после своего пребывания в Астрахани, где он часто встречался с представителями этого народа, чтобы приобрести коз, которые дают прекрасный пух для платков. Наконец, никто до последнего времени не сомневался, что киргизы принадлежат к тюркским народам и что их язык — это один из тюркских диалектов.

Г-н Шмидт из Санкт-Петербурга является первым автором,

который придерживается иного мнения, утверждая, что «киргизы — это монголы, их бурятская ветвь, которая со временем полностью отделилась от монгольских племен и вследствие своей близости с татарскими народами сформировала новое наречие, включающее в себя многие диалекты: разновидность татарского (тюркского) языка, сильно отличающаяся от всех известных языков татарских (тюркских) народов, соседствующих с ними на севере, юге и западе, и широко использующая монгольские слова». Подобные утверждения в определенной степени зиждутся на авторитетности такого труда, как «Монгольская история», составленного в 1662 г. Санянгом Сятсяном; также на одном из самых последних трудов, подлинность которого уже рассматривалась на страницах этого журнала. Если бы эти утверждения оставались лишь на страницах книги г. Шмидта, можно было бы позволить себе не заниматься их опровержением, но крайне неприятно видеть, как они воспроизводятся без каких-либо возражений в столь уважаемом периодическом издании, как «Журналь де саван» (*Journal des savants*) (2), да еще самым известным ориенталистом Европы. Господин барон де Саси, повторимся, выдал им, так сказать, свою печать одобрения. Конечно, было бы безрассудно подвергать сомнению авторитет знаменитого президента Азиатского общества (*Societe Asiatique*) в отношении, например, сложного грамматического явления в арабском или персидском языках или по поводу комментариев к цитате из Харири, или по поводу события, имевшего место в Египте во времена господства халифов и мамелюков, или в отношении даты написания и подлинности басни Бидпаи, или же по поводу многих других тем из области литературы семитских или магометанских народов, но мне кажется, что мнение этого ученого в отношении исторических и этнографических фактов, которые могут быть предметом дискуссии лишь с опорой на письменные труды на азиатских языках, не являвшихся основным предметом его научных исследований, должны быть тщательно изучены перед тем, как получить признание.

Не могу не высказать здесь несколько слов в отношении следующего пассажа из «Журналь де саван», относящегося к подлинности монгольской истории, который господин Шмидт хочет опубликовать: «Было бы абсурдным притязанием считать, что если история монголов была написана лишь на основе документов, представленных иностранными исследователями, то совершенно излишне знать, что сама нация говорит о своем происхождении и о тех событиях, что имели к ней непосредственное отношение. Как раз наоборот, так как упрек в фрагментарности,

который можно было бы бросить местным историкам, в равной степени может быть адресован иностранным исследователям, так как представленные ими исторические события были написаны или в то время, когда сами исследователи находились под гнетом нации, чью историю описывали, или в последующий период, когда они вернули себе независимость».

Мне кажется, что рассматривая степень доверия к тому или иному историку, следует прежде всего обратиться к эпохе, в которую он писал. Исходя из этой логики, свидетельство автора, описывающего современные ему события, имеет большее значение, чем его описания более ранних событий. Итак, Сянянг Сятсян написал свой труд в 1662г., то есть более чем через четыре с половиной века после восшествия на трон Чингисхана и значительно позднее китайских, персидских и турецких авторов, писавших историю монголов; что касается китайских авторов, которые разрабатывали тот же сюжет, они были почти современниками описываемых ими событий, а источники, которыми они пользуются, это мемуары самих монголов, которые, пока они оккупировали Китай, писали в равной степени свободно как на своем, так и на китайском языке.

Рашид-эд-Дин составил свою «Историю монголов» в 1302г. нашей эры. Он сделал это по указанию Газан хана, правителя Персии и потомка Чингиса; этот принц передал своему историографу «все исторические документы признанной подлинности, написанные на монгольском языке; он дал ему в помощь большого Нояна, Пулад Чингиса, верховного правителя королевства, который знал лучше всех происхождение и историю тюркских наций и, в частности, монгольской». Возможно ли, чтобы с такой поддержкой Рашид-эд-Дин составил романизованную историю предков своего принца и покровителя, или чтобы он захотел приуменьшить славу монгольской нации вымышленными рассказами о ее подвигах. Ясно, что это было не в его интересах и могло бы стоить ему расположения своего хозяина, но вот то, что он мог сделать безнаказанно, — это объединить традиции монголов и тюрков с еврейскими традициями и приписать этим двум народам происхождение от Ноя, поскольку магометане, как и христиане, признают рассказы Моисея о происхождении рода человеческого, как единственно истинные. Наконец, Абулгази был принцем из семьи Чингисхана и современником Сянянг Сятсяна, он умер за год до того, как последний завершил «Историю монголов». Генеалогическая история турок Султана из Хорезма является лишь сокращенный выдержкой из труда Рашида, к которой автор добавлял более или менее достоверные факты; следует также признать, что он часто неверно переводил

или искажал оригинал, однако, учитывая его происхождение от монгольского завоевателя, трудно предположить, чтобы он стремился пролить ложный свет на происхождение нации и ее историю. Инсинуации господина Шмидта против китайских, персидских и тюркских историков относительно монгольской истории не имеют, следовательно, под собой никаких оснований и не могут служить предлогом для возвеличивания подлинности труда Сянянг Сятсяна.

Генеалогия семьи Чингисхана, представленная последним, примерно такая же, что и у Рашид-эд-Дина и Абулгази. Как и он, оба автора называют первого предка этого завоевателя *Burte tchino* (1), но они, в отличие от монгольского автора, не ведут его происхождение от королей Тибета. Совершенно естественно, что монгольский автор, будучи приверженцем Будды, связывает историю *Burte tchino* с традициями этой страны и делает из этого принца потомка королей, которые, в свою очередь, притязали на происхождение от семьи Будды через Тул едзена.

«Он, — по утверждению Сянянг Сятсяна, — имел небесно-голубую шевелюру, его зубы напоминали эмаль крупной морской раковины, а пальцы на руках и ногах имели сходство с гусиными, так как говорилось, что они соединялись между собой перепонкой; его глаза постоянно устремляясь к небу, подобно глазам птиц, а его тело являло еще много необыкновенного».

Но оставим в покое фантастические рассказы монгольского историка, которые господин Шмидт считает единственно подлинными, и вернемся к киргизам. Традиции кочевого народа, не имеющего письменности и, следовательно, истории, не могут подкрепляться историческими документами. Впрочем, традиции киргизов настолько сильно отличаются между собой, что я считаю своим долгом обойти их молчанием. Как и Рашид-эд-Дин, Абулгази относит киргизов к тюркским народам и, вместе с китайскими авторами, размещает их на берегах *Кема*, то есть верхнего Енисея. «Их племя, — говорит он, — изначально немногочисленно, но многие монгольские семьи, покинув свою страну, пришли к киргизам, приняв и их название. Однако, — добавляет он, — мы не знаем доподлинно происхождение и родственные связи этого народа.» Именно его язык говорит о его происхождении, он восходит к чистому турецкому языку, без примеси монгольских слов, как это станет видно из данных, которые приводятся ниже.

Множественное число существительных, как и во всех тюркских диалектах, с помощью слога — *лар* или — *лер*, который добавляется в конце слова. Например, от слова *кас* — бровь, образуется *каслар* — брови, как в турецком *кач* — *качлар*. В мон-

гольском множественное число образуется с помощью *т*, которое прибавляется к последней гласной слова или заменяет согласную *н*.

Качественные прилагательные образуются от существительных при помощи слога *лу*, например *тас* — камень, *таслу* — каменный (в турецком *кач* — *качлу*), *кум* — песок, *кумлу* — песчаный (в турецком *кум* — *кумлу*), в монгольском такое словообразование осуществляется с помощью *ту*.

Притяжательность существительных выражается с помощью *нун*, как в константинопольском турецком с помощью *ун* и с помощью *нинг* в восточном турецком, например, *куснун аяк* — нога птицы, а по-турецки (вост.) — *куч нинг агак*.

Дательный падеж образуется с помощью частицы *га* (*ga*), добавляемой в конце слова; например, *анларга* — им, в восточно-турецком — *анларга*, в Константинополе — *анларга*.

Отделительный падеж образуется с помощью частицы *да* (*da*), которая добавляется к слову так же, как в восточно-турецком. Инфинитивы оканчиваются на *мак* и *мек*. При спряжении личные местоимения добавляются к концу глагола; наконец, все грамматические правила являются такими же, как и в других тюркских языках, и, в основном, отличаются от правил монгольского языка. Любой, кто знаком с турецким языком, без труда поймет такие киргизские фразы, как : *Ни алазын?* — Что ты берешь? *Бу аламын.* — Я беру это. *Нига кельды?* — Почему ты пришел? *Кайда барасын?* — Куда ты идешь? *Уар дур?* — Он есть. *Бары бар* — все здесь. *Карама* — Не смотри. *Коркма* — Не бойся. *Ичма* — Не пей. *Минде бар* — У меня есть. *Кутай берер* — Бог даст. *Кутай бермез* — Бог не даст.

Было бы утомительно входить во все подробности, и я ограничусь тем, что дам словарь, содержащий более 400 киргизских слов в сопоставлении с константинопольским турецким и восточным турецким, том, на котором говорят в Казани и Тобольске. Первый помечен буквой С. Второй — К и третий — Т. Я добавил монгольские слова под буквой М. Мы увидим, что они, в основном отличаются от киргизских за исключением тех, которые я пометил. Эти слова принадлежат к той категории, которая является общей и для монгольского, и для всех тюркских диалектов и, следовательно, не могут служить доказательством монгольского происхождения киргизов. В данном случае я подобрал для сравнения слова исконно монгольского языка, а не калмыцкий диалект, вобравший в себя большое количество иностранных слов, главным образом, тюркских.

Мы увидим, что буква *і* в киргизском, когда она стоит перед гласной в начале слова, обычно дает звук «дж», однако я встре-

чался с людьми, которые произносили именно *i*; то же самое со звуком «*ш*», который большинство киргизов заменяют на «*с*».

Примечания:

- (1) Рашид-эд-Дин переводил имя этого принца примерно так же, как и Шмидт: «волк серого или голубого цвета»
 (2) Журнал ученых, октябрь 1825, стр. 589

Словарь киргизского языка

Aigle (орел, крупная разновидность)	Bergout (беркут)	K.-bergout, M.- tas
Aigu (острый)	Outkoun (уткун)	K.- outkyn, M.- khourtsa
Aiguille (игла)	Inè (инэ)	C. - igné, M.- djao
Aimer (любить)	Sièvmek (сиевмек)	C.- sevmek, M.- inaklamoi
Air (воздух)	Hava (хава)	C.- hava (перс.) M.- akhour
Ajouter (добавить)	Koch (кош)	K. T.- kouch (от kouchmak), M.- nama
Alun (квасцы)	Atchou das (ачу дас)	K.T.- atsi tach (кислый камень) M.- baibang
Amadou (трут)	Kho (хо)	C.- kaw, M.- oula
Ame (душа)	Dym (дым)	C.- dim, halaine (перс.) M.- ami, amin
Amer (горький)	Djis (джис) Atchi (ачи)	T. - ts (запах) C.- adji, K.- atchi, M.- nilokhon
Amour (любовь)	Siyouk (сиук)	T.- siouiouk
Ап (год) Djil (джил)	C.- yil, M.- dzil*	
Ape (осел)	Ichek (ишек)	C.- echek, M.- edzighe*
Аппеан (кольцо)	Djuzuk (джузук)	C.- iuzuk, M.- bulacsack
Antilope (антилопа)	Ak kyik (ак киик)	то есть белая косуля, C.- ak keik
Après (потом, после)	Song (сонг)	T.- soung, C.- songra, M.- khoïna
A présent (сейчас, в настоящее время)	Eli (ели)	K.-alé, M.- kydzé
Arbre (дерево)	Aghatch (агач)	C.- agatch, M.- modo, modon
Arc (арка, лук)	Dja (джа)	C.- yaï, M.- nomou, nomoun
Arc-en-ciel (радуга)	Khorgazak (хоргасак)	M.- solongkha
Argent (серебро, деньги)	Kourmous (курнус)	C.- gumich, M.- moenggou
Argile (глина)	Baltchchik (балчик)	C.- baltchik, M.- baltchik*
Arrête! (перестань!)	Baltrak (балтрак)	
Assieds-toi (сядь)	Tor (тор)	C.- dur, M.- zokso
Aujourd'hui (сегодня)	Otour (отур)	C.- otour, M.- te
Aurore (заря)	Bougoun (бугун)	C.- bougoun, M.- enedour
	Tang (танг)	K. T.- tang, M.- gaerte

Automne (осень)	Kouz (куз)	C.- guz, M.- namour
Avant, autrefois (раньше, прежде)	Boron (борон)	K.T.- bouroun, M.- ourouda, ourda
Aveugle (слепой)	Sokour (сокур)	K.T.- soukour, M.- sokor*
Avoine (овес)	Sylo (сило)	K.T.- soulou, M.- oussaun- gonok
Barbe (борода)	Sakal (сакал)	C.- sak'al, M.- sakal*
Bas (низкий)	Tebenek (тебенек)	K.- tioubèn, M.- naebtar
Bateau (корабль)	Outchan (учан)	Тюрк.- outchan, M.- on-khotsa
Battre (бить)	Kînamak (кынармак)	K.- kinarmak, M.- tsakikhou (я быю)
Beau, bon (красивый, добрый)	Iakhchi (яхши)	C.- yakhchi, M.- saïn
Beaucoup (много)	Kop (коп)	K.- kioup, M.- ulamdji
Bes (клюв, нос)	Mououu (муруу)	C.- bouroun (нос)
Beurre (масло)	Maï (май)	K.T. – maï, M. – sira toso
Bien portant (здоровый)	Amân (аман)	K.T. – amân, M. - amour
Bière (пиво)	Sra (сра)	K. - sra
Blaireau (барсук)	Borsouk (борсук)	K.T. – borsouk, M. - doronkho
Blanc (белый)	Ak (ак)	C. – ak, M. - tchagan
Bled (местность)	Aslek (аслек)	Mechtcheriake – achlyk, M. – bokhodaï, tchagan-tariya
Bleu (голубой)	Kouk (кук)	C. – kouk, M. – kuke*
Bœuf (бык)	Oeguz (огуз)	C. – akuz, M. - char
Boire (пить)	Itchmek (ичмек)	C. – itchmek, M. - okoumaï
Bois (le) дерево	Outoun (утун)	C. – odoun, M. – modo, modon
Bois (императив - пей)	Itch (ич)	C. – itch, M. - oukhou
Boîte (коробка)	Sandouk (сандук)	C. – sandouk, M. – kaïrtchak
Boiteux (хромой)	Aksak (аксак)	C. – aksak, M. – douïdoukhour
Bon (хороший)	Iakhchi (яхши)	C. – iakhchi, M. – saïn
Bonnet (шапочка)	takia (такия)	C. – takiah, M. – malakha
Bonnet (grand) en feutre blanc (белая войлочная шапка)	Toumak	T. – toumak, M. – burgou
Borax (бура)	Deneker (денекер)	C. – tengar
Bords, rive (берег)	Djar (джар)	K.T. – yar, K.T.M. – erghi
Bouche (рот)	Aouz (ауз)	C. – aghiz, K. – aghouz, T. – aouz, M. – ama
Boue (грязь)	Biltchirak (билчирак)	T. – biltserak, M. – chabor
Bouillir (кипятить)	Pessernek (песернек)	C. – pichourmek, M. - tchinamoï
Boule (шар) mogoltsok	Toupe (тупе)	C. – top , M. – dilikeï,
Bouleau (береза)	Kaïn (каин)	C. – kaïn, M. – bourkhassou
Branche (ветка)	Boutak (бугак)	C. – boudak, M. – gytou
Bride (узда)	Djougoun (джугун)	K.T. – yougan, M. – gasakhar
Briquet (огниво)	Tchakmak (чакмак)	C. – tchakmak, M. – ghede
Brochet (щука) tsouroukhaï	Tchourtan (чуртан)	K.T. – tchourtan, M. –
Brouillard (туман)	Touman (туман)	C. – touman, douman,

Bruit (шум)	Suren (сюрен)	M. – boudang C. – chouryldamak, M. – tekouli
Caille (перепелка)	Budenia (буденья)	K. – bioutana, M. – budouna*
Сampremment, ou village des nomades (лагерь или село кочевников)	Aoul (аул)	K.T. – aoul
Сampremment d'une tribu entière (стойбище всего племени)	Ottok (отток)	K.T. – ottok
Canard (утка)	Ourdek (урдек)	C. – oerdek, M. – nokhossou
Castor (бобр)	Khoundouz (хундуз)	C. – kondouz, M. – khalikho
Сeinture (пояс)	Bilboou (билбоу)	K.T. – bilbow, M. – boussé
Cela (это)	Bou (бу)	C. – bou, M. – ene
Cercle (круг)	Tugur (тугур)	K.T. – tugèrak, M. – tougourik*
Chaleur (жара)	Kouz (куз)	K.T. – koz, M. – khaloun
Essek (есек)	C. – issi, issidjak,	K.T. – issegh, M. – boula
Chateau (верблюд)	Tuoe, tyé (тюйе)	C. – dewe, K.T. – tyia, tewa, M. – toemoeghe, toeme
Сhamp cultivé (возделанное поле)	Eghinlouk (егинлук)	K. – ikinlik, C. – ekindji, M. – tarilang
Сhampre (конопля)	Kinder (киндер)	C. – kiendir, M. – olossou
Сhat (кошка)	Mychik (мышик)	K.T. – mychék, C. – puchèk, M. – Mikhoï*
Сhaud (горячий)	Djily (джили)	K. – djili, M. – khalkhoun
Сhauve-souris (летучая мышь)	Djar ganat (джар ганат)	K.T. – yar kanat, C. – yarsseh, M. – bakbakhaï
Chef (глава)	Daslik (даслик)	C. – bachlik, M. – noïn
Сhêne (дуб)	Emen (емен)	K.T. – imèn, M. – tsarassou
Cheval (лошадь)	At (ат)	C. – at, M. – mori
	Alacha (алаша)	K. – alachà
	Dzilky ()	K.T. – yrlhy
Cheval sauvage (дикая лошадь)	Tarpan (тарпан)	K. – tourpan, M. – khulan
Cheveux (волосы)	Tchach (чаш)	C. – satch, K. – tchasch, M. – eussan
Сhien (собака)	It (ит)	C. – it, M. – nagai
Ciel (bleu) – Небо (голубое)	Kouk, kuk (Кук, кюк)	C. – kuk (), M. – aktargoï
Cil (ресница)	Kerpек (керпек)	C. – kirpik, M. – ***
Сlaig (светлый)	Atchek (ачек)	C. – atchik, M. – ***
Clef (ключ)	Klit (клит)	C. – kilid, M. tulghikhur
Сlou (гвоздь)	Mikh (мих)	C. – mykh, M. – ***
Сlou de girofle (гвоздика, пряность)	Khalemper (халемпер)	C. – karenfil, M. – hiti
Сochon (свинья)	Dongouz (донгуз)	C. – dangouuz, M. – khahaï

Coeur (сердце)	Djourek (джурек)	C. – yourek, M. - ***
Colline (холм)	Tube (тюбе)	C. - ***
Combat (бой)	Sougouz (согуз)	C. – dugurh, T. - ***, M. – keroul
Comment (как)	Nitchouk (ничук)	C. – nitchech, K. – netchouk, M. – ïadji
	Kalai (кале)	Nagai, kalai
Coq (петух)	Ates (атес)	T. - ***, M. – takia
Corassin (poisson) -	Taban (табан)	T. – taban!!
Corbeau (ворон)	Khara kouzgoun	C. – kara kouzghoun, M. – (кара кузгун) karria
	Muïouz (мийуз)	C. - *** M. – rhur
Corne (рог)	Kargha (карга)	C. – kargha, M. – karria*, torou
Corneille (ворона)	Moïnouk (мойнук)	K. – mouïn, M. – koudoun
Cou (шея)	Mouïn (муин)	C. - ***, K. – mouïn
	Tcheganak (чеганак)	***
Coude (локоть)	Kesmek (кесмек)	C. – kesmek, M. ***
Couper (резать)	Pchak (пшак)	C. – bitchak, M. - ***
Couteau (нож)	Kitchkrik (кичкрик)	T. – kytchkyrech, M. - ***
Cris (крики)	Tchiké (чике)	C. – tchik, M. - ***
Crud () !!!	Kosck (коск)	C. – kachyk, M. - ***
Cuiller (ложка)	Koubè (кубэ)	K. – kubé***
Cuirasse (латы)	Saout (саут)	***
	Moes (моес)	Pers. – mich, M. – djes
Cuivre (медь)	Am	C. – am, M. – khoutougou
Cunpus	Ak kous (ак кус)	K.T. – ak kouch*, M. – khoun
Cygne (лебедь)		
Dé pour coudre (наперсток для шитья)	Oïmak (оймак)	K.T. – ouïmak, M. – khorobtchi
Dedans (внутри)	Itchinda (ичинда)	C. – itchindeh; M. – dodora
Dent (зуб)	Tis, tich (тис, тиш)	C. – dich, M. – chidou
Désert, steppe (пустыня, степь)	Kir (кир)	C. – kyr, M. – kaehrae*
Dieu (Бог)	Tengri (Тенгри)	C. – tengri, M. – tengri, bourkhan
	Khoutaï (кутай)	C. – khouda
Doigt (палец)	Barmak (бармак)	C. – barmak, M. – gorokho
Dormir (спать)	Djouklamak (джукламак)	C. – ouyouklamak, K.T. – youklaimak, M. – ountakou*
	Arka (арка)	C. – arka, M. – pourou
Dos (спина)	Arak (арак)	C. – a'raky, M. – ariky*
Eau-de-vie (водка)		
Eau-de-vie de lait de cavale (водка из кобыльего молока)	Koumyz (кумыз)	K. – kumyz, M. – aradja, Kalm. – tchigàn
Éclair (молния)	Iachin (яшин)	K.T. - ïachin, M. – tsakilgà
Écorce (кора)	Kaïr (каир)	K. – kaëry, koury, kar, kora, M. – douroussou
Escureuil (белка)	Tin (тин)	C. – leïin, M. – gaeremou
Elan	Boulan	K.T. – boulan, M. – tcha
Enfant (ребенок)	Balà (бала)	K.T. – balà, M. – kouk,
piraïkou		
Entendre (слышать)	Isitmèk (иситмек)	C. – ichitmek, M. – sonormoï

Epaule (плечо)	Djaougon (джаурон)	K. – ïavroun, M. – mourou
Esturgeon (осетр)	Bikria (бикрия)	M. – kilimac
Etain (олово)	Khalai (халаи)	C. – kalai, M. – tokholkha
Été (l'), лето	Djiaz (джиаз)	C. – ïaz, M. – dzon
Etoile (звезда)	Djildjiz (джилджиз)	C. – ïouldouz, M. – odon
Eux (они)	Anlar (анлар)	C. – anlar, M. – tedèhr
Excréments (экскременты)	Bak (бак)	C. – bok, M. – bakhossou*
Femme (женщина)	Bitché (биче)	K.T. – bitcha, bitsa, M. – eme
Femme, épouse (жена)	Khatyn (хатын)	C. – khatoun, M. – eme
Fer (железо)	Tummeг (тюмер)	C. – demir, K. – timour, M. –
temour*		
Feu (огонь)	Ot (от)	C. – ad, M. – gal, khal
Feuille (лист)	Djapрак (джапрак)	C. – ïapрак, M. – naptehi
Feutre (войлок)	Kyis (кыис)	K.T. – kiis***
Fil de soie (шелковая нить)	Djivek (дживек)	***
Fils (сын)	Aoul (аул)	C.K.T. – , M. – ***
Filet (нить, сеть)	Aw (ау)	C. – agh, T.K. – aw, M. – ughr***
Fille (девочка)	Kyz (кыз)	C. – kyz, M. – okin
Flèche (стрела)	Ok (ок)	C. – ak, ***
Force (сила)	Kouwat (куат)	C. – ; M. – ***
Forêt (лес)	Ourmàn (урман)	C. – arman, M. – oi
Fosse (яма)	Bas (бас)	K. – , M. – ***
Fossé (пропасть)	Oug (ур)	K.T. – , M. – ***
Fouine (вилы)	Soussar (сусар)	***
Foyer (очаг)	Outchag (учаг)	C. – atchag, M. – ***
Frère aîné (старший брат)	Akà, agà (ака, ага)	C. – akh, M. – aka*
Frère cadet (младший брат)	Ini (ини)	K.T. – inir, M. – dogon, don
Frère (брат)	Karandach (карандаш)	***
Froid (холод)	Salken (салкен)	K.T. – salkin***
Fromage (сыр)	Khourt (курт)	***
Front (лоб)	Munlai (мунлай)	K.T. – mounglai***
Fusil (ружье)	Multak (мултак)	***
Garçon (мальчик)	Irnek (ирнек)	K.T. – ***
Genou (колени)	Tez (тез)	C. – diz,***
Gingembre (имбирь)	Basbagà (басбага)	***
Glace (лед)	Boz, Mouz (боз, муз)***	
Gosier (глотка)	Bougaz (бугаз)	C. – bogaz***
Goût (вкус)	Lezet (лезет)	***
Grand (большой)	Zor (зор)	***
Grand, haut (высокий)	Biouk (биук)	C. – biouk, M. – ***
Grêle (длинный)	Bourtchak (бурчак)	Nogai*** Bourtchak, M. – moendour
Grenouille (лягушка)	Bouka (бука)	C. – bagha, M. – malagai
Gros(толстый)	Djouan (джуан)	R.T. – ïouvàn, M. – boudoun
Gue (журавль)	Tourna (турна)	C. – tourna, M. – tokhoroo
Habit, surtout (широкая одежда)	Tchekbèr (чекбер)	K. – tchekmé, M. – gobtassou
Nache (топор)	Balta (балта)	C. – balta, M. – suké

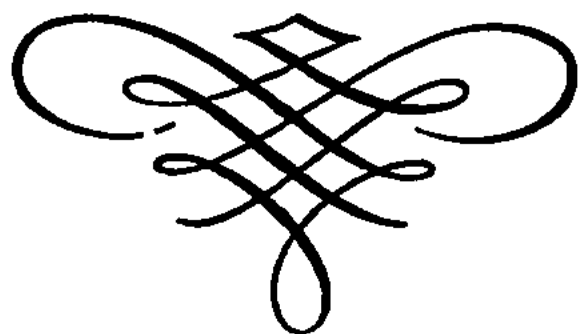
Натеџон (рыб. крючок)	Кармак (кармак)	К.Т. — karmak, М. — deghe
Herbe (трава)	Out (ут)	С. — ot, М. — ouboussou
Hérisson (еж)	Kirpi (кирпи)	С. — kirpi, М. — dzarakha
Héros (герой)	Batyr (батыр)	С. — behader, М. — batyr*
Hibou (сова)	Djabolak (джаболак)	Т. — iabalak, М. — oukhouli
Hiver (зима)	Kis (кис)	С. — kych, М. — eboul
Homme (мужчина)	Kis, kesse (кис, кесе)	С. — kichi, М. — kumoun
Jaune (желтый)	Sari (сари)	С. — sary, М. — sira*
Jeune (молодой)	Ias (йас)	К.Т. — iach, М. — dzalou
Jour (день)	Djiak (джиак)	С. — iangak, Turcs de Tchatsk — iaik, du
	Tchoulum — iak,	М. — iadzikhour
Jument (кобыла)	Baital (байтал)	Р.Т. — baital, М. — gheou
Kirghiz (киргиз)	Khassak (хасак) или Khosak (хосак)	то есть предприимчивый, Koul (куль)
	М. — Kerghiz Lac (озеро)	С. — goul, М. — noor
Laine (шерсть)	Djouna (джуна)	С. — ion, ioun, М.
— ussou		
Lait aigre (кислое молоко)	Aïran (айран)	К.Т. — aïran, М. — aïrak*
Lait (молоко)	Sut (сут)	С. — sud, М. — su*
Laiton (латунь)	Djis (джис)	К.Т. — iis, М. — khaoli,
Lamer (цековать)!	Noiza (нойза)	С. — naija, М. — dzida
Langue (язык)	Tel, tyl (тел, тил)	С. — dil, М. — kelé
Large (широкий)	Keng (кенг)	С. — gheng, М. — ourgou
Léger (легкий)	Djenoul (дженул)	С. — iengli, М. — kounggoun
Lentement (медленно)	Akrun (акрун)	К. — akroun, М. — oundun
Lézard (ящерица)	Kesertke (кесертке)	К.Т. — kissertké, М. — khurbael
Lièvre (заяц)	Kouyan (куян)	К.Т. — kouyan М. — toolai
Loup (волк)	Burè (бюрэ)	К.Т. — burè, М. — tchino
Long (длинный)	Ouzoun (узун)	С. — ouzoun, М. — ourlou
Loutre (выдра)	Kuma (кума)	К.Т. — kama, (Kalm. soup)
Lui (он, ему)	Oul (ул)	С. — ol, М. — tere
Lune (луна)	Aï (ай)	С. — ai, М. — sara, saran
Lynx (рысь)	Sileissen (силейсен)	К.Т. — silavsoun, М. — siloussou*
Main (рука)	Kol (кол)	К.Т. — kol, koul, М. — khar, gar
Malade (больной)	Auron (аурон)	К.Т. — anrouly, М. — ebedtsin
Malheur (несчастье)	Belè (белэ)	С. — belà, М. — djobalang
Manger (есть)	Djiarmaek (джиармяк)	Т. — iirmèk, М. — idakou,***
Marais (болото)	Sous (сус)	К.Т. — sas, М. — tabake
Marche (ходьба)	Djour (джур)	С. — iour, М. — iabou
Marî (муж)	Er (ер)	С. — er, М. — eré*
Marmite, grande (кастрюля)	Khazan (казан)	С. — kazan, М. — tokho
Marmotte (сурок)	Souvour (сувур)	К.Т. — souvour, М. — tarbakha
	Sougour (сугур)	
Martre zibeline (соболь)	Kus (кус)	К.Т. — kich, М. — boulà
Matin (утро)	Erte, ertan (ерте, ертан)	С. — este, М. — erte*
Mauvais (плохой)	Djaman, iaman	С. — ieman, К.Т. — iaman, М. — (джаман, яман) moukhai
Mer (море)	Tinghiz (тингиз)	С. — denghiz, М. — dalaï
Mère (мать)	Tchitche (чиче)	М. — cghé

Midi (полдень)	Iarem koum (ярем кун)	C. — ïagum koum (середина дня) M. — ude
Miroir (зеркало)	Ainé (айне)	C. — aina, M. — tooli
Mon, mien (мой)	Miniki (миники)	C. — benemki, M. — minoughei
Mont (гора)	Tau (тау)	C. — tagh, tau, M. — oola
Mort (la), смерть	Adjal (аджал)	C. — adjal (arabe), M. — oukoudji
Mouche, cousin (муха, комар)	Tchiben (чибен)	K.T. — tchibin, M. — bataganà
Mouton (баран)	Khoï (хой)	C. — kouï, M. — khoïn*, khoutsà
Musc (animal de)		
Мускус (животное)	Khoudè (худэ)	M. — guderì*
Naître (родиться)	Tououmek (туумек)	C. — doughmak, M. — adjou
tououmōi Nannès (pl)	Tanoular (танулар)	K. — tanivlar, M. — M. — khamar un pouke Nébuleux, obscur (облачный)
	Boultou (булту)	M. — boudangtouba
Neige (снег)	Khar (хар)	C. — kar, M. — tsassou
Petit (маленький)	Kitchun (кичун)	C. — kitchi, M. — bakha
Peu (мало)	Az (аз)	C. — az, tsughen
Phoque (тюлень)	It balak (ит балак)	C. — it balik (chien poisson), kalm. — khab
Pic (сорока)	Saouskan (саускан)	C. — saksygan, K.T. — savouskan, M. — chakdjakhai*
Pied (нога)	Ayak (айак)	C. — ayak, M. — gul
Pierre (камень)	Tas, tach (тас, тач)	C. — tach, M. — tchiloo
Pierre à feu, briquet (алтарный камень)	Tchakmaktas	C. — tchakmak tach (pêrre à chakmaktas)
Pieu (кол)	M. — tsakur	
Pigeon (голубь)	Kazyk (казык)	C. — kazyk, M. — khadassou
(кугурчин)	Kougourtchin	C. — gargherdjïn, M. — taktakha, taktà
Pin (сосна)	Karagai (карагай)	C. — K.T. — karagai, M. — Narassou
Pipe à fumer (курительная трубка)	Tchalum (чалум)	K.T. — tchelym, M. — gandsa
Plaine (равнина)	Dalà (дала)	K.T. — tala, M. — tala*
Plat (un), блюдо	Touwouk (туук)	C. — tabah, M. — talak
Pluie (дождь)	Djamgour (джамгур)	C. — iaghmour, barouhn
Plomb (свинец)	Khorgussoun	C. — kourchoun, M. — gorkhol dzi
(хоргусун)		
Poisson (рыба)	Balak (балак)	C. — balyk, M. — daikhassou
Roc (свинина)	Tchoutchka (чучка)	K.T. — tchoutchka, M. — gakhai
Rouain (жеребенок)	Aghr (агр)	C. — aighr, M. — azirkha
Roule (кураца)	Tauk (таук)	C. — thaouk, M. — takia
Roussière (пыль)	Touzan (тузан)	C. — tuz, K.T. — touzun, M. — toussou*
Prairie (луг)	Tougaï (тугай)	M. — tala
Printemps (весна)	Djaz (джаз)	C. — ***, M. — khabour
Profond (глубокий)	Teren (терен)	C. — derin, M. — kouh
Puissance (мощь)	Ereklik (ереклик)	***, M. — ïathou
Quand (когда)?	Katchan (качан)	C. — katchan, M. — kyder
Queue (хвост)	Kouirouk (куирук)	C. — kouirouk, M. — ergoul, eul
Qui (par) ? — кем?	Kemnen (кемнен)	C. — kemnin, M. — kyner

Racine (корень)	Тамуг (тамыр)	К.Т. – tumour, М. – undoussou
Regardez (смотрите)	Кага (кара)	С. – gaer, М. – udja
Renard (лиса)	Tulké (тюльке)	С. – tilki, М. – unegae
Renard des steppes (степная лиса)	Kharssak (харсак)	К.Т. – kurssak, М. – kirsa *
Rivière (речка)	Edel (едел)	К. – idel, М. – mourun, khoul, gol
Roscau (камыш)	Камуч (камыш)	С. – kamych, М. – kouloussou
Rosée blanche (роса)	Крау (крау)	К.Т. – krau, М. – kirakho*
Rouge (красный)	Kyzel, khazyl (кызел, хазыл)	С. – kyzil, М. – oulàn
Sable (песок)	Кум (кум)	С. – koum, М. – elessou
Sabre (сабля)	Kelitch (келич)	С. – kylydj, М. – ildou
Sain (здоровый)	Essen (есен)	С. – essen, М. – amour
Sang (кровь)	Кап (кап)	С. – kan, М. – tchoussou
Sanglier (кабан)	Tchartcha (чарча)	М. – boudoung
Saule (ива)	Tal (тал)	К.Т. - tal (salix arenaria), М. – bourkhassou
Seigle (рожь)	Arys (арыс)	К.Т. - arych, М. – khara-tariya,
Voy. - bled		
Sel (соль)	Touz (туз)	С. – touz, М. – dabsoù
Selle (седло)	Ier (иер)	К.Т. – ièr, М. – emèhl
Serpent (змея)	Djilan (джилан)	С. – iilan, М. – moukhaï
Soeur (сестра)	Arte (апте)	С. – abla, М. – du
Soeur aînée (старшая сестра)	Ара (апа)	**apaï, М. – eghetchi
Soeur cadette (младшая сестра)	Senel (сенел)	К. – synyl, М. – ughin doo
Soir (вечер)	Ketché (кече)	С. – getch, М. – udessou
Sol (почва)	Idem (идем)	С. – idèn, Т. – iten, М. –
bagougi		
Soleil (солнце)	Kouyach (куяч)	С. – gunech, К.Т. - kouïach,
М. – пага, паган		
Sommeil (сон)	Koun (кун)	С. – gun
	Djoukou (джуку)	С. – ougoukou, К. – youkou, М. – noïr
Source (родник)	Boulak (булак)	К.Т. – boulak, М. – boulak*
Sourcil (бровь)	Kus (кус)	С. – kach, М. – kumuské
Souris (мышь)	Tskan (тскан)	С. – sitchan, К.Т. – sitchkan,
М. – gouloukhana		
Sous (под)	Asty (асты)	К.Т. – asty, М. Dora
Steppe (степь)	Techoel (техел)	С. – tchol, М. – koehroe, kèr
Sur (supra) -сверх	Oustun (устюн)	С. – ustuné, М. – degour
Temps (время)	arhyt ()	***wakt, М. – tsak,
Tente en feutre, iourte (юрта)	Tirma (тирма)	М. – gèr
Terrain (площадка)	Djer (джер)	С. – ier, М. – gadzar
Terre (sol) - земля	Toprak (топрак)	С. – tjprak
Tête (голова)	Bas, basch (бас, баш)	С. – bach, М. – tolokhai
Tonnerre (гром)	Karaset (карасет)	М. – ayongga, tenggen-dogor-
khou		
Tortue (черепаха)	Tas bouka (тас бука)	***, С. – tach baghu, М. – gabdassou

Tourbillon (вихрь)	Ouerma (уерма)	K. – ourmia, M. – khouï
Tribu (племя)	Aimak (аймак)	K.T. – aimuk, M. – aiman*
Tronc d'arbre (ствол дерева)	Tup (тюп)	K.T. – tup, M. – goulzoul
Trou (дыра, яма)	Tessek (тесек)	K.T. – tichek, M. – tourukhai
Tu (ты)	Sen (сен)	C. – cen, M. – tchi
Urmie ()	Sièd (сиед)	C. – sidik, M. – sikossou
Vache (корова)	Sïir (сиир)	K.T. – seghyr, arir, M. – uniye
Vague (волна)	Talkyn (талкын)	C. – dalgha, M. – tuulkien*
Vapeur (пар)	Bouwou (буу)	C. – boughou, K. – bough, T. – bouw, M. – nur
Vent (ветер)	Djel (джел)	C. – iel, M. – salkin
Ventre (живот)	Koursak (курсак)	K.T. – koursak M. – ghebeli
Ver (червяк)	Kourt (курт)	C. – kourd, M. – khouroukoï
Verser de l'eau (налить воды)	Tukmek (тукмек)	C. – durmek, M. – ***
Vert (зеленый)	Djasyl (джасыл)	C. – iachyl, M. – oughun
Viande (мясо)	It, et (ит, ет)	C. – et, M. – nika, mikho
Vieillard (старик)	Tchal (чал)	M. – knuksin
Vieux (старый)	Kart (карт)	K.T. – kury, M. – koukchin
Ville (город)	Kend, kand (кенд, канд)	K.T. – kend, M. – halgassou, khatà
Visage (лицо)	Bit (бит)	K. – bit, M. – nur
Vite (быстрый, быстро)	Djeldan (джелдан)?	M. – tnurghra, khourdoun
Vie (жизнь)	Oumyr (умыр)	arabe – aumer, M. – amidou
Voir (видеть)	Kormek (кормек)	C. – germek, M. – udjakhou
Voleur (вор)	Karak (карак)	K. – karak, M. – khouлагоïh hi
Vous (вы)	Sez (сез)	C. – siz, M. – ta
Un (один)	Bir (бир)	C. – bir, M. – nighr
Deux (два)	Ike (ике)	C. – iki, M. – goïer
Trois (три)	Outch (уч)	C. – utch, M. – gourban
Quatre (четыре)	Doert (дерт)	C. – dert, M. – durlarn
Cinq (пять)	Bich (биш)	C. – bich, M. – tiboun
Six (шесть)	Alty (алты)	C. – alty, M. – dairahn
Sept (семь)	Djede (джеде)	C. – yedi, M. – dalahn
Huit (восемь)	Sekez (секез)	C. – sekiz, M. – uaïman
Neuf (девять)	Takuz (такуз)	C. – dokouz, M. – yïssoun
Dix (десять)	On (он)	C. – on, M. – arban
Vingt (двадцать)	Igherme (иггерме)	C. – ighirmi, M. – khorin
Trente (тридцать)	Otuz (отуз)	C. – otouz, M. – khoutchin
Quarante (сорок)	Kurk (курк)	C. – kirk, M. – dutchin
Cinquante (пятьдесят)	Ille (иле)	C. – ally, M. – tabin
Soixante (шестьдесят)	Altmes (алтмес)	C. – altmich, M. – dziran
Soixante-dix (семьдесят)	Itmes (итмес)	C. – ietmich, M. – dalan
Quatre-vingt (восемьдесят)	Seïsan (сейсан)	C. – seksen, M. – païan
Quatre-vingt-dix (девяносто)	Toïsan (тойсан)	C. – doksan, M. – yaran
Cent (сто)	Djuz (джуз)	C. – youz, M. – dzoun
Mille (тысяча)	Ming (минг)	C. – bing, M. – mingkhan

СЫРДАРЬЯ –
ЗЕРАВШАН.
СТРАНА СЕМИ РЕК И
ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ

Ш.-Е. Ужфальви де Мезё-Ковёзд.

E. Ujfalvy de Mezö-Kovezd Le Syr-Daria, Le Zaravschane. Le Pays de Sept-Rivières et la Sibirie Occidentale. — Paris. 1879. p. I — XVI, 3 — 57, 59 — 65, 99 — 130.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я постарался дать картину центральной возвышенности Азиатского континента, возвышенности, чьи плато и долины, степи и пустыни были, возможно, первым вздутием земной коры и, возможно, колыбелью человечества. Этот край, окруженный со всех сторон самыми высокими на земле горами, располагает самыми мощными водными потоками, текущими во всех направлениях и несущими жизнь и процветание. Народы, занимавшие эту территорию с самой глубокой древности, никогда не достигали высокого уровня цивилизации: климат и почва абсолютно не благоприятствовали этому. Изолированность и неприступность этого края превратили его в огромный заповедник многочисленных народов, которые со временем распространились на Восток и, особенно, на Запад, и этот край, благодаря своему географическому расположению в центре земли, сыграл важную, я бы сказал, исключительную, роль в истории самих этих народов, в их интеллектуальном и моральном развитии. Этот край называется Центральной Азией, а также Внутренней, или Высокой Азией. Он является ядром этой части мира, несмотря на то, что настоящий географический центр находится ближе к северной части этого большого плато.

До настоящего времени понятие *Центральная Азия* было достаточно расплывчатым, неопределенным, и настало время определить с точки зрения науки границы этой части планеты. С самого начала чтения мною лекций по географии в Школе восточных языков я сделал все возможное, чтобы придти к точному определению, но не считал, что обладаю необходимым авторитетом для оспаривания устоявшихся мнений в наших географических традициях. Сегодня всеми признанный географ и геолог сказал свое слово, слово, которое мне кажется решающим. Я разовью здесь этот тезис, который, несомненно, заинтересует всех тех, кто в той или иной степени занимается географией Азии.

Существовавшее в течение долгих лет представление о географическом названии *Центральная Азия* или, как часто говорили, *Высокая Азия*, было туманным и неопределенным. Уче-

ные географы поочередно давали свои искусные определения, из которых ни одно не является точным на сегодняшний день.

Риттер, истинный создатель сравнительной географии, был первым, кто отделил впадины центра Азии от всего остального континента, пристально изучил массивы, их окружающие со всех сторон, и установил влияние среды на человека, на его физическое и моральное развитие, на его историю. Гумбольдт пошел дальше. Основываясь на геологических данных, он первым назвал Центральную Азию частью того континента, который расположен между Гималаями и Алтаем, с одной стороны, и горами Болор и Кинганг, с другой. Он разработал одну из самых замечательных и увлекательных теорий о демаркационной линии, разделяющей арийские и монгольские народы, ссылаясь на тот факт, что все крупные горные цепи в Азии точно следуют за меридианами и параллелями. Урал, горы Болор, Солиман и Западные Гаты образовали эту линию раздела между двумя самыми крупными расами на планете. Предполагаемый рельеф Внутренней Азии начинал четко вырисовываться на наших картах.

Данное Гумбольдтом определение Центральной, или Высокой Азии, показалось все-таки недостаточным другому великому путешественнику. Ханыков предложил, в свою очередь, соединить общей линией все точки, в которых берут начало большие реки, впадающие во внутренние моря или теряющиеся в песках пустынь. Район, ограниченный этой линией, и должен был представлять собой настоящую Центральную Азию. По этому определению, бассейн Волги и Иранское плато являются частью данного района. Несмотря на высокую компетентность Ханыкова, легко убедиться в несостоятельности этой точки зрения.

Барон Рихтхофен, хорошо известный путешественник, был призван разрешить эту проблему. Он дал нам одновременно и научное, и объективное определение Центральной Азии. Ученый геолог подразделяет этот край на три четко выраженные зоны: 1) центральная зона; 2) периферическая зона; 3) переходная зона. В центральной зоне все продукты химического распада или механического разрушения камней или скал остаются на месте; в периферической зоне эти же продукты уносятся к океану. С одной стороны, образуется отложение, натек при помощи нижних слоев атмосферы; с другой стороны, такое же отложение образуется на счет проточных или застойных вод. В центральной зоне все ведет к выравниванию поверхности; в периферической зоне мы видим обратное явление — глубокое оседание пород, изборозжденных водными потоками; в цен-

тральной зоне испарение доминирует над влажностью, в периферической зоне, наоборот, влажность превосходит испарение. Контраст между этими двумя зонами очевиден. Характерный признак внутренней зоны — это еще и наличие соли, которая покрывает почву повсюду. Даже озера насыщены ею, даже сок внутри деревьев перенасыщен солью (1) Внутренняя зона — это обширная степь, часто песчаная пустыня; оазисы редки и их существование зависит от деятельности человека (2).

Конфигурация почвы оказала огромное влияние на жителей — они должны быть именно кочевниками и пастухами: оседлая жизнь требует искусственных средств. Периферическая зона, напротив, изобилует богатыми и плодородными землями, природа сотрудничает с человеком, ее роль очень велика в его интеллектуальном и моральном развитии.

Аральско-Каспийская низменность, бассейны Сыра и Аму представляют собой промежуточную зону. Это обширная степь с горько-соленой почвой, очень похожая на степь внутренней зоны, однако древнее внутреннее море отступило так недавно, что побережье остается непригодным для возделывания земли и цивилизации. Это промежуточный, переходный характер проявляется и этнографически. Эта местность всегда воспринималась как проходная многочисленными племенами из Центральной Азии; хозяева этой земли менялись часто, и мы не встретим там той стабильности, которая присуща периферической зоне и является непременным условием для развития любой долговременной цивилизации.

Мы безоговорочно принимаем блестящие разработки барона Рихтхофена и можем справедливо рассматривать их как окончательное решение проблемы из разряда очень важных.

Собственно Туркестан является, следовательно, частью промежуточной зоны, Восточный Туркестан, или Кашгария, входит во внутреннюю зону: настоящая Центральная Азия.

Постараемся несколькими штрихами набросать прошлое, настоящее и будущее Туркестана.

Представлениям древних об этих землях не хватает точности. Геродот говорит о песчаной равнине, Страбон — о гористой местности. При этом нам известно, что предприимчивый и промышленно развитый серский народ долгое время вел активную торговлю шелком в этих местах. Когда великий македонец прибыл в Мараканду (недалеко от современного Самарканда), он нашел там колонию с общинным укладом (Milet), и Греко-Бактрианская империя, созданная после смерти Александра, была населена еранами, которыми управляли греки (3).

Средние века тоже были блестящей эпохой во внутренней

и промежуточной зонах Азии: уйгуры и царствование хулаги-дов в Восточном Туркестане, арабы с их удивительной цивилизацией в собственно Туркестане. Ни уйгуры, ни хулагиды не оставили следов в Кашгарии; чудеса, о которых рассказывают паломники-буддисты и европейские путешественники, исчезли, но величественные сооружения, изобилующие глазурью, медалями и гравировками на камне, свидетельствуют об эпохе Сассанидов и Саманидов. Китайские источники ценны в отношении внутренней зоны; арабские источники, опубликованные недавно благодаря усилиям г-на Шефера, и мемуары Бабера, переведенные г-ном Паве де Куртейем, проливают новый свет на историю и географию промежуточной зоны.

Среди европейских путешественников, которые в то время побывали в сердце Азии, следует прежде всего назвать Плана Карпена, Рубрикиса и Марко Поло.

Те описания, которые нам оставил План Карпен о кочевых племенах в аральских степях, об их жилищах, нравах, верованиях и т.п., еще применимы в наше время к киргизам, живущим в этой местности. В тех местах человечество пребывает в стагнации, подобно воде в больших соленых озерах.

Описания этой местности и ее обитателей, сделанные Гийомом де Рубрикисом, поражают своей актуальностью тех, кто недавно посетил эти края.

Однако ничто не идет в сравнение с живыми и яркими рассказами Марко Поло: Его творчество, к которому долгое время относились как к преувеличению, сегодня раскрывается перед нами во всем своем блеске, и после изучения издания покойного Потье или великолепной интерпретации полковника Анри Юля испытываешь восхищение перед этим смелым и предприимчивым человеком, совершившим ряд таких путешествий, которых до него не совершал никто.

В наши дни успехи русской армии неразрывно связаны с географическими открытиями, и я не смогу перечислить здесь имена всех тех, кто прославился, участвуя в экспедициях в Туркестан. Ограничусь тем, что назову трех самых известных первооткрывателей в географической науке: Семенов первым перешел через Тянь-Шань и описал рукою мастера одну из сложнейших орографических систем; Федченко, в чисто научных целях, первым побывал в верхней долине Зеравшана и в Фергане, и его записки, опубликованные посмертно благодаря самоотверженности его жены, которая делила с ним все тяготы и невзгоды, представляют собой подлинный научный памятник, особенно с точки зрения естественной истории; полковник Пржевальский, который уже прошел по следам Юкка и

Габе, дошел до берегов Лобнора, определил точное расположение устья Тарима и заявил о существовании мощной горной гряды в нескольких километрах на юг от Тарима, сделал открытие, которое полностью меняет имевшиеся до этого представления об орографической системе Куэн-Луна и которое, подобно лучу света, освещает исторические данные, которыми мы располагаем, об исчезнувших империях, находившихся к югу от озера Лоб (4).

Пока русские приближались к легендарному плато Памира, англичане двигались с востока и с запада. Джонсон (Johnson), Хейворд (Hayward), Шоу (Shaw) и, наконец, экспедиции Форшита (Forshyt) дали сведения о тех местностях, о которых Вуд (Wood) и Юль (Yule) уже собрали немало ценных материалов, и вскоре можно будет показать раз и навсегда, что бесплодный и засушливый Памир никогда не был колыбелью ни одной расы.

Не забудем упомянуть в нашем списке путешественников одного из зачинателей этих трудных исследований — Арминуса Вамбери (Arminius Vambery), который ценою жизни сумел проникнуть в маленькие пиратские государства Туркестана в ту эпоху, когда в Бухаре и Хиве резали несчастных европейцев, осмеливавшихся попадать туда.

Русский Туркестан, помимо засушливых равнин, обладает также богатыми и плодородными землями, и когда будут налажены пути сообщения (водные и железнодорожные), которые свяжут этот край с Сибирью, Москвой, Черным и Балтийским морями, мы с благодарностью вспомним путешественников-исследователей, которые первыми дали нам описания ресурсов этих почти забытых стран, и русских солдат, которые ценою своей крови открыли эти далекие края благам европейской цивилизации (5).

Другой очень интересный вопрос — это вопрос плодородия и продуктивности вновь открытых земель, важное значение развития торговли, индустрии, водных и железнодорожных путей сообщения, что преследует двойную цель : стратегическую и коммерческую. Ясно, что большая часть территории Туркестана — это пустынные и засушливые степи, которые едва могут прокормить скот киргизов, или песчаная пустыня с редкими и бедными оазисами. Однако места в верхнем течении реки Сыр-Дарья и долина Зеравшана представляют собой великолепные земли, плодородие которых искупает засушливость окружающих их степей. Перечисление продуктов, производимых там, заняло бы слишком много места, и я остановлюсь лишь на некоторых, создающих, с моей точки зрения, реальную выгоду коммерции и индустрии.

Итак, задержимся на винах и шелке, на сланцах, жире и сахаре из сорго, не говоря уже о минеральных и иных богатствах.

В Туркестане растет около 16 сортов винограда, и изготовляемое из него в Ташкенте вино имеет приятный вкус. Говорят, что для его приготовления принято смешивать разные сорта винограда, что отрицательно влияет на вкус и делает его не для всех приемлемым, но этот недостаток легко устранить.

Что касается шелка, то местные жители делают из него ткани, которые, несмотря на яркость красок, не могут сравниться с теми, что производятся у нас в Лионе, или с теми, что изготовляются в Италии, и даже с китайскими тканями, но при этом их обычный шелк — канаус — прочен, исключительно дешев, и мог бы служить прекрасным материалом для подкладки. В Бухаре производят очень красивый шелковый бархат, шерстяные ткани отличаются большой прочностью, а ручная вышивка на коже превосходит по качеству аналогичные изделия, поступающие к нам из Константинополя или с берегов Северной Африки. В Ташкенте существует шелководство, и эта отрасль обещает быть весьма перспективной.

Я не стану говорить здесь об изготовлении ювелирных изделий, которые, несмотря на грубость работы, часто представляют собой образцы, достойные подражания, ни о кувшинах, тазах и тому подобных предметах из чеканной меди, выполненных тонко и со вкусом.

В горных породах Заравшана и Ферганы содержится большое количество сланцев, пригодных для получения грифеля и шифера. Есть там и запасы бурого угля (лигнита) очень хорошего качества — очень важного компонента при строительстве фабрик, заводов и железнодорожных путей.

Огромные стада курдючных овец — основное богатство кочевников Туркестана — поставляют не только шерсть, но и жир превосходного качества, который, при соответствующей обработке, оказался бы вне конкуренции.

И, наконец, джугара (*sorghum segniun*), широко распространенное в Фергане растение, содержащее сахаристые вещества, из которого можно было бы получать сахар лучшего качества, чем из свеклы. Экспорт такого сахара, наряду с кровельным сланцем, шерстью, шелком и бархатом, мог бы стать важной статьей коммерции.

До настоящего времени коммерция осуществляется при помощи караванов; такая транспортировка требует много времени, но она надежна, так как честность киргизов, предоставляющих в наем такие караваны, общеизвестна. Даже когда будет проложен водный путь, который соединит Каспийское море с

Аралом и плодородными долинами Верхнего Туркестана, регулируя течение Сыра и Аму, даже когда железная дорога свяжет эти края с Москвой и Петербургом, верблюды будут продолжать успешно конкурировать с ними в силу дешевизны подобного транспорта. Транспортировка одного пуда (40 ливров) товара из Ташкента в Оренбург обходится примерно в один франк. Ни пароход, ни железная дорога никогда не смогут предложить такую низкую цену. Исходя из сегодняшних возможностей торговли, нам кажется, что пока было бы вполне достаточно водных путей. В летний период товары следовали бы из Ташкента (6) в Казалинск, из Бухары (7) – в Аральское море.

Расходы на то, чтобы сделать эти реки действительно судоходными, были бы весьма значительными, но все же гораздо меньшими, чем строительство железной дороги. Хотя она, непременно, будет построена в недалеком будущем, я в этом совершенно уверен, так как этого настоятельно требуют стратегические интересы. Ташкент, Самарканд и Фергана должны быть соединены с большой родиной железной дорогой, что позволит сконцентрировать в Туркестане в нужный момент громадную армию. Если бы русские в 1877 году имели такую дорогу, им бы никогда не понадобилась турецкая кампания, можно было бы найти иное средство, чтобы заставить раскаяться султана.

Могут быть проложены две железные дороги: одна из Оренбурга в Ташкент с ответвлениями в Верный, Самарканд и Фергану; вторая из Екатеринбурга в Омск и до Иркутска (Кяхта) с ответвлениями на Семипалатинск, Верный, Ташкент. Эта вторая линия была бы, возможно, более полезна с точки зрения торговли с Сибирью и Китаем: ее было бы легче построить и проще содержать, она бы стоила дешевле в связи с доходностью, но была бы значительно протяженнее и гораздо менее выгодна стратегически.

Линия Оренбург – Ташкент позволила бы контролировать все стратегически важные точки Туркестана; ее строительство значительно усилило бы русские позиции в Азии. Таким образом, все говорит о том, что эта линия будет проложена первой, отчего выиграют как коммерция, так и индустрия. Пожелаем удачи реализации этого плана с точки зрения общей цивилизации. Ничто не доказывает превосходство европейской цивилизации лучше, чем успехи русских в Центральной Азии.

Число путешественников, которые предоставили нам сведения о той части Туркестана, о которой речь пойдет ниже, весьма многочисленны. В первую очередь назовем Радлова (Radloff), чьи труды представляют самую большую ценность с точки зрения описания нравов и обычаев мусульманских на-

родов. Можно написать отдельную библиографическую книгу относительно данного края, и русские авторы займут в этой библиографии главное место. Невозможно обойти молчанием небольшую работу, посвященную Русскому Туркестану, которая отличается точностью сведений и объективностью наблюдений. Это маленькая монография, принадлежащая перу путешественника Александра Пецхольда (Alexandre Petzhold), который посетил этот край в 1871 году. Эта книга — яркое подтверждение тому, что не объемность труда является критерием его качества. Г-н Пецхольд в последнее время добавил к своему литературному багажу серию статей, опубликованных в *Revue russe* в Санкт-Петербурге и имеющих отношение к путешествию г-на Скайлера (Schuyler). Эти статьи написаны в замечательном критическом духе.

В данном томе мы в значительно большей степени, чем в предыдущем, сосредоточились на исследованиях антропологической этнографии, что не помешало нам сделать обзор русских публикаций и добавить географические и археологические труды, которые показались нам достойными упоминания.

Нам кажется, что эти обособленные главы могут принести пользу всем тем, кто интересуется географией Азии. Мы приложили все усилия, чтобы избежать каких-либо политических намеков. Мы чрезвычайно признательны русским властям в Центральной Азии, чья поддержка позволила нам совершить это плодотворное путешествие. У нас есть добрые друзья в Англии, и мы уверены, что их гораздо больше заинтересует откровенное и объективное исследование, чем предвзятые труды. И если мы посвятили наш первый том иностранному принцу, то это лишь в знак глубокой благодарности; без высокого покровительства Его светлости великого князя Константина и без благосклонной поддержки генерала Кауфмана мы никогда не смогли бы попасть в Туркестан. Мы бы столкнулись с непреодолимыми трудностями, и наше путешествие стало бы утопией. После книги Скайлера и после авантюры капитана Бернаби нужно было соблюдать крайнюю осторожность, чтобы суметь посетить, несмотря на свое венгерское происхождение, русские провинции в Центральной Азии и без всяких помех вникнуть во все подробности их жизни. Знаменитый востоковед Ханьков (Khanikoff), с которым мы консультировались в 1876 году перед началом экспедиции, сделал все, чтобы отговорить нас от этого путешествия. «Вам никогда не позволят посетить Туркестан, — говорил он нам. — Если бы я был на месте генерала Кауфмана, я не согласился бы на это и при каких условиях». И когда он увидел, что мы все-таки намерены попытаться осу-

шестьвить задуманное, он добавил: «Вас ограбят, вас убьют, и это послужит причиной для принятия нашим правительством самых суровых мер». И он рассказал нам историю несчастного Адамоли, который был убит в киргизских степях лишь несколько лет назад. Когда Ханыков увидел, что ничто не может изменить наше решение, он холодно добавил: «Идите в направлении Оренбурга, там вас вынудят повернуть назад». Что ж, времена изменились с тех пор, как Ханыков предпринимал свои экспедиции, и даже с тех пор, как Адамоли совершил свое путешествие, сегодня можно путешествовать по Туркестану в полной безопасности.

Прибыв в Петербург, я нашел в лице Семенова и Остен-Сакена серьезных ученых, ставящих интересы науки значительно выше недалёковидности отдельных лиц, которые хотели бы отгородить Туркестан китайской стеной. Г-н Семенов взял на себя труд расположить в нашу пользу великого князя Константина и генерала Кауфмана. Г-н Остен-Сакен достал мне все необходимые разрешения от властей. Мы пользуемся возможностью засвидетельствовать им обоим свою благодарность.

С тем же чувством мы дарим эту работу нашему любимому учителю доктору Брока. Он хотел, чтобы мы провели ряд антропологических исследований в Центральной Азии, и мы думаем, что честно выполнили эту часть нашей программы. Русские исследователи, которые побывали в этих местах до нас, оказались весьма компетентными учеными в таких областях, как археология, этнография и лингвистика. Оставалось заполнить такой пробел, как антропологическая этнография. Вот почему все наши усилия сосредоточились в этом направлении; мы надеемся, что читатель примет в расчет трудности, с которыми нам пришлось столкнуться, и новизну этих исследований.

Когда исследователь отправляется в далекую экспедицию, самое страшное для него — это не усталость и не опасности, с ними он справится, это не болезни, которые подстерегают его в пути, нет, его энергия, хладнокровие и здоровье помогут ему все преодолеть и довести дело до конца. То, чего ему следует действительно опасаться, так это мнения какого-нибудь кабинетного ученого, напичканного знаниями и спесью, который, сидя спокойно у своего камина, дает понять бедному путешественнику свое научное превосходство. Так, нашелся один такой персонаж, который заявил, что путешествие из Парижа в Самарканд не сложнее поездки из Парижа в Сен-Дени, и что привезенные мною коллекции можно купить на любом базаре в Санкт-Петербурге или в Москве. Я оставляю без ответа подобные заявления и лишь рекомендую подобному деятелю самому совершить

такое путешествие на лошадях по тропам вдоль края пропасти в Заравшане, а затем приобрести на Шукином дворе в Санкт-Петербурге коллекцию самаркандских глазурованных кирпичей, подобную той (8), что я привез, и купить одновременно коллекцию из пятидесяти черепов из Центральной Азии.

Я уже говорил выше, что во время моего путешествия основное внимание уделял этнографическим исследованиям, особенно антропологическим. Так вот, несмотря на все усилия моего знаменитого друга профессора Богданова из Москвы, в России находится еще немало противников антропологии, и один настоящий ученый и несколько псевдо-ученых из Петербурга попытались оспаривать полезность моих исследований. У каждой новой науки есть свои хулители, которые видят в ней угрозу для своей сферы исследований, наука для них — вотчина, право владения которой они присваивают себе. Остается лишь пожелать им проявлять больше учтивости и честности в своих нападках. Но поспешу добавить, что они преуспеют не более, чем тот персонаж, о котором я упоминал выше, в своем стремлении заставить нас забыть о высочайшей благорасположенности Его Светлости великого князя Константина, о великолепном приеме, оказанном нам генералом Кауфманом и его подчиненными, и ту сердечную теплоту и гостеприимство, с которыми нас встречали в каждом русском доме и в каждой избе. Они не смогут помешать нам рассказать всю правду — и только правду — о том, что мы видели в Туркестане. Первый том нашего повествования с прилагаемым к нему антропологическим альбомом типов Ферганы уже увидел свет. Сегодня мы отдаем на суд читателей второй том, честные и компетентные люди вынесут свое суждение о сделанных нами усилиях (9).

Париж, 31 декабря 1878 года.

(1). Этот факт установлен в обширных лесных массивах, которые полковник Куропаткин пересекал во время своих экспедиций в Кашгарию, между Кашгаром и Марал-Баши.

(2). Доказательство: плодородные пространства к югу от озера Лоб, которые полностью исчезли.

(3) Потомки этих еранов живут еще и сегодня на западных и восточных склонах Памира. Не уцелело никаких обломков этой интересной эпохи, и только великолепной чеканки медали с изображениями королей Этидема, Экратиды, Эстоклеса и других являются единственными свидетельствами существования этой мощной, но непрочной цивилизации. Если бы удалось выполнить то, что попытались сделать Феррье и Вамбери, если бы можно было провести раскопки на руинах древней

Бактрии (сегодняшний Балх), возможно, обнаружилась бы и иные ценные следы цивилизации.

(4) Не забудем и таких смелых и удачливых исследователей, как Северцов и Куропаткин.

(5) Эти наблюдения частично содержатся в «Revue» господина Драпейрона (Drapignon).

(6) То есть из Ташкента в Чинакс, а оттуда по воде в Казалинск.

(7) То есть из Чарджоу.

(8) Во время моего пребывания в Петербурге в ноябре 1876 года один бывший путешественник, побывавший в Туркестане, предложил мне приобрести маленький фрагмент стены мечети Гур-Эмир (могила Тамерлана) за 300 рублей, это больше 900 франков! Да еще и поддельный!

(9) Раздавалась критика по поводу орфографии, которую мы использовали в географических названиях в первом томе, посвященном нашему путешествию. Мы просто транслитерировали орфографию, принятую среди русских составителей карт, и мы будем ее придерживаться.

СЫРДАРЬИНСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Сырдарьинская губерния — самая обширная из четырех провинций, образующих Русский Туркестан. На севере эта губерния граничит с Тургайским (входящим в состав общей Оренбургской губернии) и Акмолинским уездами, а также с Семипалатинской губернией (входящей в состав Западной Сибири); на востоке она граничит с губерниями Семиречья и Ферганы; на юге — с Зеравшанским и Амударьинским уездами; ее западная граница проходит по побережью Аральского моря. Сырдарьинская губерния включает в себя средний и верхний бассейны реки Сыр вместе с восточной частью Аральского моря, бассейн малого озера Каракуль с его основным притоком Таласом, а также левый берег Чу в среднем и нижнем течении с озером Саумал-Куль и его малым притоком Карагаты, являющимся границей между Сырдарьинской и Семиреческой губерниями.

Сырдарья, Яксарт - у древних (1), Шаш - у средневековых сайхунов, берет начало в Семиреченской провинции (губернии) к югу от озера Иссык-Куль в горах Джитимтау. В верховьях она называется Нарын и наращивает свою полноводность за счет впадения Усун-Ахмета при входе в Фергану, далее ее русло направляется на запад, затем — на юго-запад, и с того ме-

ста, где она сливается с Кара-Дарьей (2), она называется Сыр. Она выходит из Ферганы в нескольких километрах от местечка Кастакос, омывает Ходжент, внезапно поворачивает на север, чуть дальше — на северо-запад, а затем, от Перовска до форта Кармакчи, образует обширную болотистую низменность Бакали-Капа и к западу от Казалинска впадает в Аральское море (3). Из всех притоков Сыра в Сырдарьинской губернии лишь два, по правой стороне, реально увеличивают ее полноводность: Чирчик и Арысь. Остальные — ручьи, пересыхающие летом. Чирчик, с притоком Чаткал, берет свое начало в горах Алатау. Он имеет большое значение, так как орошает Ташкент, столицу Туркестана, и делает плодородными окружающие его земли. Арысь берет свое начало в западных отрогах Алатау и впадает в Сырдарью в районе развалин Отрара. Один из ее притоков орошает Шымкент (в переводе — «Зеленый город»). Ангрэн, Бугун, Ачалган и Сарымсай — на правобережье, а также речки и ручьи, берущие свое начало в северной части гор Туркестана и орошающие Уратобе и Нау — на левобережье, не доходят до Сыра. Речка Санзар, чьи истоки находятся в горах Туркестана, теряется в заболоченном озере Тускане вблизи Джизака. Болота Бакали-Капа формируются большей частью за счет Караузака, притока Сыра. Возле Перовска от Сыра отделяется другой приток — Янидарья: он протекает сначала по болотистым местам, затем — по пескам в юго-западном направлении и на границе с уездом Амударьи впадает в озеро Кучка-Денгиз. Кувандарья — это другой небольшой приток к востоку от Янидарьи; в настоящее время этот приток проходит через заболоченные участки, не имеющие значения. Раньше там имелась, как и в других местах Туркестана, крупная оросительная система. Сырдарья судоходна, но поскольку ее русло не приведено в порядок, перевозка пассажиров и грузов на небольших пароходах не имеет большого коммерческого значения. Путь от Чиназа до Казалинска на пароходе занимает больше времени, чем путь от Ташкента до Казалинска на тарантасе. В зимний период, с ноября по март, Сырдарья останавливается.

Восточная часть Аральского моря от пролива Перовский на севере до 42 градуса широты является частью Сырдарьинской губернии. В нескольких километрах от моря находятся маленькие озера Хансуатан и Камишлибак, которые в прежние времена были частью Арала (4). Уровень воды в Арале уменьшается на протяжении веков, что связано с большими наносами от двух впадающих в него рек Оксус и Яксарт и интенсивным испарением летом (5). Это уменьшение связано также с ирригацией в дельте Оксуса; эта река, разделенная на множество ирригацион-

ных каналов, иссякает к моменту впадения в Арал. Естественно и то, что распределенная по каналам река представляет собой более обширную площадь, что увеличивает испарение (6).

Талас берет свое начало в углу, образованном Александровскими горами и отрогами Алатау; он течет на запад, а затем — на северо-запад и впадает в озеро Каракуль.

И, наконец, Чу, которая вытекает из озера Иссык-Куль и направляется на северо-запад, увеличивает свою полноводность за счет маленьких притоков в Семиреченской губернии и, после слияния с Карагаты, описывает огромный круг и впадает, иссякая вследствие долгого протекания по болотистым местам, в озеро Саумалкуль, к востоку от Перовска. Можно рассматривать ее как часть бассейна Сырдарьи, в которую она должна была раньше впадать, как Зеравшан — в Аму.

Большая часть Сырдарьинской губернии лежит на равнине, западные отроги Тянь-Шаня занимают относительно небольшую ее часть на юго-востоке и между Каракулем и Сыром. Александр, мощная горная гряда с вершинами, покрытыми вечными снегами (до 12 000 высотой), большая часть которой находится в Семиречье, простирается до города Аулие-Ата в Сырдарьинской губернии. В том месте, где берет свое начало Талас, Алатау отделяется от предыдущего массива и уходит на запад до истоков Арыси к северу от Шымкента. Еще дальше к западу мы видим горную цепь Каратау, западные склоны которой видны уже из Джулека, вблизи Перовска. В окрестностях города Туркестана ее вершины покрыты снегом. К югу от Алатау и почти параллельно с ним проходит горная гряда Шоткал, отроги которой являются границей между Сырдарьинской и Ферганской губерниями, и завершаются к югу от Ходжента горой Моголтау, резко спускающейся в долину Сыра. Наконец, горная цепь Туркестан и горы Малгузар и Нуратау образуют южную границу вблизи Зеравшанского округа. Там возвышаются горы из диорита и гранита, а также огромные скопления известняков и триасовых сланцев. В горах Боролдая и Каратау имеются крупные запасы каменного угля.

Сырдарьинский край (за исключением Зеравшана) подразделяется на четыре зоны: 1) пустыни; 2) степи; 3) оазисы; 4) гористые степи. К сожалению, первая зона наиболее обширна. Она включает в себя пустыни Кызылкум, Каракум и Аккум (Мужункум). Пустыня Кызылкум простирается от Арала до Чардара в среднем течении Сырдарьи и, далее, до озера Тускане, до того места, где Зеравшанский и Амударьинский округа граничат с Сырдарьинской губернией. Но это не только край песков. Небольшая степь лежит к западу от Казалинска, вбли-

зи руин Джанкента, на левом берегу Сыра напротив крепости Кармакчи, а также вдоль высохшего русла Янидарьи и на левом берегу Сыра между Джулеком и Чардарой.

Пустыня Каракум лежит к северу от устья Сыра, к востоку от Аральского моря. От Терекли до окрестностей Казалинска.

Наконец, Аккум простирается от Перовска до Чу и Карагаты на востоке и до Аулие-Аты на юго-востоке. Широкая степная зона отделяет ее от гор Каратау.

Саумалкуль и Каракуль, как и нижнее течение Таласа, находятся в пустыне. В Туркестане пустыней называют всякий район, покрытый песком и почти полностью лишенный растительности.

Степи здесь двух видов. Один, лишенный какой бы то ни было древесной растительности и покрытый травой и луковичными растениями, является степью в прямом смысле этого слова. Другой отличается тем, что, при наличии тех же видов растений, там на силикатных почвах произрастает саксаул (*Haloxylon Ammodendron*), а на болотистых — гигантские камыши (*Arundo Phragmites*), такие же густые, как девственные леса. Весной эти степи покрыты цветами — тюльпаны чередуются с сон-травой, что радует глаз. Несколько недель спустя вся эта роскошная растительность исчезает, выжженная солнцем, и местность ничем не отличается от пустыни. Во время долгой зимы снежная пелена покрывает все это огромное пространство. Степи лежат прежде всего вдоль Сырдарьи, между Чиназом и Джизаком (Голодная степь) и, наконец, еще одна — около Аулие-Аты.

Вторая зона — оазисы — напротив, изобилует великолепной растительностью благодаря плодородию почв, которое обусловлено наличием тщательно продуманной ирригационной системы. Растительность в этих местах, хоть и богатая, но имеет почти полностью искусственное происхождение, это относится прежде всего к кустарниковым растениям. Растительный покров редет и исчезает по мере удаленности от источников воды и людей, обеспечивающих поступление воды в арыки. В садах растут карагачи (разновидность вяза, *ulmus pumila* ? *campestris* ?), чинары (разновидность платана, *platanus orientalis*), тополя (*populus alba*, *p. nigra*, *p. pyramidalis*, *p. trimula* и другие), ивы (*salix acutifolia*, *salix alba* и другие, всего около 19 вариантов), джидда (разновидность дикой оливы, *eleagnus hostensis*, *e. angustifolia*), яблони, груши, миндаль, гранаты (*punicum granatum*), фисташки (*histacia vera*), персики, абрикосы, сливы, вишни, фиги (*figus caris*), айва, тутовое дерево (*morus alba* и *morus nigra*) и так далее. Около 16 сортов винограда, многочисленные бахчевые культуры, среди которых несколько сортов велико-

лепного вкуса дынь, тыквы (*cucurbita lagenaria*), которые используют для изготовления табакерок, кувшинов и курительных трубок (чили́м).

В этих же оазисах успешно выращивают зерновые культуры: пшеницу (*triticum turgidum*), *panicum miliactum*, *srtaria italica*, рожь (основной корм для лошадей), рис, кукурузу, джугару (*sorghum ceruum*). Выращивают также табак (*nicotiana rustica*), лен, коноплю, люцерну (*medicago sativa*) (великолепный корм для лошадей), урожаи которой получают 4 — 5 раз в год. Отметим также растения, используемые для производства красок: марена (*rubia tinctorum*), шафран (*carthamus tinctorius*) и другие. Не стоит забывать и хлопчатник (*gossypium herbaceum*), из которого получают хлопок очень хорошего качества.

В горах вдоль речек и ручьев растут кустарниковые и древесные растения, но лесов (по крайней мере, в Сырдарьинском районе) нет совсем. Артча (можжевельник, *juniperus sabina*) достигает порой толщины ствола нашего дуба. Часто встречаются тополь, ива, платан, ясень (*fraxinus excelsior, sogdiana*), клен, вяз и др. (8)

Четвертая зона, за небольшими исключениями (которые мы только что рассмотрели), представляет собой равнинную степь, растительность там сохраняется дольше и никогда не бывает полностью выжжена солнцем. В этих местах встречаются замечательные пастбища.

Фауна достаточно богата, особенно дичью. Из животных назовем прежде всего тигра (9), аргали (дикий баран — *ovis ammon*), антилопу (*antilope sauga*), множество грызунов, кабана. Много хищных птиц (орлы, грифы, соколы), дрофы, фазаны в большом количестве, синие вороны (*coracias garrula*) и очень красивая разновидность скворцов. В садах встречаются удо́ды, горлицы, воробьи, как и у нас. В заболоченных местах множество водоплавающей птицы: цапли, журавли, лебеди, дикие гуси оранжевой расцветки и т.д.

Среди мелких птиц назову лишь трясогузку, которая прогуливается в своем чудесном сероватом оперении вдоль степных болот и даже забредает на улицы Ташкента.

Домашние животные тоже весьма многочисленны: быки, бараны (10), козы, ослы, лошади (11), верблюды и дромадеры. Русские разводят также свиней.

Черепахи в Голодной степи между Чиназом и Джизаком имеют двойной панцирь и весной буквально покрывают степь. В этой же степи встречается разновидность ящерицы (*stellio Lehmanni*), которая бывает в длину от 1 до 1,5 метров. В устье Сырдарьи водится ядовитая змея (*trigonocephalus halis*), кроме того, повсюду в степи и в обитаемых местах водятся скорпионы

бледно-желтого цвета, тарантулы (*Lycosa singoriensis*) и фаланговые (*Solpuga araneoides* и *Solpuga intrepidida*). Укус этих паукообразных очень болезненный. Стоит еще назвать риштана (*Flaria medinensis*), который чаще всего встречается в окрестностях Джизака. Он заползает под кожу и требуются часто длительные и очень болезненные операции по его удалению.

Климат Сырдарьи резко континентальный. Там стоит невероятная жара летом и лютый мороз зимой. В степях и пустынях это действительно лютый мороз и изнуряющая жара. К югу от Каратау находится Шымкент. Город и его окрестности защищены с севера горным массивом от зимних ветров, и потому климат там сносный. На равнинах жара доходит порой до $+45^{\circ}$ в тени, а зимой — до -25° . Климат сухой, дожди не выпадают в течение девяти месяцев в году, снег идет редко. В долинах, окруженных горами, климат более умеренный; дожди и снега там обильные. В целом, климат здоровый. Лихорадка и дизентерия не носят эпидемического характера. Питьевая вода, как правило, плохая.

Сырдарьинская губерния подразделяется на восемь уездов или округов:

1. Округ Курама с уездным центром в Кулиуке граничит на севере с Шымкентским округом, на востоке — с Кокандом, на юге — с Ходжендом и Уратюбе, а на западе смыкается с пустыней Кызылкум. В этом округе главный город — Ташкент, в нем проживает 76 000 жителей и находятся резиденции правительства Туркестана, губернатора Сырдарьинского края, штаб Туркестанского военного округа и т.д. Город разделяется на русский и сартский. В первом примерно 6 000 жителей, считая войска. Он достаточно правильно застроен. Широкие улицы с высаженными по обеим сторонам деревьями радуют глаз. Дома белые, голубые или розовые, как правило, одноэтажные, построенные из обожженного на солнце кирпича. Вокруг каждого дома разбит сад, что весной придает городу своеобразие. Вдоль улиц и садов проходят арыки (ирригационные каналы), что делает температуру воздуха терпимой. В Ташкенте есть несколько хороших магазинов, в которых можно найти все предметы роскоши, которые украшают наши крупные столицы, однако они очень дороги. Помимо них, там есть русский и туземный базары, где можно купить все, что угодно. В Ташкенте есть театр, кафе, рестораны, один из которых принадлежит французам, но следует добавить, что гостинцы оставляют желать лучшего с точки зрения комфорта и, особенно, чистоты. В сравнении с другими городами Центральной Азии русский Ташкент просто эльдорадо, лучшее место в радиусе 2 000 километров. Отметим

еще наличие публичной библиотеки с читальными залами, с большим выбором книг на русском, английском, французском и немецком языках. Из примечательных зданий — дом и канцелярия генерального управителя, офицерский клуб, здание администрации Сырдарьинской губернии, новая прогимназия, дом инспектора школ Туркестана, дом сырдарьинского губернатора и т.д. Все они отличаются хорошим внешним видом и удобным интерьером. При въезде в город находится большая площадь, на которой собираются строить собор и другие общественные здания. У Ташкента большое будущее и через несколько лет его улицы будут освещаться газом, а с вокзала будут уходить поезда на Оренбург, а затем на Самарканд, Ходжент и в Сибирь.

Сартский Ташкент ничего из себя не представляет. Узкие и извилистые улицы, грязные базары и несколько ничем не примечательных мечетей и медресе. Ритм жизни достаточно оживленный, но можно годами жить в русском Ташкенте и не подозревать о существовании сартского города. Что касается Коканда и Самарканда, то первый является новым городом, а второй — древним, и оба гораздо более своеобразны, чем Ташкент. Коммерция занимает важное место в жизни Ташкента.

Губернатор имеет в пригороде собственный дом в деревенском стиле с великолепным садом, парк, окружающий его городскую резиденцию, тоже очень красив.

В Ташкенте живут сарты, татары, киргизы (казахи), персы, афганцы, русские, евреи, индусы и китайцы. К сартам следует отнести и кашгарцев, которые занимают целый квартал (см. таблицу в конце данной главы). Крепость, расположенная между двумя частями города, одинаково возвышается над обеими.

Кулиук — это небольшая деревня в десятке километров от Ташкента. Глава округа Курама проживает там. По дороге из Ташкента в Самарканд находится старый Ташкент, поселок, в котором живут сарты.

По дороге, ведущей на Ходжент, в живописном месте находится Пскент, родина Якуб-бека, знаменитого эмира кашгарского.

И, наконец, Чиназ, расположенный на берегу Сыра, это будущий порт Ташкента. Над долиной возвышается форт. Русский город расположен в некотором отдалении от сартского, который славится своими скорпионами и тарантулами.

2. Ходжентский округ граничит на севере с округом Курама, на востоке — с Кокандом, на юге и западе — с Уратюбинским округом. Ходжент (12) расположен в красивом месте на Сырдарье, через которую русские построили превосходный

мост, и насчитывает 18 000 жителей (таджики — 17 800, узбеки, евреи и индусы). Имеется крепость большой стратегической важности. Ходжент — это ключ от Ферганы. Кастакос, что в двадцати километрах от Ходжента, насчитывает 4 000 жителей, все таджики. Нау (13), находящийся в восхитительном месте к юго-востоку от Ходжента, насчитывает 12 000 жителей и заслуживает упоминания.

3. Уратюбинский округ с одноименным главным городом Уратюбе был раньше частью Ходжентского округа, а Джизак был главным городом другого округа. В настоящее время Джизак входит в состав Уратюбинского округа. Уратюбе (14) расположен в очень красивом месте на северных склонах Туркестанских гор, в центре древней и процветающей колонии таджиков, насчитывает около 10 000 жителей. Местные изделия из кожи славятся своим качеством, как и изящные кувшины Ходжента. Население состоит из таджиков (8900) и узбеков (985). Город находится под защитой форта. Саамин находится по дороге из Уратюбе в Джизак и является главным коммерческим пакгаузом в Кохистане (стране фальгаров). Джизак (15), расположенный при входе в ущелье, ведущее в округ Заравшан, известен плохой водой, в которой водится риштан, разновидность червя (16). У входа в ущелье между горами Мальгузар и Нура расположен форт, в нем проживают 3 800 человек (сарты).

4. Шымкентский округ с одноименным главным городом. Город Шымкент, расположенный в необычайно живописной местности, насчитывает 5 000 жителей — сартов (часто киргизского происхождения). Имеется очень оживленный базар. В округе живут сарты (23 500) и киргизы (153 000).

5. Округ Аулие-Ата находится к северо-востоку от предыдущего, граничит с Семиречьем. Главный город Аулие-Ата, 3 200 жителей (сарты и киргизы). Имеется форт. В этом округе живут сарты (1 800), киргизы-казахи (73 000) и кара-киргизы (28 000).

6. Туркестанский округ расположен к западу от Аулие-Ата, главный город Туркестан. Раньше этот округ входил в состав Перовского и Шымкентского округов. В городе Туркестане 965 домов и 5 223 обитателей (сарты и киргизы). Рядом с сартской частью, грязной и извилистой, уже строится русский город. В Туркестане есть разрушенная крепость, а посреди развалин стоит одно из самых прекрасных зданий Центральной Азии — несравненная мечеть Хазрета.

Мечеть Хазрета Она существует с 463 года. Построена за пределами городского земляного вала, окружена высокой кирпичной стеной с бастионами по углам для артиллерийских орудий. Указанное место разделено на две части, на одной размещалась раньше резиденция коменданта, а вторая отводилась непосредственно под мечеть. Ее внешний вид таков: два минарета, соединенные каменной стеной, составляют фасад. Вверху между ее куполами отсутствует кровельное покрытие. Внутри она разделена на три части: в первой части, под куполом, находится большой зал в 16 саженой высотой (примерно 48 метров : одна сажень = 3 аршина, 1 аршин = 2,1336 метра); влево и вправо от него четыре помещения, в которых находятся могилы.

В передней части мечети с левой стороны есть дверь, ведущая в главный предел, составляющий вторую часть мечети; там один раз в неделю по пятницам проходят культовые церемонии. В центре расположена достаточно большая комната, где находятся могилы Хазрета и членов его семьи, вправо уходит длинный коридор, в конце которого тоже находятся могилы. Этот коридор приводит в просторное вытянутое помещение с колодцем. Неподалеку от мечети есть маленькое круглое здание, увенчанное куполом и покрытое мозаичными плитками. Мечеть Хазрета выстроена из обожженного кирпича поразительного качества, стены соединены между собой толстыми деревянными балками; все балки из дерева. Верхняя часть зала, расположенного под куполом, украшена лепным орнаментом. С внешней стороны все стены мечети и купола покрыты мозаичными плитками. По верхнему карнизу, выложенному голубой плиткой, вдоль всей мечети идет цитата из Корана на арабском языке, к сожалению, почти полностью не подлежащая расшифровке вследствие ветхости.

Мечеть Хазрета была построена Тамерланом в 806 году хиджры в соответствии с традицией в связи со смертью внучки великого завоевателя. Он решил таким образом увековечить ее память и поместил ее прах рядом с могилой святого. Эта мечеть совершенно особенно почитается народами Центральной Азии, ее посещали эмиры, ханы и другие высшие правители и делали богатые дары. Доходы служителей мечети Хазрета складываются из даров, из сборов пошлины с торговых караванов и обоих базаров, от передачи в аренду земель и помещений.

Мечеть Хазрета пострадала во время осады города Туркестана и лишь благодаря самоотверженности и преданности Шейх-эль-Ислама, который, рискуя жизнью, поднялся на минарет и выбросил белый флаг, в противном случае мечеть была

бы полностью разрушена или, по меньшей мере, пострадала бы значительно серьезнее (Бекчурин).

«Это громадная сводчатая базилика, по бокам которой находятся две великолепные башни. Какой же изумительный эффект это должно было производить, когда все стены были покрыты эмалью, переливающейся на солнце всеми цветами радуги, а отблески окружали здание сверкающим ореолом! Сегодня, увы, половины этих кирпичей нет, но и тех, что остались, достаточно, чтобы представить былое величие сооружения. Мы входим через относительно маленькую, в сравнении с размерами здания, дверь ... Интерьер так же великолепен, как и фасад. Большой квадратный зал с очень красивым сводом, разделенным на украшенные орнаментом сегменты, предстает перед посетителями. Архитектура свода, позволяющая проникать узким полоскам света, являет собой удивительную гармонию линий. Архитектор, создавший этот памятник, обладал и недюжинным талантом, и тонким вкусом. В крупных линиях выражена невиданная смелость, при этом все детали проработаны с большой тщательностью. В середине этого зала возвышается огромный металлический котел, который в прежние времена по благочестивому замыслу служил для приготовления пищи паломникам. Перед этим кулинарным аппаратом со стороны входной двери установлены два больших бронзовых подсвечника. Резьба по металлу выполнена с поразительным мастерством, на поверхности еще заметны следы эмали, которая усиливала блеск этих предметов. Именно перед ними в наши дни киргизы, не имеющие детей, приносят в жертву баранов, чтобы вымолить потомство для продолжения своего рода. В глубине зала видна деревянная резная дверь. Резьба — подлинный шедевр, как и металлический запор, покрытый эмалью. Эта дверь ведет в своеобразный неф, где покоятся моши святого Хазрета, или Яссави, над прахом которого в 1404 году Тамерлан повелел Ходжа-Хусейну, уроженцу Шираза, в Персии, возвести эту большую мечеть. В многочисленных маленьких комнатах находятся каменные надгробия, покрытые надписями. Многие надгробия выполнены с большим вкусом. Самое красивое возвышается над могилой киргизского султана. Рядом находятся более скромные памятники, а еще дальше — песчаные холмики, увенчанные перьями (киргизы имеют обыкновение отмечать заранее таким образом место погребения). В настоящее время потребуются миллионы на реставрацию этого дивного памятника, который в недалеком будущем может превратиться в груды бесформенных руин.

Рядом с большой мечетью находится маленькая — та, в которой покоится прах дочери Тамерлана. Это тоже очень красивое сооружение из цветного кирпича». (17)

В нескольких километрах от Туркестана находится большая сартская деревня Икан, насчитывающая 228 домов и 1 021 жителя. Поскольку Туркестанский округ сформирован недавно и его нет в статистических таблицах, которые мы приводим ниже, нам кажется полезным привести здесь некоторые цифры, которыми мы обязаны главе округа полковнику Р***. Города насчитывают 1 540 домов с 7 125 обитателями. В уезде 12 220 кибиток с 68 245 обитателями (кроме того, там имеется и 3 265 домов). В городах насчитывается 1 467 лошадей, в остальном округе — 25 718. В городах имеется 3 713 голов рогатого скота, в остальном округе — 4 583. Кроме того, насчитывается 328 365 баранов и 36 992 верблюдов (февраль 1877).

6. Перовский округ расположен к западу от Туркестанского, насчитывает более 100 000 жителей, главный город — Перовск, бывший Ак-Менжеть («Белая мечеть»), известный блестящей защитой кокандцев под предводительством Якуб-бека против русских. В настоящее время фортификационные сооружения находятся в плохом состоянии, а город не представляет собой ничего особенного. Поскольку цифры, которые мне дали совершенно расходятся с теми, которые я нашел в «Туркестанском ежегоднике» полковника Маёва, поспешу привести их прямо сейчас. Городских жителей — 3 820, в округе — 75 652, домов в городах — 660, в округе — 28, кибиток в округе — 20 376 (18). В городах насчитывается 580 лошадей, в округе — 73 423, в городах — 940 голов рогатого скота, в округе — 22 336, кроме того, в округе имеется 633 694 баранов и 80 887 верблюдов.

7. Казалинский округ находится к западу и северо-западу от предыдущих, в нем насчитывается 60 000 жителей, в него входят район вокруг Аральского моря и самое нижнее течение Сырдарьи. Главный город — Казалинск, 2 944 жителей, имеется прекрасно выстроенный форт и порт на Сырдарье, где находится небольшая флотилия, которая курсирует по Сыру до Чиназа. С коммерческой точки зрения, значимость Казалинска возрастает с каждым днем; со стратегической точки зрения, этот город — один из самых важных в Туркестане, он дает возможность контролировать дороги на Хиву и на Ташкент. И его стратегическая значимость будет возрастать, особенно после того, как будет построена железная дорога Оренбург — Ташкент, а Сырдарья станет судоходной по всему руслу.

В Сырдарьинской губернии проживают пять основных этносов: 1) киргиз-кайсаки, 2) узбеки, 3) сарты, 4) таджики и 5) ку-

рама, к ним следует добавить русских, татар, евреев, индусов, афганцев, китайцев и персов.

1. *Киргизы*. Из 835 848 жителей они — самые многочисленные : 506 116. Прежде чем говорить о киргизах Сырдарьи, следует сказать несколько слов о киргизах вообще. Киргизы подразделяются на шесть племен :

1. Каракиргизы — живут в Семиречье, в Фергане, на части склонов Памира и в Восточном Туркестане (Кашгария).

2. Казахи, или кайсаки, Большой орды (Улу джуз) — в Туркестане.

3. Казахи Средней орды (Курту джуз), 829 000 душ, — в Семипалатинской и Акмолинской губерниях Западной Сибири.

4. Казахи Малой орды (Кше джуз) — в Оренбургской, Уральской и Тургайской губерниях и вдоль побережья Аральского моря. Это самая многочисленная из трех орд.

5. Казахи из Букеевской орды — в районе Каспийского моря, в Астраханской губернии, в европейской части России с 1801 года.

6. Казахи Западного Китая — несколько родов, отделившихся по разным причинам от трех основных орд (19).

По этой градации видно, что каракиргизы, или буруты, которых русские называют «дикокаменными киргизами», и киргиз-казаки, или кайсаки, являются для нас одним и тем же народом. Их физический тип, их нравы, обычаи и даже суеверия — одни и те же. Одни являются равнинными кочевниками, другие — горными.

Киргизы являются аборигенами горных долин Тянь-Шаня и его западных отрогов. Саки, по индийской эпопее и летописям царя Дария, являются предками отважного кочевого народа тюркского происхождения — киргизов (20). Путешественники эпохи средневековья, такие, как Рубрук и План Карпен, дают весьма познавательные описания нравов этих народов, которые остаются верными и на сегодняшний день. Впрочем, с этнографической точки зрения, сведения Плана Карпена несравненно ценнее сведений Рубрука. Современные нам путешественники тоже сделали очень интересные описания киргизов. Никто не описал лучше их обычаи, чем госпожа Аткинсон, и никто не знает их язык лучше, чем господин Радлов. По нашему мнению, все шесть племен киргизов относятся к тюркско-татарской семье алтайского рода (расы). Очевидно, что эти народы имеют и монгольскую кровь, но это не чистые монголы. Мы можем утверждать, что между каракиргизом и калмыком существует большая разница (21). Мы встречаем каракиргизов и даже казахов (в Западном Китае) с широким и низким лбом, резко выступающими скулами и скульными ду-

гами, с раскосыми монгольскими глазами, но у монголов все эти черты выражены гораздо сильнее и цвет кожи совершенно другой. Цвет кожи у монголов отдает явной желтизной. Казахи, каракиргизы, узбеки, каракалпаки и турки (тьюруки) - все они относятся к тюркской ветви алтайской семьи народов.

Ученый Хорошхин подразделяет узбеков на девяносто два племени. С этой классификацией интересно ознакомиться, поскольку она включает в себе ценные географические и этнографические сведения, но мы не можем ее полностью принять, так как узбеки и киргизы не родственны между собой, так же, как узбеки и каракалпаки. Между этими двумя племенами родство такое же минимальное, как и между кунградами, найманами, кангли и тама (узбекские племена). Поэтому мы внесем в таблицу Хорошхина небольшие изменения. Что касается девяности двух племен, мы их оставим, добавив, что одни и те же названия встречаются у узбекских, казахских, каракалпакских и других племен. Даже среди башкир, которых мы посетили, возвращаясь в Европу, встретилось кыпчакское племя. Большая часть ниженазванных узбекских племен проживает в долине Заравшан и в долинах вдоль среднего и нижнего течения Амударьи (22)

Киргизы сами называют себя «казахами» или «всадниками», название, которое лежит в корне происхождения русского слова «казаки».

По Радлову, слово «киргиз» происходит от слова «кырк — сорок» и ис («дшис») — сто. Существуют два киргизских племени, которые так себя называют. Другие считают, что их название происходит от слова «кырк» — сорок и слова «кыз» — девушка. Они рассказывают, что однажды одна принцесса совершала дальнюю прогулку в сопровождении свиты из сорока девушек, а по возвращении обнаружила свой аул разграбленным и опустошенным, все ее родственники исчезли, из всего племени осталась лишь рыжая собака. От нее каждая девушка из свиты родила по сыну, и эти сорок сыновей стали предками современных киргизов (23). Другие племена носят совершенно монгольские названия, такие, как кыпчак, аргин, найман и т.д. В настоящее время казахи, которых насчитывается от 1 300 000 до 1 400 000, проживают между Уральскими горами и реками Иртыш и Амударья. Большая орда численностью от 200 000 до 300 000 человек кочует между Кашгарией и городом Туркестаном. Средняя орда (400 000) кочует от озера Балхаш до истоков Тобола, а Малая орда (700 000) живет к северу от Аральского и Каспийского морей.

Никому не удалось сделать более живописное описание

киргизов-казахов, чем то, которое сделал знаменитый русский художник Верещагин: «коренастое тело, широкий и невысокий череп, сильно выдающиеся скулы, узкие глаза, выступающий рот, короткий приплюснутый нос, маленькая козлиная борода, в разной степени смуглая кожа — от светло-коричневой, как у европейца-южанина, до почти черной, как обгоревшее дерево». (24) Благодаря инструкциям Антропологического общества, а также благодаря красочной картине, сделанной доктором Брока, можно дать более точное и более научное описание.

Киргизы-казахи среднего роста (скорее, ниже среднего), с бронзовой кожей, отливающей желтизной, а порой доходящей до черноты; кожа под одеждой белая (очень белая — у женщин в особенности, в то время как у сартских женщин она смуглая), кожа почти всегда гладкая; волосы черные, иногда темно-каштановые, прямые и жесткие, черные, как смоль. Глаза в большей или меньшей степени раскосые, блестящие и живые, чаще всего коричневого цвета, иногда — серого и зеленого. Нос короткий и широкий, губы чаще всего толстые и слегка вывернуты наружу. Зубы крупные или средние, несравненной красоты и белизны. Лоб прямой, низкий и широкий; надбровные бугры выражены очень слабо. Впадина, отделяющая нос от межбровья практически отсутствует. Рот большой и широкий. Подбородок тяжелый квадратный. Лицо в целом угловатое. Уши почти всегда большие и торчат. Тело очень сильное, подвижное, коренастое. Руки и ноги очень маленькие, сухожилия сильные, икры почти отсутствуют. Ноги кривые и тонкие. Низкий рост, сильный торс, часто достаточно мощная шея (25). Они очень выносливы, способны вынести большие нагрузки и лишения. Они часто страдают болезнями волосистой части головы (лишай).

Многие путешественники связывают эту болезнь с их нечистоплотностью. Мы разделяем мнение Ханыкова о том, что это ошибочно. «Чрезвычайно распространенные случаи облысения и лишая связаны не столько с нечистоплотностью, как это считают некоторые путешественники, сколько с привычкой носить шерстяные шапки, очень плотно прилегающие к коже головы» (26).

Сравним с этим описанием портрет этого народа, сделанный Планом Карпеню (1246): «...Во-первых, скажу, что их лица отличаются от всех других в мире. Потому что у них большое расстояние между глазами, а щеки сильно выступают вперед; они поджары и носят пояса; в большинстве своем они среднего роста, растительность на лице почти отсутствует, хотя у некоторых проступают отдельные волоски под нижней губой

и на подбородке, они оставляют их расти и не сбривают... У них довольно маленькие ноги» (27).

Почти все киргизы-казахи являются кочевниками. Когда среди них случайно встречаются те, кто занимается сельским хозяйством, не нужно думать, что они в связи с этим более цивилизованы. Лишь крайняя нищета способна заставить киргиза изменить своим кочевым привычкам. Их жилище одинаково зимой и летом. Оно представляет собой войлочную палатку, устанавливаемую на весьма прочном деревянном настиле, закрепленном вбитыми в землю колышками. Эта палатка, называемая кибиткой, имеет низкую войлочную дверь и дыру в середине потолка для выхода дыма. Она имеет форму нашего сырного колпака и высоту до 4 — 5 метров. Бедняки делают в середине углубление для костра, богатые сооружают подобие очага. У бедняков кибитка внутри довольно грязная. Мужчины, женщины, дети спят там вместе с верблюжатами, баранами и козами. У богатых, наоборот, кибитки достаточно комфортабельны. На стенах и полу богатые ковры, иногда даже привезенные из Бухары. Напротив входа стоят одна — две очень низкие кушетки, застеленные красивыми покрывалами. На стенах развешаны оружие и хозяйственная утварь, сбруя, седла, в углу стоят металлические сундуки: все отделано богато, даже элегантно (28). Бедняки не занимаются своим туалетом, женщины выглядят обычно грязнее мужчин. Состоятельные люди носят бешмеки (разновидность жилета), а сверху — широкие, длинные, богато расшитые халаты. На голове у них *такия* — маленькая шапочка. У бедняков шапочки просто из кожи, у богатых — красиво расшиты и инкрустированы серебром и драгоценными камнями. Штаны довольно короткие, выделаны из желтой или черной кожи (у богатых они обшиты сутажем). Зимой они носят толстые сапоги, а летом — разновидность тапочек. Зимой киргизы-казахи надевают шубы из лисьего меха и остроконечные шапки с закрытыми ушами, которые хорошо защищают их от мороза и ветра. Летом они носят островерхие войлочные шапки, похожие на китайские, обычно они белые с цветными полями. Женщины носят штаны, а сверху широкие платья из хлопка. На ногах — сапоги, как и у мужчин (у богатых они цветные). Богатые женщины носят платья из *канауса* (разновидность шелка в Туркестане). Бедные женщины носят на голове белый тюрбан, богатые — четырехугольную шапочку с заостренным верхом (похожую на головной убор колдуньи), покрытую белой вуалью с золотистой бахромой. На шее, где застегивается одежда, они носят серебряный амулет миндалевидной формы — подарок мужа в день свадьбы. У богатых женщин

есть колые и браслеты из серебра, напоминающие украшения башкирских женщин. Обычно казахские женщины стареют очень быстро; когда женщина молода, черты ее лица привлекательны. Лицо несколько плоское, но глаза и зубы великолепны, хороша, как правило, и фигура. В любом случае, лица у них более выразительные, чем у сартских женщин. Киргизские дети одеты летом в длинные и широкие цветные рубашки, зимой сверху надевают шубу. Женщины относятся с большой любовью к своим детям; иногда они их кормят грудью до четырех лет. Киргизские женщины имеют обыкновение оттопыривать уши своим детям с самого раннего возраста, чтобы они лучше слышали (я узнал об этом от майора Абгралла, префекта Казалинского округа, который имел возможность в близком контакте и длительно изучать этот народ).

Киргизы предпочитают пить кумыс (29), напиток из кобыльего молока, смешанного с коровьим, овечьим или козьим. Они очень любят чай и добавляют в него масло и жир. Бедняки пьют плиточный чай, а богатые — такой же чай, какой пьют русские и сарты. Иногда они добавляют в него соль и муку. Они готовят также разновидность толстых блинов, очень тяжелых для пищеварения, а также сыр — *иримшик* из коровьего и козьего молока. Они пьют также айран (30), приготовленный из кислого молока, разбавленного водой. Когда имеется возможность, они с удовольствием едят баранину. Мясо разрывается на куски и варится с солью; жир режут ломтиками и поджаривают на палочках, подобно тому, как мы жарим почки на вертеле. Приготовленная таким образом баранина имеет приятный вкус. Они едят также конину. И почти никогда не едят хлеб.

Вся хозяйственная работа выполняется женщинами, мужчины с утра уходят в степь пасти скот — лошадей, верблюдов, овец. Все киргизы — мужчины, женщины, дети — прекрасные наездники, женщины ездят верхом, как мужчины. Киргизская лошадь маленькая, коренастая, крепкая, с виду ничего особенного, но она сильна и неутомима (31).

Киргизские деревни находятся вдалеке от почтовых дорог и располагаются в непосредственной близости от источника воды. Кибитки стоят очень тесно одна к другой, днем в них можно найти только женщин, маленьких детей и собак. В мелколесье можно обнаружить землянки, крытые ветками. Иногда встречаются маленькие киргизские хижинки в сартских деревнях, но они, как правило, используются в качестве складских помещений для провизии, а сами киргизы зимой и летом предпочитают жить в своих палатках.

Их кладбища значительно красивее их жилищ. Могилы

бедняков мало чем отличаются от наших могильных холмов, но могилы богатых сделаны с учетом определенных архитектурных пропорций. Это большие земляные сооружения, увенчанные куполом; стена главного фасада выше остальных и завершается красиво вылепленными зубцами. Киргизские кладбища весьма многочисленны. Нередко они водружают на могиле белый флаг. В сартских деревнях и даже в русских кварталах (в Туркестане, например) можно увидеть кибитки во дворах, и часто можно заметить маленький белый флаг рядом с жилищем. Чаще всего они хоронят умерших в степи, однако городские жители сооружают могилы неподалеку от своих жилищ. Киргизы-казахи занимаются почти исключительно караванной торговлей между европейской частью России и Центральной Азией. Сартские и русские торговцы их очень высоко ценят по причине их честности и порядочности.

По своим человеческим качествам казах весел, открыт, умен, честен и очень гостеприимен. По характеру он удачно контрастирует с сартом — скрытным, безразличным, апатичным и лживым. Они встречают иностранцев в своих кибитках с отменным гостеприимством, но никогда киргиз не бывает таким льстивым и услужливым, как сарт (32)

2. *Узбеки.* В прошлом доминирующая раса в Центральной Азии, чья власть сохраняется еще и по сей день в Хиве, Бухаре и Хисаре. Это близкие родственники киргизов. При этом они поддерживают гораздо более тесные контакты с оседлыми таджиками, с которыми повстречались в ходе завоевания страны и смешались с ними. Те из них, кто вследствие этого смешения сменил тип, но сохранил язык, стали оседлыми и превратились в сартов, о которых мы расскажем позднее. Сейчас мы займемся лишь теми, кто сохранил кочевой или полукочевой образ жизни и чей тип почти не изменился. Собственно Сырдарьинская губерния насчитывает таких немного (полукочевой образ жизни ведут 5 815 человек). Их больше в Зеравшанском округе и в Фергане (33). Все они являются объектом нашего изучения.

Узбеки подразделяются на многочисленные племена, от которых на сегодняшний день сохранились лишь слабые следы. Выше мы привели названия и места проживания этих племен. Нравы узбеков описывались часто. У узбеков примерно такой же образ жизни, как и у киргизов. С точки зрения религии, они более фанатичны, чем киргизы, но гораздо менее фанатичны, чем таджики и сарты. У киргизской женщины лицо всегда открыто, у узбечки — часто, у таджикской или сартской женщины — никогда.

Хотя в первом томе повествования о нашем путешествии

мы уже давали описания узбекского типа, думается, что полезно дать его еще раз. Несмотря на многочисленные смешения, узбекский тип весьма характерен.

Узбек среднего роста, худой (или очень толстый — в исключительных случаях). Кожа очень смуглая с желтым отливом, обычно гладкая, лишенная растительности. Волосы черные, рыжие, редко каштановые. Гладкие. Глаза, приподнятые по углам, черные, иногда зеленые. Нос у основания широкий, короткий и прямой. Губы почти всегда пухлые, вывернутые наружу. Зубы среднего размера, очень здоровые и белизны слоновой кости. Лоб прямой, невысокий, выпуклый, надбровные дуги обозначены очень четко, переносица выражена неярко. Брови дугообразные, часто негустые. Рот большой, подбородок массивный, в целом лицо скуластое, угловатое. Уши большие или средние, не прилегают к голове. Тело не отличается силой и крепостью. Стопы и кисти рук маленькие. Связки достаточно тонкие, голень неразвита, талия гибкая, торс квадратный, ноги кривые из-за езды верхом (34). Если у молодого таджика растительность на лице проступает в виде бакенбард, то у молодого узбека она обретает форму бородки. Таджика легко отличить от узбека. У узбека расстояние между глазами больше, скулы и надбровные дуги выдаются резче, лицо угловатое, конечности тонкие, стопы и кисти маленькие. Случается, что на лице присутствует обильная растительность, значит, перед нами метис, как говорит об этом г-н Жирар де Риаль (35).

Узбеки весьма немногочисленны в Сырдарьинской губернии (5 813) и проживают в основном в долине Заравшан (140 154), где соседствуют с таджиками и галча. Больше всего узбеков в Бухаре, Хиве и в долинах нижних притоков Аму, а также вдоль рек Анджуи, Хулм, Мезари-Шариф и Кундуз — на ее левом берегу, в афганском Туркестане.

3. *Каракиргизы.* 28 850 каракиргизов живут в округе Аулие-Ата Сырдарьинской губернии. Их гораздо больше в Фергане (36) и в Семиречье (См. главу 3).

4. *Курама* являются, по всей видимости, продуктом скрещивания киргизов, узбеков и сартов. Они очень некрасивы. Соседи относятся к ним свысока, и сарт из Ташкента стремится к тому, чтобы его не причислили к кураме из пригорода. Они живут исключительно в Кураминском округе вокруг Ташкента. Их численность достигает 57 855. В Фергане, по дороге из Андижана в Наманган, есть еще одна деревня, в которой живут курама. Когда узбек становится оседлым, не смешиваясь с сартами или таджиками, по своим физическим характеристикам он совершенно сближается с курамой.

4. *Таджики* являются иранскими аборигенами в Центральной Азии. Все, что говорилось о таджиках Ферганы, в полной мере относится к таджикам Сырдарьи (37). Мы считаем, что не стоит к этому возвращаться. Они живут в округе Ходжент и, особенно, в округе Уратюбе. Самые чистокровные таджики встречаются в горах близ Уратюбе (см. главу 2).

Таджики высокого роста, средней упитанности, кожа белая или загоревшая под солнцем (части тела, скрытые одеждой, у таджикских женщин менее белые, чем у киргизских). Волосатость на теле наблюдается редко, чаще заметен редкий волосяной покров, иногда она совсем гладкая. Волосы черные, каштановые, рыжие, встречаются и светлые. По своей структуре могут быть прямыми, волнистыми, крупными завитками. Растительность на лице, за редкими исключениями, обильная, чаще черная или каштановая, иногда рыжая, светлая или со светлым отливом. Глаза, никогда не раскосые, бывают карими, зелеными, иногда голубыми. Нос, как правило, очень красивый, длинный, тонкий, выгнутый. Губы тонкие, прямые, иногда чуть вывернутые. Зубы маленькие и здоровые. Лоб высокий и широкий. Надбровья и переносица хорошо выражены. Брови дугообразные, густые, часто сросшиеся. Рот средний, подбородок овальный, в целом лицо овальное или круглое. Уши маленькие или средние, прижатые к голове, изредка чуть-чуть торчащие. Телосложение правильное, тело более крупное и сильное, чем у узбеков. Конечности, не будучи крупными, больше, чем у узбеков. Запястья и лодыжки тонкие, икры развиты слабо, ноги достаточно прямые, рост выше среднего, торс достаточно сильный, шея крепкая. Они часто склоны к полноте, но без дряблости, присущей тюрко-монголам (38).

Они часто страдают глазными болезнями, особенно сельские жители. Ханыков сделал по этому поводу вполне справедливое наблюдение: «Болезни глаз не связаны настолько, насколько это принято считать, со степенью солености почвы, но они связаны с досадным обычаем сельских жителей обмолачивать зерно не путем веяния, а путем перелопачивания с обдуванием сильной струей воздуха, после того, как его потопчут лошади. Эта операция наполняет воздух мельчайшими частицами соломы, которые раздражают веки крестьян значительно больше, чем соляная пыль, принесенная ветром. Подтверждением тому служит тот факт, что эта болезнь значительно активизируется осенью — после молотьбы, и гораздо реже встречается у кочевников, обосновавшихся на тех же соленых почвах, что и сельские жители» (39).

Это же наблюдение можно отнести и к галча, живущим в

верхней долине Заравшана. Мы не видим необходимости вновь останавливаться на различиях между таджиками и галча (называемыми также горными таджиками). Мы отсылаем читателя к нашему предыдущему тому (40).

б. Сарты. Несмотря на то, что мы уже давали в первом томе описания нашего путешествия развернутое определение термина «сарты», мы должны к нему вернуться, чтобы устранить все недоразумения. Смещение иранцев — аборигенов Туркестана с узбеками, а иногда и с киргизами, породило сартов. Сарты — оседлый народ (в городах они занимаются торговлей, в сельской местности — земледелием). Они ниже таджиков. Говорят на восточном тюркском, в то время как таджики говорят на персидском. Мало кто из путешественников в состоянии отличить сарта от таджика. Однако сделать это необходимо, особенно исследователю, занимающемуся антропологической этнографией. Так как нам показалось, что читателю будет интересно ознакомиться с мнением бывших географов на эту тему, мы сочли своим долгом ввести в этот том наш уже опубликованный ранее небольшой труд о «географических названиях у Бабера», откуда видно, что Бабер, по крайней мере, никогда не путал сартов с таджиками.

Сарты являются самыми многочисленными жителями после киргизов в Сырдарьинском районе, их насчитывается там 158 453. Они встречаются в таких городах, как Ташкент, Чимкент, Аулие-Ата, Туркестан, Джизак, Чиназ, а также в крупных селениях Икана, Пскента, старого Ташкента и т.д.

Сарты среднего роста, склонные к полноте, легко переходящей в тучность. Кожа смуглая, под одеждой — обычно гладкая, на лице — густая растительность. Череп очень маленький, лоб средний, брови дугообразные и густые, глаза редко бывают раскосыми, нос прямой, иногда изогнутый, рот средний, зубы средние и белые, лицо, как правило, овальной формы. Впрочем, скулы часто несколько выступают вперед, глаза чуть раскосые, более значительное расстояние между глазами выдает наличие алтайской крови. Обычно, впрочем, берет верх иранская кровь. Сарты менее стройные, чем таджики, и хуже сложены. Шея средняя, запястья и лодыжки тонкие, конечности меньше, чем у таджиков. Если у таджиков существуют большие индивидуальные различия, то у сартов их нет совсем, и очень часто они чрезвычайно похожи один на другого. Когда они вырастают, невозможно отличить парня от девушки.

Наилучшее определение разницы между оседлыми и кочевыми народами Туркестана мы находим в книге Петцольда.

Автор отмечает: «У киргиза интерьер жилища виден всем,

в то время как у таджика (Петцольд не делает различия между сартом и таджиком) он закрыт от постороннего взгляда и совершенно непроницаем. Пища киргиза в основном животного происхождения, в то время как пища таджика растительного происхождения. Если киргиз занимается лишь скотоводством, то таджик — земледelec, садовод, шелковод, ремесленник, торговец. Киргиз настолько же безразличен к религии, насколько таджик фанатичен» (41) и т.д. Во всем, что касается описания обычаев, нравов и т.п. этих народов, нигде не найдется более точного определения, чем в работе г-на Петцольда.

Что касается евреев, персов, индусов, афганцев, русских, татар и т.д., то они уже достаточно описаны.

Пути сообщения. Их существует два вида: наземные и речные. Последние развиты слабо. Имеются небольшие пароходики, которые курсируют по Сырдарье от Чиназа до Казалинска и дальше до Аральского моря, но поскольку русло реки не подготовлено к навигации, перевозка грузов и пассажиров пароходами идет медленно и стоит дорого.

Что касается наземных путей, назовем прежде всего почтовые:

1. Тракт (42) между Терекли и Ташкентом принадлежит г-ну Кузнецову, богатому купцу из Сибири. Дорога содержится из рук вон плохо, а мостов нет на всем протяжении пути. Лошадей мало и кормят их плохо. Расстояние между Терекли и Ташкентом можно покрыть за пять дней.

Однако те путешественники, кому повезет, находятся в пути десять дней, а в среднем на дорогу уходит пятнадцать — двадцать дней. Самое благоприятное время для путешествия — осень. Зимой мешают снежные заносы, весной — наводнения, а летом — невыносимая жара, и лошади в плохом состоянии.

2. Тракт между Чимкентом и Аулие-Ата и далее до границы Семиречья также принадлежит г-ну Кузнецову. Станции построены лучше, и лошади находятся в лучшем состоянии.

3. Тракт между Ташкентом и Самаркандом находится в очень хорошем состоянии, особенно та часть, которая проходит через Зеравшанский округ (от Джизака до Самарканда). Это настоящее шоссе, обсаженное деревьями и хорошо содержащееся.

4. Тракт между Ташкентом и Ходжентом оставляет желать лучшего; участок дороги между Пскентом и Сырдарьей очень каменистый.

Возле Ходжента имеется мост в очень хорошем состоянии, под Чиназом приходится переправляться через Сырдарью на железном пароме, а через Зеравшан — на арбе, которую для

устойчивости поддерживают всадники. Этот тракт с одной стороны доходит до Нау и Уратюбе, с другой — до Коканда через Кастакос.

5. Хорошая проезжая дорога связывает Уратюбе с Джизаком, проходя через Саамин. Еще одна идет из Ташкента в Фергану, пролегая через горы в районе Шайтан-Кишлака и заканчиваясь в Тусе. Караванная дорога ведет из Туркестана в Бухару через Кошмизгиль, пересекает Сыр возле Учвайка и идет через Чимбай.

Похожая дорога связывает Аулие-Ату с Чулаком и Сузаком, проходя вдоль гор Каратау. С северной стороны она заканчивается в Туркестане, пересекая развалины Бабай-Кургана.

Наконец, раньше имелась почтовая дорога, которая вела из Кармактчи в Перовск по правому берегу Сырдарьи.

Мы не говорим здесь о дорогах, ведущих из Чулака и Сузакка в Сибирь, ими пользуются только киргизы-казахи.

Телеграфная линия связывает Ташкент с европейской Россией, проходя через Сибирь. Телеграф идет через Чимкент, Аулие-Ату, Верный, Семипалатинск, Омск и т.д. Другая линия идет из Ташкента в Ходжент, Нау, Уратюбе, Саамин, Джизак, Самарканд. Еще одна — из Ходжента в Коканд (43).

6 февраля мы покидаем Оренбург при температуре - 26° после проведения некоторых антропологических и этнографических исследований в отношении башкиров, результаты которых мы намерены опубликовать в третьем томе нашего отчета о путешествии. Оренбург, впрочем, один из самых интересных городов с точки зрения этнологических исследований, как это совершенно справедливо заметил г-н Жирар де Риалль в своих инструкциях для путешественников. Там встречаются представители всех этносов Центральной Азии наряду с народами европейской России. Марийцы, мордва, чуваша, калмыки, татары, башкиры и т.д. соседствуют с киргизами, сартами и бухарскими евреями. Оренбург производит впечатление гигантского караван-сарая, где этнограф имеет возможность проводить самые важные исследования. В глазах путешественника Оренбург имеет лишь один недостаток, свойственный всем приграничным городам: когда отправляешься в Азию, торопишься его покинуть, чтобы поскорее попасть в Аральские степи, а когда возвращаешься из Азии, спешишь попрощаться с этим человеческим пакгаузом, чтобы вернуться в старую добрую Европу.

Не буду ничего рассказывать о пути из Оренбурга в Орск, поскольку он не представляет особого интереса. Вдоль дороги

одно за другим встречаются казачьи селенья, очень похожие и ничем не примечательные. В те времена, когда киргизы вызывали опасения, эта линия вдоль реки Урал была стратегически важна, но с тех пор, как кочевники стали верноподданными, она утратила свое значение. Жены казаков в этой местности занимаются весьма доходным делом — они изготавливают очень красивые ткани из козьей шерсти, пользующиеся большим спросом в Европе и известные под названием «оренбургские шали». Мне посчастливилось увидеть одну такую шаль очень тонкой работы, предназначенную для великой княжны наследницы. Такая вещь, без всякого сомнения, заняла бы почетное место в музее искусства и индустрии на Западе.

После Орска русские селения исчезают, и на протяжении почти 1 700 километров до Ташкента встречаются лишь почтовые станции, представляющие собой, за редкими исключениями, одиноко стоящие в степи здания. Мы въезжаем в обширную Аральско-Каспийскую низменность, вплоть до горизонта не видно ничего, кроме белой пелены снега. Киргизские поселения, состоящие из юрт (войлочных палаток), находятся достаточно далеко от почтовой дороги и, занесенные снегом, почти неразличимы. С правой стороны вдалеке видны невысокие горы Мугаджар. Когда мы прибываем в форт Иргиз, они исчезают за горизонтом. Пески и топи вдоль реки Иргиз занесены снегом. Мы замечаем несколько деревьев (первые с тех пор, как мы покинули Орск) и достаточно крупных волков беловатой окраски. Карабутак и Иргиз — два единственных русских форта, через которые мы проезжаем, находятся в удручающей местности, и следует воздать должное смелости и жертвенности европейца, который решился жить в этом жутком одиночестве.

После станции Терекли мы въезжаем в административный Туркестан. Пески Каракумов, к счастью, лежат под снегом. 19 февраля, увидев на горизонте конусообразную вершину горы Терменбес, мы прибываем в Акджулпас на берегу Аральского моря, где рассчитываем задержаться на 36 часов, чтобы посетить киргизские аулы (деревни) и произвести антропологические измерения и этнологические исследования. Снега почти нет, и лошади с трудом тянут наши сани. Местность меняется на глазах. Кажется, что мы движемся по бывшему дну моря. Дорога петляет между песчаными холмами, покрытыми странной растительностью. Перед тем, как прибыть сюда, мы пережили три снежных бури, по-русски «бураны», которые могут полностью занести путников, а также тягловый и выучный скот. Мы продолжаем двигаться вперед. Справа — пустыня Барсуки, слева — Каракумы (44). Повсюду сквозь снег проглядывает желто-

ватый песок. По мере нашего приближения к Аралу местность все больше приобретает черты бывшего морского дна, потрепавшаяся земля, песчаные бугорки, очень мелкие ракушки, высохшие морские растения — все это создает впечатление, что здесь хорошо потрудились морские волны, а море сравнительно недавно покинуло эти места. По прибытии в Акджулпас я совершаю прогулку по берегу замерзшего Арала, вдоль пролива под названием Сыра-Чеганак, собираю ракушки и вдруг замечаю на противоположной стороне пролива горы, покрытые снегом. За всю дорогу от Терекли до Акджулпаса я не видел никаких возвышенностей, кроме горы Терменбес, которая стоит в пустыне, как пирамида. В Акджулпасе я прицельно занимаюсь киргизами-казахами, уже провел ряд антропологических измерений и начал собирать маленькую этнографическую коллекцию. Киргизы весьма удовлетворены русским правлением, и все высказывания противоположного толка, что встречаются в немецких книгах, из области чистых фантазий. Они очень усердно и продуктивно занимаются коммерцией. Их очень высоко ценят за честность и исполнительность крупные русские торговцы из Оренбурга.

Мы отправляемся в аул, расположенный в нескольких километрах от почтовой дороги. Киргизы верхом на лошадях сопровождают нас туда и обратно, и их любезное и приветливое поведение достойно всяческих похвал.

Селение состоит из пяти или шести убогих юрт. Лошади и верблюды находятся на привязи неподалеку от каждой юрты. Юрты расположены на расстоянии десяти — пятнадцати шагов одна от другой. Интерьер крайне бедный: войлочные ковры на полу, в центре костер из саксаула, вдоль стен — покрывала, деревянная и медная утварь, старые седла, конская сбруя. Верблюжонок, две козы и баран живут в юрте вместе с хозяевами. Гостеприимство, с которым нам предложили зеленого чаю без сахара и баранину с рисом, было свидетельством открытости и сердечности. По возвращении на почтовую станцию мне довелось купить у одной женщины украшение из чеканного серебра в форме большой миндалины, которое она носила на шее. Считается, что такое украшение служит амулетом. Женщина получила его в подарок от своего мужа в день свадьбы и не хотела с ним расставаться, но муж, соблазненный предложенной ценой, заставил ее согласиться. На следующий день мы покинули Акджулпас и продолжили путь по земле, над которой потрудилась вода, до Казалинска. Снег почти полностью исчез, и мы были вынуждены сменить сани на тарантас. Нам не довелось увидеть пески Каракумов из-за снежной пелены,

покрывавшей землю, но и на пути к Казалинску нам повезло не больше. Этот город, если только такое название применимо к нескольким мазанкам, между которых торчали палки с несколькими жалкими листочками, имеет стратегическое значение. Форт контролирует одновременно подступы к Аральскому морю, нижнюю долину Сыра и дороги на Хиву и Оренбург. С тех пор, как русские возвели напротив Хивы форт Петроалександровск, и тюркоманы прекратили набеги на Кызылкум, Казалинск в значительной мере утратил свои стратегические позиции. И даже когда в недалеком будущем будет построена железная дорога Оренбург — Ташкент, она не пройдет через Казалинск, по проекту она обогнет его и пойдет почти напрямую к Перовску. Население Казалинска состоит из киргизов, нескольких сартских торговцев и русского гарнизона. Базар большой, но грязный. Последнее относится и к единственной в городе гостинице, которая значительно хуже «Берлинского отеля» в Орске. Значение Казалинска могло бы возрасти, если бы удалось сделать русло Сырдарьи по-настоящему судоходным, поскольку в настоящее время навигация на реке существует, мы сами видели пароходы около города, но суда движутся недопустимо медленно из-за многочисленных песчаных отмелей.

На следующий день глава округа майор Абграль, встретивший нас с редким гостеприимством, предпринял меры для того, чтобы я мог посетить развалины древнего Джанкента на левом берегу Сырдарьи. Ниже я привожу отчет об этой поездке, который имел честь направить господину министру образования.

Руины города Джанкента, названного господином Хельвальдом в своей книге «Жаникентом» (*Centralasien, Landschaften und Voelker, etc., Leipzig, 1875*), расположены в 40 километрах от Казалинска в низовьях Сырдарьи на ее левом берегу. На карте Турана, или Туркестана, опубликованной Киппертом в 1876 году в издательстве Раймера в Берлине, Джанкент не обозначен. Вместе этого значится: «*Ruinen von Djankala*». Это явная ошибка. Руины Джанкалы существуют, но они находятся на правом берегу реки и совершенно ничего из себя не представляют. Покидая Казалинск, следуешь дорогой, которая идет вдоль Сырдарьи, и видишь киргизские селения и кладбища, расположенные вдоль реки. В трех километрах от крепости находится достаточно большое кладбище с красивыми и довольно ухоженными могилами. На 35-м километре дороги необходимо переправляться через Сырдарью: летом — на пароме, зимой — по льду. Местность становится неровной, а степь покрыта разнообразностью тамариска — дженгелем, порой поднимающимся до высоты кустарни-

ка. Торной дороги больше нет, приходится продирааться через колючий кустарник, чтобы попасть к древним руинам. Прежде всего видна старинная крепость, окруженная земляным валом. Вал находится в неплохом состоянии, он очень похож на те, что окружают Яныкурган, Сауран и Кошмизгиль. Он ничем не отличается от тех сооружений, что встречаются еще в наше время в Центральной Азии. Все говорит о том, что эта крепость была построена позднее, чем сам город.

В нескольких сотнях метров от крепости находятся развалины древнего города Джанкента. Взгляду предстают несколько холмов, покрытых обломками, кирпичами, часто хорошо сохранившимися. На четырех из пяти холмов имеются обломки кирпичей, покрытых эмалью, и древних гончарных изделий. На одном из холмов, к северо-востоку от крепости, находятся развалины, которые сохранились лучше остальных. По словам киргизов, здесь было жилище хана. Г-н Павел Лерх, в настоящее время секретарь Императорской Археологической комиссии в Санкт-Петербурге, занимался в свое время раскопками в Джанкенте. В 1867 году его примеру последовал г-н Верещагин. Они обнаружили кости людей и животных, фрагменты кирпичей, покрытых глазурью, красивые гончарные изделия и даже монеты. Генерал Кауфман, главный губернатор Туркестана, в наши дни никому не позволяет производить здесь раскопки. Он хочет, чтобы сначала положение дел в Туркестане упрочилось, а затем можно будет подумать о снаряжении действительно научной экспедиции для осуществления раскопок. Во время моего пребывания в Казалинске я посетил развалины Джанкента и смог собрать в тех местах, где находилась ставка хана, фрагменты глазурованных кирпичей впечатляющей работы, осколки гончарных изделий и даже пять монет, лежавших прямо на поверхности земли.

Должно быть, город Джанкент был очень большим, и те предметы, которые удастся найти на месте, где стоял дворец хана, свидетельствуют о наличии древней цивилизации в этом городе. На глазурованных кирпичях сохранился сложный витой орнамент, обжиг был сделан очень тщательно, глазурь выполнена необыкновенно тонко, а цвета сохранили свой первоначальный блеск. С точки зрения одной лишь керамики, эти развалины заслуживают самого пристального изучения. Искусство изготовления глазурованных кирпичей в Джанкенте было значительно выше, чем в Сауране, Кош-Мизгиле и даже в Туркестане. Красивые кирпичи, которые мне удалось достать в Туркестане в знаменитой мечети Хазрета, уступают по качеству глазури и цвету кирпичам из Джанкента. По нескольким

фрагментам, которые я смог добыть в мечетях Самарканда, могу предположить, что Джанкент строился в ту же эпоху, что и эти мечети. Образцы, которые я привез, дадут возможность более компетентным, чем я, лицам изучить этот интересный вопрос. В любом случае, осуществление обширных раскопок в Джанкенте представляет огромный интерес для науки, причем история и география выиграли бы от этого в той же степени, что археология и антропология (45).

Я имел возможность воочию убедиться, что окрестности в устье Сыра являлись в прежние времена таким же оазисом, как и Хива, возможно, меньшим по площади, но более плодородным. Везде я наблюдал следы разветвленной ирригационной системы, и мое предварительное мнение в отношении дельты Сыра, во всем похожей на дельту Аму, полностью подтвердилось. Вполне возможно, что плодородие этих земель восходит к эпохе арабского господства. Результаты раскопок, осуществленных несколько лет назад моим ученым другом г-ном Лерхом из Петербурга, подтверждают это последнее предположение. Скажу больше. Можно предположить, не впадая в излишний оптимизм, что земли между Сыром и Аму вдоль побережья Арала по течению Яныдарьи являлись в прошлом каскадом оазисов, тщательно орошаемых и возделываемых. Волостной управляющий, киргиз, пригласил нас к себе в гости, и мы поспешили принять приглашение. Нас ждал такой же горячий прием, как и в ауле под Акджулпасом, с той лишь разницей, что на этот раз мы имели дело с киргизом, который был настолько же богат, насколько первый был беден. Юрта из цветного войлока была полна бухарских ковров, подушки по углам были из бархата и шелка, сундуки инкрустированы серебром, сбруя и седла, богато отделанные серебром и бирюзой, украшали стены. Мы увидели также кувшины из чеканной меди хорошей работы. Несколько часов спустя мы вернулись в Казалинск. Через два дня мы вновь тронулись в путь. Мы ехали вдоль Сырдарьи, по берегам которой наблюдалась кустарниковая растительность; на островах она даже выглядит красиво. Мы сделали остановку на замерзшей реке, проехали вблизи форта Кармакчи (форт № 2) (46) и прибыли без приключений в Перовск (бывший Ак-Меджед) после того, как обогнули топь под названием Бакали-Капа, где, как утверждают, водятся тигры. Мы их не видели, зато нам встречались в большом количестве маленькие сероватые зайцы, дикие козы и фазаны. По бокам дороги наблюдались заросли саксаула и громадные камыши. Саксаул порой достигает высоты небольшого дерева.

Перовск — захудалый городишко, населенный киргизами и несколькими сартскими торговцами.

После Перовска местность полностью меняется. До Джулека мы едем по фазаньим местам. Эти районы изобилуют дичью: фазаны, очень похожие на наших высокочтимых фазанов, сероватые зайцы, дикие козы и водоплавающие (среди них мы заметили диких оранжевых гусей). Растительность тоже становится богаче и разнообразнее. Саксаул и дженгель (тамариск) становятся крупнее, чем раньше. Начался разлив Сырдарьи, и вскоре мы были вынуждены остановиться из-за паводков. Пришлось пересесть на верблюдов, чтобы иметь возможность продолжать путь. Дороги в плачевном состоянии, а мосты вообще отсутствуют. Их называют почтовыми дорогами просто потому, что по ним проходит почта. Это единственная причина, которой объясняется столь напыщенное название.

Мы воспользовались свободным временем в пути, чтобы посетить развалины Яны-Кургана, Саурана и Кош-Мизгиля. Мы приводим здесь отчет об этом, направленный нами г-ну министру образования.

Между Джалпак-Тали и Тюмен-Арыком в 25-ти километрах от Яны-Кургана находится бывшая крепость Сена-Курган; построена она сравнительно недавно. Земляной вал вокруг нее, во всяком случае, весьма похож на тот, что окружает Джанкент. Видны грубо прорубленные бойницы, а перед центральным входом более высокая насыпь для лучшей защиты входящих и выходящих. Конструкция крепостной стены одинакова для всех бывших и современных фортификационных сооружений Туркестана, варьируются лишь толщина и протяженность.

Яна-Курган расположен в старом русле Сырдарьи, которая с недавних пор проложила себе другой путь. Крепость контролирует русло реки и не представляет никакого интереса.

В Сауране крепостная стена более длинная, толстая и высокая, чем в предыдущих двух крепостях. Земля усеяна глазурованными кирпичами, осколками гончарных изделий, стеклом и т.д. Видно, что проезжавшие здесь путешественники производили многочисленные раскопки, земля повсюду раскопана. Я нашел на поверхности земли несколько монет. Такие монеты находят в Туркестане в большом количестве повсюду, где берутся за раскопки. Глазурованные кирпичи в Сауране показались мне похожими на те, что находят в Туркестане. Они менее красивы, чем кирпичи из Джанкента. Находят там также многочисленные фрагменты глазурованных ваз, которые не представляют интереса.

Возле Кошмизгиля, вероятно, существовало несколько

древних городов, так как земля там буквально устлана обломками в радиусе многих километров.

Попадающиеся образцы часто изготовлены из разнящихся между собой растворов, похоже, что эти города не были возведены в одно и то же время. Говорили, что более интересные фрагменты можно найти в 16-ти километрах от почтовой станции по направлению к горам Каратау (47)

В окрестностях Саурана, в 11 часов вечера, в 20-ти километрах от станции, мы имели несчастье свалиться в реку Атшалган; в марте такая холодная ванна весьма неприятна. Наконец, мы заметили на горизонте, примерно на расстоянии сорока километров, гигантские очертания мечети Хазрета, что возвещало приближение города Туркестана, первого настоящего города после нашего отъезда из Орска. 6 марта мы въехали в него и должны были оставаться там в течение восьми дней, так как дороги стали недоступны из-за разлива Сырдарьи. Я очень обрадовался такому вынужденному пребыванию в этом интересном городе. Я смог заняться изучением сартского народа и неоднократно побывать в мечети Хазрета. К моей радости, мне удалось взять образцы глазурованных кирпичей и даже мозаичных изразцов, которые я привез для парижских музеев (48). Мне также довелось заполучить сартский череп любопытного происхождения.

Следующие строки посвящены моим впечатлениям от мечети Хазрета, они были адресованы господину министру образования, и мне кажется уместным привести их здесь.

Я посетил одно из чудес Центральной Азии в сопровождении знатного местного сарта по имени Мусса-Али. Вся дорога, ведущая к мечети, усыпана фрагментами глазурованных кирпичей, часто лазурного цвета. Я пришел в восхищение при виде мечети. Со того времени, как я покинул Москву, я не видел ни одного строения, которое можно было бы отнести к какому бы то ни было стилю архитектуры, и вдруг передо мной оказался ни с чем не сравнимый памятник. Огромный свод возвышается над нами, завершаясь по бокам двумя мощными башнями. Два великолепных купола, пропускающих дневной свет — чудо архитектуры, являются продолжением свода и дополняют гармоничные линии этого прекрасного здания. Стены выложены глазурованным кирпичом отменного блеска; сочетание ярких красок безупречно, а рисунки и орнамент расположены с большим искусством и вкусом.

Несмотря на то, что значительная часть этой блестящей отделки не сохранилась, того, что еще осталось, достаточно, чтобы свидетельствовать о прошлом великолепии. Мы входим че-

рез дверь небольшого, в сравнении со зданием, размера. Муллы всех возрастов и сартские дети выстроились по обеим сторонам от входа. Дверь из резного светлого дерева новая и не представляет собой ничего необычного. Интерьер состоит из большого квадратного зала, увенчанного уходящим ввысь куполом, с узкими проходами, ведущими, по всей видимости, в низкие и темные помещения. Архитектура купола потрясает чистотой линий. Посредине этого зала возвышается бронзовый котел, в котором готовили пищу для паломников, а в наше время киргизы, у которых нет детей, приносят здесь в жертву баранов. Поблизости от котла напротив входа находятся два больших массивных подсвечника. Резьба по металлу выполнена с большим мастерством, кое-где еще заметны следы глазури. В глубине зала видна старинная дверь из резного дерева, резьба — настоящий шедевр, так же, как и задвижка из резного металла, покрытого глазурью. Эта дверь ведет в своеобразный неф, где покоится прах святого Хазрета, или Джессави, над могилой которого, по велению Тамерлана, Ходжа-Хуссейн, уроженец персидского города Ши-раза, в 1404 году возвел эту громадную мечеть. Плиты нефа из камня, стены выложены глазурованным кирпичом в виде мозаики. Эти изразцы гораздо красивее, чем те, что украшают стены снаружи и внутри здания, кажется, что они принадлежат к разным эпохам. Там имеются изразцы великолепного зеленого цвета с золотым орнаментом. Мозаика очень похожа на ту, что встречается в мечетях Самарканда. Могила Хазрета проступает в полумраке. Мраморное надгробье завершается керамической облицовкой, покрытой коврами. Мой гид утверждает, что раньше там лежали очень богатые ковры, но затем их продали. Сейчас там лежат самые обычные ковры. Мы входим в большой зал. Первая дверь направо, напротив входа вблизи могилы Хазрета, ведет в несколько маленьких комнат, где находятся захоронения с каменными надгробьями, выполненными с определенным вкусом и покрытыми надписями. Самое примечательное стоит над могилой киргизского султана. Рядом находятся маленькие керамические надгробья, очень простые, а дальше расположены маленькие песчаные холмики с воткнутыми в них перьями, что навело меня на мысль, что здесь играли сартские дети. На самом деле, оказалось, что это знаки приобретения в собственность мест, устанавливаемые киргизами, которые хотят быть там похороненными. В самой глубине, в маленькой темной комнате, мой гид зажег свечу, и я увидел два тела, распростертые на земле, точнее, два скелета с остатками неплохо сохранившейся одежды. Это два посланца одного из последних ханов Коканда, которые были захвачены жителями Туркестана и казнены путем отсече-

ния головы. Один череп уже исчез, и я рассчитывал завладеть тем, который оставался. Мы вернулись в большой зал, и мой гид показал мне другие комнаты, расположенные справа от входа. Это большей частью бывшие захоронения и медресе, в которых ученики Хазрета преподавали учение Магомета юношам XV-го века. В одной из комнат, более просторной, чем остальные, находится колодец, из которого я напился воды, она превосходна на вкус. Я вернулся в большой зал и прошел через дверь с левой стороны, как раз напротив той, что ведет к могиле киргизского султана, в зал, который сегодня служит мечетью. Проходя, я заметил низкую дверь из резного дерева, украшенную рогами аргали (*ovis ammon*). Плиты в этом зале покрыты войлочным ковром. В глубине видна ветхая лестница, ведущая к своеобразной кафедре, с которой мулла читает молитвы. Стены выложены великолепным изразцами, сохранившимися лучше всех остальных. Я отметил маленькие резные колонны, возвышающиеся в основном по углам, такого насыщенного голубого цвета, что кажется, будто перед вами лазурит. Я вернулся обратно и поднялся по шаткой лестнице на следующий этаж, на котором находятся многочисленные комнаты, аналогичные по расположению комнатам первого этажа, но заваленные обломками. Окна во всех этих комнатах маленькие и узкие, выходящие на мечеть. Затем я поднялся еще и оказался на своеобразной террасе у основания большого купола. Я потревожил покой сотен красивых и жирных голубей, которые обретаются здесь на протяжении многих столетий и являют собой приятный контраст множеству ворон, населяющих все города Туркестана. Есть еще аисты, прилетевшие с приходом весны. Поднимаемся еще выше к одной из башен, откуда открывается великолепный вид. У моих ног лежит старый сартский город с грязными и извилистыми улочками, бесцветными домами, наполовину утопающими в распускающейся листве, развалины бывшего ханского дворца, толстые крепостные стены, маленькая русская церковь, построенная из обломков мечети, русский город, растущий на глазах; наконец, вдалеке достаточно ухоженная деревня, большое сартское село Икан и другие селения и киргизские деревушки, а на горизонте снежные вершины гор Каратау, позолоченные весенним солнцем. Великолепная картина, которую я не скоро забуду. Спускаюсь и осматриваю другие большие помещения налево от входа. Это бывшая кухня, где готовили еду для паломников. Я с большим сожалением покидаю здание и, помимо воли, размышляю о минувших временах, об этой цивилизации — однодневке, сумевшей явить миру такой шедевр, который деградировавшие потомки оставили постепенно разваливаться, часть за частью,

не сделав ни малейшего усилия, чтобы остановить разрушительное действие времени. Сегодня нужны миллионы, чтобы реставрировать памятник, и недалек тот час, когда он полностью рассыплется в прах.

В непосредственной близости от большой мечети находится маленькая мечеть, возведенная в честь одной из дочерей Тамерлана. Это симпатичное сооружение, выложенное изразцами. Своеобразный крытый проход, украшенный колоннами, ведет ко входу, но он настолько разрушен, что войти не представляется возможным.

Истратив относительно небольшие суммы, я смог приобрести красивые образцы цветных кирпичей, которыми выложены стены здания снаружи и внутри. Я смог также купить череп, о котором говорил выше. За деньги у сарта можно купить все, что угодно. «Предложите им двадцать пять рублей, — сказал мне префект Туркестана, — и они принесут вам всю мечеть» (49).

Что касается сартов, типажи и нравы которых я имел возможность наблюдать на улицах и на базаре Туркестана, то я пришел к убеждению, что они не являются одним народом в этническом смысле этого слова. Сарт означает «житель города», «горожанин», «оседлый». Когда, например, киргиз поселяется в Туркестане и начинает заниматься коммерцией или сельским хозяйством, его сын становится «сартом». Туркестанские сарты довольно красивые люди. Мне кажется, что это результат смешения таджиков, узбеков и киргизов-кайсаков (Kirghises-Kapzaks), смешения, которое произошло в достаточно далекую эпоху, потому что когда с ними начинаешь говорить об этом предположении, они возмущенно протестуют. Во время нашего пребывания в Туркестане нас постоянно сопровождал богатый сарт по имени Мусса-Али (Аминов) (50), уроженец этого города, который был нам очень полезен. Мы ужинали у него дома, а госпожа де Ужфальви посетила его гарем и смогла встретиться с тремя его женами.

Сарты очень умны, и ум у них в высшей степени коммерческий. Они гибки, угодливы, лживы и норовят обмануть. Это выродившееся население, исполненное безграничного фанатизма, в котором подспудно зреет вражда к русским. В данный момент они весьма довольны приносящей доход коммерцией, которой они могут заниматься благодаря дорогам, построенным русским правительством, и благодаря безопасности, которая обеспечивается их караванам. Они знакомы с обычаями Запада и отправляют немало вещей, и даже деньги, пользуясь услугами русской почты.

Начиная от Джалпак-Тали, в 50-ти километрах от Яны-Кур-

гана, на горизонте впервые появляются снежные вершины гор Каратау, западного отрога Тянь-Шаня. Характер местности не меняется до Бурджара, последней станции перед Чимкентом. Внезапно местность становится холмистой, степь представляет собой зеленый ковер, покрытый тюльпанами, белыми, голубыми и желтыми анемонами; все чаще встречаются сады; растительность в целом становится более сочной и красивой. Между Чимкентом и Ташкентом множество сартских деревень. Я не остановился в Чимкенте, поскольку этот город не представляет для путешественников никакого интереса. Все места проживания сартов похожи одно на другое: жалкие глинобитные мазанки цвета грязи, без окон на улицу, узкие, извилистые и невероятно грязные улочки, оживленные базары, ни души на отдаленных улицах; то здесь, то там встречается здание мечети или медресе, за редким исключением едва ли более высокое, чем все остальные домишки, выстроенное в ничем не примечательном стиле. Я забыл сказать, что вдоль дороги от Казалинска до Чимкента встречаются киргизские кладбища или одинокие могилы с надгробными памятниками. Чаще всего это обычные погребальные холмы, однако иногда обнаруживаются черты мавританской архитектуры южной Испании. Мы прибыли в Ташкент 16 марта 1877 года и провели там почти шесть недель, разбирая и классифицируя свои записи и коллекции, и работая в городской библиотеке.

Его Превосходительство генерал Кауфман, главный губернатор Туркестана, оказал нам самый радушный прием.

Во время моего пребывания в Ташкенте у меня выдалась возможность заняться изучением центральноазиатских лошадей, и я безотлагательно представляю здесь результаты моих наблюдений, которые были отправлены г-ну министру образования.

Г-н Пьетреман, член Центрального общества ветеринарной медицины и Антропологического общества Парижа, автор труда, озаглавленного *Nouveaux documents sur l'histoire du cheval* (Новые документы по истории лошади) снабдил меня перед моим отъездом из Парижа некоторыми ориентирами относительно лошадей Центральной Азии и Сибири. Эти ориентиры состоят из трех частей: 1. Провести исследования в Азии относительно формы головы лошади в профиль. 2. Провести исследования в Азии относительно полос и окраса лошадей. 3. Провести исследования относительно наличия и количества ослов и мулов в северных провинциях Азии.

Я суммарно отвечу на эти три вопроса.

Г-н Пьетреман полагает, что лошади, называемые восточными и распространенные сегодня на более чем девятидеся-

тых площади Европы, Азии и Африки, являются единственной породой, существующей в Азии.

Я встретил в Перовске и Ташкенте диких лошадей, которых называют «куланами», слово, которое, как мне кажется, близко к китайскому «ку», «киянг» — дикая лошадь, термин, встречающийся в *Annales des Nap.* Эти животные ниже среднего роста, с неярко выраженной холкой, коротким туловищем, очень длинными и тонкими ногами, короткой шеей и большой головой; у них имеется продольная и поперечная полосы на задних ногах. Хвост короткий, сильный, как у осла, при этом с длинной и густой шерстью. До настоящего момента их не удалось одомашнить.

1. В Центральной Азии различают три породы лошадей: тюркоманская, киргизская и карабаирская.

Тюркоманская лошадь до сих пор была очень плохо описана; это лошадь не *туранской породы*, как думает г-н Пьетроман, а арийской. Она очень близка к арабской лошади, и те образцы, которые мне довелось увидеть, были великолепны.

Киргизская лошадь, бесспорно, принадлежит к туранской породе, все ее характеристики налицо: слегка выпуклый профиль, то есть слегка выпуклый лоб, продолжением которого является слегка выгнутая морда.

Карабаирская лошадь, которая распространена в Ташкенте, Бухаре и Фергане, кажется мне результатом скрещивания тюркоманской и киргизской лошадей. У нее стать тюркоманской лошади с явными чертами киргизской. Это самая распространенная порода в здешних местах. У нее длинные ноги, а морда почти всегда имеет выпуклые очертания. Она быстра, но ей не хватает выносливости.

Киргизская лошадь стоит от 10 до 20 рублей, а тюркоманская — от 200 и выше. Дневная норма корма для лошадей (рожь и люцерна) стоит примерно 15 копеек (5 сантимов).

Калмыцкие и ногайские лошади в Ставропольской губернии также принадлежат к туранской породе. Об этом мне в Оренбурге говорил большой знаток лошадей полковник Леонтьев.

2. Я уже говорил о полосах на шкуре кулана, дикой лошади в степях Центральной Азии. Существуют также чубарые лошади. Пятнистые, с круглыми пятнами размером с пятифранковую серебряную монету. Я думаю, это разновидность пегих лошадей, которые не имеют ничего общего с чубарыми лошадьми из китайских анналов (См. Adolphe Schleiben, *Die Pferde des Alterthums*). Впрочем, продольные, лопаточные и поперечные полосы присущи всем лошадям Центральной Азии.

3. Геродот, Аристотель и Страбон утверждали, что осел не может ни жить, ни размножаться в холодном климате, и, сле-

довательно, ни ослы, ни мулы не водятся в северных районах планеты, которые были им известны.

Ослы живут и размножаются в Швеции, в Тибете и в северных провинциях Китая (См. Пьетремана).

Я мог убедиться, что ослы живут и размножаются в Оренбурге и Семипалатинске при температуре - 26°. В Омске осел считается очень дорогим животным. Он может там жить при условии очень заботливого содержания (См. Доклад и т.д., от 21 марта 1877 года, Ташкент).

Здесь я должен привести описание дороги между Ташкентом и Ферганой, которая относится к Сырдарьинской губернии, и которое я умышленно опустил в первом томе описания моего путешествия.

Мы выехали из Ташкента 2 июля. Дорога от Ташкента до Ходжента проходит сначала по хорошо возделанным, но часто перемежающимся с нетронутой степью землям. Но от Пскента, большого поселка в живописном месте, до берегов Сырдарьи местность становится песчаной, покрытой большими камнями и полностью лишенной растительности. Нет ничего, что могло бы порадовать глаз путешественника: ни растений, ни животных. Впрочем, встречаются ящерицы, часто достаточно крупные, а также тарантулы и фаланги в большом количестве. На последней станции перед Ходжентом возвышается холм с простым крестом. Здесь покоятся староста (начальник почтовой станции) и несколько ямщиков, которых кокандцы зарезали в 1875 году. Следует отметить, что стены многих почтовых станций выглядят обгоревшими — явные свидетельства последних столкновений. В настоящее время строят укрепленные станции, подобные той, что находится между Ташкентом и Самаркандом. О ней я расскажу позже.

Город Ходжент находится в очень живописной местности на левом берегу Сырдарьи, где русские возвели большой деревянный мост, который, не будучи изящным, создает ощущение прочности. Городской базар весьма оживленный, а улицы, как и везде, извилистые и очень грязные. Климат в Ходженте очень жаркий, ведь он со всех сторон окружен горами, а склоны Моголтау с северной стороны города всегда отражают палящие лучи солнца и пропускают лишь обжигающе горячие ветры, которые гуляют по Сырдарьинской долине и несут с собой мелкий песок Кызылкумов. В Моголтау имеется источник, укрывшийся в тени более чем столетнего дерева, и маленькая мечеть — приют паломников. Из Ходжента, где я останавливался дважды, в целом на три дня, дорога ведет по хорошо возделанным землям через большое село Исписар

в маленький городок Кастакос. Кастакос — последняя точка, относящаяся к Сырдарьинской губернии на ее восточной границе. Еще несколько верст — и мы прибываем в Фергану.

Примечания:

(1) Силис — у греков (Kiepert, ...?Geographic)

(2) Подробнее о течении Сыра в Фергане см. Ujfalvy «Expedition scientifique française, Le Kalikhan, le Ferghanah et Kouldja». Vol. I Paris, 1878.

(3) Это река, которая питается водами рек, берущих начало на тюркских и исламских землях, а ее основное течение представляет собой воды реки, берущей начало на турецких землях, на границе с Уткентом, и вбирающей воды Хусаба (сегодня — Куршаба), Оша (Акбуры) и других, затем набирающей силу и доходящей до Ахсикета (старинное городище к югу от Туре-Кургана на правом берегу Сыра, в Фергане), далее — до Ходжанда и Бинката (Бисканда), затем направляющейся к Фарабу, а после Саурана протекающей по тюркским землям, где на обоих ее берегах проживают киргизы и кайсаки, и, наконец, впадающей в Хорезмское море. (Yakout. T. II, p.404 et 405, edition Wustefeld.) См. перевод, любезно сделанный М.Н. Derembourg в приложении в конце данного тома под названием «Les Noms géographiques dans Baber».

(4) На картах Птолемея Арал назывался озером «Оксиан», но еще более древнее название, которое мы встречаем у Зенд-Авесты, «Воурукаша», «большой бассейн» («воуру», — на санскрите, — «озеро», оно служило местом впадения святой реки Вакшу — Оксус). Еще и в наше время один из притоков этой реки носит название Вахшаб, а Ханат в истоке — Вахан (Kiepert, ...?Geographic)

(5) Kiepert, там же.

(6) Аральское море находится во впадине, которая расположена выше уровня Каспийского моря. По недоказанной гипотезе, Аральское море сообщалось раньше с Каспийским, которое, в свою очередь, сообщалось с Черным. По этой же гипотезе, испарение, вызванное солнечными лучами и сухими ветрами с северо-востока, обусловило, после прекращения сообщения, снижение уровня воды в обоих внутренних морях. В наши дни, впрочем, вода, заполняющая Арал, физически не может оставаться такой же, какой она была в период сообщения с Каспийским морем. Испарение продолжается, газообразные субстанции уносятся западными ветрами, но уровень воды

при этом испарении пополняется за счет впадения в озеро двух больших рек. Таким образом, поддерживается равновесие и уровень воды остается постоянным. Предположим теперь, что бассейн Арала пуст и направим в него воды Оксуса и Яксарта. Уровень воды в бассейне поднимется, и лишь тогда, когда она достигнет линии земли, отделяющей ее от соседних впадин, она их заполнит. Следовательно, уровень воды в озере повышается до тех пор, пока оно не достигнет своей максимальной площади, то есть до тех пор, пока испарение и количество воды, сбрасываемое притоками, не возместятся.

Когда же бассейн, наоборот, находится в состоянии убывания воды, происходят явления иной природы. Ясно, что если бы бассейн озера представлял собой сферическую впадину, то вода убывала бы постепенно, и мы видели бы перед собой одно и то же озеро. Но, в действительности, дно озера никогда не бывает правильной формы, оно само представляет череду впадин и выпуклостей. Когда вода уходит, мы видим, как на возвышенных местах появляются островки, а на низменных — маленькие озера. Так, маленькие озера в пустыне Каракум и, возможно, в пустыне Барсуки могут рассматриваться как остатки воды той эпохи, когда Арал был значительно более протяженным, и являются явным доказательством его медленного обмеления.

Когда мы ищем причины убывания воды, мы можем отнести его за счет расположения Арала на пути северо-восточного суховея, который иссушает все. Можно попытаться заключить, что уменьшение Арала находится в прямой зависимости от увеличения Северной Сибири. Очевидно, что озеро Байкал было в древности частью океана, доказательством чему служит обитание в нем разновидностей тюленя, а также наличие массы плавающего леса в прибрежной полосе океана. Во времена, когда эти северные места представляли собой поверхность моря, северо-восточный ветер, насыщенный влагой, мог достигать Аральского моря, и его протяженность была неизмеримо большей, чем теперь. Это предположение может показаться бездоказательным, оно отправляет нас в глубокую древность, речь идет не о тысячах лет, а о сотнях тысяч. Можно было бы предположить, что мелкие озера в пустыне высохли с давних времен, поскольку ни дождь, ни снег не могли сбалансировать процесс. Будем, однако, скромнее в своих предположениях и поищем в историческом прошлом, а может быть, и в настоящем, причины уменьшения Арала. Бросим взгляд на карту. Мы видим на побережье Арала в местах впадения в него Оксуса большое количество ответвлений, указанных составителем. Нам известно из древних и современных описаний, что

эти ответвления представляют собой ирригационную систему, созданную хивинцами, которые сумели за счет этого повысить плодородие своих земель. Система этих каналов, естественно, значительно увеличила площадь испарения, и река достигала озера в иссякшем состоянии (7). Этим же можно объяснить существование никуда не впадающих рек, которые мы встречаем в крайне засушливых районах. Так, река, протекающая вблизи Балха, и та, что орошает оазис моря, испаряются до впадения в Оксус. Мы сталкиваемся с тем же феноменом в Фергане, где Сох, Шахимардан, Искиджан и Исфаиран пересыхают за много километров до впадения в Сырдарью, в то время как Усун-Ахмед, находящийся в менее засушливом районе и не используемый для ирригации, пополняет полноводность реки, в которую впадает. Таким образом, несложно понять, что если количество испарившейся воды превышает количество воды, поставляемой в озеро впадающими реками, оно неминуемо уменьшается. Этот факт, который я позаимствовал в гениальном труде Пешеля, доказывает, что географическая карта дает нам живую картину, по которой мы можем восстановить прошлое той или иной местности.

(7) В прошлом Сырдарья находилась в схожей ситуации. Во время нашего путешествия в Центральную Азию мы побывали на берегах Сыра в окрестностях Казалинска и обнаружили в 35 километрах от него на левом берегу Сыра в развалинах древнего большого города Джаканда многочисленные следы больших и малых ирригационных каналов. Яныдарья, приток Сыра, впадавший раньше в Аральское море, проходит ближе к югу и сегодня практически пересох, и есть все основания полагать, что во времена арабов там существовала разветвленная сеть каналов.

(8) Подлинными оазисами культуры находятся в основном вдоль Сырдарьи, в Казалинске, Кармакчи, Перовске, затем в Туркестане, Икане, Шымкенте, Ташкенте, Пекенде, Ходженте, от Ташкента до Чиназа и к югу от Ходжента, от Нау, Уратюбе, Саамина до Джизака. Нет необходимости говорить о том, что все эти города часто окружены достаточно обширными возделанными землями.

Во времена арабского господства эти оазисы были гораздо более многочисленными, доказательствами тому служат большое пространство возле устья Сыра при впадении его в Арал, где и сегодня рядом с внушительными руинами можно обнаружить следы ирригационных каналов, а также остатки древних городов в среднем течении Сыра или в долинах на правом берегу этой реки.

(9) Особенно в камышах возле устья Сыра, между Перов-

ском и Кармакчи, и вдоль среднего течения Чу. Впрочем это животное стало достаточно редким.

(10) С большим мешком жира на заду.

(11) См. нашу справку о семействе лошадиных в Азии.

(12) Ходжент населен таджиками и сартами и насчитывает от 40 000 до 50 000 душ. Жители Ходжента магометане (сунниты). В городе 160 мечетей. В сравнении с Ташкентом торговля развита мало, но караваны, идущие из Бухары и Коканда, непрерывно идут через город. Они в нем останавливаются, чтобы уплатить таможенную пошлину. Вся городская торговля сосредоточена на двух базарах, один из которых расположен в полутора верстах от цитадели, а второй — рядом с ней. На этих базарах и по городу насчитывается до 200 магазинчиков. В городе 16 кладбищ, обнесенных стенами. Улицы узкие, сжатые и извилистые. Во дворах домов, обрамленных тополями и ивами, текут арыки. В Ходженте около 4 500 домов. Климат здоровый, лето очень жаркое и начинается в мае, а порой даже раньше. За сухим и знойным летом наступает сезон дождей, который длится до декабря, все покрывается жидкой грязью и многие места делаются непроходимыми. Зима длится не более двух месяцев, но бывает достаточно суровой. Имеется 17 медресе и 30 начальных школ. Народ получает образование, но на элементарном уровне (Бекчурин. «Туркестан». — Казань, 1873).

(13) Форт Нау находится в 24-х верстах на запад от Ходжента. К нему ведет широкая ровная дорога. 87 домов, 1 мечеть, 1 школа для мальчиков. Жители бедны и занимаются исключительно хлебопашеством. Нау со всех сторон окружен реками (Там же).

(14) Уратюбе расположен на возвышенности, среди гор, в сорока верстах от Нау. Очень старинный город, который получил свое современное название лишь после включения в состав Коканда. Уратюбе окружен глубоким рвом и высокой каменной стеной с бастионами и семью воротами. Около 30 000 жителей, большая цитадель на северо-востоке города. Город построен очень компактно, без площадей и кладбищ. Улицы узкие и плохо приспособленные для движения телег (местное название — арба). Базар достаточно большой. Окрестные жители и кочевники приезжают в Уратюбе продавать зерно, жители горных селений приносят на продажу скорняжные изделия. Город расположен в живописной местности в кольце гор. Практически единственным занятием его жителей является выращивание зерновых и возделывание виноградников (Бекчурин, «Туркестан»).

(15) Джизак находится в ста верстах от Уратюбе, в двухстах — от Бухары и в восьмидесяти — от Самарканда, окружен

двойной стеной с тремя воротами и глубоким рвом. Крепость. Насчитывается около 20 000 жителей, в основном — бухарские таджики. Улицы узкие и скученные (Там же).

Форт Чим-Курган находится в 32-х верстах от Джизака. К нему ведет пустынная дорога через пески. До русских завоеваний там вообще не было жителей, а стоял военный гарнизон, действовавший от имени эмира Бухары. В настоящее время он больше не существует (Там же).

(16) См. 12

(17) См. «Тур дю Монд» от 5 января 1879 г. : «От Оренбурга до Самарканда. Фергана, Кульджа и Западная Сибирь». Марии де Ужфальви-Бурдон. Дорожные впечатления парижанки. / «Le Tour du monde» du 5 janvier 1879 : D'Orenbourg a Samarkand. Le Ferghanah, Kouldja et la Sibirie Occidentale. Impressions de voyage d'une Parisienne, par Mme Marie de Ujfalvy-Bourdon.

(18) Данные переписи, представленные в публикации полковника Маёва, показались мне более близкими к действительности, чем те, что были мне даны в Перовске помощником главы округа, поскольку обычно принято считать по пять жителей на кибитку.

(19) См. де Ужфальви. Французская научная экспедиция. 1-й том. Кохистан, Фергана и Кульджа, стр. 128 и т.д. См также конец данного тома, главу под названием «Западный и Восточный Туркестан с этнографической точки зрения». / de Ujfalvy. Expedition scientifique francaise, 1er vol. Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja, p.128 etc. Voir aussi, a la fin du present volume, le chapitre intitule «Le Turkestan occidental et oriental, au point de vue ethnographique».

(20) См. Kiepert. «Lehrbuch der elten Geographic», p. 45

(21) Когда господин Жирар де Риалль (Girard de Rialle) в своем выдающемся труде о Центральной Азии говорит: « Они (каракиргизы) все имеют черты, характерные для монгольской расы и, следовательно, абсолютно похожи на калмыков и халков, чистых монголов», он ошибается. Каракиргизы больше похожи на казахов, чем на монголов. Я думаю, что непосредственные наблюдения на основании инструкций Антропологического общества и с учетом материалов господина Жирара де Риалля по Центральной Азии стоят больше, чем мнения, чаще всего общего и субъективного характера, исследователей-путешественников — моих предшественников. Конечно, встречаются казахи с лошадиной головой и длинным носом с горбинкой, но редко. В лучшем случае, это один из четырнадцати киргизов, подвергнутых мною антропологическим измерениям в Акджулпесе (берег Аральского моря), при этом

их оказалось значительно больше среди двадцати шести киргизов-кыпчаков (каракиргизов), которых я смог подвергнуть антропологическим измерениям в Маргилане и Андижане.

Вамбери пишет: «Их физиономический тип поддается той же оценке (переходный между монголами и тюрками). Их раскосые глаза, безбородые подбородки и выпуклые щеки сближают их с монголами, чаще всего они маленького роста и отличаются поразительной ловкостью» (Путешествие по Центральной Азии — *Le voyage dans l'Asie Centrale*, p.343-344). Средний рост одиннадцати казахов, подвергнутых мною антропологическим замерам, — 1,66 м, у двадцати пяти каракиргизов — 1,77 м. Среди этих же двадцати пяти каракиргизов у восьми бороды были густыми, у пятнадцати — редкими и лишь у двух их не было совсем. Среди одиннадцати киргизов у семи бороды были редкими, у четверых отсутствовали вовсе. У всех казахов гладкая кожа, у всех каракиргизов, за исключением двоих, тоже гладкая кожа. Эти сведения, основанные на личных наблюдениях (замеры и контроль мы осуществляли втроем), показывают, с какой осторожностью следует подходить к утверждениям путешественников, которые никогда не занимаются антропологической этнографией. Ханыков и Федченко, насколько нам известно, являются единственными путешественниками, которые занимались антропологическими исследованиями во время своих экспедиций. Ханыков уделял основное внимание иранской группе, а исследования Федченко до сих пор не опубликованы.

(22) Девяносто два узбекских (или лучше тюркско-татарских) племени:

Названия племен	Места проживания
1. Ногайцы (или татары)	Живут: в Крыму, Астрахани, Оренбурге, Казани, Кавказе и в различных губерниях на Волге; в Туркестане они встречаются во всех крупных городах и в окрестностях Кашгара.
2. Казахи, или кайсаки (или юргизы)	Между Уральскими горами и реками Иртыш и Амударья.
3. Киргизы, каракиргизы (киргизы Дикой скалы)	В горах Алатау и в Кашгар-Даване, отроге Тянь-Шаня. В Семиречье, Кашгарии, в Аулиеатинском округе (Сырдарьинская губерния и Фергана).
4. Кунград 5. Найман 6. Канглы	В бассейне верхнего течения Аму и в устье этой реки, в окрестностях города Карчи, в среднем течении Сыра и отчасти в долине Заравшана; отдельные отпрыски этих племен встречаются среди киргизов.
7. Тама 8. Каракалпаки	В долине Заравшана, на плато Устюрта, в устье Аму и в Фергане (к северо-востоку от Коканда, на берегах Сырдарьи). Части этих племен называют также киргизами.
9. Тюркоманы	На плато Устюрта, на берегах рек Мургаб, Атрек, Гергент, Амударья и в горах Нурата.

10. Тыякли, 11. Турки, 12. Буркут, 13. Мизит, 14. Абу, 15. Сарай, 16. Бахрун, 17. Хитай — в долине Заравшана, а турки, или туруки, также в Фергане между Маргеланом и Ошем (См. de Ujfa-

lvy. «Expedition scientifique française» - Де Ужфальви. «Французская научная экспедиция»).

18. Кыпчаки, 19. Мын, 20. Юз, 21. Кырк, 22. Джалаир — в долине Заравшана и вокруг городов Ура-Тюбе и Джизак.

23. Кунград, 24. Алчин, 25. Аргын, 26. Канглы, 27. Киреит, 28. Рамадан, 29. Табын, — в долинах Заравшана, Чирчика и Сырдарьи.

30. Кенегез — в долине Кашкадарья.

31. Мангит — в долине Заравшана и Кашкадарьи.

32. Кият, 33. Саят, 34. Джагатай, 35. Дурмен, 36. Ушун, 37. Муитан, 38. Джалаир, 39. Бахрин, 40. Балос, 41. Каучин — в долине Заравшана.

42. Ухут — в горах Нурата.

43. Гараб, 44. Калмак — в долине Заравшана.

45. Найман, 46. Ун, 47. Яман, 48. Чакмак, 49. Арзук, 50. Карлук, 51. Турдас, 52. Катаган, 53. Килиучи, 54. Уйрот, 55. Кибот, 56. Какат, 57. Джулачи, 58. Пулачи, 59. Джурбут, 60. Джирот, 61. Булат, 62. Ариот, 63. Уткут, 64. Джаржут, 65. Мит, 66. Буркут, 67. Турлос, 68. Уклон, 69. Илиаги, 70. Кышлик, 71. Дурман, 72. Бури, 73. Аучи, 74. Утарчи, 75. Тилсу, 76. Кыркын, 77. Джуйрой, 78. Турган, 79. Сауран, 80. Баудалак, 81. Ардури, 82. Лиакай, 83. Киикчи, 84. Утеген, 85. Уткан, 86. Ишчи, 87. Нитиагай, 88. Джаусар, 89. Аркан-Салды, 90. Аман, 91. Абдал, 92. Асака, эти разнообразные племена узбеков находятся на Амударье или в Хивинском ханстве; они там малочисленны, как и в долине Заравшана.

Названия кыпчак, чакмак, уткут, турлос встречаются также среди племен каракиргизов в Фергане.

(23) Girard de Rialle. Memoire sur l'Asie Centrale, стр. 88 (Мы приводим здесь эти версии названия «киргиз», потому что мы считаем казахов близко схожими с каракиргизами)

(24) «Le Tour du Monde», т. XXV, стр. 210

(25) См. таблицу антропологических измерений в конце данного тома

(26) Д-р Ханыков. «Исследование по этнографии Персии» - «Memoire sur l'ethnographie de la Perse»

(27) Plan Carpin, статья 2 : «Qualites des Tatares, de leurs mariages, vêtements et habitations»

(28) Вот описание татарского жилища, сделанное Планом Карпеном: «Их жилища круглые, напоминают палатку, сделаны из переплетенных прутьев и палок; наверху, ровно посередине, круглое окно, через которое поступает свет и выходит дым, так как они всегда разводят костер посередине жилища. Стены и крыша из войлока, входом служит войлочная дверь.

Эти жилища могут быть большими или маленькими, в зависимости от достатка их обитателей. Некоторые очень легко раскладываются и складываются, и могут перевозиться на спинах вьючных животных... Они всегда возят их с собой...» (Там же).

(29) Описание кумыса, сделанное Рубруком, можно прочесть в весьма любопытной главе, опубликованной под названием «Кумыс».

(30) В главе под названием «Особенности татар» того же автора читаем: «Они угостили нас коровьим молоком, из которого они сбивают масло и которое было очень кислым. Они называли его на своем языке «айра», «апра» или «агра».

(31) Мы добавим к этой главе некоторые сведения о семействе лошадиных в Центральной Азии.

(32) Де Ужфальви. Доклад, адресованный Его Превосходительству министру образования. Ташкент, 27 марта 1877г.

(33) См. Де Ужфальви, там же, р.61 и 62.

(34) См. таблицы антропологических измерений в конце настоящего тома.

(35) Girard de Rialle. Memoire sur l'Asie centrale, p. 99

(36) См. Де Ужфальви. Доклад, адресованный Его Превосходительству министру образования. Ташкент, 27 марта 1877г., р. 65

(37) См. Де Ужфальви, там же, р.67

(38) См. таблицы антропологических измерений в конце настоящего тома.

(39) Ханыков. «Исследование по этнографии Персии» - «Memoire sur l'ethnographie de la Perse»

(40) См. Де Ужфальви, там же, р.14

(41) A. Petzhold. *Turkestan*, p. 43

(42) Тракт — почтовая дорога

(43) Вполне возможно, что в то время, когда мы публикуем эти строки, Ташкент уже связан с Оренбургом прямой телеграфной линией, идущей через Чимкент, Туркестан, Перовск, Казалинск и Орск.

(44) Не путать с большими Каракумами к югу от Амударьи.

(45) Доклад, адресованный Его Превосходительству министру образования. Ташкент, 21 марта 1877г.

(46) Форт в Казалинске называют еще фортом № 1

(47) Ташкент, 21 марта 1877 года.

(48) Я передал несколько хороших образцов г-ну Шарлю Шефферу, администратору Школы восточных языков, у которого одна из лучших в Париже коллекций восточных предметов.

(49) Доклад и т.д., Ташкент, 21 марта 1877 года

(50) Русская фамилия, которую он принял.

СЕМИРЕЧЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ

Семиреченская провинция состоит из одноименной губернии и Кульджинского округа (1). С севера она граничит с Семипалатинской губернией (Западная Сибирь); с запада — с Акмолинским округом (Западная Сибирь) и Сырдарьинской губернией; с юга — с Ферганской губернией и с Восточным Туркестаном, с востока — с Кульджинским округом и с Западным Китаем. Семиреченская провинция — самая гористая местность в Туркестане, в то же время на ее территории находятся множество озер и рек. Почти все горы входят в состав орографической системы Тянь-Шаня, и только на севере нам встречаются параллельные горные хребты, идущие уступами и образующие западную гряду Алтая. Горы Тарбагатая с их многочисленными отрогами, среди которых следует выделить Алджар и Чингиз, отделяют Семиречье от Семипалатинской провинции. Алатау со своими отрогами Так-Джуи, Уч-Каинды и Алмалы на севере, и Карыныне, Кунгейтау и Шулак на западе являются частью алтайской горной системы. Этот массив простирается от Тарбагатайских гор до правого берега реки Или. К югу от этой реки мы встречаемся с мощной горной системой Тянь-Шаня; его главный хребет проходит с южной стороны озера Иссык-Куль и уходит дальше на восток под названием Александровские горы. Эти северные отроги называются Заилийский Алатау и расположены они к югу от города Верный, а мощная горная цепь Кунгей-Алатау обрамляет озеро Иссык-Куль с северной стороны. К югу от главной гряды поднимаются многочисленные отроги: Каратау, Нуратау, Таш-Арабат и др., которые возвышаются над долинами реки Нарын и ее притоков. Совсем невысокие горные цепи тянутся на северо-запад и разделяют бассейны рек Чу и Или.

Часть рек Семиречья впадает в озеро Балхаш, часть — в Сырдарью. Заилийский Алатау и его западные отроги образуют линию водораздела этих двух бассейнов. К югу от Семиречья нам встречаются несколько мелких речек, которые сольются с Таримом в Восточном Туркестане; они не имеют большого значения.

Река Нарын, то есть верхнее течение Сырдарьи, берет свое начало в горах Акбель на Тянь-Шане. Она течет на запад, становится более полноводной за счет впадения в нее Атбаши и Аласуга и выходит за пределы Семиречья в момент слияния с рекой Усунахмет. Эта река не является судоходной. Река Чу, вытекающая из озера Иссык-Куль, принимает воды Качара и

Карагаты и устремляется на северо-запад, где скудным потоком впадает в заболоченное озеро Саумалкуль. В нее впадает большое количество мелких рек, орошающих степную равнину к северу от Александровских гор.

Самая крупная река Семиречья — это, безусловно, Или. Эта река, образованная слиянием рек Кунгес и Текес в Кульджинском округе, вступает на территорию Семиречья к югу от Борохудзира и набирает силу за счет впадения в нее рек Чарын, Чилик, Каскелен и левобережных притоков Алматы и Курту. С момента слияния с Борохудзиром и до форта Илийского она течет на запад по песчаной и заболоченной равнине. От Илийска она направляется на северо-запад, пересекает песчаную пустыню и впадает в озеро Балхаш, образуя обширную дельту, большинство рукавов которой уже пересохли. Значительная часть этой реки судоходна. Река Каратал с притоками Коксу и Биже берет свое начало в горах Алатау; сначала она направляется на запад, затем — на север и впадает в озеро Балхаш. Реки Аксу, Лепсы и Аягуз тоже впадают в самую восточную часть Балхаша. На северо-востоке Семиречья, недалеко от китайской границы, два озера — Алаколь и Сасыколь — пополняют свои воды за счет большого количества притоков, которые в нижнем течении почти всегда заболочены. Отметим среди них Урджар, который омывает одноименный городок.

В Семиречье тоже имеется большое количество озер; кроме Балхаша, самого крупного озера в Азии после Байкала, отметим: озеро Иссык-Куль, расположенное между Кунгей-Алатау и Тянь-Шанем; озеро Сонкуль, сбрасывающее свои воды в Нарын; Чатыркуль вблизи от границы с Восточным Туркестаном и два озера — Алаколь и Сасыколь, которые мы уже упоминали.

В этом краю встречаются пустыни, степи и горы.

Пустыни, простирающиеся в северной и центральной его части, многочисленны и обширны. Между бассейнами Лепсы, Аягуза и озер Алаколь и Сасыколь находятся пять маленьких песчаных пустынь: Ташкаракум, Сарыкум, Учактыкум, Айтак и Нияз. Между горами, разделяющими бассейны Чу, Или и Лепсы, находятся три песчаные пустыни разной протяженности: на востоке маленькая пустыня Сардаталкум, в центре — огромная пустыня Сарыишик-Атырау, на западе — Таукум, называемая также Бетпаккум («голодный песок»). И, наконец, песчаный район на левом берегу в среднем течении Или и на левобережье ее притока реки Каскелен.

Все районы, за исключением песчаных пустынь, простирающихся до подножья крупных горных массивов на севере и юге, представляют собой заболоченную степь с почти всегда

густым травяным покровом. Наконец, более половины этого края занимают громадные горные массивы, часть которых покрыта обширными густыми лесами.

Флора и фауна Семиречья гораздо богаче, чем в Сырдарьинской губернии. На северных склонах Александровских гор и в горах Алатау встречаются хвойные строевые леса, а также дикие яблоневые сады. Исключительно велико разнообразие ночных и дневных хищных птиц. В этом краю весьма многочисленны маралы – изящные олени, рога которых являются важной статьей дохода в торговых отношениях с Китаем.

Семиреченская губерния подразделяется на пять округов, каждый из которых включает в себя определенное количество районов. Вот эти пять округов:

1. Токмакский округ со столицей в Токмаке, маленьком укрепленном городке с населением в 1770 человек, расположенном на реке Чу. Пишпек и Мерке – маленькие форты, расположенные у дороги, ведущей из Токмака в Сырдарьинскую губернию. В этом округе проживают 127000 жителей, которые, за исключением 700, являются киргизами и сартами (2).

2. Иссык-Кульский округ. Столица – Каракол, расположена вблизи восточного побережья озера, 447 жителей, имеются фортификационные сооружения. К югу, в горах, в нескольких километрах от того места, где Койджерши сбрасывает воды озера Сонкуль в Нарын, находится маленький форт Нарынск, имеющий определенное стратегическое значение. Округ насчитывает 43 000 жителей, из которых 31 000 – каракиргизы и 1 300 – калмыки.

3. Верненский округ. Столица – Верный, он же столица губернии, 11 544 жителей (из них 150 калмыков и несколько китайских торговцев). Город стоит у реки Алматы в очень здоровой местности, вблизи великолепной долины. В городе находятся резиденции семиреченского губернатора и архиепископа Туркестанского, расположены канцелярии Семиреченской губернии и Кульджинского округа. Город окружен многочисленными русскими поселениями. Верный – совершенно русский город, его необычные деревянные дома и несколько каменных общественных зданий напоминают города Сибири и не имеют ничего общего с архитектурой Ташкента. В округе проживают 140 000 киргизов и сартов, 7 000 калмыков и 10 000 русских. К северу от Верного на берегах Или находится маленькое укрепленное поселение Илийск.

4. Капальский округ расположен к северу от Верненского, столица – город Капал, находится в очень живописной местности, со всех сторон окружен горами, к северу от Карынын-

ской гряды, 4 339 жителей; на северо-востоке у подножья Заилийского Алатау находится маленький городок Лепсинск. В Капальском округе насчитывается 100 000 киргизов, 1 400 калмыков и 1 300 русских (3).

5. Сергиопольский округ расположен к северу от Капальского, столица — Сергиополь, захудалый маленький городишко, построенный среди песков, в заброшенной местности, омывается рекой Аягуз, 1 044 жителей; к юго-востоку, у дороги, ведущей в Чугучак, находится городок Урджар. В округе проживают 90 000 киргизов, 3 500 калмыков и 4 500 русских.

Дороги Семиреченской губернии. По Семиреченской губернии проходит большая почтовая дорога, связывающая Сырдарьинскую губернию с Западной Сибирью. Эта дорога, идущая вдоль Александровских гор, с северной стороны, проходит через Мерке, Пишпек, Кастек, Верный, форт Илийск, Алтын-Емель, Капал и Сергиополь.

Пять дорожных ответвлений также являются почтовыми. Первое идет от Пишпека через Токмак вдоль реки Чу до озера Иссык-Куль, огибает его с северной стороны и заканчивается в Караколе. Второе начинается в Верном, огибает Заилийский Алатау и тоже заканчивается в Караколе. Существует прямое сообщение между Токмаком и Кастеком, позволяющее не проезжать через Пишпек. Третья ветка связывает Алтын-Емель с Борохудзиром и Кульджой; четвертая ветка связывает Лепсинск с Абакумовым, это вторая станция к северу от Верного. Наконец, пятая ветка ведет из Сергиополя в Урджар. Из Урджара можно добраться до Чугучака по вполне пригодной для конного транспорта дороге, но почтового сообщения по ней не осуществляется. Помимо этих почтовых дорог существует изрядное количество других, уходящих в разных направлениях и в большинстве своем не приспособленных для конного транспорта. Среди наиболее важных следует указать дорогу, связывающую Каракол с Нарынском, часть ее идет вдоль южного берега Иссык-Куля, а также дороги, идущие вдоль рек Чу, Или, Каратал, Аксу, Лепса, вдоль берегов озера Байкал и по Западной Сибири.

В Семиречье проживают пять народов:

1. *Каракиргизы*, которые живут в горных районах на юге губернии, особенно в бассейне озера Иссык-Куль и в Нарынской долине, начиная от Кашгарии до северных склонов Тянь-Шаня (Александровские горы и хребты Заилийского Алатау). Иссык-Кульский и Токмакский округа практически полностью заселены каракиргизами, живут они и в горах Верненского округа.

Летом многие семьи каракиргизов вместе со своими отарами отправляются на Памир, в горные районы Восточного Туркестана и в Текесскую (4) высокогорную долину.

2. *Киргиз-кайсаки*. Живут в степях к северу от Тянь-Шаня и к юго-западу от гор Тарбагатая и Ала-Шаня.

3. *Калмыки*, общим числом 13 183 человек, проживающие к югу от Верного, в окрестностях озера Иссык-Куль, в Капальском и Сергиопольском округах, являются потомками гораздо более многочисленного в прошлом народа. Они исповедуют буддизм, и следы их культовых памятников обнаруживаются повсюду.

4. *Сарты*. Очень малочисленны. Будучи торговцами и транспортировщиками грузов, проживают в крупных центрах губернии.

5. *Русские*, общим числом 36 157 человек, живут в таких городах, как Верный, Капал, Сергиополь, Токмак, Каракол, Лепсинск, Урджар, а также в других более мелких городках. Процветающие казачьи поселения встречаются от Мерке до Пишпека и от Кастека до Верного.

От Ташкента до Алтын-Емеля Я покинул Ташкент в начале сентября и направился сначала в Верный, а затем — в Кульджу, в Джунгарии.

Дорожный пейзаж от Чимкента до последней станции перед Верным примерно одинаков. Это продолжение сырдарьинской степи, которая становится то травянистой или каменистой, то песчаной. Часто встречаются хорошие пастбища, но еще чаще — совершенно бесплодная местность. Нужно, однако, выделить два района, где земля весьма плодородна. Это, прежде всего, окрестности городка Аулие-Ата, берега Таласа, затем долина Чу между Пишпеком и станцией Константиновская. Местность часто холмистая; два раза мы пересекали настоящие горы, которые, впрочем, не могут служить серьезным препятствием для прокладки железной дороги. Повсюду, вплоть до последней станции перед Верным, горы безжизненны и лишены какой бы то ни было древесной растительности. За Верным имеются яблоневые сады и обширные сосновые леса с удивительно стройными деревьями. Минеральные ресурсы в этих местах весьма значительны.

В горах вблизи Верного имеются значительные запасы разнообразного мрамора и агальматолита, называемого на местном языке «калыпташ» («неровный камень»), из которого вырезают очень красивые предметы: подсвечники, пресс-папье, вазы, кубки, письменные приборы и т.д. Один

русский, который разрабатывает месторождение мрамора в 45 км от Верного, надеется найти там и лазурит. Я привез несколько красивых образцов камней из тех мест для парижских музеев.

Население Семиречья — это прежде всего киргизы, живущие на равнинах, более правильное название — казахи (кайсаки). В горах позади Верного, ближе к озеру Иссык-Куль, живут каракиргизы; на подступах к Верному — калмыки; между Чимкентом и Аулие-Ата проживают сарты (узбекского происхождения). В самом городе Верном встречаются китайские и иногда сартские торговцы. Наконец, русские основали там свои поселения, часто весьма богатые, расположившиеся между Чалдоваром на границе Семиреченской губернии и Борохудзиром на границе Кульджинского округа. Край, впрочем, прекрасно поддается колонизации. Верный на местном языке носил название Алматы. Он стоит на берегу одноименной речки. «Алма» — означает «яблоко». Название не случайно, по берегам реки раскинулись многочисленные яблоневые сады.

Археологические памятники Семиречья представляют собой три разновидности: 1) киргизские кладбища; 2) памятники (надгробья и могилы) времен кокандских завоеваний; 3) развалины бывших фортификационных сооружений. Киргизские кладбища, как правило, не отличаются от кладбищ Сырдарьинской губернии. Иногда встречаются настоящие мечети, побеленные известью, с минаретами по бокам, имеющие впечатляющий вид. Между Алтын-Емелем и Борохудзиром встречаются исполинские каменные надгробья, порой причудливых форм, завершающиеся усеченными пирамидами.

Очевидно, что каменные надгробья периода кокандских завоеваний послужили моделью для киргизских надгробных памятников. Вдоль дороги встречаются маленькие мечети, иногда с надписями и росписью. Встречаются здания, некоторые из которых служат приютом паломникам.

Фортификационные сооружения бывают двух видов. Встречаются развалины фортов перед и после Аулие-Аты, которые, несомненно, относятся к эпохе кокандских завоеваний; встречается и другая разновидность таких сооружений — вдоль реки Чу, они представляют большой интерес. Кирпичи, которые использовались при их строительстве, сероватого цвета, это — китайские кирпичи, а строителями были калмыки. К северу от Константиновского моста на берегах реки Чу стоит укрепленный лагерь такого типа.

Я смог приобрести предметы, найденные в озере Иссык-

Куль на месте старинного города, затопленного водой. Русские власти разрешили мне исследовать это озеро, которое, с научной точки зрения, неизвестно и которое хранит археологические сокровища большой ценности. Единственное, что мне было необходимо, это сумма денег, превышающая стоимость моего собственного дома. Русские составили смету на 15 000 рублей, то есть около 45 000 франков. Готов допустить, что сумма, представленная в смете, была завышена, но не вызывает сомнения, что русские очень хорошо оплачивают труд своих исследователей. Г-н Пржевальский получил 12 000 рублей за свою первую экспедицию вокруг озера Лоб и 25 000 рублей — за путешествие, которое он намерен предпринять по маршруту Кульджа — Тибет. Для исследований на Иссык-Куле мне было бы необходимо построить судно, его зафрахтовать, приобрести скафандр и остальное оснащение, необходимое для подводных исследований. Раскопки древнего городища, расположенного на дне озера, тоже обошлись бы в круглую сумму. Я вынужден был отказаться от плана, который вынашивал какое-то время.

На выезде из Верного находится крупное русское поселение, которое старше самого города и называется *Малая Станица*. На всех станциях вплоть до Алтын-Емеля ощущается начало колонизации. Местность плоская, но земля до самых берегов Или достаточно плодородная. Чтобы попасть в Илийск, нужно пересечь степь, а местами — пески, но берега реки покрыты растительностью, встречаются деревья и многочисленные кустарники. Илийск — небольшое русское поселение, в котором есть часовня и телеграф. Или в этом месте столь же широка, как Сырдарья вблизи Чиназа. Это большая и глубокая река.

Правый берег реки еще более песчаный, чем левый. Прокладывая дорогу, русские были вынуждены уложить в ее основании камыши. От Чингильдина дорога проходит вдоль Чулакских гор, после пересечения гор Аркарлы путешественники прибывают в Алтын-Емель, узловую станцию, от которой начинается путь на Кульджу. На станции Алтын-Емель я увидел, впервые после Орска, «каменную бабу». Статуя мужчины с широким лицом высечена из глыбы песчаника в мусульманской манере — с голубем в правой руке. Работа грубая и, как мне кажется, выполнена калмыками. Статуя совершенно не похожа на ту, что я видел в Орске. В Алтын-Емеле было две примерно одинаковых статуи, но генерал Колпаковский, губернатор Семиречья, перенес одну из них в Верный. Обе были найдены в горах между Алтын-Емелем и Кульджинским округом.

Из Алтын-Емеля в Троицк Я приехал из Алтын-Емеля в Капал, маленький русский городок, расположенный в горах. Недалеко от большой Аксу и в нескольких километрах от дороги находится старое кладбище с надгробиями, покрытыми надписями. Я скопировал две из них, которые, как мне показалось, представляли наибольший интерес. Наконец, в 25 километрах от Сергиополя, в ущелье Сайкемир вдоль реки Батпак, мне встретились грубо выполненные наскальные рисунки, подобные тем, которые видели в Сибири русские путешественники Паллас и Спасский. На рисунках высечены волки, олени, верблюды, собаки и т.д. Я сделал копию с них, а также с надписей и изображений буддистских идолов, обнаруженных в Семиречье (5). Вдоль дороги, ведущей из Токмака в Каракол, есть скала под названием Тамгалташ, на которой есть очень хорошо выполненный буддистский рисунок и весьма любопытные надписи (6).

Дорога из Капала в Сергиополь проходит вдоль пустыни Ташкаракум и пересекает пустыню Айтак. Она подходит на расстояние в 25 верст к озеру Балхаш, но нигде не выходит к нему. Пустыни Учактакура и Нияз остаются соответственно слева и справа от него. Вблизи Сергиополя местность вновь становится гористой. Горы богаты полезными ископаемыми, особенно медью. В нескольких километрах к северу от Сергиополя начинается Западная Сибирь. В горах Аркат, что около одноименной станции, встречается большое количество окаменелостей (петрификаций); я захватил несколько образцов (растения и ракушки). Семипалатинск, как и Сергиополь, находится посреди песчаной пустыни. В обоих городах резко континентальный климат, приносящий гораздо больше неудобств, чем преимуществ. На левом берегу Иртыша, напротив Семипалатинска, мне впервые довелось увидеть настоящее киргизское поселение. Эти дети степей живут в деревянных домах хорошей постройки с занавесками на окнах.

На юго-востоке Семипалатинской губернии, граничащей с Китаем, между горами Тарбагатай и основным горным массивом Алтая, находится бассейн озера Зайсан, через который проходит Иртыш. В этой исключительно интересной местности живут киргизы — охотники, рыболовы и земледельцы; в этих местах охотятся на муфлона (*ovis ammon*); прибрежные жители ловят два вида очень хорошей на вкус форели. Киргизы-земледельцы переняли у китайцев ирригационную систему, которая значительно лучше, чем у туркестанских сартов. Черепа, обнаруженные в данной местности, представляют собой антропологическую достопримечательность : надбровные бу-

гры ярко выражены, ложбинка между носом и межбровьем глубока, глазные впадины весьма близко посажены. Невозможно отнести эти черепа к монгольскому типу. Интересно отметить, что черепа, найденные на побережье Иссык-Куля, имеют те же особенности.

Дорога от Сергиополя к Семипалатинску проходит через степь с достаточно густым травяным покровом, но местами встречаются пески. От Семипалатинска до Омска дорога идет вдоль побережья Иртыша, видны богатые пастбища и негустые еловые и березовые леса. Почтовые станции содержатся казаками, и поселения, через которые проходит дорога, выглядят зажиточными. В Омске насчитывается около 35 000 жителей, там находится резиденция генерал-губернатора Западной Сибири, который оказал мне радушный прием. Из Оренбурга я отправил несколько предметов каменного века, найденных под Самаровой, на некотором расстоянии от того места, где Иртыш впадает в Обь. Самарова была во времена Ермака вогульским (мансийским) городом, где правил татарский хан. Предметы эти — стамески, топоры и т.п. — имеют полное сходство с теми, что находят в Карелии или в Финляндии. В Сибири уже находили, и довольно часто, предметы каменного века, но никогда в большом количестве в одном месте. Музей Сен-Жермен имеет теперь в своей коллекции 18 таких предметов, найденных в одном месте. Я также отправил в министерство остяцкий мешок из рыбьей кожи, самодийский мешок из лебединых лап, образец остяцкой ткани с нитью из крапивы, два мотка ниток и два веретена. Круг, удерживающий нить, еще и в наше время делается из камня. Я присоединил к моей посылке экземпляр грызуна, называемого тарбаган (*mus riprula*).

Дорога из Омска к административной границе России с Европой проходит то через степь, покрытую разнотравьем, то через еловые и березовые леса. Встречается множество озер, на берегах которых расположились русские деревни. Я предпочел вернуться в Москву через Петропавловск, Троицк и Оренбург, чем через Екатеринбург. Прежде всего эта дорога менее многлюдна и известна, кроме того, у меня была перспектива проехать через башкирские поселения, пересекая Уральские горы возле Верхне-Уральска, что позволило бы мне пополнить мои исследования об этом интересном народе.

Я прибываю на границу с Оренбургской губернией: пересекаем еловые, березовые и ясеновые леса. Деревья высокие и стройные. Деревни богаты, густо населены и окружены пшеничными полями и бахчами. В изобилии растет полынь. В этой местности киргизы весьма многочисленны.

Экономические условия жизни киргизов в Сибири убоги, хотя русское правительство прикладывает немалые усилия, чтобы помочь им. В целом, в Сибири насчитывается 829 000 киргизов, многие из них не могут больше жить за счет продуктов, получаемых ими от домашнего скота. Киргизы Семипалатинской губернии вынуждены закупать полтора миллиона пудов зерна ежегодно, а киргизы Акмолинской губернии — до трех миллионов. В наши дни киргизская семья из пяти человек должна иметь пятьдесят голов скота, чтобы поддерживать свое существование: три коровы, пятнадцать кобыл, тридцать два барана. Сорок лет назад все киргизы были кочевниками. Сегодня они стали полукочевниками; они продают свой скот на двух ежегодных ярмарках — в Вотифе, что рядом с Каркаралы, неподалеку от озера Балхаш, и в Трайштикуле, что в Петропавловском округе. На этих ярмарках размеры купли-продажи продукции на два миллиона превышают весь объем торговли России в Монголии. С тех пор, как вакцинация стала обязательной, а барымта (постоянная вражда между племенами) прекратилась, население растет, и многочисленные бедняки вынуждены идти в услужение к богачам. Они находятся на положении настоящих рабов. Они работают только за еду, не получая заработной платы. Кто не желает существовать в рабском положении, вынужден занимать, чтобы выжить, а богатый киргиз соглашается дать заем не менее чем под сто процентов. Например, в первый год бедняк должен ему два барана, на следующий год — четыре, на третий — восемь, на четвертый — шестнадцать и т.д. Чтобы выйти из такой ситуации, многие стали земледельцами, особенно вблизи китайской границы, а русская администрация занимается созданием поселений для киргизских бедняков в Акмолинской губернии. Киргиз платит за свою юрту (в которой обычно живет семья из пяти человек) три рубля в год, в то время как в Сибири русские крестьяне платят ежегодно шесть рублей за каждого члена семьи. Остается надеяться, что усилия генерала Казнакова, генерал-губернатора Западной Сибири, увенчаются успехом.

Примечания:

(1) Первый том нашего отчета о путешествии содержит детальное описание этого округа. См. de Ujfalvy. «Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja», p. 51

(2) Киргизы, естественно, составляют подавляющее большинство.

(3) Разумеется, не считая русских жителей города Капал.

(4) В предыдущих главах мы дали описание этих разноо-

Население (1870)

Города и округа	Киргизы и сарты		Калмыки		Русские Солдаты, крестьяне и переселенцы		Всего
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	
Город Верный	«	«	91	52	7 787	3 654	11 544
Капальский округ	70 796	61 353	3 998	2 939	5 168	4 794	149 048
Город Капал	«	«	«	«	2 868	1 471	4 339
Капальский округ	53 045	46 450	706	550	812	644	102 303
Город Сергиополь	«	«	«	«	714	330	1 044
Сергиопольский округ	47 850	44 113	1 803	1 615	2 569	1 856	99 806
Город Токмак	«	«	5	7	1 154	605	1 770
Токмакский округ	60 385	66 247	«	«	403	300	127 335
Город Каракол	«	«	«	«	391	56	447
Иссык-Кульский округ	22 302	18 992	761	560	234	147	42 996
Общее количество в губернии	254 378	237 115	7 454	5 720	22 100	14 057	540 674
	491 533		13 183		36 157		

бразных народов с этнологической точки зрения.

(5) Оттиски находятся в Школе восточных языков в Париже.

(6) Тем, что у меня есть копии буддистского рисунка и нескольких надписей, я обязан любезности г-на Куна, генерального инспектора школ Туркестана

Домашние животные (1870)

Округа	Лошади	Рогатый скот	Бараны		Свиньи	Козы	Верблюды	Олени	Ослы и мулы	Всего
			обычные	тонкорунные						
Верненский округ	103 699	27 670	1 093 016	«	2 108	5 064	13 976	«	«	1 245 563
Капальский округ	51 997	19 791	546 809	«	175	(1)	17 682	«	«	636 454
Сергиопольский округ	80 460	1 700	800 318	387	199	23 614	31 793	«	«	938 471
Токмакский округ	94 699	1 282	556 056	«	238	«	13 9715	«	«	666 846
Иссык-Кульский округ	84 805	12 001	359 046	«	21	(1)	5 387	«	12	461 272
Всего	415 660	52 444	3 355 875	387	2 741	28 678	82 809	«	12	3 948 606

Верненский округ
Кочевники и их материальное положение
(1870-71)

Верненский округ	Число юрт		Число жителей				Численность скота						Зерновые в 1870		Пшеница в 1870	
	(1)		мужчины	женщины	грамотные	Верблюды	Лошади	Рог. скот	бараны	(2)		(2)		(2)		
	1870	1871								Посеяно	Собрано	Посеяно	Собрано	Посеяно	Собрано	
1. Куртино	1 142	1 103	2 176	1 883	2	404	3 149	1 024	57 155	44	3 238	13	708			
2. Анригал	1 126	1 322	2 561	2 351	4	1 025	5 138	1 213	43 602	870	908	035	500			
3. Гралтин	1 675	1 830	3 560	5 331	3	-	-	-	-	-	-	-	-			
4. Кастек	2 071	2 155	4 362	3 518	1	-	-	-	-	-	-	-	-			
5. Узун-Агач	1 429	1 482	2 928	2 178	-	-	-	-	-	-	-	-	-			
6. Каскелен	2 143	1 095	3 921	3 086	6	434	3 960	2 542	41 394	342	1 344	1 158	7 044			
7. Алматы	2 143	1 888	4 026	3 310	4	438	3 378	1 974	51 981	284	10 351	744	4 126			
8. Талгар	1 749	1 367	3 017	2 503	3	652	5 467	1 708	25 178	674	9 403	916	7 790			
9. Тургенъ	1 402	1 474	3 192	2 753	1	454	5 054	2 023	51 810	736	9 412	498	7 448			
10. Чилик	1 108	1 212	2 184	1 900	2	381	10 071	2 128	56 227	271	7 628	462	5 596			
11. Сонгутин	1 107	1 059	2 317	1 917	1	440	5 011	1 849	32 331	373	7 718	499	3 315			
12. Меркин	1 001	1 187	2 650	2 420	-	634	6 277	2 197	43 899	541	7 922	918	5 724			
13. Темерлик	1 005	976	1 967	1 715	-	389	3 200	1 728	25 202	355	6 081	695	5 411			
14. Кетмень	1 232	1 176	2 920	2 351	7	028	5 924	1 589	56 674	509	6 112	399	3 251			
15. Чунджин		1 361	2 860	2 557	1	1 208	6 491	2 198	59 120	790	808	1 405	6 827			
16. Сарытокум	1 278	1 308	2 561	2 106	4	-	-	-	-	-	-	-	-			
17. Нижне-Илийск	1 309	1 400	2 323	2 192	11	1 037	2 624	622	76 361	31	549	54	391			
Всего	22	24	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-			
	547	035														

(1) Юрта, кибитка = палатка
(2) В пудах

Капальский округ
Кочевники и их материальное положение
(1870-71)

Капальский округ	Число юрт (1)		Число жителей				Численность скота						Зерновые в 1870		Пшеница в 1870	
	1870	1871	Муж.	Жен.	Грамотные	Верблюды	Лошади	Рог.скот	бараны	(2)		(2)		(2)		
										Посеяно	Собрано	Посеяно	Собрано			
1. Нижний Каратал	2 206	2 334	5 568	5 201	59	2 392	6 646	092	70 484	288	11 131	1 476	9 425			
2. Борохудсир	1 266	1 277	3 188	2 828	58	1 131	2 671	2 671	82 123	170	7 071	898	7 601			
3. Алтын-Емель	1 297	1 315	3 117	2 842	94	1 276	2 007	2 007	56 134	108	3 890	786	6 072			
4. Баян-Куяндин	2 068	2 061	4 349	3 941	113	1 202	3 599	3 599	73 055	145	8 562	250	3 707			
5. Кучуков	1 808	1 878	4 748	4 045	44	-	-	-	-	-	-	-	-			
6. Горный Джалаир	2 026	1 893	5 013	4 587	60	-	-	-	-	-	-	-	-			
7. Нижний Аксул	2 675	2 101	4 093	3 609	77	-	-	-	-	-	-	-	-			
8. Арасан	2 685	2 541	5 760	5 048	221	1 358	4 378	4 378	88 956	356	14 603	1 507	12 453			
9. Балхаш-Лепсинск	2 196	2 170	4 635	3 670	72	-	-	-	-	-	-	-	-			
10. Верхний Каратал	2 144	2 042	5 015	4 255	105	-	-	-	-	-	-	-	-			
11. Баскан-Саржан	1 956	1 897	3 991	3 460	70	-	-	-	-	-	-	-	-			
12. Балгали-Колтчал	1 521	1 406	3 285	3 361	40	1 846	1 740	1 740	63 968	124	5 019	402	3 060			
13. Южно-Прибалхашск	1 554	1 517	3 501	3 154	32	609	3 051	3 051	46 200	113	6 232	276	2 871			
Всего	24 622	24 535	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-			

(1) Юрта, кибитка = палатка

(2) В пудах

Сергиевпольский округ
Кочевники и их материальное положение
(1870-71)

Сергиевпольский округ	Число юрт (1)		Число жителей			Численность скота					Зерновые в 1870 (2)		Пшеница в 1870 (2)	
	1870	1871	мужчины	женщины	граммат ныс	Верблюды	Лошади	Рог. скот	бараны	Посеяно	Собрано	Посеяно	собрано	
1. Маканчи-Садыр	1 800	1 709	3 656	3 056	197	573	4 107	1 430	32 996	125	21 311	619	8 559	
2. Кыскач-Садыр	1 802	1 618	3 854	3 211	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
3. Арганатин	1 989	1 750	3 018	2 901	23	-	-	-	-	-	-	-	-	
4. Чарбактин	1 894	1 285	2 901	2 489	14	76	1 754	1 077	16 951	379	7 386	56	332	
5. Алакуль	1 973	1 498	2 965	2 320	5	262	1 632	1 471	23 483	349	1 369	19	136	
6. Акчаулин	1 645	1 739	3 561	3 211	174	1 290	3 377	849	32 381	11	17 745	679	10 130	
7. Каракол	1 329	1 838	4 113	3 540	110	1 755	4 510	906	34 779	917	-	2 050	3 438	
8. Чинжилин	1 926	1 990	4 203	3 348	77	-	-	-	-	-	3 868	-	-	
9. Аягуз	2 372	2 345	4 835	4 205	333	5 340	13 078	981	69 983	562	-	2 019	9 692	
10. Урджар	2 478	2 451	4 482	3 200	2	637	3 364	1 213	35 961	-	3 922	-	-	
11. Емель	-	1 655	2 815	2 844	42	1 783	6 155	002	27 587	238	-	508	1 935	
Всего	19 168	20 076	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	

(1) Юрта, кибитка = палатка
(2) В пудах

Токмакский округ
Кочевники и их материальное положение
(1870-71)

Токмакский округ	Число юрт (1)		Число жителей				Численность скота					Зерновые в 1870 (2)		Пшеница в 1870 (2)	
	1870	1871	Муж-чины	Жен-щины	Грамот-ные	Верблюды	Лошади	Рог. скот	бараны	Посеяно	Собрано	Посеяно	Собрано		
	1. Бачалев	1 660	1 660	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2. Толканов	2 071	2 071	2 505	7 684	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3. Ала-Арчин	1 200	1 200	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4. Ала-Шедин	1 250	1 248	1 842	1 765	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5. Булспаев	1 245	1 245	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6. Тыпаев	1 231	1 231	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7. Темир-Булатов	1 218	1 096	1 455	1 526	2	400	2 372	836	22 963	322	2 012	763	3 929		
8. Сарыбагыш	1 452	1 452	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9. Исангулов	1 352	1 270	1 827	1 803	1	501	4 705	1 248	10 178	901	1 940	954	4 217		
10. Буронхчин	1 051	1 115	1 551	1 604	-	493	5 658	673	26 520	-	-	1 439	5 056		
11. Курмаход	1 089	1 124	1 554	1 678	2	430	3 731	563	17 327	-	-	1 685	6 284		
12. Кулчугат	1 197	1 220	1 654	1 350	1	-	-	-	-	-	-	-	-		
13. Салков	1 004	1 283	1 484	1 854	1	603	2 020	386	14 252	161	778	1 059	3 812		
14. Нарын	1 077	586	788	834	-	284	3 222	135	11 980	-	-	588	2 076		
15. Дулатов	1 311	1 341	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
16. Чув	1 121	1 121	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
17. Сегимов	8281 238	078	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
18. Джиланкуров	871	1 186	1 506	1 634	6	-	-	-	-	-	-	-	-		
19. Реалтин	1 822	919	1 501	1 516	24	-	-	-	-	-	-	-	-		
20. Кетмень-	-	1 450	2 203	2 360	7	-	-	-	-	-	-	-	-		
Тюбин	-	890	1 176	1 230	-	240	2 885	176	14 301	14 301	-	812	2 305		
21. Чириков	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
Всего	25 327	25 390	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
	102 520	104 708	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		

(1) Юрта, кибитка = палатка (2) В пудах

Иссык-Кульский округ
Кочевники и их материальное положение
(1870-71)

Иссык-Кульский округ	Число юрт (1)		Число жителей					Численность скота				Зерновые в 1870		Пшеница в 1870	
	1870	1871	Муж-чины	Жен-щины	грамотные	Верблюды	Лошади	Рог. скот	бараны	(2)		(2)			
										Посыано	Собрано	Посыано	Собрано		
1. Кунгей-Аксул	1 104	1 758	2 003	2 072	-	562	10 786	1 331	24 049	9	75	1 058½	1 554½		
2. Зауке-Барскаун	1 727	1 829	3 561	2 857	-	919	9 258	2 012	36 864	-	-	1 659	7 576¼		
3. Тургул-Аксул	1 522	1 654	3 615	3 103	-	678	11 176	2 589	38 500	-	-	1 454	0.078		
4. Кенсу	1 722	1 818	3 865	3 179	-	717	18 515	2 441	35 240	-	-	1 49¼	758		
5. Корол-Сорол	1 892	1 515	2 696	2 303	-	515	8035 11	1 554	27 213	2	3	880¼	5 443¼		
6. Конурулен-Алабаш	1 838	1 877	3 850	3 168	-	891	698	2 220	45 703	10	82	1 523¼	9		
7. Туралгыр	-	782	1 625	1 413	-	417	4 256	895	23 742	-	-	710	124¼3		
Всего	9 805	10 543	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	682½

(1) Юрта,
кибитка = на-
латка
(2)
В пудах

Иссык-Кульский округ

Иссык-Кульский округ (киргизы)	Число юрт	Влад-цы юрт	Жен-ны	Дети		Работ-ники	Работ-ницы	Всего		На тысячу юрт			На 1000 мужчин прихальтса женщин	
				Мальч.	Девочки			Муж.	Жен.	дети	Муж.	Жен.		Дети
Кенсул	1 727	1 727	1 012	2 254	1 362	12	14	3 993	3 288	7 281	2 312	1 898	4 210	824
Тургель-Аксул	1 533	1 533	1 977	2 082	1 383	15	15	3 630	3 077	6 707	2 512	1 927	4 339	843
Конурулен-Алабаш	1 822	1 822	2 028	2 433	1 605	42	20	4 297	3 662	7 039	2 359	2 009	4 368	855
Корол-Сорол	1 264	1 264	1 352	1 442	982	16	12	2 722	2 436	5 068	2 153	1 856	4 009	810
Зауке-Барскаун	1 739	1 739	1 935	1 844	983	36	31	3 619	2 919	6 568	2 081	1 696	3 776	814
Кунгей-Аксул	1 148	1 148	1 219	1 370	913	6	-	2 524	2 162	4 685	2 109	1 883	4 073	855
Туралгыр	675	675	853	813	658	29	12	1 517	1 523	3 040	2 248	2 256	4 504	1 004
Всего	9 908	9 908	10 976	12 238	7 918	156	113	22 302	19 007	41 509	2 241	1 942	4 183	851
Калмыки	313	305	312	456	248	-	-	761	560	1 321	2 431	1 789	4 420	735
Сарты	-	78	53	24	19	22	3	124	75	199	1 580	951	2 550	-
Татары	-	47	29	25	3	-	-	72	37	109	1 532	787	2 319	-

Иссык-Кульский округ

Город и округ	Православн. вн.		Раскольн.		Католики		Армяне		Протестанты		Евреи		Мусульмане		Буддисты		Всего		
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	
Город Каракол	309	8	-	-	5	-	1	-	-	-	1	-	75	48	-	-	391	36	447
Иссык-Кульский округ	107	83	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	22 668	10 258	522	358	23 297	19 699	42 996
Всего	416	91	-	-	5	-	1	-	-	-	1	-	22 743	10 306	522	358	23 688	19 735	43 443

Здания (1869)

Города и округа	Правосл. церкви и монастыри		Не православные		Храмы и мавзолеи		Дома и дворы		Больницы		Всего зданий	
	Камень	дерево	Камень	дерево	Камень	дерево	Камень	дерево	Камень	дерево	Камень	дерево
Город Верный	1	1	-	-	-	-	39	727	-	-	39	729
Верненский округ	-	3	-	-	-	-	-	1 045	-	-	-	1 050
Город Кашал	1	-	-	-	-	-	6	580	1	2	8	592
Капальский округ	-	3	-	-	-	-	79	150	2	2	81	161
Город Сергиполь	1	-	-	-	-	-	18	160	1	2	20	101
Сергипольский округ	-	2	-	-	-	-	4 681	713	-	-	4 681	745
Город Токмак	-	1	-	-	1	-	32	33	-	-	33	36
Токмакский округ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Город Каракол	-	-	-	-	-	-	-	17	-	-	-	18
Иссык-Кульский округ	-	-	-	-	-	-	21	18	-	-	21	18
Город	3	3	-	-	1	3	94	1 523	2	2	100	1 512
Округ	-	8	-	-	-	-	4 781	1 965	2	4	4 786	1 977
Губерния	3	11	-	-	1	3	4 873	3 403	4	6	4 886	3 490

Фабрики и заводы (1869)?

Вид производства на фабриках и заводах	Города		Округа				Всего			
	Кол-во фабрик и заводов	Кол-во рабочих	Кол-во фабрик и заводов	Доходы		Кол-во рабочих	Кол-во фабрик и заводов	Доходы		Кол-во рабочих
<i>Верненский округ:</i>										
Винные заводы	-	-	2	131 421	-	144	2	134 421	-	144
Ликеро-водочные заводы	-	-	1	3 167	50	3	1	3 107	50	3
Пивные заводы	-	-	3	47 265	30	32	3	47 265	30	32
Скорняжные фабрики	-	-	3	3 500	-	46	3	3 500	-	46
Черепичные заводы	-	-	5	2 100	-	8	5	2 100	-	8
Маслозаводы	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-
<i>Капальский округ:</i>										
Скорняжные фабрики	-	-	1	47 413	38	54	1	47 413	38	54
Скорняжные фабрики	-	-	3	10 390	-	50	3	10 000	-	50
Скорняжные фабрики	-	-	1	1 100	-	5	1	1 100	-	5
<i>Сергиевский округ:</i>										
Винные заводы	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Скорняжные фабрики	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Фабрики по производству свечей	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
<i>Токмакский округ</i>										
<i>Иссык-Кульский округ</i>										
Всего	1	-	20	251 080	18	342	21	251 080	18	342

Школы (1869)

Города и округа	Русские и туземные школы											Всего							
	В городе				В округе				Препод. состав	Гос. Школы	Ученики		Всего						
	Препод. состав	Гос. школы	Ученики		Препод. ватели	Гос. школы	Ученики				Мальч.	Дев.							
		Мальч.	Дев.			Мальч.	Дев.			Мальч.	Дев.								
Город Верный и его округ: Коммунальные школы	6	1	141	-	-	-	-	-	6	1	141	-	6	1	141	-	141	-	
	5	-	-	47	-	-	-	-	5	-	-	47	-	5	-	47	-	47	-
Школы религиозных общин	1	1	30	-	-	-	-	-	1	-	30	-	1	-	30	-	30	-	
Туземные школы	-	-	-	-	8	-	-	-	8	-	-	-	-	4	-	-	-	-	
	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	143	6	-	4	-	143	6	140	-
Город Калал и его округ: Коммунальные школы	4	1	65	25	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	1	1	70	-	-	-	-	-	4	-	70	-	-	1	-	65	25	90	-
Школы религиозных общин	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Туземные школы	-	-	-	-	5	-	-	-	5	4	-	-	-	4	-	70	-	70	-
	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Миссионерские школы	-	-	-	-	1	-	-	-	1	1	20	-	-	1	-	20	-	20	-
Город Сергиполь и его округ: Туземные школы	3	1	27	10	2	-	-	-	2	2	75	-	-	2	-	75	-	75	-
	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Города Томак и Каракол и их округа	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	27	10	27	-
	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Всего	20	6	333	82	16	11	6	326	30	17	659	88	17	659	88	737			

Финансовое положение (1869)

Округа	Посевы в четвертях										Урожай в четвертях								
	озимые	Рис		яровые	Овес	рожь	Гречиха	Остат. яровых	Картофель	осим	Озимь	Рис яровые	Яро вые	Овес	Рожь	Гречиха	Остат. яров.	Картофель	
		Озимые	яровые																
Верненский округ:																			
Казахи		400	2 030	4 980	2 700	268	206	81	360	-	2 072	16 421	39 105	21 446	2 402	1 580	471	7 607	
Городские жители		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Киргизы		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Русские поселенцы		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Джамбылский округ:																			
Казахи		7,6	616,2	1 015,4	856,6	136,4	-	21,4	70%	-	353,6	3 081,2	6 705,5	6 854	955,4	-	276,2	1 402½	
Городские жители		30	-	46	80	-	-	-	33	-	150	-	230	480	-	-	-	-	-
Киргизы		346	-	6 511	2 887	2	-	2 093	-	-	1 423	-	43 165	21 417	-	-	4 273,4	-	
Русские поселенцы		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Среднеазиатский округ:																			
Казахи	75	-	-	6 173	2 315	1 850	-	613	470	500	-	-	33 436	28 215	12 513	-	3 517	6 210	
Городские жители		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Киргизы		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Русские поселенцы		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Иссык-Кульский округ:																			
Казахи		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Городские жители		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Киргизы		-	-	7 450	-	2 500	-	100	-	-	-	-	37 000	-	7 500	-	200	-	-
Русские поселенцы	4	-	8	42	50	-	1	-	4	40	-	64	172	400	-	10	-	52	
Ташкентский округ:																			
Казахи		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Городские жители		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Киргизы		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Русские поселенцы		-	-	118	77	-	-	-	-	-	-	80	700	300	-	-	-	-	-
Итого:	79	783,6	2 664,2	26 300,4	8 965,6	4 771,4	206	2 908,4	937,5	540	3 998,6	19 616,2	166 633,6	79 107	23 680,1	1 580 и 10 пудов	48 777,6	15 260½	

Русский Туркестан
Количество русских в сравнении с численностью других жителей (1869)

Название губернии и округов	Русские	Кайзаки и каракиргизы	Курама	Узбеки	Таджики	Сарты	Монголы (Калмыки)	Другие народы	Всего	Кол-во русских на сто жителей
<i>Семиреченская губерния (1867):</i>										
Верный	14 400	132 149	-	-	-	1 551	6 947	-	155 047	8½%
Капал	4 792	110 615	-	-	-	165	685	-	125 257	2%
Сергюполь	4 352	89 853	-	-	-	-	3 480	-	97 085	2½%
Токмак	840	123 227	-	-	-	1 358	12	-	123 437	½%
Иссык-Куль	668	47 000	-	-	-	155	430	-	48 253	¾%
Всего:	21 052	511 840	-	-	-	3 229	11 554	-	651 679	4½%
<i>Сырдарьинская губерния (1867):</i>										
Аулис-Ата	-	100 750	-	-	-	1 810	-	-	102 560	-
Чимкент	-	119 490	-	-	-	21 230	-	-	170 710	-
Перовск	-	100 000	-	-	-	-	-	-	100 000	-
Казалинск	203	61 790	-	-	-	268	-	-	62 266	-
Курама	-	110 000	48 500	500	8 500	25 000	-	-	192 500	-
Ташкент	-	260	-	-	-	47 818	-	938	40 043	-
Ходжент	-	4 300	-	21 400	60 070	-	-	40	85 810	-
Джизак	-	2 100	-	32 885	2 890	-	-	3 525	41 500	-
Всего:	203	523 780	48 500	51 783	71 360	96 178	-	4 509	804 510	-
<i>Зеравшанский округ (1868)</i>										
Всего по русскому Туркестану	23 260	1 050 620	48 500	51 783	71 360	99 405	11 554	4 509	1 536 119	-

Религия (Семиреченская губерния, 1871 год)

Города и округа	Православные		Староверы		Католики		Армяне		Протестанты		Евреи		Мусульмане		Язычники (Буддисты)		Всего		
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Всего
Верный	6 817	3 282	-	-	70	2	-	-	6	-	3	-	982	421	-	-	7 878	3 703	11 583
Верхский округ	5 102	4 594	-	-	2	-	-	-	-	-	4	-	71 108	61 463	-	2 030	80 052	68 996	140 048
Катай	2 032	4 214	-	-	35	1	-	-	4	-	5	-	585	283	-	-	2 761	1 400	4 181
Капальский округ	1 207	907	5	3	-	-	-	-	1	-	-	-	53 545	46 450	403	292	34 561	47 652	102 212
Сергеевский округ	672	330	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	40	-	-	-	716	330	1 044
Сергеевский округ	2 660	1 836	-	-	-	-	-	-	-	-	9	-	47 852	84 113	1 803	1 015	52 324	47 584	99 908
Томский округ	471	259	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	313	543	5	7	780	609	1 386
Томский округ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	80 385	56 247	-	-	60 385	58 247	128 632
Караульский округ	309	8	-	-	5	-	-	-	-	-	1	-	75	48	-	-	391	58	447
Иссык-Кульский округ	107	83	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	22 568	19 258	522	358	25 297	19 690	42 995
В городах	10 301	8 993	-	-	111	3	-	-	10	-	10	-	2 095	1 097	5	7	12 533	6 100	18 635
В округах	9 076	7 440	5	3	2	-	-	-	1	-	13	-	255 056	237 531	6 566	5 204	270 710	256 178	520 897
В губернии	19 377	12 433	5	3	113	3	-	-	11	-	23	-	267 151	238 628	6 571	5 211	283 252	256 178	539 530
Всего	31 810		8		116		1		11		23		495 779		11 782			539 530	

Площадь и население Туркестана

Название округа	Квадратные льё	Жители	Жители на квадратный льё
<i>Семиреченская губерния (1867):</i>	1 300	100 952	73
Сергиополь	632	106 474	165
Капал	1 111	160 631	76
Верный	1 360	126 630	94
Токмак	689	47 081	51
Иссык-Куль			
Всего :	6 352	543 094 (1)	85
<i>Сырдарьинская губерния (1867):</i>	1 610	89 966	56
Казалинск	2 220	111 621	51
Перовск	1 837	129 865	71
Чимкент	1 428	162 560	71
Улие-Ата	633	286 034	451
Курама	236	75 619	319
Ходжент	632	22 274	31
Джизак			
Всего :	8 595	318 478 (2)	96
Зеравшанский округ (1868)	205*	163 184	860
Всего по Туркестану (3)	14 947	1 361 573	92

(1) и (2) : включая войска (1859)

* без Кохистана

(3) Все эти статистические данные взяты из «Туркестанского ежегодника»

Tableaux statistiques (1)

(1) По данным полковника Маева (?) : Ташкентский ежегодник (Годы 1872, 1873, 1874 и 1876)

Сартский Ташкент

Население	Семьи	Мужчины	Женщины
Сарты : жители Ташкента	16.496	39.580	34.213
приезжие	22	287	08
Татары : жители Ташкента	170	320	253
приезжие	-	37	-
Киргизы : жители Ташкента	24	54	56
приезжие	-	122	29
Персы : жители Ташкента	-	1	-
приезжие	-	-	-
Афганцы : жители Ташкента	5	10	9
приезжие	-	6	-
Русские : жители Ташкента	5	14	6
приезжие	-	18	-
Евреи : жители Ташкента	-	11	-
приезжие	-	-	-
Индусы :	-	93	-
Китайцы :	-	-	3
Всего :	16.776	41.377	34.715
То есть 16.776 семей и 76.002 жителей			

**Население основных городов и селений
Сырдарьинской губернии**

ХОДЖЕНТ	Таджики			
	Дома 3.580	Жители 17.900	Дома 3.560	Жители 17.800
	Сарты			
	Дома 20 100	Жители (+ 7 индусов и 30 евреев)		
УРА-ТЮБЕ	Таджики			
	Дома 1.964	Жители 9.820	Дома 1.767	Жители 8.835
	Сарты			
	Дома 197 983	Жители (+ 12 индусов и 6 евреев)		
КАСТАКОС МАУ ДЖИЗАК АУЛИЕ-АТА	Дома	Жители		
	773 235 595 667	3.865 1.175 3.845 3.235	(Все таджики) (Все узбеки) (Все сарты) (Все жители сарты, есть 65 русских)	
ЧИМКЕНТ ТУРКЕСТАН ИКАН КАЗАЛИНСК	Дома	Жители		
	925 965 228 -	5.150 5.223 1.021 2.944	(Сарты) (Сарты) (Сарты) (Русские и киргизы)	

**Количество юрт и домов в
Сырдарьинской губернии**

Округ	Жители оседлые и кочевники	Численность :			
		Волости	Аулы	Юрты ¹	Дома
Казалинск	Кочевники	7	42	12.804 ¹	-
Перовск	Кочевники	10	100	20.018	-
Аулие-Ата	Кочевники	16	130	20.405	-
	Оседлые	-	-	-	363
Чимкент	Кочевники	20	184	29.722	-
	Оседлые	-	-	-	1.951
Курама	Кочевники	28	-	11.684	-
	Оседлые	-	-	-	26.731
Ходжент	Кочевники	Аулы ² 7	78	1.382	-
		Аксакалы ³ 18	-	-	18.996
	Оседлые	-	-	-	-
Джизак	Кочевники	-	-	327	-
	Оседлые	-	-	-	2.224
Город Ташкент	Оседлые	Серкеры? 7	-	-	-
		-	-	-	14.222
Всего				96.342	59.497

1. Обычно считают 5 человек на юрту (палатку).
2. В районе Ходжента совсем нет волостей, округа называются аулами.
3. Округ, находящийся в управлении аксакалов (старейшин).
4. Округ, находящийся в управлении серкеро (сборщиков налогов).

Население

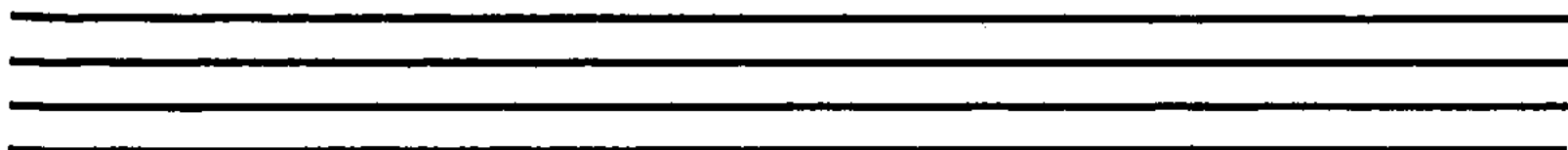
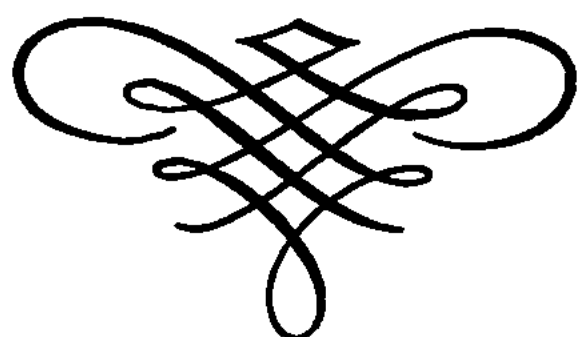
Город и округ	ОСЕДЛЫЕ ЖИТЕЛИ										КОЧЕВНИКИ			Ремарки		
	Сарты	Таджики	Узбеки	Курама	Евреи	Афганцы	Надусы	Китайцы	Татары	Персы	Киргизы	Кара-Кирг.	Узбеки		Всего	
Ташкент (Сартский город)	74.818	-	-	-	-	213	25	93	3	610	-	261	-	-	76.053	Все жители узбекского Ташкента называют себя сартами, никто не хочет быть курама.
Округа Казалинска	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	61.700	-	-	61.700	Все жители этого округа называют себя таджиками
- Перовск	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	100.090	-	-	100.090	
- Чимкент	23.510	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	152.695	-	-	176.203	
- Аулие-Ата	1.810	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	73.175	28.850	-	103.835	
- Курама	24.085	8.330	2.040	57.855	100	-	-	-	20	-	-	102.025	-	-	195.685	
- Ходжент	-	46.200	21.095	-	-	-	-	-	-	-	-	4.280	-	95.615	77.300	
- Джизак	33.600	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11.200	-	-	44.800	
Всего	158.453	54.530	23.135	57.855	313	25	93	3	630	-	506.116	28.850	5.815	835.848		

* Эти узбеки в большинстве своем полукочевники

Домашние животные

Город и округа	Лошади	Рогатый скот	Бараны	Верблюды	Козы	Ослы и мулы	Всего	Ремарки
Город Ташкент	9.000	10.650	6.800	1.803	1.040	3.200	32.490	В Ташкенте имеется еще 64 свиньи
Округа Казалинска	66.000	84.000	1.070.000	50.600	15.000	-	1.285.000	
- Перовск	67.000	81.000	1.420.000	49.000	9.000	120	1.626.120	
- Чимкент	32.000	65.040	400.000	20.000	7.800	1.760	526.600	
- Аулие-Ата	80.060	11.500	818.000	25.000	8.500	480	943.540	
- Курама	60.000	52.700	678.100	33.000	4.386	5.550	833.730	
- Ходжент	40.000	47.030	567.000	24.000	10.060	14.754	711.814	
- Джизак	38.000	36.000	457.000	16.700	11.400	5.400	564.590	
Всего :	302.150	387.020	5.416.900	210.500	70.186	31.204	6.523.020	

ИЗ ОРЕНБУРГА
В САМАРКАНД.
ФЕРГАНА, КУЛЬДЖА И
ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ

Мари де Ужфальви-Бурдон.

Путевые впечатления парижанки.

1876-1878 / Marie de Ujfalvy-Bourdon. V. D'Orenbourg a Samarkand, Le Ferghanah, Kouldja et La Siberie Occidentale. Impressions de voyage d'une parisienne// Le Tour du Monde, Nouveau journal des voyages. Hachette, 1879. 1er semestre. p. 1-33.

I. ОРЕНБУРГ

*Оренбург - Сакмара - Казачий квартал бедноты - Рынок
- Мечеть - Посещение муллы - Башкирский музыкант
- Бывший хан Коканда - Киргизский султан*

Поскольку мой муж, господин де Ужфальви был направлен Министерством образования в научную командировку в Россию, Сибирь и Центральную Азию, я решила его сопровождать: наш отъезд был назначен на 10 августа 1876 года.

Здесь я не буду ничего говорить о нашем путешествии до Москвы. Этот маршрут хорошо известен читателям «Тур дю Монд» (1). И я прошу их вслед за нами покинуть столицу России и очутиться на железной дороге (2), ведущей в Оренбург.

Оренбург — это город, расположенный на границе Европы и Азии, в котором проживают примерно сорок тысяч жителей. Вид у него достаточно приятный, дома выглядят прилично. Один из магазинов поразил меня: он расположен на большой красивой улице Оренбурга и снабжен вывеской на французском языке - «Лионские шелка» («Soieries de Lyon»). Эта вывеска, красовавшаяся среди киргизского, башкирского и татарского населения, вполне могла удивить и заинтересовать парижанку.

С высоты своеобразной террасы открывается вид на речку Сакмару, которая впадает в Урал, величественно разделяющий Европу и Азию. А вдали расстилается степь!... На противоположном берегу реки растут деревья и стоят симпатичные деревенские домики, до половины уходящие под воду во время весеннего разлива и восхитительные летом. Мы остановились в этом месте на какое-то время, чтобы насладиться этим великолепным зрелищем: позади нас Европа, перед нами — Азия!

Со стороны Европы вдоль по берегу стоят жалкие хужи-

ны, построенные так, чтобы выдержать весенние разливы. Это казачьи кварталы бедноты. Каждый казак на службе России должен иметь обмундирование и лошадь. Ни одна женщина из этого племени не согласится пойти в услужение; предложи ей кто-нибудь место горничной, откажется и предпочтет скорее умереть с голоду.

Меновой двор, большой торговый рынок, расположенный по соседству, являет собой самое любопытное зрелище в Оренбурге. Мы прибыли туда в санях. Стоял такой холод, что я была вынуждена прятать лицо в муфте и лишь, уступая любопытству, оставила щелочку для глаз. Мы смело окунулись в шум и суету. Гвалт стоял страшный. Это было вавилонское столпотворение меньших масштабов; я слышала, как все языки — и какие языки, боже мой! — смешивались, скрещивались, привлекали внимание, каждый торговец стремился перекричать другого и расхвалить свой товар лучше, чем сосед. Одеяния, как и языки, были самые разнообразные: нас задевали длинные татарские платья, киргизские шубы, сартские ватные халаты (кафтаны). Над всем этим возвышались столь же разнообразные головные уборы — от островерхих подбитых мехом башкирских шапок до тюрбанов бухарских торговцев.

Мы продолжали передвигаться в этом огромном караван-сараяе, который я не в силах описать детально. Предметы искусства занимали там далеко не первое место. Именно на рынке осознаешь, что львиную долю составляют материальные потребности и насущные требования желудка. Как ни тривиально это звучит, но в этом приграничном городе рынок являет собой поистине грандиозное зрелище, он одновременно европейский и азиатский, и, находясь там, начинаешь испытывать какое-то предчувствие обновления мира, созревающего для перехода к иному существованию. Какие инстинкты доминируют в этой толпе? Какая идея будоражит умы? Заставляет ли общее чувство биться эти сердца сильнее? Этот авангард, за которым угадывается мощь орд, сделает ли он однажды шаг к Западу? Эти смутные вопросы без ответа бродили в моем воображении и сжимались при 26 градусах мороза по Реомюру (шкала от 0 до 80).

В семь часов вечера вместе с дочерью генерал-губернатора Оренбурга госпожой Л... мы отправились в мечеть, которую сразу узнали по башне с минаретом, откуда мулла разговаривает с луной и пять раз в день объявляет время молитвы. Мечеть была освещена в честь нашего прихода, и все ее ви-

тражи сверкали. Здание представляет собой уменьшенную копию мечетей Константинополя, цилиндрической формы, с куполом, украшенным резьбой. На мраморные стены золотыми буквами нанесены изречения из Корана. Мечеть построена в 1840 году.

Мулла радушно принял нас, пожелал нам счастливой дороги и пригласил нас в свой дом, расположенный в двух шагах от мечети. Приглашение было немедленно принято. Через минуту мы уже входили в квадратную гостиную, в которой были стулья, диван, сундуки, современное зеркало и внушительная коллекция диванных подушек. Стол перед диваном был накрыт к чаю.

Хозяин пригласил нас также посетить свой гарем : «Как не показать дочери Звезды и ее знаменитой подруге все, что я могу показать!». Он откинул полог из белого полотна и открыл скрывавшуюся за ним дверь. Мы вошли в комнату. В ней было множество подушек, а у стены стояла большая очень высокая кровать, напоминающая кровати наших крестьян, но на ней не было постельного белья. Две очаровательные женщины приветствовали нас. Мы пожали руки им обеим, а также появившейся третьей женщине, весьма пожилой, оказавшейся матерью муллы.

Рядом с ними находились дети — мальчик и девочка. Девочка, лет восьми, была очень хорошенькой : большие черные глаза, правильный нос, выражение легкой меланхолии на лице; она выглядела старше своего возраста в длинном платье, отделанном мехом, с монисто на шее и маленькой шапочкой в неаполитанском стиле на голове. Мальчик, 4-5 лет был настолько же некрасив, насколько его сестра была прелестна.

Мы вернулись в гостиную, где хозяин угостил нас чаем с пирогом домашнего приготовления — с медом и рисом, а затем подал сухофрукты.

На следующий день мы поднялись на минарет в сопровождении служителя мечети. Мы вскарабкались по крутой лестнице и были вознаграждены за свой труд великолепным видом на город: у наших ног лежал Оренбург, с одной стороны — Азия и степи до горизонта, с другой стороны — Европа, по которой пролегла нить железной дороги, казалось, связывающая западный мир с тишиной и просторами востока.

Мы были весьма признательны служителю мечети, давшему нам возможность увидеть такое зрелище, но еще большую благодарность мы испытывали к мусульманину татарского происхождения по фамилии Бекчурин, известному

своими исследованиями в области востоковедения. Ему захотелось дать нам представление о серенаде в местном звучании, и он пригласил слепого башкира, который пришел с самодельной дудкой от 60 до 80 сантиметров в длину. Этот странный музыкант извлекал из своего инструмента нежные звуки, он сыграл для нас несколько народных мелодий, весьма приятного звучания, монотонных, но ритмичных. Один из фрагментов поразил меня глубокой грустью. Я не могла не восхищаться мастерством этого человека, в руках которого кусок тростника пел как настоящая флейта.

Когда он закончил играть, господин Ужфальви дал ему рубль. Он его взял, ощупал и спрятал в сапог – своеобразный кошелек, ничего не скажешь, уложил свой кусок тростника в футляр, напоминавший китайский зонтик, и ушел в сопровождении двух башкиров, таких же старых, как он сам, но гораздо менее приятной внешности.

Самый любопытный персонаж в Оренбурге – Худаяр, бывший хан Коканда, интернированный в этом городе. Мы не смогли удовлетворить свое любопытство и встретиться с бывшим правителем : он был болен. Нас заверили, что эта болезнь связана с его мрачным расположением духа, с тем, что Ксавье де Мэтр называет звериной злостью, в его душе не нашлось места угрызениям совести. Этот мини-Нерон смог уничтожить десять тысяч человек за несколько дней, чтобы усмирить бунт своих подданных. Россия выплачивает ему пожизненную пенсию в пятнадцать тысяч франков. Зависимое положение не смягчило его свирепость.

Однажды вечером, за десертом, когда все гости были в хорошем настроении, хан задумчиво рассматривал их некоторое время и, несомненно, найдя их отвратительными, внезапно обратился к генерал-губернатору : «Не могли бы вы приказать отрубить головы всем этим людям?». Этот вопрос, заданный с азиатской флегматичностью, заметно охладил атмосферу застолья, люди невольно вздрогнули под стальным взглядом пленного тирана. «Моя власть, – сказал губернатор, – не распространяется так далеко». «В таком случае мне вас жаль». И он вновь принял безмятежную позу самца семейства кошачьих.

Вместо встречи с бывшим правителем Коканда у нас состоялась встреча с киргизским султаном, очень плотного телосложения, пышущим здоровьем, в костюме, изобилующем украшениями. Он был с нами очень любезен, производил впечатление человека откровенного и честного, в отличие от вероломности и коварства, присущих, как говорят, Худаяру.

(...) 8 февраля 1877 года мы покидаем Оренбург. Трудно перечислить весь тот багаж, который мы погрузили в сани : провизию, шубы, лампу, свечи, даже факел на тот случай, если заблудимся ночью. Наш слуга Павел, немец из Прибалтики, нанятый в Санкт-Петербурге, говорит как на родном языке, так и по-русски, что нам весьма пригодится в пути.

Стоял двадцатиградусный мороз; шел небольшой снежок; в сани были запряжены сильные степные лошади. Дорогу можно было узнать лишь по стогам сена, стоявшим на расстоянии друг от друга посреди бескрайних снегов. Этот пейзаж был настолько монотонным, что я почти все время переводила взгляд на покачивающиеся в такт движению колокольчики на дуге — большом деревянном полукруге, напоминающем подкову, на средней лошади в упряжке. Кругом снега и снега, лишь время от времени оживляемые стогами сена. И так в течение примерно двадцати дней.

Третий день путешествия был очень тяжелым. Ветер взметал такие вихри снега, что не было видно солнца. Пришлось запрячь в сани пять лошадей. Наш гид отморозил ухо, и оно кровоточило. Он нуждался в медицинской помощи, но приходилось исходить из обстоятельств.

Лошади дышат все тяжелее, мы поднимаемся все выше, это, должно быть, один из первых отрогов Урала. Перед нами вырастают холмы, и несмотря на опасность, ветер и холод, мы с волнением созерцаем великолепную панораму, которая открывается перед нами: громадные гранитные глыбы погребены под снегом, вдали виднеются рощи, овраги, за ними — равнины и деревни. Удастся ли нам добраться до одной из них раньше, чем наступит ночь.

Дорога по-прежнему поднимается в гору; наступает момент, когда мы должны спускаться; гора столь высока, а дорога столь узка, что одно неверное движение лошадей или саней может послужить причиной падения в пропасть. Но постепенно начинается спуск, мы уже находимся по другую сторону Уральских гор. Перед нами Азия! Пейзаж становится более приветливым, деревья окаймляют дорогу, тетерева улетают при нашем приближении.

На следующий день мы переправляемся через реку Урал по крепкому льду, и перед нами открывается панорама Орска. Черно-белый столб указывает на то, что Европа закончилась и началась Азия.

Орск известен своим рынком и тем, что служит перевалочной торговой базой для Оренбурга.

Мы выезжаем в открытую степь, настоящую киргизскую

степь. До самого горизонта — бескрайние просторы. Издалека кажется, что перед нами раскинулось море.

В пути нам встречаются многочисленные караваны верблюдов. Караванщики — киргизы в своих традиционных шапках. Снег покрывает все густой пеленой, и деревни видны ровно настолько, чтобы быть замеченными.

Двигаясь от станции к станции по разбитым дорогам, мы прибываем в Иргир, где стоит русский гарнизон. Это маленькое поселение из нескольких домов на возвышенности. При въезде растут несколько деревьев, настолько чахлах, что кажется, они стыдятся того, что выросли среди пустыни.

На следующий день вечная монотонность дороги была нарушена появлением волков, крупных животных, размером с жеребенка, и, следует заметить, очень умных — догадываясь о ценности собственной шкуры, они держались на недосягаемом для выстрела расстоянии.

Вскоре исчезли и волки, и мы оказались одни в степной необозримости. Ничего на горизонте; нашим лошадям словно не терпится выбраться из этого безмолвия, и они несутся во весь опор по необъятной степи вплоть до Терекли, что на границе с Туркестаном.

Начиная с Оренбурга, все станционные здания были деревянными, а после Терекли они становятся глинобитными с плоскими крышами.

Мы пересекаем пустыню Каракумы («Черные пески»). Дорога усеяна костями животных: верблюды собственными скелетами разметили караванную дорогу.

Мы проводим одну ночь и один день в Акджульпасае, станции на берегу Аральского моря. Море в жестких объятиях зимы имеет вид бескрайнего ледяного покрывала.

На следующий день мой муж отправился в киргизский аул (деревню), чтобы осмотреть интерьер войлочных палаток и сделать антропологические измерения. Каждый киргиз, мужчина или женщина, пожелавший принять участие в этом невинном эксперименте, получает небольшое вознаграждение. А когда мы уезжаем, эти славные киргизы провожают нас конным эскортом. Мы невероятно горды этим, но начальник станции несколько умерил наш пыл, пересказав свой разговор с одним из наших провожатых. Говоря о г-не Ужфальви, он заметил, что ему «еще никогда не доводилось видеть такого глупого человека, который дает нам деньги в обмен на право пощупать голову». А надо заметить, что предмет исследования был удручающе грязным.

Киргизы, чьи нравы превосходно описаны госпожой Аткинсон, подразделяются на шесть орд:

1. Каракиргизы в Семиречье (провинция Семи рек), в Фергане и в одном из районов на известном Памирском плато.

2. Большая орда (Улу джуз) в Туркестане.

3. Средняя орда (Курту джуз) в Семипалатинской и Акмолинской губерниях Западной Сибири.

4. Малая орда (Кши джуз) в Оренбургской, Уральской и Тургайской губерниях и в Приаралье. Самая многочисленная.

5. Букеевская орда, вблизи Каспийского моря, в Астраханской губернии европейской России (только с 1801 г.).

6. Киргизы Западного Китая — это семьи, отделившиеся по тем или иным причинам от вышеназванных орд.

Первая орда называется Киргизской, другие, как правило, Казахскими, или Кайсацкими. Но, по сути, это один и тот же народ. Они говорят на одном языке, представляют собой один и тот же тип и имеют одни и те же нравы и обычаи вплоть до суеверий. Каракиргизы являются горными кочевниками, все остальными — равнинными.

В плане физических данных киргизы обычно среднего роста, лица квадратные, скуластые, углы глаз приподняты, рот большой, зубы небывалой белизны. У женщин глаза сверкают, как рубины. Туловище квадратное, кисти и стопы очень маленькие, открытые участки кожи смуглые, а закрытые, наоборот, очень белые. В человеческом плане киргизы производят приятное впечатление: они открыты, честны, им можно полностью доверять и полагаться на их слово, в этом смысле они намного выше сартов, проживающих в городах Центральной Азии. Когда русский купец отправляет свои товары в Хиву или Бухару, он доверяет их сопровождение чаще всего киргизам, так как в этом случае он может быть уверен, что они будут благополучно доставлены, если не возникнет каких-то непреодолимых препятствий. С тех пор как русские навсегда разгромили тюркские (тюркоманские) орды, совершавшие опустошительные набеги на степи вплоть до северного побережья Арала, киргизы спокойно оказывают им услуги, таким образом, торговля осуществляется в полной безопасности к обоюдному удовольствию и удовлетворенности новым порядком вещей. Киргизы — мусульмане, но мусульмане довольно вялые, а их женщины всегда ходят с открытым лицом; они являются отличными наездницами.

Мы уезжаем через день. Погода стоит прекрасная. Снег растаял, и мы садимся уже не в сани, а в тарантас. Что за орудие пытки!

III. ОТ КАЗАЛИНСКА ДО ТУРКЕСТАНА

*Казалинск — Сырдарья — Развалины — Кибитка
— Киргизский интерьер — Нравы — По замерзшей реке
— Кладбища — Перовск — Тигры и фазаны — Желтое молоко
— Наводнения — Туркестан — Мечеть Хазрет — Базар*

Маленький форпост и огромные ветряные мельницы, радостно машущие своими крыльями, возвестили нам о приближении Казалинска.

Первые показавшиеся домики выглядят симпатично и говорят о некотором достатке. Они окружены маленькими хорошо ухоженными террасами. Нас гостеприимно пригласили в один из таких домиков. Майор Абгралль, начальник округа, французского происхождения, но не говорящий ни слова на нашем языке и объясняющийся с нами через переводчика, предоставил в наше распоряжение повозку и солдата.

Мы воспользовались ею, чтобы прокатиться по городу и восхититься видом Сырдарьи, покрытой льдом и сверкающей, как зеркало. Город, несмотря на то, что является крепостью, очень напоминает наши деревни: дома сделаны из обожженных на солнце кирпичей, вокруг некоторых разбиты сады, если так можно называть группы деревьев, напоминающие черенки метел; улицы грязные, тротуаров, естественно, нет, и все дорожное дело отдано на откуп погоде. Есть один памятник — клуб в восточном стиле.

После того, как мы пересекли Сырдарью по льду, мы оказались перед грудой кирпичей; это развалины Джанкента, расположенные в 38 километрах от Казалинска.

В этот момент показался конный киргиз, который пригласил нас посетить его кибитку. Мы знаем, что кибитка — это войлочная палатка, имеющая в своем основании деревянный каркас цилиндрической формы, образующий вверху купол с отверстием для выхода дыма. Войлок, охватывающий этот каркас, защищает от холода, жары, дождя и снега.

Кибитка, в которую мы вошли, была очень чистой и большой; на земле были расстелены красивые ковры; в ка-

честве мебели использовались сундуки, инкрустированные серебром; о стульях не могло быть и речи, потому что мусульмане сидят в позе портного. В кибитке находились молодая женщина и ее мать. Хозяин жилища намеревался взять себе еще одну жену. В ответ на ремарку моего мужа о том, что он мог бы удовольствоваться и той, что у него уже есть, он сообщил, что приведет еще одну жену будущей весной, а затем еще одну — следующей весной. По-видимому, все дело в весне. При этом жена, появившаяся этой весной, была очаровательной и очень опрятной: она показала нам своего грудного сына, которого кормила, не забывая прижимать ему уши, следуя традиции края. Считается, что благодаря этой операции у ребенка будет более тонкий слух.

Глава дома предложил нам чаю, который был налит в две пиалы с двумя чайными ложками, поставленными на своеобразную салфетку, расстеленную на металлическом сундуке, остальным ложки не были поданы. Жена вообще не пила чай.

Пока мы утоляли жажду, ребенок расплакался, мать взяла его за ногу и, держа его над ведром с водой, стала лить на него другой рукой совершенно холодную воду, затем положила его в колыбель, и ребенок успокоился.

У киргизских кочевников женщины делают все, даже ухаживают за лошадьми; мужчины совершенно свободны от бытовых забот. Настоящий баланс сил, при котором все в хозяйстве идет хорошо; возможны ли какие бы то ни было ссоры, когда у одного есть все права, а другого все обязанности? У сартов (жителей городов Центральной Азии) все наоборот: женщины занимаются лишь собой и не опускаются до работы по дому, которую выполняют слуги, а муж является лишь главным слугой, умеющим держать веник, шить и вышивать.

Богатые киргизы значительно отличаются, по крайней мере, по одежде, от бедных киргизов. Они также гораздо чище и ухоженнее.

Правительство взяло на себя труд запретить *баранту* (войны, которые постоянно вспыхивали между семьями одного племени) и провести принудительную вакцинацию, чтобы положить конец свирепым эпидемиям оспы, косившей ежегодно кочевников. Благодаря этим мерам население растет, но растет и бедность. Скотоводство уже не позволяет прокормиться, и многие семьи вынуждены заняться земледелием, чтобы выжить. Весьма любопытно наблюдать за этим народом, выступающим в роли земледельца, ведь у киргизов

считается, что земледелие — это признак бедности и упадка. Киргиз рожден кочевником, он был им с незапамятных времен, когда Рюбрукис и План Карпин посетили этот край. Когда киргиз становится оседлым земледельцем, он меняется, становится *сартом*. Вместо того, чтобы подниматься по лестнице человеческой цивилизации, он спускается, он теряет свою честность и открытость, он быстро становится подлым, жестоким и скрытным — именно эти черты характеризуют занимающееся земледелием оседлое население Центральной Азии.

Настало время проститься с нашими хозяевами, чье истинно киргизское гостеприимство нас очень тронуло. Нас приняли настолько душевно, несмотря на внешнее спокойствие и даже холодность, столь свойственную характеру мусульманина, что грех было бы жаловаться.

При выезде из Казалинска мы следовали вдоль берегов Сыра, восхищаясь красотой его островков и живописными кибитками. Мы проделали значительную часть пути по замерзшей реке, по которой наша повозка замечательно скользила.

Река местами столь широка, что противоположный берег едва виден. Повсюду видны стада, которые находят корни в земле для пропитания.

Станции выглядят лучше и, несмотря на то, что они глинобитные, располагают двумя комнатами для размещения путешественников, на дверях и окнах имеются занавески. Земляные лежанки вдоль стен вполне пригодны для ночлега, когда на них расстелены матрацы; поспешу заметить, что не следует быть неженкой. Несколько раз нам подавали молоко и яйца.

Справа и слева нам встречаются весьма любопытные кладбища. Они не закрыты; могилы богатых людей представляют собой своеобразные квадратные портики с входом посередине, они достаточно большие, неплохо отделанные, но все состоит из пересохшей под солнцем земли. На одном из кладбищ были портики с колоннадами, свидетельствовавшими о наличии архитектурного вкуса у местных народов.

Перед Перовском, маленьким городком, напоминающим Казалинск, пейзаж заметно оживился. Нам встречались многочисленные киргизские кочевники, женщины с детьми и мужчины на верблюдах, соединенных между собой веревкой, продетой в ноздри; на последнего была навьючена кибитка — этот переносной дом для семьи. Женщины шли

пешком и вели животных, в то время как их мужья гарцевали верхом на лошадях.

Мы были вынуждены отдалиться от Сырдарьи, чтобы обогнуть болотистую местность, которая тянется от форта Кармакчи до Перовска и которую называют Бакали-капа.

Среди этих болот нам повстречался земледелец — первый с того времени, как мы покинули Оренбург.

Перед нашим выездом из Перовска нам рассказали, что в тридцати верстах от города в течение недели было убито три тигра. Русское правительство платит по двадцать рублей за убитое животное, оставляя шкуру охотникам, которые продают ее за десять рублей. Десять рублей за такую шкуру — это недорого, так как на сегодняшний день десять рублей — это, примерно, двадцать пять — тридцать франков.

Нам не довелось увидеть ни одного из этих представителей семейства кошачьих. Зато мы видели множество фазанов.

На одной из станций мне случилось выпить светло-желтого молока, наверняка, такая окраска связана с травами, которые ест скот в этих местах.

Так мы постепенно продвигались вперед, от станции к станции, как вдруг нам пришлось столкнуться с наводнениями. Староста нас предупредил, что на двадцать верст вокруг разлилось столько воды, что нам следует послать одного из ямщиков на ближайшую станцию за подмогой.

И действительно, в конце лощины, выстеленной ветками и соломой, мы оказались перед импровизированным озером. Попытка переправиться через него оказалась неудачной, и мы вынуждены были остановиться и ждать около часа в сгущающихся сумерках, пока нам помощь придут люди с той станции, которую мы уже проехали. Они привели лошадей и вытащили нас из этого тупика.

В этот и на следующий день мы проезжали мимо старинных глиняных крепостей: Сена-Курган, Яны-Курган, Сауран. Неподалеку от последней мы имели несчастье переправляться через реку в 11 часов вечера, да еще в марте, да еще за двадцать километров до ближайшей станции!

Наконец, мы приблизились к Туркестану. Погода стояла великолепная, и мы могли любоваться красотой гор Каратау и их заснеженными вершинами. Вид был действительно потрясающий, что позволило нам отвлечься от монотонности этой бесконечной степи, тянувшейся от Яны-Кургана. Здесь тоже была степь, но другая, уже начинающая зеленеть, и мы от всей души были рады этим первым весенним росткам.

Нам оставалась еще одна речная переправа перед нашим прибытием в Туркестан. У реки мы застали целый караван. Голые по пояс погонщики загоняли в воду верблюдов и заставляли их перебираться на другой берег. Несмотря на рост, верблюды шли по грудь в воде. Нам предложили пересечь в громадную телегу, так называемую арбу, туда же погрузили наш багаж, и мы тронулись в путь вслед за сопровождающим нас на всякий случай всадником.

Чудо Туркестана — это мечеть Хазрет (З): колоссальный сводчатый храм, по бокам которого поднимаются две великолепные квадратные башни. Какой же эффект это должно было производить в те времена, когда здание было выложено глазурованными кирпичами, переливающимися всеми цветами под солнцем, отраженный свет которого сиял ореолом над архитектурным ансамблем.

Сегодня, к сожалению, большая часть этих кирпичей исчезла, их осталось ровно столько, чтобы свидетельствовать о минувшем величии.

Мы вошли внутрь через достаточно узкую для такого громадного здания дверь. Муллы всех возрастов и дети выстроились по обе стороны от двери. Интерьер в своем роде так же красив, как экстерьер: это большой квадратный зал, увенчанный великолепными сводами, с орнаментальными нишами. Архитектура свода, позволяющая проникать в здание узким лучам света, поражает гармонией линий. Архитектор, создавший это творение, был одновременно гениальным профессионалом и человеком тонкого вкуса. Крупные части удивляют смелостью и оригинальностью линий, а детали выполнены с большой тщательностью. Посреди зала стоит огромный котел, предназначенный каким-либо древним религиозным фондом для приготовления пищи странникам. Перед этим кулинарным гигантом со стороны входной двери мы замечаем два бронзовых подсвечника. Резьба по металлу выполнена с большим мастерством; еще видны следы мозаики, которая, несомненно, усиливала впечатление. Именно перед этими подсвечниками нынешние киргизы, у которых нет детей, приносят в жертву баранов в надежде продлить свой род.

В глубине зала мы замечаем резную деревянную дверь; резьба по дереву — подлинный шедевр, с тем же мастерством выполнена резная металлическая задвижка. Эта дверь ведет во внутреннюю часть храма (неф), где покоятся останки местного святого — Хазрета, или Яссави, над которыми по приказу Тамерлана и по проекту Ходжи Хусейна, выход-

ца из Шираза, что находится в Персии, в 1404 году и была возведена эта величественная мечеть. В многочисленных маленьких кельях находятся надгробные камни, покрытые надписями, многие из них выполнены с определенным вкусом. Самый красивый камень установлен над могилой киргизского султана. Рядом находятся могилы поскромнее, а дальше — просто песчаные холмики с воткнутыми в песок перьями. Сегодня потребовались бы миллионные средства для реставрации этого прекрасного памятника; уже недалек тот момент, когда он превратится лишь в груды бесформенных развалин.

Рядом с большой мечетью находится другая, поменьше, возведенная в честь одной из дочерей Тамерлана; она представляет собой еще одно элегантное сооружение, выложенное цветными глазурованными кирпичами.

На базаре в Туркестане продается множество предметов, изготовленных местными ремесленниками. Мы приобрели несколько диковинок, среди которых попона, вышитая тамбурной строчкой; цвета очень яркие, но подобраны с безупречным вкусом.

Эта попона покрывает спину лошади киргизской невесты, когда она направляется в кибитку своего мужа.

IV. ОТ ТУРКЕСТАНА ДО ТАШКЕНТА

*Икан — Жена начальника почтовой станции
— Чимкент — Таджики, узбеки, сарты
— Тянь-Шань — Ташкент — Тюрьма — Генерал Кауфман
— Анекдоты — Азиатская жестокость
— Престиж правителя — Сартский Ташкент*

Икан был первой встретившейся нам после Туркестана деревней; какая же огромная разница по сравнению с нашими оживленными деревнями, в которых крестьяне ведут активную внешнюю жизнь! Здесь повсюду тишина и спокойствие, за исключением базара, представляющего собой несколько строений, похожих на наши конюшни, где дремали несколько человек, проводивших нас взглядами, в которых сквозило присущее мусульманам равнодушие. Нам показалось, что мы проехали мимо исторических развалин.

Жена начальника одной из почтовых станций между Туркестаном и Чимкентом оказалась татаркой, как и ее муж. Это, возможно, первая симпатичная мусульманка, которую

я встретила со времени отъезда из Оренбурга. Она была высокой и стройной, с великолепными волосами, приятными чертами лица, хорошим цветом кожи, но особенно красивыми были глаза и зубы. Ей необычайно шло ее широкое платье из голубого шелка, а ее остроносые кожаные сапожки с орнаментом смотрелись очень оригинально. Мой муж сказал, что она, должно быть, иранского происхождения.

От Туркестана до Чимкента не было ничего необычного, если не считать многочисленные речные переправы, к которым мы уже привыкли. Самой опасной оказалась переправа через реку Арысь, напоминающую нашу Марн, в тот момент особенно полноводную из-за таяния снегов. Мы переправились на арбе.

Вечером около шести часов Чимкент предстал перед нами, окруженный деревьями. Местные путешественники, легко узнаваемые по широким халатам и тюрбанам, спокойно передвигались по городу, кто верхом на лошади или на ишаке, кто на верблюде, с видимым удовольствием воспринимая его покачивания. Нам доставило радость и это необычное уличное движение, и вид телеграфных столбов.

Чимкент показался мне приятным местом: форт расположен на возвышенности, его опоясывает зеленый газон, которому заходящее солнце придает особенно нежные тона. При свете дня город представляет собой смешение русских и азиатских жилищ под жарким солнцем, приносящим гармонию в белые и серые тона и уравнивающим убогость одних радостным видом других.

В Чимкенте («Зеленый город») живут сарты и ставшие оседлыми киргизы. В Центральной Азии сартом называют любого горожанина или сельчанина, ставшего оседлым земледельцем. Впрочем, таджики, единственные, кто имеет персидское, или иранское происхождение, сохраняют свое название. В долинах живут кочевые киргизы и полукочевые узбеки, и те, и другие тюркского происхождения. Полукочевники отличаются от кочевников лишь тем, что кочуют только летом, зимой они живут в деревнях.

Когда киргиз или узбек поселяется в городе или в сартской деревне, его потомки становятся сартами. Таджики говорят на персидском диалекте, а сарты — на восточном турецком.

После Чимкента пейзаж становится другим: с левой стороны на горизонте видны снежные вершины Тянь-Шаня; дорога постоянно то поднимается, то спускается; речки и ручьи пересекают ее; время от времени мы видим животных,

идуших на водопой. Дорога размыта дождями, и наш ямщик часто прокладывает путь по крутым склонам холмов.

Станции следуют одна за другой – это уже не одинокие домики, затерянные в пустыне, их окружают поселения. Наконец, вечером 14 марта в половине пятого, после того, как мы проехали по деревянному мосту, просто великолепному по сравнению со всеми предыдущими, нашим взорам открылся Ташкент.

Первым зданием, на котором остановился наш взгляд, была военная тюрьма. Наш ямщик спустился с облучка, чтобы прикрепить колокольчик к экипажу. Мы проехали через кирпичные ворота, перед нами уходила вдаль широкая улица, обсаженная с обеих сторон деревьями; мы проехали ее до конца.

Там и сям нам встречались симпатичные зеленые и белые домики, напоминающие парижские предместья. Мы свернули направо по широкому проспекту. Посреди тенистой площади нашим взглядам представилась бело-розовая церковь. Наша повозка останавливается перед домом, и я не верю своим глазам от радости: на доме вывеска по-французски: «Ресторан – Отель Ревийон». Француз, наш соотечественник, выходит нам навстречу. Я выпрыгиваю из повозки с такой радостью, какой уже давно не испытывала.

Свой первый визит мой муж нанес генерал-губернатору Туркестана Кауфману, который, не желая выслушивать его благодарности, очень радушно принял нас и пригласил поужинать с ним на другой день.

На следующий день в пять часов он прислал за нами машину. Когда мы прибыли в резиденцию, генерал лично встретил нас в передней; его любезное лицо, его вежливые манеры сразу же вызвали мое расположение.

Ужин был накрыт в уютной и хорошо обставленной столовой.

Среди многочисленных историй генерал рассказал нам одну, которая показывала всю жестокость азиатских характеров. Худаяр-хан, находящийся в данное время в Оренбурге, лишился отца в 14 лет. Перед тем, как занять престол, он находился под присмотром опекуна и опасался, что тот узурпирует власть. Когда хан достиг совершеннолетия, опекун скрылся в горах среди горских киргизов. Поскольку мать Худаяр-хана была киргизской, а опекун был сартом, и с учетом того, что киргизы и сарты относятся друг к другу с самой искренней ненавистью, Худаяр-хану не составило труда выловить опекуна вместе с шестью сотнями его сторонников. Как еще можно поступить с этими людьми, как не отсечь им головы. Имен-

но так и поступил Худаяр-хан; но так как любая казнь — это спектакль, а, следовательно, — удовольствие, то его постарались максимально растянуть: сторонники экс-опекуна были обезглавлены один за другим на глазах их главаря, казненного последним. Такая инаугурация по случаю восшествия на престол показала, чего можно ждать от Худаяра. Он столь рьяно принялся за дело, что его несчастные подданные восприняли русское завоевание с определенным удовлетворением, оно избавляло их от местного притеснителя.

Персона у власти оказывает огромное влияние на восточные народы; «*заместитель императора*» Туркестана не избегал этой участи. Во время пребывания генерала Кауфмана в Санкт-Петербурге Александр II, заинтересовавшись термином *заместитель императора*, спросил у генерала: — Это правда, что тебя называют там Ярим Падишах? — Да, Ваше Величество. — А что это значит? — Наполовину император. А, — воскликнул Александр II, — хотел бы я знать, на какую половину.

Погожим летним днем генерал Кауфман пригласил на ужин большое количество офицеров, вернувшихся из экспедиции в Алайскую долину, что в окрестностях Памира. Самой высокой вершине в этой местности, только что покоренной, было дано название Пик Кауфмана. Ужин проходил на открытом воздухе, поэтому приглашенные могли оставаться в головных уборах. Когда подали суп, генерал обратился к молодому полковнику инженерных войск: Встречались ли вам высокие горы в Алае? — Да, Ваше Превосходительство. — Какая же самая высокая? — Пик имени Вашего Превосходительства, — ответил полковник, стоя по стойке смирно и держа в правой руке свой головной убор, а левую вытянув по шву брюк. Когда суп унесли, генерал вновь обратился к полковнику: Действительно ли эти горы так удачно расположены? — Да, Ваше Превосходительство. — А какие занимают самую выгодную позицию? — Те, что окружают Пик имени Вашего Превосходительства, — ответил офицер, вновь встав навтыжку. Во время жаркого генерал обратился к нему в третий раз: — Много ли снега в Алайской долине? — Да, Ваше Превосходительство. — А где самый глубокий снег? — На вершине имени Вашего Превосходительства, — ответил офицер, по-прежнему вставая по стойке смирно.

Генерал перестал задавать вопросы, так как видел, что полковник всегда найдет способ отослать его к вершине Его же Превосходительства.

Генерал Кауфман, губернатор Туркестана, один из луч-

ших в русском генеральском корпусе, он достиг самых высоких чинов и званий благодаря личным качествам. Вспомним победу в Хиве, которую в полной мере оценят те, кто понимает, как трудно организовать снабжение армии в пустыне и сосредоточить там большое количество людей. Это поистине выдающаяся военная операция. Его кампании в Зеравшане и последние победы в Фергане, которую, говорят, он вынужден был присоединить к Туркестану, создали ему безупречную военную репутацию. Император, который его любит и ценит, доверил ему пост губернатора Туркестана. Он главный в этом регионе, имеющий право распоряжаться жизнью и смертью своих подданных, а также объявлять войну или заключать мир по своему усмотрению, он никогда не злоупотреблял своей властью и сумел завоевать всеобщую любовь.

Мы устраиваем свою штаб-квартиру в Ташкенте и ждем того момента, когда сможем отправиться в Самарканд, известный всюду как город Тамерлана, такая же святыня для мусульман, как Рим для католиков.

Теперь нам предстоит посетить традиционный, то есть старый Ташкент, и однажды солнечный днем мы пускаемся в путь на прекрасных лошадях.

Ташкент состоит из двух городов: русского города и мусульманского, или сартского. Здесь его называют именно сартским. Русский город очень симпатичный, с широкими улицами, по обеим сторонам которых посажены деревья, между которыми журчат ручьи (арыки). Поскольку очень немногие дома не окружены садом, то весь город напоминает огромный парк. Растительность там восхитительная, и деревья растут с потрясающей быстротой благодаря, конечно, разветвленной ирригационной системе.

Дом губернатора не отличается особым внешним видом, потому что строился постепенно, из года в год обрастая пристройками. Но интерьер великолепен. Гостиные, оранжереи, комнаты, убранные в местном стиле и украшенные тканями и европейской мебелью, — все это превращает жилище в настоящий дворец. Сад, открытый летом для публики, очень красив. Несколько дней в течение недели в нем играет военный оркестр.

В Ташкенте много разнообразных магазинов, многие из которых просто замечательные. Ночью город освещается керосиновыми лампами. Скорпионы, фаланги, тарантулы редко посещают русский город, но они весьма многочисленны в сартском городе.

Сартский город похож на все другие города Центральной Азии. Улицы узкие, извилистые и грязные, стены домов глинобитные цвета земли, окон нет, во дворах растут большие деревья.

Базар очень большой и весьма оживленный, там можно найти всю продукцию Центральной Азии. Каждый ряд базара отдан под продажу какого-либо одного вида продукции, что позволяет легко ориентироваться в этом изобилии. Повсюду разбросаны лавочки, где пьют чай, в некоторых — разместившись на своеобразной веранде, покрытой коврами, в других — в более примитивных условиях. Иногда молодые люди исполняют песни, поражающие своей заунывностью. Иногда бродячие музыканты тоже исполняют музыкальные фрагменты, ничуть не более гармоничные. Во всем этом есть своя специфика. Но повсюду царит такая грязь, такая бесцеремонность, что все иллюзии, которые еще можно было питать в отношении сартского города, улетучиваются бесследно.

Когда мы все осмотрели, мы повернули в обратную сторону и вернулись домой, изнемогающие от усталости и опаленные жарким солнцем Востока. Если сейчас такая жара, то что же будет в июле.

V. ИЗ ТАШКЕНТА В САМАРКАНД

*Голодная степь — Колебания, вызванные черепахами
- Горы, какое счастье! — Ворота Тамерлана — По поводу
столбов — Мы вновь встречаем даму с острым носом
— Меблированная станция — Зеравшан — Античный мост
— Река с двойным концом*

Когда мы собрались уезжать из Ташкента, 14 апреля, погода стояла отличная, солнце палило нещадно к середине дня. Дорога от Ташкента до Сырдарьи содержится в хорошем состоянии и оставляет приятные впечатления, на ней есть несколько мостов, — факт исключительный на дорогах Туркестана. Слева и справа тянутся сартские домишки, одинаковые и монотонные; раздетые до пояса загорелые мужчины обрабатывают землю, напевая странную для европейского уха мелодию, слова которой всегда одни и те же: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомед его пророк».

Возле речушек и арыков плещутся или играют загорелые дети с большими удивленными глазами. Одежда их не стесняет : большинство совершенно голые, как червяки, некоторые, наиболее стыдливые, в открытых рубашках, которые можно легко скинуть. По дороге нам попадаются многочисленные всадники, часто с женами и детьми, это киргизские семьи в поисках лучших пастбищ, бухарские евреи, цыгане, нищие дервиши на ишаках, множество телег, груженных всевозможными товарами.

Во второй половине дня мы проезжаем через старый город Джиназ, славящийся своими скорпионами и тарантулами; в двух с половиной километрах от Сырдарьи русские построили новый город с фортом, защищающим долину.

Мы во второй раз видим Сырдарью, но на этот раз это уже не инертная ледяная масса, а красивая большая река, величественно несущая свои желтоватые воды. Два парома стоят у берегов: один железный, другой деревянный; мы садимся на первый вместе с другими пассажирами, повозками, лошадьми, верблюдами. Я замечаю даже маленького ослика, которому это путешествие доставляет мало удовольствия. Переправившись на другой берег, мы минуем маленькое заболоченное озеро (Бугачикуль) и выезжаем в степь, эту известную пустыню, которую русские называют «Голодной степью». На первый взгляд, ничто не оправдывает это мрачное название, степь напоминает разноцветный ковер из множества цветов. Иногда преобладает красноватый оттенок, иногда — сиреневый или золотистый, в зависимости от того, какого вида цветов больше — тюльпанов или иных полевых растений. Восхитительная картина. Мы с радостью рассматриваем этот непривычный для нас пейзаж. Никогда еще степь не представала перед нами в таком соблазнительном виде, до сих пор она расстилалась перед нами бескрайним грустным снежным покрывалом. А сейчас она надела свой праздничный наряд и утопала в многоцветье красок до самого горизонта, от которых невозможно было оторвать взгляд.

К вечеру мы прибыли на станцию Малекская, которая имеет и второе название — Первый колодец. Это солидное сооружение с башнями по флангам, вполне способное вынести вражеский натиск. Там расквартирован маленький русский гарнизон. Комнаты чистые, постели покрыты навошенной тканью.

На следующий день в шесть часов утра мы вновь трогаемся в путь. Степь по-прежнему прекрасна, но она сменила

наряд на более строгий. Появляется растение, очень похожее на наш анис, с густой листвой и гроздьями больших желтых цветов.

Внезапно происходит какая-то перемена, степь колыхается, как море, по травам пробегают волны, при этом ни малейшего ветерка. Ставлю один против тысячи — не угадаете причину. Это мириады черепах, которые прогуливаются во всех направлениях и радуются возможности погреть под солнцем свой панцирь.

В небе царят орлы, иногда они так низко планируют над нами, что мы слышим, как они хлопают крыльями. Эти крупные корсары разнообразных цветов — серого, коричневого, рыжеватого, иногда с белыми вкраплениями — специально пикируют с небесной высоты, чтобы разжиться черепахой на обед.

Дальше степь уже выжжена солнцем, становится значительно жарче, густая пыль портит дорожные впечатления. Мы следуем вдоль небольших прудов, по берегам которых торжественно прогуливаются громадные журавли. Нам встречаются также дикие оранжевые гуси, одна из разновидностей бекасов и хорошенькие трясогузки, похожие на тех, что разгуливают по улицам Ташкента, как это делают у нас голуби. На станции мы впервые замечаем постоянный двор, единственный оазис, да и тот искусственный, в этих местах с весьма унылой природой, которая расцветает утром и вянет уже к вечеру.

Станция находится около колодца, который в целях защиты от солнца окружен очень широкой и высокой кирпичной кладкой, напоминающей суживающийся кверху сырный колпак. Там путешественники могут напоить своих лошадей, хотя вода солоновата. Еыли же они хотят напиться сами, то должны сначала прокипятить воду. Именно за этим занятием мы и застали почтенных мусульман, которые, не проявляя никакого нетерпения, лежали на земле в ожидании того момента, когда вода станет готовой к употреблению.

К четырем часам мы проехали через маленький город Джизак, пересекли реку Санзар, которая приходит сюда из Зеравшанского округа. Наконец, мы оказались в горах. Пейзаж резко изменился и стал очень живописным; мы вздохнули с облегчением, оставив позади раскаленную степь и получив возможность глотнуть свежего горного воздуха. Перед нами горный поток. Его русло настолько извилисто, что мы пересекаем его, по крайней мере, восемь

или десять раз, прежде чем добираемся до ворот Тамерлана — того места, где прошел великий завоеватель.

Ворота Тамерлана! Сколько воспоминаний вызывает этот проход, через который двигался самый опустошительный из всех известных в истории людской вал! Сколько крови пролито на этих мирных холмах и в долинах такими неторопливыми всадниками, передвигавшимися неспешным и правильным аллюром!

Не будем углубляться в историю и вспомним, что эти благословенные края были вновь залиты кровью сражающихся. То же самое солнце осветило западное войско, пришедшее взять реванш у этих неспешных восточных всадников, еще раз превратившихся в яростных бойцов. Они оказались менее удачливыми, чем их предки, и были вынуждены отступить перед более совершенным оружием, которым располагала наша цивилизация.

Внезапно долина сузилась и перед нами с обеих сторон дороги выросли две огромные скалы, разделенные достаточно большим пространством. С левой стороны маленькая речушка оmyвает камни этих врат. Справа мы замечаем квадратный камень, испещренный надписями. Он кажется вставленным в эту огромную скалу. Мой муж спешил, чтобы рассмотреть буквы на камне. Никому еще не удалось понять написанное, хотя многие ученые уже предлагали свои трактовки. В то время как г-н де Ужфальви пытается раскрыть загадку азиатского сфинкса, я наслаждаюсь видом ворот, которые, кажется, специально распахнула сама природа. Имеющие большую высоту, чем ширину, они кажутся озабоченными перспективой, поскольку их бесформенные каменные громады находятся в гармонии с горами; складывается впечатление, что природа захотела приготовить Тамерлану вход, достойный его славы великого завоевателя.

Красавцы орлы свили гнездо на недостижимой высоте и гордо парят над нашими головами.

Изучив надписи, г-н Ужфальви выпряг одну лошадь из тарантаса, оседлал ее, пересек речушку с левой стороны, спешил и вошел в грот, расположенный при входе в гигантской скале. Вскоре он вышел оттуда, разочарованный: эта пещера не была глубокой и не имела другого выхода.

Ворота Тамерлана приковывают наше внимание на протяжении какого-то времени, и мы не без усилия отрываемся от их созерцания, чтобы продолжить наш путь.

На склонах и на дороге нам по-прежнему попадается множество черепак и бесконечное число ласок, этих «дамочек с острым носом», таких хорошеньких и бесстыдно непосредственных в своих желтых и черных нарядах.

Мы провели ночь на станции Сарайшик, расположенной в живописной долине, с правой стороны ограниченной горами Вудина, с левой – горной грядой Зеравшан, сзади – снежными вершинами Музабеля. Великолепное зрелище!

В пять часов утра мы уже были на ногах и, выпив чаю, двинулись в путь с первыми лучами солнца. Стояла самая благоприятная погода для путешествия. Солнце затянуто дымкой и до нас сквозь облака доходит его мягкое необжигающее тепло. Долина широкая, повсюду пасутся стада, животные упитанные и красивые. Но до самого горизонта ни одного дерева! А я так люблю деревья. Одному Богу известно, как я хотела их видеть в бескрайних степях от Орска до Терекли! Зато мне дано созерцать деревянные столбы, выкрашенные в государственные цвета России, установленные на специальные каменные постаменты весьма оригинальной конструкции, точно указывающие каждую версту.

Я вспоминаю добрым словом генерала Абрамова, бывшего губернатора Самарканда. Это чиновник в целом сделал немало для своей губернии. Теперь он назначен губернатором Коканда и, я уверена, что и там он будет таким же хорошим администратором, как на прежнем месте.

Когда мы достигли плато, мы почти внезапно оказались перед достаточно крупным фортом, расположенным у моста, первого каменного моста, увиденного нами в Центральной Азии. Он дал название станции (Каменный мост, или Тачкуприк).

При въезде местность полностью меняется. Перед нами красивые сады, деревья, небольшие поселения (кишлаки), убогий вид которых контрастирует с природным пейзажем, делающим все живописнее. Мы переправляемся через довольно большие речки, которых здесь немало. Создается впечатление, что система ирригации здесь хорошо налажена. Мы видим поля, засеянные рисом и ячменем, вспаханные земли, и все это в окружении великолепных деревьев, которые здесь называют карагачами, это одна из разновидностей вяза с очень прочной древесиной, можно сказать, что это туркестанский дуб. Вдали, в просветах между деревьями, видны хребты Тянь-Шаня, чьи снежные вершины время от времени серебрят слабые лучи солнца. Оно все за-

метнее. Иногда оно скрывается, а затем появляется вновь за горными вершинами, все более высокими и заснеженными. Наконец, мы прибываем на последнюю перед Самаркандом станцию, опьяненные живописностью пейзажей. Дорога очень хорошая, местами вполне сопоставимая с шоссе; она мне напоминает наши старые французские дороги. Когда вспоминаешь, что весь этот район был сплошной заболоченной местностью и был осушен за пять лет, не можешь не признать, что русские проделали огромный объем работы; все, что вокруг, результат их труда, кроме громадных и очень красивых деревьев, которые они сумели сохранить и посадить новые.

Станция Джимбай, несомненно, самая лучшая. Она находится на небольшой возвышенности, симпатичная лестница ведет в вестибюль, у каждого путешественника своя отдельная комната, что является неоспоримым преимуществом, и комнаты обставлены мебелью.

Мы едем по прекрасной дороге, и Зеравшан возникает перед нами одновременно с античным мостом (Гамане-Мелик), еще крепкие своды которого свидетельствуют о гениальности неизвестного архитектора. Остатки сооружения гордо поднимаются на противоположной стороне горы, у подножья которой Зеравшан несет свои воды, как выясняется, совсем неглубокие. Эта река берет свое начало у одноименного ледника. В своем верхнем течении она берет курс на запад. Начиная от Пянджакента, в шестидесяти верстах от Самарканда, она достигает наибольшего полноводья и ее воды хватает для ирригации всей долины до самой Бухары. Именно с помощью этой реки генерал Кауфман удерживает в подчинении бухарцев, ведь достаточно повернуть ее русло, чтобы обречь жителей на неурожай и голод. Без преувеличения можно сказать, что эта река — армия, к присутствию которой жители Бухары взывают и исчезновения которой боятся. Окружающие ее горы известны под именем Туркестанского хребта, а также как Зеравшанские и Гиссарские горы.

В принципе, притоки этой реки не увеличивают ее полноводья, все они уходят на полив полей, огородов и, в особенности, садов. Человек испытывает большую потребность в воде в этом регионе, где осадки часто не выпадают по девять месяцев в году. К тому же наличие реки играет роль в формировании поселений. Река или ручей, протекая через населенный пункт, обретают то же самое название или, наоборот, дают свое имя близлежащей де-

ревне. Одно только таяние снегов увеличивает объем воды в реках. Можно сказать, что это настоящие горные потоки, поскольку Зеравшан, например, течет с невероятной скоростью и оглушительным ревом среди высоких гор, срывающихся в пропасть.

Зеравшан (Согд — в средние века) переводится с персидского как «Сеятель золота». Такое название вполне оправдано, так как река несет в великолепную долину жизнь и плодородие.

Вскоре мы поднимаемся на холм, оставив слева взвышенности Чупан-Ата («Хозяин пастухов»), и уже отсюда по растущему числу домов и садов ощущаем приближение Самарканда, изумительного, священного города, во имя сохранения которого бухарский хан отдал свою столицу. Этот город — цель нашего путешествия, и уже надалек момент, когда мы сможем полюбоваться его былым величием.

Мне кажется, что наша повозка движется слишком медленно. Стремительно спускаясь, мы чуть не задавили мусульманина, его флегматичность чуть не подвела его, но Магомет его спас. У римлян встретить или раздавить мышь или крысу считалось плохим предзнаменованием. Страшно представить, что могло бы произойти — и поделом — если бы мы задавили мусульманина.

VI.

Въезд в Самарканд — Крепость — Размещение — Мечеть Гур-Эмира, могила Тамерлана

Мы еще не пришли в себя от спуска, как наш экипаж уже въехал в Самарканд. Мы пересекли первую встретившуюся нам площадь с такой скоростью, что я едва успела заметить развалины дивной мечети.

Мы галопом подлетели к воротам цитадели. Эта крепость известна тем, что несколько русских из последних сил держали здесь оборону и были освобождены благодаря подоспевшему подкреплению, посланному генералом Кауфманом. Она была наполовину разрушена, но ее восстановили от основания до макушки по сохранившемуся образцу.

Все это удалось увидеть на бегу, поскольку наш ямщик был страшно горд представившейся возможностью показать свои таланты кучера и мчал нас тройным галопом. Он

подвез нас к дому, который генерал Иванов, новый губернатор Самарканда, любезно предоставил в наше распоряжение.

Наше временное пристанище было обставлено скромно, но казалось дворцом для бедных путешественников, привыкших на протяжении длительного времени довольствоваться малым.

Мой муж сразу отправился с визитом к губернатору, но он, к сожалению, отсутствовал, затем к барону А..., который принял его очень любезно и пригласил к себе на вечер.

Баронесса А..., совсем молодая женщина, вступившая в брак менее двух лет назад. У нее грудной ребенок. Будучи уроженкой Швеции, она, как и большинство ее соотечественниц, высокая и светлая. Она и ее муж принимали нас, как близких родственников, и, не слушая наших возражений, настояли, чтобы мы ежедневно обедали и ужинали у них. Мы согласились, и должна заметить, что поступить как-либо иначе было бы для нас весьма затруднительно. Ведь о гостиницах не приходится и думать, их просто нет ни одной, даже самой захудалой. Караван-сарай подходит только местным путешественникам.

Этот караван-сарай представляет собой большой двор, где складывают все товары, предназначенные для продажи. Двор окружен крытыми галереями, в которых размещаются для отдыха путешественники. Им достаточно иметь легкое одеяло, чтобы чувствовать себя вполне комфортно. А мы и через месяц вряд ли привыкли бы.

На следующий день губернатор Иванов пригласил нас на ужин. Его дом в Самарканде был действительно очень комфортабельным: комнаты были большими и красивыми, и хотя эта резиденция не могла соперничать по уровню комфорта с домом ташкентского генерал-губернатора, она вполне могла составить ему конкуренцию в отношении фасада.

Через день после нашего прибытия в Самарканд и после того, как мой муж нанес визиты всем представителям русской администрации, мы решили осмотреть окрестности, чтобы посетить знаменитые мечети этой религиозной столицы Центральной Азии. Мы наняли повозку на месте.

Тенистые дороги в старом городе, построенные и поддерживаемые русскими в прекрасном состоянии, очень красивы.

Прежде всего мы посетили могилу Тамерлана в мечети Гур-Эмир, расположенной рядом с русским городом. Что-

бы попасть туда, нам пришлось пересечь узкую улочку с довольно уродливыми глинобитными домишками, которые находятся в нелепом контрасте с теми красотами, которые мы затем увидели. Помимо мечетей и ханских дворцов, бесполезно искать в Центральной Азии образцы красивой архитектуры. Конечно, глина или высушенные на солнце кирпичи из земли, смешанной с соломой, — главный строительный материал для жилых домов, не обладают достаточной прочностью для возведения солидных зданий.

Пройдя под сводом, завершающимся минаретом, мы оказались в мечети с замечательным куполом. В центральном зале покоится великий монгольский завоеватель вместе со своими сыновьями и своим святым наставником. Расположенный посередине красивый черный камень — нефрит, покрытый изречениями, установлен над склепом с останками Тимура. Пять могил окружены мраморной галереей. Стены покрыты плитами из яшмы с орнаментом и изречениями. Четыре помпезные ниши, украшенные орнаментом, образуют купол. Пол выложен камнем. Небольшая колонна установлена в направлении Мекки. Строгий интерьер в контрасте с разноцветными красками фасада мечети создает именно то общее впечатление от ансамбля, которое и должно возникнуть. Темная лестница ведет в склеп, где под надгробными камнями находятся сами могилы. Этот склеп с саркофагами из выбеленной известью земли соответствует верхним этажам. Справа от центрального зала находится склеп, в котором похоронены жены и дочери Тамерлана, всего восемь могил разных размеров. С каждой стороны поднимаются две полые колонны, выложенные глазурованными фаянсовыми плитками и заключающие в себе витую лестницу, полностью разрушенную. Орнамент на колоннах такой же, как и на фасаде здания, неподалеку находится дверь, похожая на дверь мавзолея, на которой сделана надпись: «Построено смиренным рабом Магомедом, сыном Махмута из Испагана».

*Медресе — Минареты — Производство бумаги —
 Хвост павлина — Восклицания о Самарканде
 — Продавцы льда — Хейн и йок — Общий вид городов
 Центральной Азии — Две борзых — Тилла — Афганец
 — Прокаженные нищенки — Сарты — Ходжа Ахрар
 — Брат г-на Мирского — Пуллад-хан
 — Могила жен Тамерлана — Крепость — Трон*

Мы вновь садимся в повозку. По широкой оживленной улице, на которой находится множество разнообразных магазинов и лавочек, мы подъезжаем к центральной площади Самарканда — Регистану, самой красивой площади в Центральной Азии. Русские ее вымостили и украсили большими канделябрами. Неподалеку находится стоянка повозок. Это единственная в Центральной Азии площадь правильной формы. На ней находятся здания трех огромных медресе: Тиллакари, Ширдар и Улугбек, два последних стоят друг напротив друга, а первое — слева в центре (4). Это великолепные руины прошлого, особенно третье, несмотря на то, что стены его обветшали и утратили устойчивость. Стены всех трех медресе покрыты глазурованными плитками. В каждом здании имеется обширный внутренний двор, обсаженный по краям красивыми деревьями и окруженный кельями, которые служат классами и жилыми комнатами муллам.

Название Тиллакари означает «золотая работа», и, действительно, золото заметно на глазурованных кирпичках, на которых доминирующим цветом является бирюза. Такой орнамент, должно быть, выглядел великолепно в лучах солнца на фоне бирюзового неба. Вообще бирюза — самый любимый в здешних местах камень, можно даже сказать, что здесь все бирюзовое — камни, небо и даже памятники.

В этом медресе один достаточно молодой мулла показал нам, как пишут его ученики. Их бумага совсем не похожа на нашу. Она бывает трех видов: гладкая, промасленная и клейкая. На гладкой пишут с помощью маленькой остро заточенной деревянной палочки, промасленная используется вместо стекол в окнах, а из клейкой делают конверты. Бумага изготавливается в основном из хлопчатобумажного тряпья, которое скупают за бесценок на базаре. Его не сортируют, однако цветные тряпки используются предпочтительно для изготовления голубой бумаги, которая идет на обертки.

В процессе изготовления используются следующие ин-

струменты : трамбовка, приводимая в движение водяными мельницами, цилиндр с двумя закрепленными зубцами, перед которыми установлены два рычага с опорой на перекладину, ванны, в которых осуществляется промывание в три этапа, сбивалка, рамка и сетка. Три последних инструмента применяются для аппретуры. Основа (линейка) делается из нитей *lasiagrostis splendens*, местное название «ши» («шиа»). Для просушивания бумагу закрепляют вдоль гладко оштукатуренных стен с южной стороны. В жару листы высыхают очень быстро.

Здание медресе Тилла-Кари было построено в 1020г. (1618), в нем пятьдесят шесть комнат, в которых живут сто двенадцать мулл. В левом крыле находится мечеть с высоким куполом и мраморной лестницей для имама.

Эти медресе обладают неотчуждаемой собственностью, вакуф, полученной от Ялантоша и расположенной к юго-западу от города Катта-Курган. Два медресе, Тиллакари и Ширдар, имеют двадцать пять лотов земли (одиннадцать тысяч танапов) (5), восемь магазинов и годовой доход в тридцать восемь тысяч тенга (30 400 франков). Верхняя часть дверей медресе Ширдар украшена изображением двух львов или, скорее, двух тигров (глазурованные плитки), которые и дали название медресе. Ширдар означает «два льва», но было бы точнее написать «два тигра», так как лев не особенно известен в Центральной Азии, и в местном языке существует лишь одно слово для обозначения обоих видов животных. Фасад богато украшен мозаикой из разноцветных фаянсовых плиток — зеленых, голубых, белых и красных. Медресе было построено в 1010 г. (1601) Ялантошем-Бахадуром.

Из центра внутреннего двора видны три части здания с достаточно высокими крытыми галереями, между которыми на двух этажах видны кельи мулл. В медресе шестьдесят четыре комнаты, в каждой из которых живут по два муллы.

Третье медресе, носящее имя Улугбека, имеет, как и Ширдар, два минарета поразительной высоты и элегантности, имеющих наклон. Угол наклона настолько значителен, что невозможно пройти вблизи от них, не испытывая чувства страха. Обе башни отделаны глазурью гораздо более высокого качества, чем наши лучшие потрескавшиеся глазури. Медресе Улугбека значительно меньше первых двух и имеет только два этажа; в нем только двадцать четыре комнаты и сорок восемь мулл. Позади находится мечеть,

которая была разрушена, а затем восстановлена. Потолок деревянный с деревянными же тонкой резьбы колоннами.

Во время посещения медресе Улугбека мы вошли в одну из комнат, где старый мулла с белой бородой угостил нас миндалем, фисташками и сартским хлебом. Эти комнаты похожи на подземелья, так как свет проникает туда лишь через дверь. Широкий деревянный топчан, покрытый кошмой (войлоком), служит мулле кроватью. В стенах, в разных местах, сделаны ниши, в которых сложены вперемежку святыне книги и сухофрукты. Мой муж купил там очень оригинальную табакерку, сделанную из чего-то, похожего на высушенную тыкву. Доходы этого медресе гораздо более низкие, чем у первых двух. В его распоряжении лишь один лот (четыреста танапов) земли, два базара, двести одиннадцать магазинчиков, семьдесят один ремесленный инструмент, то есть в целом три тысячи девятьсот пятьдесят тенга (3 160 франков) годового дохода.

Оба медресе были построены в глубокой древности, но великолепная глазурь, которой мы восхищаемся, посещая развалины, дошла до нас из гораздо более поздней эпохи. Улугбек был внуком Тамерлана и имел славу великого астронома. Каким же красавцем представал Самарканд взгляду этого ученого принца, когда он смотрел на этот струящийся глазурью город с высоты стройных, устремленных ввысь минаретов!

Увидев эти глазурованные кирпичи и многочисленные фотографии, привезенные г-ном Ужфальви из Самарканда, известный скульптор г-н Эмиль Солди восстановил, основываясь на своем артистическом воображении, величие и красоту Самарканда времен Тимура.

«Разве вы не видите нечто, напоминающее мираж, этот огромный город, чьи сооружения с низкими и массивными террасами выдвигают вперед ансамбль гигантских зданий со сверкающими, подобно бриллиантам, стенами, устремленными ввысь, к сияющим небесам, с дерзновенностью готических соборов, сочетая гордость и неприступность главной башни замка. Их массивность становится еще более притягательной, когда видишь, что их венчают маленьке грациозные купола и окружают легкие сверкающие минареты.

Это Самарканд, великолепный, священный, богатый, столица Тамерлана» (6).

Мы, кто видит лишь слабый отблеск былого великолепия, испытываем вновь те же чувства, которые испытал Марко Поло при виде этого несравненного города.

Сколько воспоминаний пробуждают в нас эти руины! Именно здесь великий македонец осквернил свою славу, убив собственной рукой одного из ближайших своих друзей во время преступного разгула. Это здесь Чингисхан собрал в единый кулак свои потрясающие войска, чтобы подчинить Восток и Запад своему военному гению. Через этот город прошел Марко Поло, один из самых известных исследователей эпохи Средневековья, чтобы придти ко двору умнейшего Хубилая. И наконец, именно Самарканд избрал своей резиденцией великий хромой, которого история называет Тимуром. И именно в этом городе он устроил массовую резню, наслаждаясь ароматными фруктами долины Зеравшана.

Правитель - деспот, и завоеватель - зверь,
Вокруг него одни мерзавцы, чернь,
Холуи, дан язык которым лишь для того,
Чтобы лизать сапог монарший.
Облитый лестью за неискупимый грех,
Восславленный поверженными в прах
И возносимый теми, кто растоптан,
Он жил, купаясь в лести и гордыне,
Жестоким играм и забавам предаваясь,
Не избавлявшим от тоски и скуки,
Владевшей обожаемым злодеем.

Сколько перемен произошло со времен создания необъятной колонии, со времен возникновения универсальной империи монгольского завоевателя до наших дней всеобщей скуки и упадка! Все эти восхитительные памятники постепенно разрушаются, а скептический и апатичный мусульманин и пальцем не пошевелит, чтобы попытаться остановить разрушительную силу времени, которую он называет фатальной. Как и раньше, он целыми днями сидит на корточках у порога своего жалкого жилища, курит и греется на солнце, созерцая в тишине ежеминутно происходящие перемены. Эти самые люди, которые мирно беседуют и обмениваются всякой всячиной с русскими солдатами, готовы перерезать им горло при первой же возможности, потому что мы все для них лишь иностранцы, неверные, которых можно в любой момент швырнуть на съедение собакам. Несмотря на их явную услужливость, они нас презирают и смотрят на нас с высоты своего неподражаемого безразличия.

Когда мы вышли со двора медресе Улугбека, мы уви-

дели, что посреди площади несколько сотен мусульман весьма оживленного вида сидят вокруг одного человека, рассказывающего им легенды. Они слушали внимательно и выражали свое одобрение кивками головы. Уличные торговцы делали мороженое из льда и меда, и за три четверти копейки можно было освежиться (в Самарканде, как и в Ташкенте, льда много, и он не дорог; на десять копеек или тридцать пять сантимов можно купить килограмм льда, соседние горные вершины являются надежными поставщиками). Другие, прислонившись к стене, доверили свои головы брадобреям; для правоверного мусульманина обрить голову — очень важная процедура, существует заповедь, и никогда местный житель не осмелится ее нарушить, отрастив волосы. Татары, позволяющие себе такую вольность, уже наполовину обрусели; возможно, именно в связи с этим обычаем магометане всегда носят маленькую шапочку, которую называют тюбетейкой. Г-н Ужфальви взял у торговца несколько монет достоинством в три четверти копейки, а ему дал взамен пятнадцать копеек; торговец, не смотря на обычную флегму, не смог скрыть удивления. Мой муж спрашивает у всех прохожих, кто они — узбеки, таджики или киргизы, если его предположение оказывается верным, прохожий отвечает *heip* (да), а если нет, то *yok* (нет).

После того, как мы осмотрели все площади, все памятники, изучили эту пеструю толпу в разноцветных халатах, тюрбанах и тюбетейках, колыхавшихся под солнцем, всю эту странную и живописную картину, навсегда запечатлевшуюся в нашей памяти, мы повернули к дому, рассуждая о том, каким был Самарканд в те времена, когда все эти памятники были во всем своем блеске и величии. Несомненно, город мог претендовать на титул короля азиатских городов. При этом не следует проводить параллели с европейскими городами, у него с ними нет ничего общего. Как правило, восточные города выглядят большими деревнями, расположившимися вокруг центра, где сооружена крепость, окруженная широким кольцом садов. Все такие города похожи между собой по форме, отличаясь лишь размерами. Центром города всегда является крепость, находящаяся обычно на искусственном возвышении и окруженная рвом и достаточно высокой зубчатой стеной из гончарной глины. Интерьер крепости (кухундуз) составляют сооружения и укрытия, в которых жили раньше бек, солдаты и многочисленные жители. Вокруг крепости с трех сторон располагаются предместья с многочисленными въездными воротами. Улочки узкие, извилистые

и проходят меж двух параллельных линий стен, поскольку все окна домов выходят во внутренние дворы. Почти нет садов, даже отдельные деревья встречаются нечасто. И только в крупных городах вокруг базара есть улицы, образованные домами, а не заграждениями. В таких местах цена на земельные участки очень высока, что не дает возможности строить большие внутренние дворы.

Современная мечеть представляет собой, как правило, крытую галерею с высокими деревянными колоннами и ярко расписанным потолком. Рядом с галереей имеется обычно еще одна мечеть для больших праздников и проведения служб в зимнее время. Оживленными бывают лишь улицы, прилежащие к базару. Лишь там ощущается жизнь и дыхание города, все остальная часть выглядит вымершей, поскольку жители проводят весь день у себя дома. Медресе всегда находятся неподалеку от базара. Все они квадратной формы и имеют внутренний двор. Частные владения окружены глиняным забором и включают в себя несколько дворов и построек. В наиболее крупных имеется квадратный бассейн, вокруг которого растут большие деревья. Пояс садов, обрамляющий собственно город, в десять раз больше самого города. Улицы, расположенные между садами, более широкие. Домов практически не видно, только глиняные стены вокруг садов.

Убогий вид азиатский городов должен был еще более подчеркивать красоту и элегантность мечетей Самарканда.

В тот день мой муж выбрал из дюжины принесенных ему щенков двух, самых хорошеньких, я таких еще никогда в жизни не видела. Это редко встречающаяся порода даже в Самарканде. Короткошерстные борзые (*тази*) среднего роста. У них большие уши, шерсть на хвосте и лапах очень длинная. Самец имел сероватый окрас, очень редко встречающийся, а самка была цвета кофе с молоком. Оба совсем молодые. Их предложили моему мужу за семьдесят золотых тилла, что примерно равно двумстам восьмидесяти рублям, а продали за четверть цены (7). Эта разница в начальной и конечной цене красноречиво показывает, как важно умело вести торг. Известно, что азиатский торговец отличается жадностью и алчностью, к этим его свойствам следует добавить, причем и вне коммерции, такие, как трусость, малодушие, жестокость и лицемерие, присущие всем городским жителям, отличающимся при этом и ярко выраженной угодливостью.

Тилла — это сартская золотая монета, равная четырем рублям. Она красива и хорошо отчеканена. Сделка состо-

ялась при помощи одного афганца, состоящего на службе у генерала Абрамова. Это великолепный типаж, делающий честь этой расе: большие карие глаза, сильные и энергичные черты лица. Густая черная борода придает ему суровый и неприступный вид. Прибавьте к этому пояс с несколькими кинжалами. Поскольку он не брал денег, мой муж вручил ему в качестве презента или чаевых (*силао*) кошелек из русской кожи, сделанный в Англии; он был в восторге. Слово «*силао*» всегда производит хорошее впечатление, оно звучит повсюду, все требуют какой-нибудь презент за малейшую услугу.

По дороге, ведущей к крепости, русские построили очень красивое здание школы. Так как я во второй раз увидела женщин с детьми на руках, которые просили милостыню, я спросила у моего очаровательно провожатого, русского офицера, князя М. ...: Нет ли у них какой либо профессии. Он ответил: — Нет, это больные». — Больные? Но у них здоровый вид. — И тем не менее они больны, так как страдают проказой, и не могут приближаться к другим жителям города, поэтому они живут милостыней. У этих женщин специальный головной убор, по которому их легко отличить от всех остальных. У них на голове белая косынка, закрывающая лоб и ниспадающая широким концом сзади. Они живут в маленькой деревне в отдалении от города, вступают в браки с такими же больными, имеют детей и образуют таким образом специальные колонии прокаженных. Возможно, было бы актом милосердия запретить эти жуткие брачные союзы, которые увековечивают болезнь, перед которой медицина бессильна. Вид таких больных вызывает мороз по коже. Я знала о прокаженных из Евангелия и из трогательного произведения Ксавье де Мэстра. Мне показалось, что я перенеслась в средневековье. Глядя широко раскрытыми глазами на эти отбросы человечества, я задавалась вопросом, не может ли их заразная болезнь передаваться жителям Самарканда через ирригационные каналы, в которых все мусульмане совершают свои омовения и которые орошают сады во всех домах и наполняют общественные бассейны. Страшно подумать, что можно выпить воду, в которой мылся прокаженный!

В этот момент я заметила, как в одном из арыков, текущих по обеим сторонам широкой улицы, ведущей к городским воротам, плещется стайка беззаботных ребятишек. У городских ворот арык переходит в широкий и большой ров, а вдалеке видны сартские дома.

Часто случается, что неимущие сарты нанимаются при-

службой в русские дома, но они нечистоплотны и ленивы, однако, невзирая на эти недостатки, их, в том числе и татаров, предпочитают русской прислуге благодаря их абсолютной трезвости. Платят им мало, и все равно это всегда больше, чем сделанная ими работа. Сарты чаще всего едят свою пищу, так как им претит христианская еда. Наш сарт, например, принимал от меня только черный кофе и отказывался от любой другой еды. В один из последующих дней мы в сопровождении князя М... отправились на могилу ходжи Ахрара в медресе, расположенное в семи километрах от города.

Мы выехали за пределы Самарканда, миновав могилу Тимура и проехав через квартал, окруженный высокой зубчатой глиняной стеной. К ходже Ахрару ведет очень красивая дорога вдоль великолепных широких улиц. Перед главным входом в медресе находится довольно большая площадь. С левой стороны — вход в очаровательный парк, в котором растут вековые чинары, обрамляя небольшой пруд. В глубине, слева, посреди ржаного поля находится могила святого Ахрара. Мы удивились, увидев поле ржи в медресе. Под могильными камнями покоится прах самого ходжи и членов его семьи. Самый большой камень установлен над могилой святого. Священнослужители утверждают, что им удастся поддерживать у могилы вечный огонь, но в тот момент, когда мы там были, огонь не горел. Позади этой монументальной могилы находится обширное кладбище, где похоронены все те, кто относят себя к почитателям святого Ахрара. Затем мы вернулись и прошли вдоль большого здания с крытыми галереями, где молятся верующие, прохаживаются муллы и следуют за нами дети в надежде получить от нас несколько копеек. В низкой комнате, которую легко можно назвать норой, человек двадцать детей учатся читать. Они сидят на земле вдоль стены и повторяют вслух отрывки из Корана, которые им зачитывает мальчик постарше. Здание облицовано великолепным глазурованным кирпичом. Мне бросается в глаза один кирпич совершенно особенного темно-зеленого цвета. Мы входим через низкую дверь во двор старинного здания медресе; этот двор похож на дворы медресе Тиллакари и Ширдар. Именно памятники в Самарканде отличаются особой фигурной кладкой глазурованных кирпичей вдоль стен и орнаментом. Особенно красива цветочная мозаика, я больше нигде не встречала ничего подобного. Голубой, оранжевый и ярко-зеленый цвета гармонично сочетаются с нежно-розовыми лепестками распустившихся цветов; я еще

нигде не встречала такого разнообразия форм в сочетании с таким богатством красок. Таджикский мальчик отколол для нас симпатичный образец, который украсил, к большой радости моего мужа, его коллекцию керамики.

Когда мы двинулись обратно, наш гид г-н Мирский рассказал нам историю о своем несчастном брате, которого кокандцы взяли в плен и убили во время последней русской кампании. Два офицера и двенадцать казаков столкнулись на равнине с отрядом из пятисот или шестисот кокандцев. Русские успели соорудить укрепление и вести из него оборонительный бой в течение четырех дней. Кокандцы, возглавляемые знаменитым узурпатором Пулад-ханом, подтащили пушку и обстреляли из нее горстку русских. Десять человек были убиты на месте. Оставшиеся в живых, среди которых были офицер Мирский и еще двое солдат, попали в руки этих одержимых. Они погибли самой страшной смертью — были заживо разорваны на части. Именно таким способом подлые и кровожадные местные вояки признают отвагу врага. Подлость и жестокость всегда идут рядом и свидетельствуют о вырождении народа. Абдурахман-Афтобачи, глава кара-киргизов, причинил русским отрядам столько вреда, сколько мог, на протяжении всего периода военных столкновений, но он выдавал несчастным пленным хлеб и чай. Этот акт великодушия обернулся для него смещением и гонениями со стороны жестокого кокандского военачальника. Киргизы, как и горцы Шахризаба, всегда вели себя как смелые и честные воины, а не как дикие звери. Генерал Скобелев отомстил за все эти преступления, когда взял в плен Пулад-хана. Приговоренный к казни через повешение, этот ничтожный хан требовал отменить приговор на том основании, что никто не может посметь применить к нему, знатному хану, такое наказание. Скобелев ответил: «Между таким ханом, как ты, и последним негодяем нет никакой разницы». И, невзирая на свое высокомерие, хан был немедленно вздернут на площади Маргелана в присутствии довольно большой толпы, с любопытством ожидавшей момента, когда хан покажет им язык.

Мы посетили могилу жен Тамерлана на площади Биби-ханум в двух шагах от мечети. По расположению она очень напоминает могилу Наполеона I в парижском Доме инвалидов, но это совершенно случайное сходство, купол обвалился и продавил свод мазара. Русские взяли на себя труд расчистить завал. Цветная мозаика на стенах — зеленого, голубого, белого цвета — просто замечательная.

Оттуда мы вернулись в крепость, чтобы осмотреть дворец эмира, переоборудованный в настоящее время под госпиталь. Посреди большого двора стоит Коктач, трон эмира, из сероватого мрамора, покрытый орнаментом. Эмир восседал на нем, наезжая в Самарканд, чтобы вершить дела. И какие дела! Те, кто навлекал на себя монарший гнев, подвергались самым жестоким и необычным пыткам, какие только можно себе представить. По приказанию эмира в земле были вырыты большие ямы в форме груши, туда сажали провинившихся. Довольно часто они проводили там многие месяцы. Ямы засыпали землей, чтобы сковать движения несчастных. Им бросали что-нибудь из еды — ровно столько, чтобы они не умерли с голоду. От этих ям, где скапливались нечистоты и множились паразиты, исходило зловоние, они были очагами эпидемий, что не вызывало ни малейшей озабоченности со стороны апатичных мусульман. Нам повстречался в Ташкенте блестящий русский полковник, владетельный князь Шахрисяба, который провел два месяца в одной из таких азиатских тюрем.

Возле этого каменного трона, не голубого, как писал известный путешественник Вамбери, а серого, мы замечаем отверстие, куда просители опускают денежные подношения.

Двор окружают крытые галереи. Многочисленные залы и комнаты выполнены в хорошем архитектурном стиле. Это, как обычно, сводчатые потолки с консолями и углублениями по углам, что очень напоминает готическую архитектуру.

Выходя из крепости, мы замечаем слева могилу русских, погибших во время знаменитой обороны Самарканда от противника, в двадцать раз превосходившего численностью защитников.

П р и м е ч а н и е

(1) См. тома III, VI, XI, XII и XV.

(2) К моменту нашего отъезда эта железная дорога действовала лишь несколько дней.

(3) Сейчас, когда эти страницы находятся в печати, мы получили две фотографии мечети Хазрет, мы опубликуем гравюры с них в одном из ближайших номеров журнала.

(4) Известно, что медресе — это школа, в которой дети получают полноценное образование, каким оно видится

мусульманам, с преподаванием таких предметов, как изучение Корана, религиозные институты и так далее.

(5) Один танап равен восьми тысячам ста квадратным аршинам, а аршин равен семидесяти одному сантиметру.

(6) *L'Art au musée ethnographique* (Искусство в этнографическом музее): Персидское искусство, глава 2 - *L'Art*, иллюстрированный еженедельник, № 193, от 8 сентября 1878г.

(7) Эти две собаки находятся в настоящее время в Ботаническом саду Булонского леса.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....	5
Ж. де Гинь. ОБЩАЯ ИСТОРИЯ ГУННОВ, ТЮРКОВ, МОНГОЛОВ И ДРУГИХ ЗАПАДНЫХ ТАРТАР.....	15
Предисловие.....	16
Моголы Джагатая.....	27
Западные тартары.....	49
Другие малые ханства Тартарии.....	64
Туранские моголы.....	65
Ханы Хорезма.....	80
Казачи Жайыка.....	135
Г.-Ю.Клапрот О КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	137
Ш.-Е Ужфальви де Мезё-Ковёзд. СЫРДАРЬЯ – ЗЕРАВШАН. СТРАНА СЕМИ РЕК И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ.....	153
Предисловие.....	154
Сырдарьинская губерния.....	164
Семиреченская губерния и Западная Сибирь.....	207
Мари де Ужфальви-Бурдон. ИЗ ОРЕНБУРГА В САМАРКАНД. ФЕРГАНА, КУЛЬДЖА И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ.....	233
I. Оренбург.....	234
III. От Казалинска до Туркестана.....	241
IV. От Туркестана до Ташкента.....	246
V. Из Ташкента в Самарканд.....	251
VI.....	257
VII.....	259

Научно-популярное издание

Серия:

**«ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА
В ЗАПАДНЫХ ИСТОЧНИКАХ XII-XX вв.»**. В X томах.

Том VII.

ФРАНЦУЗСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ В КАЗАХСТАНЕ

(на русском языке)

Директор издательства С. Абдирайымулы

Руководитель издательского процесса К. Бунетаева

Научный редактор: К. Нурпеис

Редактор А. Шайбаков

*Художник **Б. Иманалиев***

Технический редактор Ф. Овчинникова

Набор и верстка А. Калиевой

Дизайн Издательство “Баур”

ИБ №4

Подписано в печать 13.12.06. Формат 84x108 1/32

Гарнитура “ММ Times”.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.п.л 14,3.

Уч.изд.л 17,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 3733

Цена договорная.

ТОО Издательство “Санат”

Министерства культуры и информации РК.

050012, г. Алматы, ул. Байтурсынулы, 65 “а”.

Сверстано в компьютерном центре

ТОО Издательство “Санат”.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика в

Полиграфкомбинате ТОО «Корпорация Атамұра»

Республики Казахстан, 050002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41.

ISBN 9965-664-43-9

9 789965 664434